

УДК 81. 38  
ББК 29. 0

## СВОЕОБРАЗИЕ ПОВТОРОВ В СКАЗКЕ Р. КИПЛИНГА «HOW THE WHALE GOT HIS THROAT»

*И. В. Басюк*

*Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко,  
Рыбница, Приднестровская Молдавская Республика*

Статья посвящена вопросу использования повтора как фигуры речи в художественном произведении. В частности, рассмотрены особенности использования повторов в сказке Р. Киплинга «How the Whale Got His Throat»: выявлены основные виды повторов, проанализированы и описаны выполняемые ими функции, делается акцент на использовании повторов как одной из индивидуально-авторских особенностей творчества писателя.

**Ключевые слова:** сказка, фигура речи, звуковые повторы, лексические повторы, синтаксические повторы, функции повторов.

Повтор, являясь продуктивным способом организации словесного материала, носит универсальный характер и широко используется в текстах различной стилистической и функциональной направленности. Как одна из ярких фигур речи повтор играет особую роль в литературных художественных произведениях как поэтического, так и прозаического характера.

Подходы к изучению сущности и функций повтора меняли свой вектор в ходе истории. Так, в начале XX в. повтор рассматривался главным образом с литературоведческих позиций, поэтому основной акцент в филологических исследованиях этого периода делался на сущности повтора как экспрессивного средства украшения речи.

С позиций лингвистики повтор начинает изучаться в 1950—70-х гг. Лингвистические исследования этого периода характеризуются рассмотрением не только орнаментальной функции повтора, но и изучением повтора с точки зрения его роли в организации текста в целом. Тексто- и стилиеобразующий потенциал повторов рассматривается в работах Ю. М. Лотмана (1970), И. Р. Гальперина (1976), В. М. Жирмунского (1977), В. Г. Гака (1979), В. П. Москвина (1993), Н. Д. Арутюновой (1999) и др.

Отдельный интерес представляет изучение роли повторов в фоно-ритмической организации текста, поскольку данный вопрос достаточно хорошо изучен в отношении поэзии и недостаточно глубоко исследован в отношении художественной прозы.

Раскрывая сущность повтора, И. В. Арнольд предлагает следующее его определение: «Повтором (или репризой) называется фигура речи, которая состоит в повторении звуков, слов, мор-

фем, синонимов или синтаксических конструкций в условиях достаточной тесноты ряда, то есть достаточно близко друг от друга, чтобы их можно было заметить» [1. С. 90].

Несмотря на многообразие форм выражения данной фигуры речи, в лингвистике принято выделять четыре основных типа повторов: звуковые, лексические, синтаксические и лексико-синтаксические.

Каждый из вышеупомянутых типов повтора имеет свой набор способов выражения и включает в себя ряд подвидов. Так, к основным видам звуковых повторов можно отнести аллитерацию, ассонанс и рифму [2; 3]. Лексические повторы подразделяются на контактные и дистантные [1. С. 98]. Синтаксические повторы включают в себя параллельные конструкции, основанные на повторе однородных членов предложения, повторе целых предложений или придаточных частей, повторе целых абзацев. К лексико-синтаксическим повторам относятся анафора, эпифора, рамочный повтор, анадиплосис, многосоюзие [4; 5].

Широкое применение авторами данного приема объясняется такими его характеристиками, как экспрессивность, универсальность, стилистическая многофункциональность и возможность сочетаемости с другими стилистическими средствами.

Цель нашей статьи — рассмотреть специфику использования повторов в сказке известного английского писателя Редьярда Киплинга «How the Whale Got His Throat». В соответствии с поставленной целью в ходе нашего исследования мы попытаемся выявить весь спектр повторов в тексте сказки, а также проанализировать и

подробно описать функции данной фигуры речи в исследуемом материале.

Итак, первый эпизод анализируемой сказки повествует о большом ките и его жизни в океане. Данный отрывок содержит повторы различных видов. Приведем примеры:

*In the sea, once upon a time, O my Best Beloved, there was a Whale, and he ate fishes. He ate the starfish and the garfish... [6]*

В указанном фрагменте мы можем выявить андиплосис (или повтор-подхват) словосочетания *he ate*, который служит в первую очередь для установления логико-смысловой связи между двумя предложениями. Как дополнительная функция повтора в данном контексте выступает функция усиления действия. Далее автор перечисляет, что именно ел кит, насколько разнообразен был его рацион:

*He ate the starfish and the garfish, and the crab and the dab, and the plaice and the dace, and the skate and his mate, and the mackereel and the pickereel, and the really truly twirly-whirly eel [Ibid.].*

Первое, что обращает на себя внимание, это целый ряд параллельных конструкций в сочетании с многосоюзием. Параллельные конструкции, основанные на повторе однородных дополнений, служат для создания ритма в повествовании, тогда как многократный повтор союза *and* выполняет функцию объединения, выражая общий большой объем поедаемой китом фауны.

Нельзя не отметить также многократное использование рифмы в предложении. Так, автор рифмует названия рыб и морских животных, которые входили в рацион кита: *starfish — garfish, crab — dab, plaice — dace, skate — mate, mackereel — pickerel*. Пары рифмующихся слов представляют собой полную рифму и выполняют ритмообразующую функцию, а также акцентируют внимание читателя на количестве и многообразии морских существ, ежедневно попадавших в глотку кита.

Финальная часть данного предложения иллюстрирует пример использования неполной рифмы *really — truly — twirly-whirly*. Помимо этого, высказывание содержит аллитерацию: *really truly twirly-whirly eel*. Повтор согласного [l] придает повествованию мелодичный характер.

Мысль о том, что кит практически опустошал море из-за своего неумного аппетита, подчеркивается с помощью дистантного лексического повтора *in all the sea* в следующем высказывании:

*All the fishes he could find in all the sea he ate with his mouth — so! Till at last there was only one small fish left in all the sea... [Ibid.]*

Далее в повествовании появляется еще один персонаж — маленькая хитрая рыбка, которая сновала у правого уха кита и нашептывала ему

свои советы. В изображении данного персонажа Киплинг прибегает к использованию аллитерации. Так, повтор согласного [s] создает эффект суггестии, помогая изобразить шепот рыбки и шуршание ее плавников:

*Till at last there was only one small fish left in all the sea, and he was a small 'Stute Fish, and he swam a little behind the Whale's right ear, so as to be out of harm's way. <...> And the small 'Stute Fish said in a small 'stute voice... [Ibid.]*

Автор представляет маленькую рыбку на контрасте с огромным китом. Дистантный лексический повтор прилагательного *small* в вышеприведенном отрывке привлекает внимание читателя и служит для усиления значения данного слова, которое повторяется и далее по тексту:

*'Nice,' said the small 'Stute Fish [Ibid.]*

*The small 'Stute Fish went and hid himself in the mud under the Door-sills of the Equator [Ibid.]*

Желая избежать печальной участи оказаться в чреве кита, хитрая маленькая рыбка советует киту попробовать на вкус нечто новое — моряка — и объясняет, как этого моряка найти:

*'If you swim to latitude Fifty North, longitude Forty West <...>, you will find, sitting on a raft, in the middle of the sea, with nothing on but a pair of blue canvas breeches, a pair of suspenders <...>, and a jack-knife, one ship-wrecked Mariner, who, it is only fair to tell you, is a man of infinite-resource-and-sagacity' [Ibid.]*

Последовав совету рыбки, кит отправился на поиски моряка:

*So the Whale swam and swam to latitude Fifty North, longitude Forty West, as fast as he could swim, and on a raft, in the middle of the sea, with nothing to wear except a pair of blue canvas breeches, a pair of suspenders <...>, and a jack-knife, he found one single, solitary shipwrecked Mariner, trailing his toes in the water [Ibid.]*

Данный абзац интересен тем, что практически полностью повторяет предыдущее высказывание, то есть здесь наблюдается повтор целых абзацев — прием, характерный для фольклорной сказки и нетипичный для сказки литературной. Более того, следующий абзац повествования также повторяет большую часть высказываний, ранее упомянутых в предыдущих абзацах. Таким образом, мы наблюдаем троекратный повтор, основанный на макропараллелизме (повторе крупных фрагментов текста), что еще больше сближает киплинговское повествование с традиционной фольклорной сказкой:

*Then the Whale opened his mouth back and back and back till it nearly touched his tail, and he swallowed the shipwrecked Mariner, and the raft he was*

*sitting on, and his blue canvas breeches, and the suspenders <...>, and the jack-knife... [6]*

Мелодичным, напевным повествование сказки делают звуковые повторы. Так, аллитерация в следующих фрагментах используется для создания определенного мелодического эффекта:

*Nice but nubbly.*

*...till it nearly touched his tail...*

*...turned round three times on his tail [Ibid.].*

Отметим также несколько примеров использования ассонанса в тексте повествования:

*Then the Whale stood up on his tail and said...*

*"Then fetch me some," said the Whale, and he made the sea froth up with his tail [6].*

В данных фрагментах текста наблюдается повтор гласного [ei] в словах *Whale, tail, made*. Функцией ассонанса здесь можно считать создание так называемой внутренней рифмы, которая, в свою очередь, способствует ритмической организации высказывания.

Функция выделения и характеристики действий главного персонажа — кита — реализуется в тексте на основе контактного лексического повтора в сочетании с многосоюзием, например:

*So the Whale swam and swam...*

*Then the Whale opened his mouth back and back and back...*

*So the Whale swam and swam and swam...*

*...and opened his mouth wide and wide and wide... [Ibid.]*

Далее проанализируем один из ярких эпизодов сказки, который иллюстрирует поведение моряка, все-таки оказавшегося в чреве кита:

*Then the Whale <...> swallowed them all down into his warm, dark, inside cup-boards...*

*But as soon as the Mariner <...> found himself truly inside the Whale's warm, dark, inside cup-boards... [Ibid.]*

Дистантный повтор фрагмента *warm, dark, inside cup-boards* выполняет связующую функцию, то есть служит средством смысловой связи между двумя абзацами повествования.

Изображая попытки человека выбраться из ловушки, автор использует параллельные конструкции, выраженные повтором однородных сказуемых, в сочетании с многосоюзием:

*...he stumped and he jumped and he thumped and he bumped, and he pranced and he danced, and he banged and he clanged, and he hit and he bit, and he leaped and he crept, and he prowled and he howled, and he hopped and he dropped, and he cried and he sighed, and he crawled and he bawled, and he stepped and he lepped... [Ibid.]*

Повторы данного рода выполняют не только эмфатическую функцию, акцентируя внимание на

разнообразии и динамике действий персонажа, но и делают повествование необычайно ритмичным, близким к повествованию поэтическому. Немаловажную роль в создании ритма и выделении смысла в данном фрагменте играет также использование рифмы: *stumped — jumped, thumped — bumped, pranced — danced, banged — clanged, hit — bit, leaped — crept, prowled — howled, hopped — dropped, cried — sighed, crawled — bawled, stepped — lepped*. Таким образом, экспрессивный эффект усиливается за счет комплексного использования различных видов повтора в рамках одного контекста.

Интересными, на наш взгляд, являются повторы, связанные с изображением персонажа моряка. Так, для характеристики данного героя как человека безграничной мудрости и изобретательности автор повторяет: *a man of infinite-resource-and-sagacity*. Данный дистантный повтор выражается в виде эпифоры, завершающей три абзаца повествования, а также в виде отдельных фраз внутри высказывания:

*...it is only fair to tell you, is a man of infinite-resource-and-sagacity.'*

*...because he was a man of infinite-resource-and-sagacity.*

*But as soon as the Mariner, who was a man of infinite-resource-and-sagacity...*

*'I ought to have warned you that he is a man of infinite-resource-and-sagacity.'*

*But while the Whale had been swimming, the Mariner, who was indeed a person of infinite-resource-and-sagacity... [Ibid.]*

Авторский акцент на данной характеристике персонажа является не случайным. Повтор фразы *a man of infinite-resource-and-sagacity*, а также еще один дистантный повтор — *the suspenders* — выполняют эмфатическую функцию и создают общий стержень для построения текста. На протяжении всего сказочного повествования Киплинг многократно напоминает о подтяжках для брюк и просит юных читателей не забывать о них:

*...(you must not forget the suspenders, Best Beloved)...*

*...(you must particularly remember the suspenders, Best Beloved)...*

*...the suspenders (which you must not forget)...*

*...(Have you forgotten the suspenders?)...*

*...(now, you know why you were not to forget the suspenders!)... [Ibid.]*

Описанные выше дистантные повторы являются своеобразным рефреном и дают читателю ответ на самый главный вопрос сказки: как все-таки у кита появилась такая глотка?

Мудрость и изобретательность моряка позволили ему добраться до родного берега:

*'Nay, nay!' said the Mariner. <...> Take me to my natal-shore and the white-cliffs-of-Albion...*

*So the Whale swam and swam and swam <...> and at last he saw the Mariner's natal-shore and the white-cliffs-of-Albion... [Ibid.]*

Дистантный повтор словосочетания *natal-shore and the white-cliffs-of-Albion* служит для логико-смысловой связи двух абзацев с одной стороны и выполняет эмфатическую функцию с другой, подчеркивая теплое отношение моряка к родной земле. Выбравшись из чрева кита, человек преподавал киту урок. Автор цитирует слова персонажа в виде двустипа, которое звучит и как назидание, и как своеобразная игра слов благодаря использованию рифмующихся единиц в финальной позиции:

*By means of a grating*

*I have stopped your ating [Ibid.].*

Заключительный эпизод сказки, описывающий результат опасного приключения моряка, имеет особое интонационно-ритмическое звучание, которое создается использованием перечисления в сочетании с многосоюзием:

*And he stepped out on the shingle, and went home to his mother, who had given him leave to trail his toes in the water; and he married and lived happily ever afterward [Ibid.].*

Сказка Р. Киплинга завершается детским стихотворением, в котором отмечается использование рифмы, что является одним из необходимых условий для поэтического текста. Ритмомелодический эффект достигается созвучиями *green — between — soup-tureen; outside — slide; heap — sleep; dressed — guessed*.

Проведенное исследование позволяет нам с уверенностью сказать, что анализируемое произведение характеризуется достаточно широким использованием повторов на всех языковых уровнях: фонетическом, лексическом, синтаксическом. В большинстве случаев мы наблюдаем комплексное использование повторов, проявляющееся в тесном переплетении и наложении различных видов повтора. Согласно авторской задаче эти выразительные средства дополняют друг друга, способствуют усилению стилистического эффекта; они неразрывно связаны с атмосферой повествования и способствуют реализации авторского замысла.

Одним из проявлений индивидуально-авторской особенности творчества Р. Киплинга как автора детской сказки является тот факт, что сказка «How the Whale Got His Throat» отличается четкой ритмической организацией повествования и необычайной мелодичностью, которые делают текст прозаический близким к тексту поэтическому. Во многом это объясняется умелым использованием автором экспрессивных возможностей повторов как фигуры речи.

Так, мелодичность и напевность повествования достигаются главным образом за счет использования аллитерации и ассонанса. В этом смысле данные звуковые повторы выполняют типичную для них эвфоническую функцию.

Немаловажную роль в создании благозвучия выполняет также рифма. Большое число рифмующихся единиц в прозаическом тексте является еще одной отличительной чертой творчества Киплинга-сказочника. Одной из основных функций рифмы здесь является создание ритма, превращение повествования в так называемую «ритмизованную прозу». Ритмообразующая функция активно реализуется также на основе использования синтаксических повторов, в частности параллелизма однородных членов предложения.

В качестве еще одной особенности произведения Киплинга можно отметить схожесть его литературной сказки с традиционной фольклорной сказкой, для которой характерен повтор ситуаций, действий, образов. Здесь прежде всего необходимо указать на примеры использования дистантного лексического повтора в трех параллельных эпизодах повествования, а также использование многосоюзия, которое в сочетании с лексическим повтором придает произведению особый налет летописного, былинного слога.

Система образов и смыслов в сказке Киплинга строится также на основе использования повторов. Ключевые микротемы, действия, характеристики подчеркиваются, выделяются автором с помощью рифмы, контактного и дистантного лексического повтора, включая анафору, эпифору, анадиплосис. При этом помимо эмфатической (усилительной) функции указанные виды повторов выполняют и текстообразующую, логико-смысловую функцию, выстраивая общий стержень повествования, объединяя и связывая микротемы.

### Список литературы

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык / И. В. Арнольд. — М., 2002.
2. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. — М., 1958.
3. Жирмунский, В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В. М. Жирмунский. — М., 2008.

4. Кожевникова, Н. А. О повторе в художественных текстах / Н. А. Кожевникова // Проблемы экспрессивной стилистики : межвуз. сб. науч. тр. — Ростов, 1987. — № 5. — С. 100—105.
5. Скребнев, Ю. М. Основы стилистики английского языка / Ю. М. Скребнев. — М., 2003.
6. Kipling, R. Just So Stories for Little Children [Электронный ресурс] / R. Kipling. — URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/k/kipling/rudyard/justso/chapter1.html>.

### Сведения об авторе

**Басюк Ирина Владимировна** — старший преподаватель кафедры германских языков и методики их преподавания, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко. Рыбница, Приднестровская Молдавская Республика. [phonetics-miss.2013@yandex.ru](mailto:phonetics-miss.2013@yandex.ru)

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 7—11.*

## PECULIAR USE OF REPETITIONS IN R. KIPLING'S FAIRY TALE "HOW THE WHALE GOT HIS THROAT"

*I. V. Basyuk*

*Pridnestrovian State University named after T. G. Shevchenko,  
Rybnitsa, Pridnestrovian Moldavian Republic. [phonetics-miss.2013@yandex.ru](mailto:phonetics-miss.2013@yandex.ru)*

The article deals with the problem of use of repetition as a figure of speech in an artistic work. The author reveals the concept of "repetition", describes in short the principal types of the expressive means under the study and then presents a detailed analysis of the repetitions used by Rudyard Kipling in his fairy tale "How the Whale Got His Throat". In particular, the main types of repetitions used by the writer are identified such as sound repetitions, lexical and syntactic repetitions, as well as their functions in the text are analyzed. A special emphasis in the article is given to the use of repetitions as one of the individual author's features of Kipling's creativity.

**Keywords:** *fairy tale, figure of speech, sound repetitions, lexical repetitions, syntactic repetitions, functions of repetitions.*

### References

1. Arnold I.V. *Stilistika. Sovremennyy angliyskiy yazyk* [Stylistics. Modern English]. Moscow, 2002. (In Russ.).
2. Galperin I.R. *Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka* [Essays on the stylistics of English]. Moscow, 1958. (In Russ.).
3. Zhirmunskiy V.M. *Teoriya literatury. Poetika. Stilistika* [Literature theory. Poetics. Stylistics]. Moscow, 2008. (In Russ.).
4. Kozhevnikova N.A. O povtore v khudozhestvennykh tekstakh [On the repetition in literary texts]. *Problemy ekspressivnoy stilistiki: Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Problems of expressive stylistics: Interuniversity collection of scientific works], 1987, no. 5, pp. 100—105. (In Russ.).
5. Skrebnev Yu.M. *Osnovy stilistiki angliyskogo yazyka* [Fundamentals of English Language Stylistics]. Moscow, 2003. (In Russ.).
6. Kipling R. *Just So Stories for Little Children*. Available at: <https://ebooks.adelaide.edu.au/k/kipling/rudyard/justso/chapter1.html>, accessed 6.03.2018.

УДК 821.16  
ББК 83.(2Рос=Рус)6

## СИСТЕМА МОТИВОВ КАК СТИЛЕВОЙ ИНСТРУМЕНТ М. ГОРЬКОГО: К ВОПРОСУ О СТИЛЕВЫХ СТРАТЕГИЯХ РУССКОЙ ПРОЗЫ НА РУБЕЖЕ 1920—30-х гг.

*Е. Г. Белоусова*

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*

Мотивы, которые Горький использует для изображения индивидуального сознания, рассматриваются как инструмент авторского стиля, выразившего драматическое мироощущение писателя и сложный, неустойчивый состав его личности. Подчиняясь доминантному для горьковской поэтики тех лет принципу «подвижной» антитезы, они открывают принципиальную раздробленность и неопределенность человеческого «Я». Но если в рассказах основной акцент автор делает на несогласованности противоположных начал в душе и сознании современного человека, то в романе создает образ личности, не просто раздвоенной и неопределенной, но постоянно прячущей свое «Я». Ключевую роль в этом процессе играют уже не отдельные мотивы, а ряд контрастных, взаимооборачивающихся мотивов, коррелирующих с мотивом «выдуманности». В результате сопоставления делается вывод о целенаправленном движении горьковского стиля в сторону заострения и выявления своей эстетической сущности (основного конструктивного принципа). Это объясняется не только переходом к жанру романа, но и феноменом стилевой интенсификации, определившим художественное своеобразие русской прозы рубежа 1920—30-х гг., эстетически сопротивляющейся усилению индивидуально-личностной несвободы.

**Ключевые слова:** *русская литература, М. Горький, «Жизнь Клима Самгина», мотивы, поэтика, стилевые стратегии.*

В череде стилевых «подъемов» и «спадов», определяющих логику развития русской литературы XX столетия, конец 1920-х — начало 1930-х гг., безусловно, относится к числу первых, ведь он ознаменован рождением нового и по-новому исполненного художественного зренья. Решительному обновлению литературы способствует антигуманистическое состояние мира (советской реальности прежде всего), вызывающее у писателей метрополии и эмиграции острейшее беспокойство за судьбу отдельного человека. Оно заставляет литературу тех лет сосредоточиться на жизни индивидуального сознания — *изображаемого*<sup>1</sup> (фигуре героя) и *изображающего* (фигуре автора как носителя уникального творческого сознания).

В этом убеждают названия литературных произведений, акцентирующие внимание на имени собственном: «Труды и дни Свистонова» (1929) К. Вагинова, «Вечер у Клэр» (1929) Г. Газданова, «Защита Лужина» (1929) В. Набокова, «Жизнь Арсеньева» (1929—1933) И. Бунина, «Жизнь Клима Самгина» (1925—1936) М. Горького, «Аполлон Безобразов» (1926—1932) Б. Поплавского, «Жизнь г-на де Мольера» (1932—1933) М. Булгакова и др. Но не менее наглядно персональный

<sup>1</sup> Здесь и далее, в том числе в цитатах, курсив наш. — Е. Б.

пафос русской прозы тех лет проявляет сама стилевая форма — булгаковская, набоковская, бунинская, горьковская... Активизирующая уникальный творческий инструментарий, она манифестирует авторскую мысль о непреходящей ценности человеческого «Я».

Подтверждением сказанному может служить сопоставление ключевых мотивов, которые М. Горький использует для проникновения в мир индивидуального сознания в романе «Жизнь Клима Самгина» (1925—1936) и «Рассказах 1922—1924 гг.», ставших творческой лабораторией писателя. Осмысляя опыт этих лет, позже он напишет, что именно рассказы способствовали «поиску иной формы, иного тона для “Клима Самгина”» [6. С. 18].

И действительно, в этот период Горький ведет интенсивные поиски стилевой формы, соответствующей его драматическому мироощущению послереволюционных лет и уникальной личности, внутренне конфликтный и неустойчивый состав которой отмечали и наиболее прозорливые его современники (И. Бунин [2], В. Ходасевич [10], К. Чуковский [11]), и исследователи горьковского творчества [1; 7; 8]. С. Сухих, например, справедливо пишет о «*вихре самых разнообразных, порой несоединимых идей*», который проявлялся не

только в политических взглядах Горького, оказавшихся наиболее открытыми для восприятия окружающих и послуживших поводом для обвинения Горького в двурушничестве, но и других сферах его сознания, и делает вывод о «взрывчатом составе» мировоззрения художника [8. С. 11—14].

И в рассказах, и в романе функционирование мотивов подчиняется *принципу «подвижной» антитезы*, определившему, на наш взгляд, своеобразие «новой» поэтики Горького. Он обнаруживает стремление автора отказаться от жесткой определенности и разнополюсности в образе мира и человека, заменив ее множественностью и разнообразием противопоставлений, переходами одной крайности в другую, что открывает невероятную сложность и дисгармоничность человеческого сознания и породившей его действительности.

Так, уже в рассказах основной акцент Горький делает на несогласованности противоположных начал в душе современного человека, чему в наибольшей степени способствуют ключевые мотивы, в том числе «многоликости» и «многолюдства» в рассказах о художниках — «Репетиции» и «Рассказе об одном романе». Писатель Фомин, например, ассоциируется у героини с «толпой разнообразных мужчин, женщин, стариков и детей, крестьян и чиновников», и «все они говорили его голосом, *противоречиво и смешно, скучно и до бесстыдства умно*, а где был сам Фомин среди них, и каков именно он сам — трудно сказать» [3. Т. 17. С. 343].

И если у Бунина («Жизнь Арсеньева») мотив «многолюдства» подчеркивает неиссякаемое богатство мира, его принципиальное многообразие и разнообразие, то у Горького он становится знаком несобранности, несогласованности и даже незавершенности изображаемой действительности. Не случайно героиня усомнилась в самом факте существования Фомина, ибо не видела «того основного, что можно было бы назвать его душой, <...> окрашенной хотя бы пестро и радужно, а все-таки в какие-то свои цвета» [Там же].

Иными словами, определяющим критерием горьковской картины мира становится неустойчивость человеческого существования, возникшая вследствие внутренней раздробленности и неопределенности человеческого «Я». На это же указывает и динамический характер образов, посредством которых автор характеризует «пестро окрашенную» душу своего героя: дорога, передвижной театр, сцена, на которой «непрерывно разыгрывается бесконечная непонятная пьеса» [Там же. 342]. И все это позволяет сделать вывод о трагическом и вместе с тем абсолютно адек-

ватном восприятии писателем драмы российской жизни послереволюционных лет.

Еще решительней несобранность и нестабильность как доминантные свойства современной Горькому личности проявляют мотивы «шаткости» и «непритертости», составляющие концептуальное ядро рассказа «Карамора». Они развиваются в тексте по принципу восходящей градации. Сначала главный герой — революционер и провокатор Петр Каразов — заявляет: «Живут во мне, говорю, *два человека*, и один к другому не притерся, но есть еще и *третий*. Он следит за этими двумя, за *распрей их* и — не то раздувает, разжигает *вражду*, не то — честно хочет понять: откуда вражда, почему?». Далее: «...во мне, я думаю, живет человека четыре, и *все не в ладу друг с другом*, у всех *разные мысли*». Наконец, в тексте рассказа возникает метафора, максимально заостряющая мысль писателя о дисгармоничности современного человека: «В двадцать лет я чувствовал себя не человеком, а *сворой собак, которые рвутся и бегут во все стороны, по всем следам...*» [Там же. С. 372].

Так, оставаясь самим собой — стремясь, к «духовному собиранию личности» [5. С. 156], созданию уникального в своей многомерности, но при этом цельного и гармоничного образа человека, Горький идет совсем другим путем. Он бесстрашно показывает трагическую раздробленность и неопределенность человеческого «Я» («*разорванность*» и «*спутанность*»), которые уже в «Рассказах 1922—1924 гг.» получают негативную оценку автора. Исключением из персонажей анализируемого сборника является только Савел Пильщик из рассказа «Отшельник» — личность по-настоящему многогранная. Даже «ничтожно маленькое» слово «милая» он произносит «*бесчисленно разнообразно*» и в то же время *одинаково*: «...всегда, как бы оно ни было сказано, я чувствовал, что основа его — безграничная, неисчерпаемая любовь...» [Там же. С. 255].

Описывая мир индивидуального сознания в «Жизни Клима Самгина», Горький идет еще дальше, а работа его стиля становится более сложной, и в то же время более тонкой. В результате Клима Самгина — не просто образ раздвоенной и противоречивой личности, важнейшие «узлы» противоречий которой достаточно подробно описаны исследователями [4; 8], а личности в высшей степени неопределенной и неустойчивой, постоянно прячущей свое «Я». Последовательно разоблачая ее сущностное ядро — бесплодную пустоту, Горький использует ряд контрастных, взаимооборачивающихся мотивов. На наш взгляд, это мотивы «закрытости» — «самоявленности»,

«исключительности» — «стертости», «оригинальности» — «банальности». Коррелируя с мотивом «выдуманности», они существенно уточняют представление и о личности героя, и о стиле автора.

Так, в процессе повествования все отчетливее и решительнее проявляется желание Самгина отгородиться от мира. В начале романа формы его «защиты» носят скорее условный, иносказательный характер (очки со стеклами дымчатого цвета, строгий не по годам мундир и солидная походка), но в конце герой всерьез задумывается о возможности эмиграции: «Самгин отвечал кратко, но охотно думал, что хорошо бы, переехав границу, *закрывать за собою какую-то дверь так плотно*, чтоб можно было хоть на краткое время не слышать утомительный шум отечества и даже забыть о нем» [3. Т. 24. С. 8]. При этом героем движет не только трусость, но и потребность сохранить уникальность своего «Я». Например: «Он чувствовал *опасность потерять себя* среди однообразных мальчиков; почти неразличимые, они всасывали его, стремились сделать частицей своей массы. Тогда, испуганный этим, он спрятался под защиту скуки, окутав ею себя, как облаком» [Там же. Т. 21. С. 60].

Таким образом, «закрытость» Клим Самгина, вызванная нарастающим давлением внешних социально-исторических обстоятельств, лишаящих человека права на частную жизнь, провоцирует и усиливает стремление героя подчеркнуть свою исключительность. В этом плане принципиальное значение имеет мотив поиска своего пути. Учитывая условия существования русской литературы на рубеже 1920—30-х гг., он вполне закономерно сближает Самгина с набоковским Лужиным («Защита Лужина») и шолоховским Мелеховым («Тихий Дон»). Например: «...ночью [Клим Самгин] долго думал о человеке, который стремится найти свой собственный путь, и о людях, которые всячески стараются взнудать его, направить на дорогу, истоптанную ими, стереть его своеобразное лицо» [Там же. Т. 22. С. 24].

Аналогичным образом стремление Клим Самгина максимально проявить свою уникальность («запрограммированную» именем и фамилией героя) приводит его к диаметрально противоположному результату — обнажает в нем абсолютную посредственность и «серость». Важную роль в амбивалентном процессе увенчания — развенчания Горький отводит цитате. Свидетельствуя об определенной широте кругозора, она еще решительнее высвечивает несамостоятельность и узость его мышления. Ведь Самгин оперирует одними и теми же, стершимися от многовеково-

го употребления литературными образами. В их числе — библейские образы Исаака и Авраама, а также «вечные» образы Дон-Кихота и доктора Фауста: «Да, нас воспитывают Дон-Кихотами. Начиная с детства, в семье, в школе, в литературе нам внушают неизбежность жертвенного служения обществу, народу, государству, идеям права, справедливости. Единственная перспектива, которую вполне четко и ясно указывают нам, — это перспектива библейского юноши Исаака — жертва богам отцов, жертва их традициям...» [Там же. Т. 24. С. 314].

И действительно, будучи демагогом по своей природе и адвокатом по профессии, а значит, являясь человеком, выражающим себя прежде всего в слове, Самгин не может найти слов, которые смогли бы одновременно выразить и его самобытность, и глубинную суть явлений. По этой причине основными лейтмотивами романа, скрепляющими отдельные события и высвечивающими невнятность жизненной позиции главного героя, оказываются именно чужие фразы: «А был ли мальчик?»; «Да — что вы озорничаете?».

Еще одним приемом, который Горький использует для создания образа главного героя, личность которого не имеет устойчивых границ и определенных контуров, оказывается прием аналогии. Речь идет о способности Клим выявлять глубинное сходство совершенно различных людей. Например: «Еще две-три встречи с дьяконом, и Клим Самгин поставил его в ряд с проповедником о трех пальцах, с человеком, которому нравится, когда «режут правду», с хромым ловцом сома, с дворником, который нарочно сметал пыль и сор улицы под ноги арестантов, и озорниковатым старичком-каменщиком» [Там же. Т. 21. С. 450].

Эти пространные параллельные ряды, конечно же, говорят об аналитических способностях Самгина, подчеркивая уникальность его «Я». И в то же время они свидетельствуют об ограниченности самгинского сознания. Ведь, по словам самого Горького, мысль героя движется «механически», надстраивая и продолжая до бесконечности одну и ту же цепочку тождеств.

Все вышесказанное утверждает нас в мысли, что для понимания уникальной стилиевой структуры «Жизни Клим Самгина» значимым оказывается обнаружение и осмысление не столько основных противоречий в образе главного героя, сколько стилиевых инструментов и форм, с помощью которых Горький создает образ личности, лишенной внутренней целостности. Личности, сформировавшейся в условиях предреволюционного времени и ставшей знаком той драматической эпохи.

Причины динамического развертывания горьковского стиля в сторону максимального выявления своей эстетической сущности (основного конструктивного принципа) нельзя объяснить исключительно переходом автора к крупной, романной форме. Мы связываем это с феноменом стилиевой интенсификации, определившим художественный строй русской прозы второй половины 1920-х — начала 1930-х гг. (особенно той

ее ветви, которую, противопоставляя официально признанной и широко тиражируемой прозе тех лет, В. Н. Топоров называет «другой» [9]), а также стилиевые траектории отдельных авторов.

Будучи по-настоящему большим художником, способным слышать зов своего времени, М. Горький не просто откликается на этот зов, он находит уникальный способ и форму для его выражения.

### Список литературы

1. Белова, Т. Д. Эволюция эстетических взглядов М. Горького (1890—1910-е гг.) в контексте культурологических исканий эпохи / Т. Д. Белова. — М., 2004.
2. Бунин, И. А. Из записей // И. А. Бунин. Собр. соч. : в 6 т. Т. 6. — М., 1988. — С. 557—586.
3. Горький, А. М. Полн. собр. соч.: Художественные произведения : в 25 т. / А. М. Горький. — М., 1968—1976.
4. Колобаева, Л. А. М. Горький / Л. А. Колобаева // История русской литературы XX века (20—90-е годы). Основные имена. — М., 1998. — С. 62—84.
5. Колобаева, Л. А. М. Горький / Л. А. Колобаева // Литератур. учеба. — 1986. — № 11—12. — С. 148—157.
6. Примочкина, Н. Н. Горький и писатели русского зарубежья / Н. Н. Примочкина. — М., 2003.
7. Спиридонова, Л. А. М. Горький: новый взгляд / Л. А. Спиридонова. — М., 2004.
8. Сухих, С. И. Заблуждение и прозрение М. Горького [Электронный ресурс] / С. И. Сухих. — Изд. 2-е. — Н. Новгород, 2007. — URL: <http://docplayer.ru/30115225-Suhih-s-i-zabluzhdenie-i-prozrenie-maksima-gorkogo.html> (дата обращения 28.04.2018).
9. Топоров, В. Н. Вступительное слово ко «Второй прозе» // Топоров В. Н. «Вторая проза». Русская проза 20-х — 30-х годов XX века / В. Н. Топоров. — Тренто, 1995. — С. 17—22.
10. Ходасевич, В. Горький // В. Ходасевич. Некрополь. — М., 1991. — С. 155—187.
11. Чуковский, К. Максим Горький [Электронный ресурс] / К. Чуковский // Максим Горький: Pro et contra. — СПб., 1997. — URL: [http://russianway.rhga.ru/upload/main/10\\_Chukovsky.pdf](http://russianway.rhga.ru/upload/main/10_Chukovsky.pdf) (дата обращения 28.04.2018).

### Сведения об авторе

**Белуосова Елена Германовна** — доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и литературы, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. [belouelena@gmail.com](mailto:belouelena@gmail.com)

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 12—16.*

## THE SYSTEM OF MOTIVES AS A WAY TO FEEL INDIVIDUAL CONSCIOUSNESS: STYLE STRATEGIES OF M. GORKY AND THE RUSSIAN PROSE AT THE TURN OF THE 1920—30s

*Ye.G. Belousova*

*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. [belouelena@gmail.com](mailto:belouelena@gmail.com)*

The article considers the motives used by M. Gorky to image and depict individual consciousness as an instrument of author style that reflects the author's dramatic perception of the world and his complex and unstable nature. Following the principle of a 'mobile' antithesis dominant in Gorky's works of that period, the motives reveal fundamental disunity and instability of a human ego. In this process the key role belongs to contrast intertransforming motives related to the motive of 'fictionness'. The comparison of motives shows us the gradual progress of Gorky's style to the pointing and identification of its aesthetic essence (basic constitutive principle). We can explain it by the shift to the genre of the novel as well as by the phenomenon of style intensification, which is

a characteristic feature of the Russian prose at the turn of the 1920—1930s when one could see aesthetic resistance to the strengthening of individual lack of freedom.

**Keywords:** *Russian literature, M. Gorky, “The Life of Klim Samgin”, motives, poetics, style strategies.*

### References

1. Belova T.D. *Evolyutsiya esteticheskikh vzglyadov M. Gor'kogo (1890—1910-e gg.) v kontekste kul'turologicheskikh iskaniiy epokhi* [Evolution of the aesthetic views of M. Gorky (1890—1910s) in the context of cultural studies of the era]. Moscow, 2004. (In Russ.).
2. Bunin I.A. *Sobraniye sochineniy v 6 t.* [Collected works in 6 vol.]. Moscow, 1988. Pp. 557—586. (In Russ.).
3. Gor'kiy M. *Sobraniye sochineniy v 25 t.* [Collected works in 25 vol.]. Moscow, 1968—1976. (In Russ.).
4. Kolobaeva L.A. M. Gor'kiy [M. Gorky]. *Istoriya russkoy literatury XX veka (20—90-e gody). Osnovnye imena* [The history of Russian literature of the twentieth century (20—90s). The main names]. Moscow, 1988. Pp. 62—84. (In Russ.).
5. Kolobaeva L.A. M. Gor'kiy [M. Gorky]. *Literaturnaya ucheba* [Literary studies], 1986, no. 12, pp. 148—157. (In Russ.).
6. Primochkina N.N. *Gor'kiy i pisateli russkogo zarubezh'ya* [Gorky and writers of the Russian diaspora]. Moscow, 2003. (In Russ.).
7. Spiridonova L.A. M. Gor'kiy: novyy vzglyad [M. Gorky: a new look]. Moscow, 2004. (In Russ.).
8. Sukhikh S.I. *Zabluzhdeniye i prozreniye M. Gor'kogo* [The Misconception and Insight of M. Gorky]. Nizhny Novgorod, 2007. Available at: <http://docplayer.ru/30115225-Suhih-s-i-zabluzhdenie-i-prozrenie-maksima-gorkogo.html>, accessed 28.04.18. (In Russ.).
9. Toporov N. Vstupitel'noye slovo ko “Vtoroy proze” [Introduction to the “Second Prose”]. “*Vtoraya proza*”. *Russkaya proza 20-kh — 30-kh godov XX veka* [“Second prose”. Russian prose of the 20s and 30s of the twentieth century]. Trento, 1995. Pp. 17—22. (In Russ.).
10. Hodasevich V. Gor'kiy [Gorky]. *Nekropol'* [Necropolis]. Moscow, 1991. Pp. 155—187. (In Russ.).
11. Chukovskiy K. Maksim Gor'kiy [Maksim Gorky]. *Maksim Gor'kiy: Pro et contra* [Maxim Gorky: Pro et contra]. St. Petersburg, 1997. Available at: [http://russianway.rhga.ru/upload/main/10\\_Chukovsky.pdf](http://russianway.rhga.ru/upload/main/10_Chukovsky.pdf), accessed 28.04.18. (In Russ.).

УДК 811. 161.1'372. 215 (471 55)

## ТЮРКСКИЕ ТЕРМИНЫ В ГИДРОНИМАХ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ. I. AQ (ТЕЧЬ — ТЕЧЕНИЕ) СО СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫМИ АФФИКСАМИ

*Г. К. Валеев*

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*

Приводятся общие сведения о количестве рек и озер, их длине и площади бассейна в Челябинской области. Обращается внимание на то, что в топонимическом отношении территория региона изучена слабо. Дается сжатая характеристика этногенеза населения Южного Урала, в котором в исторический период преобладают тюркские народы, в последнее тысячелетие — башкиры, татары, казахи. Верхний заключительный пласт топонимии области образуют русские географические названия. Приводятся некоторые фонетические соответствия древнетюркского и башкирского, татарского, казахского языков, нашедшие отражение в гидронимии Южного Урала. Рассматриваются водные термины тюркских народов с корнеосновой *aq* в значении «течь — течение» в Челябинской области и сопредельных территорий в препозиции со словообразовательными аффиксами.

**Ключевые слова:** гидронимия Челябинской области, языковые страты в гидронимии, тюркский термин *aq*, значение «течь — течение», аффиксальные дериваты термина *aq*.

«По территории Челябинской области протекает 3602 реки общей протяженностью 17,925 тыс. км, находится 467 прудов и водохранилищ, 3170 озер общей площадью 2125 км<sup>2</sup> (из них 1340 учтенных озер общей площадью водной поверхности свыше 1500 км<sup>2</sup>). Из них 53 крупные, площадью более 10 км<sup>2</sup>.

Реки в большинстве маловодны. Из протекающих по территории области 3602 рек 90 % относятся к очень малым, длиной менее 10 км. Основная часть стока (до 85 %) приходится на период весеннего половодья» [23].

«Уже давно замечено, что из местных названий большие реки особенно упорно сохраняют свои старые наименования, полученные от очень давних жителей своих берегов, и при последующих сменах населения. Напротив, названия мелких рек, как и населенных пунктов, обычно ведут свое начало от тех поселенцев, которые появились в той или иной области после известного периода ее запустения или вообще впервые населяли ее» [28. С. 333]. Основу гидронимов образуют общие и частные термины, описывающие физические свойства объекта. Общие понятия более емки (*озеро, залив, болото, река, родник*), всем известны и превратились в апеллятивы, а частные термины (*окно, плёсо, трясина, топь, поникла*) характеризуют детальные признаки, не обязательные в общих терминах. Как указывает крупнейший специалист по евразийской топонимии Э. М. Мурзаев, «любое топонимическое исследо-

вание должно начинаться с изучения народных географических терминов и не может игнорировать местную терминологию, <...> местный термин — универсальный ключ, который в умелых руках раскрывает многие простые и трудные задачи, как семантические, так и информационные, помогающие географам, историкам, лингвистам, картографам» [18. С. 99—100].

Южноуральская гидронимия в письменных источниках фиксируется две тысячи лет. В ее формировании участвовали палеоазиатские, финно-угорские, индоевропейские и алтайские народы.

Челябинская область, к сожалению, в лингвистическом отношении изучена слабо. Мы не имеем диалектных словарей русского языка, авторитетных словарей топонимов региона. Башкирская диалектная лексика жителей Челябинской области в «Диалектологическом словаре башкирского языка» [7] и «Диалектологическом атласе башкирского языка» [6] отражена не полностью. Какие-либо систематизированные лингвистические исследования по казахскому и татарскому языкам в области не проводились. Об иранском слое топонимов, финно-угорских и более древних географических названиях региона имеются лишь попутные замечания и догадки в исследованиях историков, географов, лингвистов и краеведов.

Русский топонимический пласт в Челябинской области самый поздний и представлен в названиях населенных пунктов, промышленных и народно-хозяйственных объектов, а в гидронимии

обнаруживается только в микротопонимах, слабо отраженных на географических картах и в справочниках. В водных названиях области наиболее ярко выражен тюркский пласт. Южный Урал находился под непрерывным тюркским воздействием с гуннского периода, поэтому древнетюркские топонимы находят свое место среди южноуральских географических названий. На современной карте тюркские гидронимы представлены башкирскими, казахскими и татарскими названиями.

Башкиры, являясь коренным народом региона, до русской колонизации Южного Урала населяли почти всю территорию Челябинской области. В XVIII в. после джунгарского нашествия казахи потеснили башкир с мест летних кочевий и охоты в Тургайской степи до междуречья Уя и Миасса.

Татарское население на территории Южного Предуралья появляется после разгрома Казанского ханства, а в степном Южном Урале и Зауралье — со второй половины XVIII в. как один из результатов деятельности Оренбургской экспедиции 1735—1740 гг. Первое значительное селение татар — Сеитовская Слобода, ныне Татарская Каргала, возникло недалеко от Оренбурга в 1744 г. «В середине XVIII в. почти вся розничная торговля не только Поволжья — в среде марийцев, чувашей и удмуртов, но и в Северном и Центральном Казахстане находилась в руках татар. Ключевую роль в организации оптовой торговли играла Казань, через которую проходили основные потоки российских, европейских и восточных товаров» [24].

Казанские татары играли ключевую роль и в духовной, и в административной жизни Урала и Казахстана. Екатерина II при учреждении в Уфе Оренбургского магометанского духовного собрания 27 ноября 1785 г. уфимскому генерал-губернатору барону О. А. Игельстрому предписывала: «Снабжение разных родов киргизских муллами, немалую пользу в делах наших принести может: почему вы и стараетесь определить оных, истребовав из казанских татар [подчеркнуто нами. — Г. В.] людей надежных, дав им потребные наставления к удержанию киргизцев в верности к нам» [9]. А. Н. Старостин пишет, что вплоть до революции «казахи и киргизы пользовались услугами татарских мулл», и в Уральском регионе среди мулл казанские татары составляли 46 %, сибирские и ичкинские татары — 10 %, а башкиры — 32 % [34].

Все народы Золотой Орды пользовались золотоордынским письменным литературным языком на основе арабской графики. После распада Орды в разных частях империи формируются свои письменные литературные языки. В Поволжье и на Урале возникает язык тюрки Поволжья и Урала на основе кыпчакских диалектов. В академичес-

ком издании «Языки мира» говорится: «После падения Казанского ханства поволжский тюрки язык использовался в качестве одного из функциональных языков русско-восточной (для XVIII—XIX вв. — русско-тюркской) дипломатической и деловой переписки; на нем велось также местное делопроизводство; сохранились исторические, юридические и деловые документы на П.т.я. Те, кто на письме пользовался П.т.я., в обиходе общались на родных диалектах» [20. С. 127]. Варианты названия поволжского тюрки языка: старотюркский, старописьменный татарский язык, старотатарский литературный язык и др.

Башкирский и татарский языки, по классификации Н. А. Баскакова, относятся к кыпчакской группе западохунской ветви тюркских языков, характерной особенностью которых является так называемый татаро-башкирский перебой гласных по отношению древнетюркскому и другим современным тюркским языкам. Установились такие общетюркско-башкирско-татарские соответствия:  $\text{э//э}[\text{ä}] - \text{и}, \text{и} - \text{э//э}[\text{ä}], \text{о}[\text{o}] - \text{у}, \text{у} - \text{о}[\text{o}]/\text{ы}[\text{ь}], \text{ө}[\text{ö}] - \text{ү}[\text{ü}], \text{ү}[\text{ü}] - \text{ө}[\text{ö}]$ , отразившиеся в гидронимах: каз. **Бозкөл** = **Босколь** (серое, солончаковое озеро), **Сасықкөл** = **Сасыкколь** (вонючее озеро), башк. **Тәрәнкул** = **Теренкуль** (глубокое озеро). К примеру, с учетом чередования  $\text{э//и}$  гидроним **Иткул** = **Иткуль** с башкирского — «мясное озеро», а с древнетюркского могло быть и «собачье», так как у тюрков был культ собак и «собачьи» антропонимы были очень популярны; например, в «Повести временных лет» под 1096 г. упоминается половецкий хан Итларь, а затем его потомки — Итларевичи (*ит-лар* — «собаки»). Конечно, башкирский и татарский вокализм обнаруживает значительное расхождение в первую очередь из-за разной степени нарушения рядной и губной гармонии, разного субстрата: преимущественно болгарского — в татарском, огузского и восточно-тюркских — в башкирском. Однако из-за того, что русская графика не отражает основной тюркской вокалической оппозиции по ряду и переднерядные гласные  $\text{ä}(\text{ə}) - \text{ö}(\text{o}) - \text{ü}(\text{y}) - \text{i}(\text{u})$  передаются чаще всего как  $\text{а/е} - \text{о/у} - \text{у} - \text{ы/и}$ , в русском произношении и письме расхождение татарских и башкирских гласных частично нивелируется. К тому же в области гласных башкирский литературный язык принял за основу южный юрматинский говор, а восточные — аргаяшский, сальютский, кизильский, миасский (говоры, на котором говорят башкиры Челябинской области) — имеют существенные различия с литературным языком.

Еще одна причина, почему башкирские названия закрепились на карте и в русской речи в фор-

ме, близкой к татарскому произношению, кроется в консонантной системе двух языков. Согласные двух языков отличаются не в количественном отношении, а сугубо в качественном. Башкирские межзубные  $z[\delta]$ ,  $ç[\theta]$  отсутствуют в литературных тюркских, в том числе и татарском, да и в европейских, кроме английского, языках. Они передаются в татарском и русском языках чаще через фрикативные  $з$ ,  $с$ . Характерные для татарского, но отсутствующие в башкирском языке щелевые  $ж$ ,  $ч$  (орф.  $ч$ ) в русском языке легко субституируются  $ж$  и  $ч$ .

Профессор Т. М. Гарипов установил, что только в исконно тюркских словах в четырех позициях (анлауте, инлауте, аулауте и вортлауте — «конец фонетического слова») обнаруживается 42 расхождения в произношении башкирских и татарских гласных, что составляет 38 % теоретически возможных (110) соотношений, а среди согласных расхождения составляют 46 % из 282 позиций. Это исследование показывает, что, несмотря на взаимное понимание носителей башкирского и татарского языков, между фонетическими системами двух языков существуют глубокие позиционные расхождения [4. С. 68—104], широко представленные и в челябинской топонимии. Несколько примеров приведем в таблице.

Русские, до XVI в. имевшие дело только с татарами Золотой Орды и населением возникших на его руинах татарских ханств, с расширением географических границ Московского государства этноним *татары* перенесли на все мусульманские народы, формировавшиеся на исторической территории Золотой Орды. Такой бытовой

нигилизм сохраняется не только среди рядовых граждан, но и среди чиновников, краеведов, писателей, даже хорошо знающих, как П. П. Бажов, быт и культуру башкир и татар. Он, например, в письме к коллеге по редакции критику Л. И. Скорино сообщает: «Для своих фольклорных целей знакомился с башкирским, чтобы знать, что Чишма — источник, Куляш — солнце, Тургойак — сторона жаворонков и т. д. Теперь еще на полке стоит татарско-русский словарь...» [3. С. 295]. Заметим, что П. П. Бажов слово *чишма* написал по-татарски; башк. *кояш* [qoʃaʃ], тат. *кояш* = рус. Куяш, озеро в Кунашакском районе, транслитерировал правильно, но заменил глайд *й* на сонорный *л*; по классификации ошибок Д. С. Лихачева, это ошибка памяти; к топониму *Тургойак* привел одну из многочисленных народных этимологий *Тургай ягы* «сторона жаворонков». У башкир и татар *тургай* — любая птица отряда воробьиных. Отсюда такой нигилизм рождает словарные минотавры, как *татаро-башкиры*, *татаро-башкирский язык* и толкование башкирских названий через татарский язык.

При этимологизации топонимов необходимо учитывать метонимию географических терминов. Исследователи, например, отмечают регулярный семантический сдвиг в парах *гора* — *лес* в индоевропейских и алтайских языках [17; 22; 35], так, восточные и часть западных славян под термином *гора* понимают «возвышенность», а южные славяне и часть западных — «лес» и «горный лес».

В гидронимах водные термины также взаимно легко по метонимии могут замещаться терминами

### Примеры позиционных расхождений между фонетическими системами башкирского и татарского языков

Соответствие	Башкирский	Татарский	Перевод	Челябинский топоним
башк. <i>й</i> / тат. <i>ж</i> , <i>з</i> , $\emptyset$ (нуль звука) / каз. <i>ж</i>	йылға, диал. жылга йеҫ (орф. еҫ) йерек, орф. ерек	елга  ис зирек	река  запах ольха	р. Силга > Джильга > Джилга > Зилга р. Яман-Зильге > Яманжелге р. Карайылға > Караилга > Карелка [13. С. 242]
башк. <i>з</i> / тат. <i>д</i> , <i>з</i>	зур зә	зур дә	большой также	Зур-Тау (большая гора) р. Ағарзы > Агурда
башк. <i>с</i> / тат. <i>ч</i> , <i>т</i>	Силәбе сыскан ағас сыбар	Чиләбе тычкан агач чуар	мышь дерево пестрый	Челябинск  оз. Агачкуль, Акачкуль оз. Чебаркуль
башк. <i>һ</i> / тат. <i>с</i> , <i>ш</i> башк. <i>-һу</i> / <i>-у</i>	һыу һабан айһу	су сабан аю	вода плуг медведь	р. Караһыу > Карасу > Караси (черная, то есть родниковая вода)
башк. <i>ç</i> / тат. <i>с</i>	кәҫ, сальют гов. вост. диал. кәһ	кәс, чирәм	дерновый пласт	вост. гов. Кәсте, сальют. Кәһте лит. Кәсле > Касли
башк. <i>ш</i> — тат. <i>с</i> , <i>ч</i>	шишмә шыршы	чишмә, чыршы	родник ель	д. Шишмә > Чишма, с., р/ц. Чесма, тур.

отрицательного рельефа: *река, ручей* — *долина, овраг*.

Рассмотрим гидронимический термин *ак*-.

*Ак-//Ык*- уже в др.-тюрк. языке образовали глагольно-именные омоформы «течь» — «течение», сохранившиеся во всех тюркских языках. В башкирском языке более частотен термин *ак*-. Корень *-ык* в современном башкирском языке и его диалектах «специализируется» по семантике «уклон, склон, покатошь» — «клониться», хотя его позиции в гидронимии очень сильны.

Целесообразно корень *ак*- анализировать в трех позициях:

- а) *ак*- с формо- и словообразующими аффиксами, что объясняется агглютинативным характером тюркских языков, когда корень-основа слова диктует все последующие фонетико-словообразовательные процессы;
- б) *ак*- в постпозиции, когда оно выполняет роль определяемого слова с препозитивным атрибутивом;
- в) *ак*- в препозиции в составе сложного слова. Аффиксальные формы:
  - *акма*: «текучий» — башк., тат., каз.; «протока, сильный поток дождевых вод, ручеек» — башк., башк. диал.;
  - *агым, агымды*: «текучая, течение, поток» — башк., тат., каз.; «поток, струя» — башк.; «быстрина» — тат.;
  - *агыш*: «течение» — башк., тат.; = *агыс* каз.; «поток» — тат.;
  - *агын*: «течение» — башк., каз.; «текучий, проточный, быстротечный» — башк.;
  - *агынты*: «течение» — тат.; «проточная вода» — тат. диал.;
  - *агынды*: «быстрая» — башк., каз.;
  - *агар, агарды*: «проточный» — башк.; «стремнина» — тат.;
  - *алкын*: «поток, быстротекущий» — тат. диал. [27. С. 118—120; 10. С. 44];
  - *агыу*: «река» — башк. диал. [7. С. 13].

Кроме деривата с аффиксом *-ма*, все остальные слова представляют собой причастия разного залогово-временного происхождения. «Согласно широко распространенной среди тюркологов точки зрения», тюркские «причастия восходят к отглагольным именам с довольно диффузным значением. Эти отглагольные имена имели одновременно и значение существительных, и значение причастий, выступая в том или ином качестве в зависимости от контекста. Эта точка зрения, безусловно, отражает мнение некоторых ученых о первоначальной нерасчлененности в тюркских языках имени и глагола» [29. С. 219]. Приведем ряд башкирских дериватов на эти архаичные аффиксы:

- *-ыш//-еш//-ош//-өш*: *агыш* — «заметное течение воды»; *инеш* — «родник, ключ», от *ин*- (вступать); *королош* — «стройка»; *бөгөлөш* — «изгиб реки»;
- *-ма//-мә*: *акма* — «бурный поток дождевой или снежной воды»; *уйма* — «впадина, ямка»; диал. *бөгөлмә* — «изгиб реки»;
- *-ыу*: *агыу* — «совместное с водой действие, сплав»; *һаркыу* (юл) — «покатая дорога», от *һарк*- (клониться);
- *-ым//-ем//-өм*: *агым, айырым* (юл) — «отдельная дорога»; *өзәрәм* (юл) — «заброшенная дорога», *бөгөм* — «изгиб»;
- *-кан//-кән//-ган//-гән*: *аккан* — «текучий»; *капкан* — «ловушка»; *корган* — «занавес», др.-тюрк. «то, что построено», «курган»; *үлгән* — «умерший»;
- *-ын//-ин*: *агын, сабын* — «покос», от *саб*- (косить); *килен* (<*gälin*) — «невеста», букв. «пришедшая»;
- *-ып//-ип*: *агып* — «стекая»; *алып* — «взяв»;
- *-ар//-әр//-ыр//-ир*: *агар* — «непрерывно текущий, способный течь»; *кайнар һыу* — «вода, которая будет кипеть > кипятком»; *барыр юл* — «дорога, по которой будут ходить // ездить > проезжая дорога»; *иҫәр* — «глупый» [5. С. 108, 109, 178—180; 33. С. 446—447, 472; 30. С. 24—27, 42].

В результате фонетических изменений из *аккан* возникли термины *акан, акын, агын, акин* [19. С. 42—43; 31. С. 42].

Академик В. К. Дмитриев подтверждает, что такие формы в башкирском языке «отражают старую эпоху в развитии языка, когда не было четкой разницы между формами действительного и страдательного залогов», и эти причастия будущего времени «сравнительно редко выступают в роли определения... являются как бы переходной от собственных причастий к отглагольным прилагательным» [8. С. 191].

Поэтому *агар, агырһыу* (проточная вода) — реальная основа названия реки *Агыр* (варианты: *Агыр*, 1742; *Агар*, 1892; *Агир*, 1926; *Айгыр*, 1984 [21. С. 12—13]); правый приток р. Уй, длина 34 км; она, судя по Государственному водному реестру РФ, протекает через озера. Также «рч. *Агир* (1742), ныне Чубар-Айгыр, из оз. Медиак сливала лишнюю воду в р. Миасс» [Там же. С. 12]. «Наиболее древним значением отглагольного прилагательного с показателем *-ar/-är/-yr/-ir* было выражение постоянного динамического признака; ср.: азерб. *ahar* — «текучий, проточный»» [33. С. 447].

Озера на территории Кыштымского городского округа *Большой* и *Малый Агардяш* образуют пару не по величине, мелких озер вокруг Боль-

шого Агардыша множество, а реки — Аткус. Аткус, протекающий через болотистые места, через Большой Агардыш, и его правый безымянный ручей, протекающий через Малый Агардыш, слившись, образуют озерную пару, что и подтверждают башкирские названия *Агарзыш* с аффиксом совместности *-даш// -дәш// -заш// -зәш// -таш// -тәш*: *юлдаш* — «спутник»; *карындаш*, диал. *кәрендәш* — «младшая сестра», букв. «соутробница»; *кәрзәш* — «родственник». «Аффикс *-даш* в основном присоединяется к именам, хотя и бывают случаи присоединения его к глаголам» [Там же. С. 147], например: тат. *имчәктәш* от *имчәк* (сосок женской груди); крым.-тат., караим., каб.-балк. *эмилдеш* (молочный брат), от *эм-* (сосать); аргаяш. говор *димдәш* (сосватанная девушка), от *дим-* (уговаривать, сватать) [14. С. 24].

Сингармонический параллелизм гласных по ряду, характерный для тюркских языков и диалектов, на семантику лексем влияет редко. Русская передача аффикса с мягким согласным *-д-* (*-дәш*) говорит о возможном произношении слова башкирами в палатальном варианте: *-Әгәрзәш*. Хотя восточному диалекту башкирского языка присуще произношение некоторых слов в твердом варианте: *сас* (волосы), *шал* (платок), *сай* (чай), *асы* (кислый) вместо лит. *сәс*, *сәй*, *шәл*, *әсе*, — ведущий исследователь башкирских диалектов Н. Х. Максуютова приходит к выводу, что аргаяшскому «говору свойственно палатальное произношение в отличие от других диалектов и говоров: <...> *дәүә* (лекарство), *әкәй*, *әгәй* (дядя), *әрзән* (дешевый), *хисәп* (счет), *гәүәк* (перхоть), *хәс* (вредный) и т. п.» [14. С. 24].

Нашу реконструкцию велярной и палатальной пары *агар//әгәр* со значением «текучий, проточный (речка, озеро)» подтверждают топонимы: *Әгер* = Агир, речка, правый приток Усени (дл. 11 км); село *Әгертамак* = Агиртамак («устье Агира»), прежнее название Агирское Устье; гора *Әгер тауы* в Туймазинском районе; озеро *Әгеркул* в бывшем Белебеевском уезде; речки *Агарзы* = Агарды, левый приток Кармасана; *Агыр-язы* (ист. назв.). Все названия, полностью сохранив написание источника, мы извлекли из «Словаря топонимов Республики Башкортостан». Его составители с оговоркой только по отношению к притоку Усени привели толкование Р. Г. Игнатьева (1881): возможно, от *айгыр* — «жеребец, жеребцовая» [31. С. 22, 230].

Гидронимы *Агарзы//Әгерзе* мы возводим к терминологической паре *агар//әгәр* с аффиксом наличия признака *-зы// -зе*, указанного в основе слова. Велярная оппозиция представлена топонимами *Агарзы* = Агарды, левый приток Кармасана, и,

возможно, *Агурза* = Агурда [25. С. 6, 7], деревня и лес в Зианчуринском районе Башкортостана по урочищу на левом берегу р. Касмарт.

В Татарстане фиксируется значительная (дл. 32 км) речка *Әгәрже* = Агрызка, правый приток р. Иж. Профессор Г. Ф. Саттаров пишет: «Слово *әгерже* в татарских диалектах используется в значениях “блины, испеченные из кислого теста”, “закваска”, “квасное тесто”, “дрожжи”. Некогда на месте города *Әгәрже* (= Агрыз) были закисававшие, как дрожжевая закваска, болота. Речка, вытекавшая из этого болота, называлась *Әгәрже*» [26. С. 124]. Но этот гидроним не поддерживает нашу версию о текучести, проточности речек с основой *әгәр* ни по семантике, ни по своему генезу. Как установил профессор Р. Г. Ахметьянов, слово *әгерже* выступает редким вариантом к тат. диал. *игәрче* (хлебец для поминок, хлебец из остатков теста; закваска, дрожжи, творог) и является общим культурным словом для языков Среднего Поволжья: чувашского, марийского, мордовского и татарского, и «параллели к этому слову в других кыпчакских языках не фиксируются» [2. С. 204].

Таким образом, изолированный татарский гидроним *Әгерже* стал лексическим омонимом к башкирскому *Әгәрзе*.

Неожиданное появление гидронима *Әгерже* (вар. *Әгержә*) = Агирзя, правый приток Юрюзани в Караидельском районе Башкортостана, вероятно, объясняется тем, что уже в 1-й пол. XVIII в. в Караидельском районе в качестве припущенников на башкирских вотчинных землях поселилось большое число мишар, тептяр, марийцев и ясачных татар [1. С. 478—491], возможно, приспособивших существующий гидроним под родное произношение.

Если замена башк. *з* на *з//ж* в анлауте и инлауте татарского слова — закономерное явление: *зур// зур* (большой); *кәзә* башк. диал. // *кәзә* башк. лит. // *кәжә* тат. (коза), то мена *з//з//ж* в северо-западном диалекте башкирского языка, в который входит и караидельский говор, как отметила С. Ф. Миржанова, «чрезвычайно любопытное фонетическое соответствие <...>: *абзый* — *абжый* — лит. *абзый* (старший брат), *ажәу* — *азәу* — лит. *азәу теи* (коренной зуб). <...> *Әмзе* — *Әмже* — пос. *Амзя* в Янаульском районе» [15. С. 28]. Возможно, эта мена также обязана татарскому воздействию. Аналогичное изолированное чередование фиксируется и в юго-восточном говоре башкирского языка: гидроним *Әүзән* — *Әүзән* — *Әүжән* = *Авзян*, левый приток р. Белой в Белорецком районе.

Межзубный башкирский *з* [δ] закономерно в татарском и русском языках передается через щелевой *з* либо взрывной *д*: *Агурза* > *Агурда*;

Әғәрзе > Әгерже > Ағирзя; Әмзе, левый приток Буя > Әмже > Амзя, Амзи; Қирзә > Қирзя, левый приток Уфы в Караидельском районе.

В Башкортостане находим гидронимы *Акма*, *Ағыншишмә* (быстротечный родник), *Ағым* (вариант: *Ағрым*) [25. С. 7; 31. С. 22—23]. В казахском языке многочисленны гидронимы: *Аккан* (протекающий), *Акканбурлык* (текущая ответвленно, в другом русле), *Ағынкол* (проточное озеро), *Ағыныкатты* (сильное течение) [36. С. 9, 136, 725] и т. д.

Как заметили, небольшие речки *Ағар//Ағыр//Әгер* имеют как вариантное или основное название *Айғыр* = *Айгир* (жеребец). В этот перечень включается и гидроним *Айгир*, левый приток Малого Инзера, с известным у туристов *Айгирским перекатом* в Башкортостане. Если в многочисленных тюркских топонимах *айгир* можно допустить как синоним к слову *большой*: *Айғыръял* (-ял — «грива, гребень горы»), в Белорецком, Давлекановском, Стерлибашевском районах Башкортостана [31. С. 24], *Айғыржал* (большой хребет), *Айғырколь* (большое озеро), *Айғыршағыл* (большие пески) в Казахстане [36. С. 7, 251, 277], то толкование названий небольших речек — *айғыр* — как «жеребец, большой» через цветистую тюркскую метафору противоречит всякой логике и семантике гидронима. В каракалпакских говорах *айғыржал* — «жеребцовая грива» — может еще просто значить «ковыль». Э. М. Мурзаев поддержал версию казахского языковеда Г. К. Койшыбаева, утверждающего, что «Айгыр — жеребец, в составе сложного географического названия приобретает значение “большой”», но заметил, что «противоречия между общепринятыми этимологиями и географическими реалиями налицо» [18. С. 224].

Для объяснения этого алогизма обратимся к физиологической характеристике интервокального и ауслатного *к*, *з*, *ж* < *к*. По мнению академика Б. А. Серебренникова и профессора Н. З. Гаджиевой, «в интервокальной позиции спирант *з*, как слабо артикулируемый, не был устойчив. <...>*з* часто превращался в билабиальный *в*, иногда в *б*. В интервокальном положении *з*, *в* и *б* могли исчезнуть. <...> Историческое развитие интервокального *з* обычно принято рассматривать в сочетании с окружающими гласными. В сочетаниях *агы*, *ага*, *агу* <...> в ряде тюркских языков интервокальный *з* сохранился: \**агыр* <...>; в других — *з* > *в* (*в*): \**агыз* “рот” башк., тат., каз. *авыз* [орфография соответствует: *ауыз*, *авыз*, *ауыз*. — Г. В.], \**азыз* “медведь” баш. *айыу*, тат., каз. *аю*; <...>*з* > *й*: \**сыгыр* “корова”, тат., каз. *сыйыр*) [29. С. 42, 44] (орфография *сыер*, *сиыр*. — Г. В.),

башк. *һыйыр*. Основоположник башкирского языкознания Дж. Г. Киекбаев в своей книге о фонетике башкирского языка этому явлению уделил целый параграф «Историческая судьба звуков *к-к* и *з-з* и их переход в звуки *у-у* и *й*», в котором приводит многочисленные примеры, как *агыр* > *ауыр*, *агыз* > *ауыз*; *суз* > *һыу* (вода), тат. *су*; *кыскак*, *кыска* (короткий); *һаҫык*, *һаҫы*, тат. *сасык*, *сасы* (вонючий) [11. С. 119—123].

Эти комбинаторные и позиционные изменения согласных в истории башкирского языка наряду с аблаутом гласных, который для аргаяшского говора Н. Х. Максютова изобразила так: *аллы*, *алә*; *елә*, *елу* [14. С. 24], дают возможность пересмотреть этимологии ряда челябинских гидронимов, восходящих, по нашему мнению, к основе *ак-* — «течь, течение».

Здесь мы входим в область того, о чем Ф. де Соссюр в разделе «Географическая лингвистика» своего знаменитого «Курса общей лингвистики» сказал: «Не следует смешивать того, что правдоподобно, с тем, что доказуемо» [32. С. 175].

Причину возникновения эпентезы *з*, сочетания *з* > *йз* (*агыр* > *айгыр*) и чередований *з//w//j//Ø* (нуль звука) мы видим в «неустойчивом» скользющем, плавном произношении этих «глайдов», которое носит универсальный характер; ср.: рус. *нового*, произношение в литературном языке [*нóвъвъ*] и диалектах [*нóвъØъ*] > [*нóво:*]; греч. *ἄγγελος* [*ángelos*]; евр. *Хайа* > *Хавва*, азерб. *Нәнва*, груз. *Е́ва*, пол. *Ewa*, др.-рус. *Евга* > *Ева*; «гора — лес»: *тау* (Ямантау) // *даг* (Аюдаг, Дагестан) // *тай* (Алтай) // *тоо* (Алатоо) // рус. *тов* (Саратов < *Сары тау* — «желтая гора»).

Эпентеза *з* могла появиться и после *й*. Как пишут казахские авторы, ороним *Айғыржал* «состоит из слов *айыр* (*айгыр* < *айыр* — раздвоенный, двойной) и *жал* (гребень), что означает “высокие гребни хребта”» [36. С. 7]. В Башкортостане имя *Айғыръял* носят гора, деревня и пашня [31. С. 24]; возможно, какие-то из них не указывают на величину объекта. То есть названия мелких речек *айгир*, *айгыр* возникли из *агар//агыр* для «благозвучия» в произношении и в попытках его объяснения, и не только башкирами, известным словом.

Мена *з//w//j//Ø* и аблаут *аллы//ә*; *елә//у* в башкирском языке позволяют внести и другие версии толкования устоявшихся, кажущихся незыблемыми этимологий терминов и географических названий:

- Мена *з//j*, *агыр* // *айыр*, *аур* как самостоятельный термин лежит в основе многих гидронимов и оронимов в значении «развилистый, развилина»: в Башкортостане речки *Айыр* = *Аур*, *Айыры* = *Айры*, *Айырғол* = *Аиргул*,

*Айыркол* = *Аиркул*, родник *Айырлы* = *Аирлы*, озера *Айыртаба*, *Айрыкуль* = *Айырыкул*; в Казахстане озеро *Айыркуль* и речка *Акайыр*, гора *Айыртас*, село *Айыркум* [31. С. 25—26; 36. С. 76, 137, 541, 670]. Топонимисты все водные названия с термином *айыр* однозначно объясняют как «раздвоенная, развилитая река, озеро» [10. С. 37—44; 12. С. 29—30]. В словаре топонимов Башкортостана подобное разъяснение дано только для одной из двух рек Аиркул, левый приток Уршака: «... в верх. течении имеет четыре разветвления: *Себенлекул*, *Әскәпкул*, *Кәзәкул*, *Сәй йылғаһы*» [31. С. 25]. Без такого гидрологического пояснения возможно, что ряд из них являются просто *текучими, проточными* речками, озерами, возникшими из *агыр* > *айыр* > *аир*.

- Чередующиеся «глайды» *г/у* в башкирском языке представлены двумя аффиксами: *агыр* > *ауыр*, *агыз* > *ауыз*. Первый из них — *ауыр* — мы обнаружили только в одном гидрониме *Ауыргазы* = *Аургазы*, правый приток Уршака, дл. 46 км, в Башкортостане. Из словаря топонимов Башкортостана: от *ауыр* (<*айыр*) — «рукав реки; речка», *газы* (др.-тюрк. *үгүз* — «река») [31. С. 35], то есть авторы опосредованно только через термин *айыр* (развилитый, раздвоенный) термин *ауыр* все же признали «речкой».
- Мена *агыз* > *ауыз* в башкирском языке сохраняется с *г* в вербальной форме: *агызыу* (смыть, сплавлять с помощью воды), с *у* — в именной: *ауыз* (рот, устье < место, где сливается; граница (начало, конец) леса, рощи и т. п.); ср. метонимию в рус. яз.: *печь* как действие и *печь* как место. Все гидронимы, содержащие лексему *ауыз*, исследователи однозначно возводят к субстантивному деривату *ауыз* со значением «устье»: *Ауызкөл* = *Ауызкөл* (озеро в устье реки) [12. С. 55], «ибо, по общепринятой точке зрения, освоение рек и приречной полосы в прошлом начиналось не с истока, а с устья реки» [10. С. 8]. Последнее утверждение А. А. Камалова со ссылкой на работы А. И. Попова верно для крупных рек Европейской равнины, где небольшие группы населения знали только свой участок реки и действительно по ней шли в верховья, к волокам для перехода и сплава в бассейн другой, крупной реки.

Между тем среди бесчисленных бессточных «озер в устье реки» степного Казахстана ряд гидронимов *Ауызкөл* Акмолинской, Павлодар-

ской, Атырауской областей могут этимологизироваться просто как «проточные озера», что выполняет яркую адресную функцию.

Другие гидронимы: *Ауызбакы* (родник); *Ауызсай* (река); *Ауызкудук* (колодец); *Ауызарал* (урочище); *Ауызсу* (речки, родники, урочища) — в Казахстане, особенно многочисленные в гористой Алма-Атинской области [36. С. 14, 151—152, 438, 639], могут быть просто «текущими или временными, высохшими, сухими водными потоками», то есть мы считаем, что *ауыз* в составе гидронимов по-прежнему еще может сохранять свою древнюю причастно-атрибутивную функцию «текущий» > «течь — течение».

В постпозиции термины *ауыз* > *ауз* > *аус* // *агуз* > *агус* > *агуш*, *агыш* (течение, река), мы полагаем, присутствуют в названии речки *Аргауз* (варианты: *Аргаза*, *Аргава*), левый приток р. Сим, дл. 16 км; скалы-«бойца» *Аргус*, выс. 43 м, по правому берегу р. Ай, на окраине Кусы.

В «Словаре топонимов Республики Башкортостан» *Аргауз* выводят от *аргы* (дальняя) и монг. *ус/уса* (вода, река) [31. С. 31]. Народная этимология сближает наименование скалы *Аргус* с именем древнегреческого стоглазого великана Аргуса. Вместе с тем в др.-тюрк. корень *а:р-* с формантами носителя действия *-қи*, *-ғы*, *-аз*, *-н*, *-мак*, *-ык* имеет значение «вода, рукав реки, речное русло, канал, источник родник, ключ» [27. С. 188]. Опасные скалы, о которые разбивались во время сплава заводских караванов барки-коломянки с чугуном и железом на Чусовой, судя по одноименному рассказу Д. Н. Мамина-Сибиряка, назывались «бойцами», на Юрюзани они именовались гребнями, а на Ае — притесами. Самые опасные их них имели собственные имена: на Чусовой — *Молоков*, *Печка*, *Высокий Камень*, *Мултык*, *Владычный*, *Горчак*, *Косой*, *Дужный*, *Востряк*, *Сосун*, *Разбойник* и др. («Бойцы», гл. XVI). Был свой Разбойник на Больших Притесах на р. Ай [16]. Полагаем, что один из разбойников стал *Аргусом* в речи заводского начальства, придавшего башкирскому названию понятное «научное» объяснение. Башкиры называли, вероятно, скалу-«бойца» *Арг(ы)ауыз* > *Аргауз* (река — рот, горло) задолго до заводских работ, потому как р. Ай, разбиваясь о скалу с брызгами, водяной пеленой, пенным гребнем между основным течением и суводью, превращающейся в водовороты, прорывается мимо скалы, как сквозь горло.

Башкирские топонимисты в именах речек *Акауз*, *Әкәүз* = *Акаваз* в Бурзянском, Мелеузовском, Кугарчинском районах — с оговоркой о др.-тюрк. *ауаз*, диал. *ауаз* > *ауыз* — все-таки признают *ауыз* «речкой» [26. С. 12; 32. С. 26].

Вероятно, в ряде гидронимов, как озера *Карагуз* (варианты: *Карагуж*, *Карагус*, *Карагаз*) в Еткульском и Каслинском районах, и в некоторых из топонимов (*Карагуш*, *Карагас*, *Карагаиш*), безоговорочно возводимых к очевидным *карагас* («лиственница», каз. и каракалпак. еще «ильм» или «вяз приземистый, *Ulmusrumila*») и *қарагоиш* < *кара кош* («черная птица» = «большой подорлик, *Aquilaclanqa*»), присутствует *агыш*, *агаиш* — «текущий, течение». Заметим, что в Челябинской области севернее междуречья Уй — Миасс башкирскому *с* в южной части области будет противостоять казахское *ш*: *тауш/тас* (камень), *бауш/бас* (голова), *кош/құс* (птица), *ағас/ағаш* (дерево), и наоборот.

Реки, озера *Кара(а)гыш*, *Карагуш*, *Кара(а)гуж* мы ставим в один ряд с *Караелга*, *Карабулак*, *Карасу*, *Каракудук*, потоками воды, реками, родниками, колодцами, питающимися земными (не ледниковыми, дождевыми), родниковыми источниками.

Таким образом, в водной терминологии Челябинской области тюркский пласт занимает ведущее положение. Анализ только одного из основных водных терминов *ак* в значении «течь — течение» показал, что корень-основа *ак* со словообразовательными аффиксами в составе гидротерминов Южного Урала представлен самым исчерпывающим образом.

В дальнейшем планируем рассмотреть гидротермин *ақ* в составе водных объектов на территории Челябинской области в постпозиции композиты в качестве определяемого слова и *ақ* в препозиции композиты в качестве определения и в двандва.

В исследовании мы изложили свою точку зрения, не вступая в полемику с многочисленными научно-популярными изданиями и интернет-изданиями о генезисе челябинских топонимов, которые в целом носят характер народной этимологии.

### Список литературы

1. Асфандияров, А. З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий / А. З. Асфандияров. — Уфа, 2009.
2. Ахметьянов, Р. Г. Этимологический словарь татарского языка : [на тат. яз.] : в 4 т. Т. I: А — Й / Р. Г. Ахметьянов. — Бирск, 2005.
3. Бажов, П. П. Письмо к Л. И. Скорино от 20.09.1944 // П. П. Бажов. Соч. : в 3 т. Т. III. — М., 1952.
4. Гарипов, Т. М. Башкирско-татарские языковые параллели : материалы к сравнит. грамматике кыпчакских яз. Урало-Поволжья / Т. М. Гарипов // Языковые контакты в Башкирии : темат. сб. / под ред. Т. М. Гарипова и Н. В. Черемисиной. — Уфа, 1972.
5. Грамматика современного башкирского литературного языка / отв. ред. А. А. Юлдашев. — М., 1981.
6. Диалектологический атлас башкирского языка. — Уфа, 2005. — 169 карт.
7. Диалектологический словарь башкирского языка : [на башк. яз.]. — Уфа, 2002.
8. Дмитриев, В. К. Грамматика башкирского языка / В. К. Дмитриев. — М. ; Л., 1948.
9. Екатерина II Великая. Указы о учреждении мусульманских собраний и муфтията [Электронный ресурс]. — URL: <http://ekaterina-ii.niv.ru/ekaterina-ii/dokumenty/ukazy-o-uchrezhdenii-musulmanskih-sobranij.htm>.
10. Камалов, А. А. Башкирские географические термины и топонимия / А. А. Камалов. — Уфа, 1997.
11. Кiekбаев, Дж. Г. Фонетика башкирского языка: опыт описательного и сравнительно-исторического исследования : (на башк. яз.) / Дж. Г. Кiekбаев. — 2-е изд., испр. — Уфа, 2002.
12. Койчубаев, Е. Словарь топонимов Казахстана : [на каз. яз.] / Е. Койчубаев. — Алматы, 1985.
13. Лабзина, М. В. О тюркских гидронимах Челябинской области / М. В. Лабзина // Ономастика Поволжья-2 : материалы II Поволж. конф. по ономастике. — Горький, 1971. — С. 241—243.
14. Максютова, Н. Х. Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении / Н. Х. Максютова. — Уфа, 1996.
15. Миржанова, С. Ф. Северо-западный диалект башкирского языка: формирование и современное состояние / С. Ф. Миржанова. — Уфа, 1991.
16. Моисеев, А. Железные караваны [Электронный ресурс] / А. Моисеев // Урал. курьер. — 2001. — 24 июля. — URL: <http://www.chelpress.ru/newspapers/ucourier/archive/24-07-2001/5/a69805.html> (дата обращения 25.02.2018).
17. Мурзаев, Э. М. Гора — лес / Э. М. Мурзаев // Рус. речь. — 1967. — № 1. — С. 80—82.
18. Мурзаев, Э. М. Очерки топонимики / Э. М. Мурзаев. — М., 1974.
19. Мурзаев, Э. М. Словарь народных географических терминов / Э. М. Мурзаев. — М., 1984.

20. Наджип, Э. Н. Тюркский язык / Э. Н. Наджип, Г. Ф. Благова // Языки мира. Тюркские языки. — М., 1997. — С. 126—138.
21. Поздеев, В. В. Топонимика Южного Урала : историко-топоним. слов. / В. В. Поздеев ; под ред. Ю. В. Поздеевой, Т. Л. Корецкой. — Челябинск, 2013.
22. Попов, А. И. Из истории лексики языков Восточной Европы / А. И. Попов. — Л., 1957.
23. Реки Челябинской области [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.geoguides.ru/guide-502.html>.
24. Жизнь казанских татар в царской России. XVIII век [Электронный ресурс] // Исторический документ. — URL: <http://history-doc.ru/zhizn-kazanskix-tatar-v-carskoj-rossii-xviii-vek/>.
25. Русско-башкирский словарь водных объектов Республики Башкортостан / сост. Ф. Г. Хисаметдинова, Р. З. Шакуров, З. А. Сиразетдинов [и др.]. — Уфа, 2005.
26. Саттаров, Г. Ф. Почему так названы? Топонимы Татарстана : [на тат. яз.] / Г. Ф. Саттаров. — Казань, 1971.
27. Севортян, Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные / Э. В. Севортян. — М., 1974.
28. Сергиевский, М. В. Топонимия Бессарабии и ее свидетельство о процессе заселения территории / М. В. Сергиевский // Изв. Акад. наук. Отд. лит. и яз. — 1946. — Т. V, вып. 4. — С. 333—350.
29. Серебренников, Б. А. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1986.
30. Словарь башкирского языка : [на башк. яз.] : в 2 т. Т. I: А — М. — М., 1993.
31. Словарь топонимов Республики Башкортостан. — Уфа, 2002.
32. Соссюр, де Ф. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр ; изд. Ш. Балли и А. Сешез при участии А. Ридлингер ; под ред. и примеч. Р. И. Шор. — М., 1933.
33. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / отв. ред. чл.-кор. АН СССР Э. Р. Тенишев. — М., 1988.
34. Старостин, А. Н. К вопросу о реконструкции социального облика имамов Урала в дореволюционный период [Электронный ресурс] / А. Н. Старостин. — URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/rmforum/4/starostin.htm>.
35. Толстой, Н. И. Славянская географическая терминология: семасиологические этюды / Н. И. Толстой. — М., 1969.
36. Топонимика Казахстана : энцикл. справ. — Алматы, 2010.

### Сведения об авторе

**Валеев Гадель Камилевич** — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. [vgadel@gmail.com](mailto:vgadel@gmail.com)

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 17—27.*

## TURKIC TERMS IN HYDRONYMS OF THE CHELYABINSK REGION AND ADJACENT TERRITORIES.

### I. AQ. “FLOW — FLOWING” WITH DERIVATIONAL AFFIXES

**G.K. Valeev**

*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. l@gmail.com*

The article gives general information on the number of rivers and lakes, their length and the area of the basin in the Chelyabinsk region. Attention is drawn to the fact that in the toponymic relation the territory of the region has been poorly studied. Compressed characteristics of the ethnogenesis of the population of the Southern Urals are given, in which the Turkic peoples prevail in the historical period, in the last millennium Bashkirs, Tatars, Kazakhs. The upper final layer of the toponymy of the region is formed by Russian geographical names. Some phonetic correspondences of the ancient Turkic and Bashkir, Tatar, and Kazakh languages are given, which are reflected in the hydronymy of the Southern Urals. The article deals with the water terms of the Turkic peoples with the root-basis *aq* in the meaning of “stream — flow” in the Chelyabinsk region and adjacent territories in the preposition with word-building affixes.

**Keywords:** *hydronymy of the Chelyabinsk region, language strata in hydronymy, Turkic term “aq”, meaning “stream — flow”, affix derivatives of the term “aq”.*

## References

1. Asfandiyarov A.Z. *Istoriya sel i dereven' Bashkortostana i sopredel'nykh territoriy* [History of villages and countryside of Bashkortostan and adjacent territories]. Ufa, 2009. (In Russ.).
2. Akhmet'yanov R.G. *Etimologicheskii slovar' tatarskogo yazyka v 4 t. T. I: A — Y* [Etymological dictionary of the Tatar language in 4 vol. T. I: A — Y]. Birsik, 2005. (In Tatar).
3. Bazhov P.P. Pis'mo k L.I. Skorino ot 20.09.1944 [A letter to L.I. Skorino dated 20.09.1944]. *Sochineniya v 3 t. T. III* [Works in 3 vol. Vol. III]. Moscow, 1952. (In Russ.).
4. Garipov T.M. Bashkirsko-tatarskiye yazykovye paralleli: materialy k sravnitel'noy grammatike kypchakskikh yazykov Uralo-Povolzh'ya [Bashkir-Tatar language parallels: materials for the comparative grammar of the Kypchak languages of the Ural-Volga region]. *Yazykovye kontakty v Bashkirii* [Language contacts in Bashkiria]. Ufa, 1972. (In Russ.).
5. Yuldashev A.A. (ed.). *Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of modern Bashkir literary language]. Moscow, 1981. (In Russ.).
6. *Dialektologicheskii atlas bashkirskogo yazyka* [Dialectological atlas of the Bashkir language]. Ufa, 2005. 169 maps. (In Russ.).
7. *Dialektologicheskii slovar' bashkirskogo yazyka* [Dialectological Dictionary of Bashkir Language]. Ufa, 2002. (In Bashkir).
8. Dmitriev V.K. *Grammatika bashkiskogo yazyka* [Grammar of the Bashkir language]. Moscow, Leningrad, 1948. (In Russ.).
9. *Ekaterina II Velikaya. Ukazy o uchrezhdenii musul'manskikh sobranii i muftiyata* [Ekaterina II Great. Decrees on the establishment of Muslim assemblies and the Muftiate]. Available at: <http://ekaterina-ii.niv.ru/ekaterina-ii/dokumenty/ukazy-o-uchrezhdenii-musulmanskih-sobranij.htm>, accessed 25.02.2018. (In Russ.).
10. Kamalov A.A. *Bashkirskiy geograficheskiye terminy i toponimiya* [Bashkir geographic terms and toponymy]. Ufa, 1997. (In Russ.).
11. Kiekbaev G.G. *Fonetika bashkirskogo yazyka: opyt opisatel'nogo i sravnitel'no-istorichkogo issledovaniya* [Phonetics of the Bashkir language: the experience of descriptive and comparative historical research]. Ufa, 2002. (In Bashkir).
12. Koychubayev Ye. *Slovar' toponimov Kazakhstana* [Dictionary of toponyms of Kazakhstan]. Almaty, 1985. (In Kazakh).
13. Labzina M.V. O tyurkskikh gidronimakh Chelyabinskoy oblasti [About the Turkic hydronyms of the Chelyabinsk region]. *Onomastika Povolzh'ya-2. Materialy II Povolzhskoy konferentsii po onomastike* [Onomastics of the Volga region-2. II Volga Conference on Onomastics]. Gorky, 1971. Pp. 241—243. (In Russ.).
14. Maksyutova N.Kh. *Bashkirskiy govory, nakhodyashchiesya v inoyazychnom okruzenii* [Bashkir dialects, located in a foreign environment]. Ufa, 1996. (In Russ.).
15. Mirzhanova S.F. *Severo-zapadnyy dialect bashkirskogo yazyka: formirovaniye i sovremennoye sostoyaniye* [North-Western dialect of the Bashkir language: formation and the present state]. Ufa, 1991. (In Russ.).
16. Moiseyev A. Zheleznye karavany [Iron caravans]. *Ural'skiy kur'yer* [The Urals Courier], 2001, July 24. Available at: <http://www.chelpress.ru/newspapers/ucourier/archive/24-07-2001/5/a69805.html>, accessed 25.02.2018. (In Russ.).
17. Murzaev E.M. Gora — les [Mountain — forest]. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 1967, no. 1, pp. 80—82. (In Russ.).
18. Murzaev E.M. *Ocherki toponimiki* [Essays on toponymy]. Moscow, 1974. (In Russ.).
19. Murzaev E.M. *Slovar' narodnykh geograficheskikh terminov* [Dictionary of folk geographical terms]. Moscow, 1984. (In Russ.).
20. Nadzhip E.N., Blagova G.F. Tyurki yazyk [Turkic language]. *Yazyki mira. Tyurkskiye yazyki* [Languages of the world. Turkic languages]. Moscow, 1997. Pp. 126—138. (In Russ.).
21. Pozdeev V.V. *Toponimika Yuzhnogo Urala: istoriko-toponimicheskii slovar'* [Toponymy of the Southern Urals: historical-toponymic dictionary]. Chelyabinsk, 2013. (In Russ.).
22. Popov A.I. *Iz istorii leksiki yazykov Vostochnoy Evropy* [From the history of the vocabulary of the languages of Eastern Europe]. Leningrad, 1957. (In Russ.).
23. *Reki Chelyabinskoy oblasti* [Rivers of the Chelyabinsk region]. Available at: <http://www.geoguides.ru/guide-502.html>, accessed 25.02.2018. (In Russ.).
24. Zhizn' Kazanskikh tatar v Tsarskoy Rossii. XVIII vek [Life of Kazan Tatars in Tsarist Russia. XVIII century]. *Istoricheskiy dokument* [Historical document]. Available at: <http://history-doc.ru/zhizn-kazanskix-tatar-v-carskoj-rossii-xviii-vek/> (In Russ.).

25. *Russko-bashkirskiy slovar' vodnykh ob'yektov Respubliki Bashkortostan* [Russian-Bashkir Dictionary of Water Bodies of the Republic of Bashkortostan]. Ufa, 2005. (In Russ.).
26. Sattarov G.F. *Pochemu tak nazvany? Toponimy Tatarstana* [Why are they so named? Toponyms of Tatarstan]. Kazan, 1971. (In Tatar).
27. Sevortyan E.V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskiye i mezhtyurkskiye osnovy na glasnye* [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic bases on vowels]. Moscow, 1974. (In Russ.).
28. Sergievskiy M.V. Toponimiya Bessarabii i yeyo svidetel'stvo o protsesse zaseleniya territorii [Toponymy of Bessarabia and its certificate of the process of settling the territory]. *Izvestiya Akademii nauk. Otdeleniye literatury i yazyka* [News of the Academy of Sciences. Department of Literature and Language], 1946, vol. 5, iss. 4, pp. 333—350. (In Russ.).
29. Serebrennikov B.A., Gadzhieva N.Z. *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov* [Comparative-historical grammar of the Turkic languages]. Moscow, 1986. (In Russ.).
30. *Slovar' bashkirskogo yazyka v 2 t. T. I: A — M* [Dictionary of the Bashkir language in 2 vol. Vol. I: A — M]. Moscow, 1993. (In Bashkir).
31. *Slovar' toponimov Respubliki Bashkortostan* [Dictionary of Toponyms of the Republic of Bashkortostan]. Ufa, 2002. (In Russ.).
32. Saussure de F. *Kurs obshchey lingvistiki* [The course of general linguistics]. Moscow, 1933. (In Russ.).
33. Tenishev E.R. (ed.). *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya* [Comparative-historical grammar of Turkic languages. Morphology]. Moscow, 1988. (In Russ.).
34. Starostin A.N. *K voprosu o rekonstruktsii sotsial'nogo oblika imamov Urala v dorevolyutsionnyy period* [On the reconstruction of the social appearance of the Imams of the Urals in the pre-revolutionary period]. Available at: <http://www.idmedina.ru/books/materials/rmforum/4/starostin.htm>, accessed 25.02.2018. (In Russ.).
35. Tolstoy N.I. *Slavyanskaya geograficheskaya terminologiya: semasiologicheskiye etyudy* [Slavic Geographical Terminology: Semasiological Etudes]. Moscow, 1969. (In Russ.).
36. *Toponimika Kazakhstana: entsiklopedicheskiy spravochnik* [Toponymy of Kazakhstan: encyclopaedic reference book]. Almaty, 2010. (In Russ.).

УДК 81'42  
ББК 81.0

## ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС КАК СРЕДА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАТЕГОРИЙ МЫШЛЕНИЯ

Г. Г. Галич<sup>1</sup>, А. М. Клэстер<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия

<sup>2</sup> Омский государственный технический университет, Омск, Россия

Отражен опыт исследования терминологических фрагментов, включающих категориальные номинации, — фрагментов текста, рассматриваемого как письменная фиксация профессионального дискурса, с целью уточнения категориальной структуры отображаемого в нем знания. В центре внимания находятся термины, обозначающие специальные объекты определенной области научного познания, общенаучные термины, а также общезыковые лексемы — результаты обыденной категоризации элементов бытия и его многопланового осмысления. Посредством использования метода когнитивной и прагматической интерпретации дискурсивного содержания предпринимается попытка классификации отображаемых в дискурсе когнитивных категорий научного и обыденного знания. Фиксируется общность глобальных категорий ономаσιологического и гносеологического типа, в равной мере свойственных когнитивному уровню общезыкового и профессионального дискурсов и обнаруживающих частные различия на уровне номинирующих категории лексических и грамматических экспонентов.

**Ключевые слова:** профессиональный дискурс, термин, терминологический фрагмент, категория, категория мышления, когнитивная и прагматическая интерпретация.

Для современного когнитивного языкознания характерно стремление к максимально полному и разностороннему освещению языковых явлений, сочетаемое с многоаспектностью и комплексностью научного описания. В этой связи актуальным становится поиск языковых методик, позволяющих делать выводы о структуре и содержании мысли, воплощенной в текстовой (дискурсивной) форме.

В данной статье представлен опыт анализа языковых реализаций категорий научного и обыденного мышления, присутствующих в форме терминологических и общезыковых номинаций в профессиональном дискурсе/тексте.

Прежде всего необходимо определить, в каких ракурсах в статье анализируются понятия и термины «профессиональный дискурс» и «категория».

Профессиональный дискурс принято рассматривать как специальную, часто — институциональную, иногда — личностную сферу коммуникации [5. С. 8; 11. С. 32—33; 12. С. 250]. В прагматической и социолингвистической дискурсологии в центр внимания исследователей помещаются специфические черты профессионального дискурса, отличающие его от других дискурсивных практик и формирующие его как относительно автономный, самостоятельный объект изучения. В этом качестве он может быть рассмотрен также как особая коммуникативная

среда, порождаемая целеполаганием субъектов, специфичная по тематике, оформляемая в соответствии с условиями общения и наполненная определенными языковыми единицами разного уровня обобщения, позволяющими успешно реализовать поставленные коммуникативные цели.

Понятие и термин «категория» все чаще встречается в трудах по когнитивной лингвистике, преодолевая первоначальное неприятие и получая заслуженный статус наиболее общей структуры познания [6. С. 5; 14. С. 44; 17. С. 5; 18. С. 180; 22. Р. 30 и др.]. Авторы этих трудов уделяют большое внимание происхождению термина «категория», истории изучения категорий, их номенклатуре, структуре и типологии. Абстрактный обобщающий характер категории как ментальной структуры вызывает значительные трудности определения и описания этого ненаблюдаемого феномена, наиболее достоверно проявляющего себя в форме вербализации в дискурсе/тексте.

В начале 1980-х гг. с логико-гносеологических позиций еще высказывались сомнения по поводу принципиальной возможности выделения и эффективного описания лингвистическими методами инвентаря мыслительных категорий, несомненно наличествующих в тексте [7. С. 66].

В современной лингвистике выработаны также новые определения понятия «категория»: «одна из познавательных форм мышления», которая «обобщает опыт, обобщает свойства вещей,

осуществляет классификацию» [14. С. 44]; «формат знания» [6. С. 5]; «некие общие разряды», «рубрики опыта» человека [17. С. 3].

Дополнительную междисциплинарную информацию о наборе и сущности глобальных категорий мышления можно получить в работе В. Ф. Асмуса «Античная философия». Эта работа подвергает строго научному логическому анализу известную и многократно упоминаемую в современных трудах когнитологов концепцию категорий Аристотеля, которая, при всей своей фундаментальности, насыщена нерешенными проблемами и поисками истины: «Неразработанность вопроса об отношениях и о связях категорий, логических и лингвистических, привела к тому, что найденные Аристотелем категории выступают у него то как категории бытия и познания, то как категории языка» [3. С. 352].

Сегодня, по прошествии веков, можно зафиксировать весьма скромный прогресс в решении вопроса об отношениях и связях категорий — логических, категорий бытия и познания, с одной стороны, и категорий языка — с другой. Многие известные авторы настаивают на необходимости четкого разграничения концептуальной и языковой картин мира, включающих в себя соответствующие категории, однако убедительные критерии разграничения обычно не приводятся. Это свидетельствует о сложности вопроса и его сохраненной актуальности для когнитивной науки и лингвистики. Выход, возможно, лежит в плоскости отказа от строгого разграничения мыслительного содержания и языковой семантики [23. С. 50] и выделения категорий речемыслительных в понимании С. Д. Кацнельсона [13. Р. 64].

Намеченная в данной статье позиция продолжает научные традиции, развиваемые в трудах Л. В. Щербы [19], С. Д. Кацнельсона [13] и других представителей петербургской школы языкознания. Применяемая — новая по отношению к структурализму 80-х методика когнитивной и прагматической интерпретации явлений дискурса/текста восходит к работам И. П. Сусова [15; 16].

Согласно концепции И. П. Сусова, прагматические и семантические значения дискурсивных структур «можно объединить в рамках единого содержательного (контенсивного) стратума» [16. С. 11]. Связь кодируемых в этих двух видах значений структур человеческой деятельности с фонологической формой высказывания осуществляется посредством лексико-грамматических механизмов языка, закрепленных в его системно-структурной парадигме — независимо от стиля и жанра текста/дискурса.

Как в повседневном бытовом общении, так и в профессиональном дискурсе эти механизмы могут быть представлены как «правила интерпретации формальных языковых структур относительно структур сознания и структур деятельности... Совокупность формальных и семантических правил языка и правил прагматической интерпретации позволяет видеть язык в его целостности, то есть как прагматически интерпретируемую (или социально-интерактивную) систему» [Там же]. Единство функциональных механизмов когнитивной и прагматической интерпретации высказывания коррелирует с реальным единством одноименных форм деятельности говорящего при восприятии, осознании и дискурсивном воплощении отражаемой предметной и — в том числе — профессиональной ситуации.

Наиболее общим можно признать деление категорий мышления по принципу различия того, что в них отображается, и того, как это содержание функционирует в мыслительно-речевой деятельности коммуникантов. Это деление подготовлено опытом изучения содержания предложения в аспекте разграничения диктума и модуса [4; 8], а также некоторыми подходами к содержанию когнитивных категорий в их текстовой реализации [9; 10; 20]. В рамках проблемы систематизации категорий мышления в данной работе формулируется гипотеза, что наиболее общим следует считать деление речемыслительных категорий на онтологические (бытийные) и гносеологические (парадигмальные).

Онтологическими признаются категории, отображающие элементы объективной действительности, бытия: материальные объекты, «вещи», их свойства и отношения, явления природы и артефакты, проявления их функционирования, процессы, события, виды деятельности, а также человека, явления антропосферы и социума, включая язык и языковые формы. В профессиональном дискурсе к этой сфере могут быть отнесены научные категории, формирующие предметное содержание специального научного знания и номинируемые специальными и общенаучными терминами. Дискурс с его разновидностями и терминами как единицы, обладающие коммуникативной реальностью, также должны быть признаны категориями сферы онтологии.

Гносеологические категории представляют способы, пути и стратегии познания объективного мира и оперирования онтологическими категориями: чувственное восприятие («точка зрения») и следующие из него виды осмысления — дескрипции и оценки, утверждение и отрицание, точное и приблизительное отражение, определенные

и неопределенные знания, ментальные операции сравнения, метафоры и метонимии, внутренние формы слова: субстантивации и другие виды категориальной деривации в языке, местоименная репрезентация, модальность в широком и узком смыслах, включающая грамматические наклонения и волевые отношения субъекта к отражаемым действиям (желание, возможность, необходимость) и т. д. Профессиональное, научное познание, с одной стороны, и общеязыковое, обыденное — с другой — также отражают различия сферы гносеологии. Профессиональный дискурс, отличающийся тем, как в нем ведется коммуникация, какие и как сообщаются знания, сам по себе предстает как симбиоз онтологии (предметное содержание) и гносеологии (способ подачи предметного содержания) и поэтому представляет собой оптимальную среду для изучения типологии категорий мышления, объективируемых в языке.

В рамках данной статьи один из вариантов приближения к решению новых комплексных задач, связанных с изучением типологии категорий, может быть показан на материале функционирования терминологических единиц в профессиональном дискурсе.

Основным материальным блоком комплексного когнитивного исследования категорий в их дискурсивном функционировании в данной статье признается терминологический фрагмент — отрывок текста, дискурса, содержащий наименование (ономасиологический аспект) или толкование (гносеологический аспект) специального объекта определенной области научного знания [24. Р. 57]. Семантико-когнитивные и коммуникативные свойства категориальной номинации могут быть более полно описаны при ее рассмотрении не только и не столько в словарной статье, как это происходит при дефиниционном анализе, а в контексте достаточного объема, который и является терминологическим фрагментом. Объем фрагмента может различаться в зависимости от его содержания и функций: от поясняющего категориальный термин синонима до текста, посвященного развернутому толкованию номинируемой категории.

Функциональная нагруженность терминологического фрагмента в аспекте когнитивного и прагматического содержания наиболее полно выявляется именно в профессиональном тексте/дискурсе. Вне специального текста когнитивную функцию несет дефиниция термина в толковом или энциклопедическом словаре как источнике справочной информации о некоторой профессиональной сфере деятельности человека. Эта же дефиниция может присутствовать в самом дис-

курсе. Как правило, дискурсивные дефиниции терминов содержат категориальные признаки обозначаемого объекта или понятия: *Der Elektromotor ist eine Maschine zur Umwandlung von elektrischer Energie in mechanische Arbeit* [21. S. 138]. Определительная часть содержит название материальной подкатегории («вещи»), к которой посредством глагольной идентификации (*ist*) относится дефинируемый артефактный объект — «машина», и процессуальной категории конкретного действия *Umwandlung* — «преобразование», для осуществления которого создана эта машина. Общеязыковой компонент *zur* — «для» несет в себе указание на целевое или функциональное предназначение машины для выполнения каких-то видов предметной деятельности, которое также обладает обобщающим, категориальным статусом — категории «цель» и «деятельность», «функционирование».

Характерно, что категория или подкатегория, стоящая за термином, может иметь разные признаки в качестве существенных в разных дискурсивных практиках. Так, для дискурсов машиностроения термин «машина» связан прежде всего с материальным производством, электротехники — с выработкой, транспортировкой и применением электроэнергии, теплотехники и холодильной техники — с процессами изменения температуры, а в новой дискурсивной области инженерной психологии он чаще всего обозначает устройства, способные выполнять интеллектуальные функции: *X-Y-Schreiber ist eine Maschine, die die Veränderung einer Größe „X“ in Abhängigkeit von einer anderen Größe „Y“ aufzeichnet* [Ibid. S. 469].

К этой же категории в данной практике относится компьютер.

Соответственно, можно утверждать, что подкатегория «машина» включается в более общую онтологическую категорию «артефактные объекты, предназначенные для выполнения каких-то видов предметной или интеллектуальной деятельности». Так, в следующем энциклопедическом определении подчеркивается, что машина есть не вещь, а средство труда: *Unter dem Abstraktionsbegriff „Maschine“ wird die Gesamtheit der Arbeitsmittel und Arbeitsplatzgegebenheiten zusammengefasst (z. B. Werkzeug- und Verarbeitungsmaschine, Geräte und Aggregate, Steuerpulte und Bedienstände, Steuerbühnen und Kabinen), vor allem bezüglich der bedien- und überwachungsseitigen Auslegung* [Ibid. S. 285].

Категориальное структурирование дискурса, содержащего термин «машина», включает, таким образом, не всегда выраженную в поверхностной структуре, но присутствующую в системе знаний, то есть в мышлении коммуникантов, гипо-гиперо-

нимическую цепочку «объект — машина — вещь/средство».

Аналогичным образом можно выстроить категориальную цепочку для объектов категории «вещество», «субстанция» в дискурсе холодильной и криогенной техники. «Гелий (азот, водород, аммиак, фреон) — это газ, используемый для получения низких температур» — подкатегория «газ со специфическими свойствами» принадлежит к узкоспециальной технической подкатегории «хлад-агент» (вещество, используемое в силу своих физических свойств в холодильной или криогенной технике для охлаждения машин и сред) и вместе с ней к онтологической категории «вещество» и более общей категории «субстанция». Подобные гипо-гиперонимические категориальные цепочки выявляют структуру мышления коммуникантов и могут эксплицироваться не только в словаре, но и в профессиональном дискурсе.

Специальные термины несут в себе научное знание, которое приобретает посредством овладения им в процессе обучения и усвоения субъектом категориального аппарата соответствующей науки. В этот аппарат могут входить онтологические и гносеологические категории. При этом онтологические категории для разных наук могут быть различны. Это связано со спецификой предмета науки. Так, для холодильной техники — науки о получении и применении искусственного холода при помощи различных субстанций — холодильных «агентов» преобладающими категориальными номинациями оказываются компоненты категории «процессы»: *Entwicklung, Erzeugung, Kühlung, Verdampfung, Verflüssigung, Stabilisierung, Strömung, Kondensation, Sublimation, Vorgang, Prozess, Strom, Betrieb* (в значении «работа, эксплуатация») и др. Значительно менее частотны категориальные компоненты «вещи, материальные артефактные объекты»: *Maschine, Apparat, Bauteil, Wand, Vorratstank, Rohrleitung, Magnet* и подобные, которые включаются в специальную терминологию и приобретают необходимую частотность при конкретизации посредством словосложения или сочетания с атрибутивными процессуальными компонентами: *Kühlmaschine, Verdichtungsmaschine* и т. д. Названия субстанций немногочисленны и ограничиваются подкатегорией веществ с необходимыми холодильными свойствами, то есть имплицитно для специалиста категорию «свойства»: *Gas, Flüssigkeit, Produkt, Helium, Stickstoff, Wasserstoff, Kohlenwasserstoffe*. Эксплицитными номинациями категории «свойства» можно признать лексемы *Eigenschaften, Temperatur, Unterschiede, Wärme, Kälte, Volumen, Gewicht, Vakuum, Druck, Fläche, Raum, Zeit, Vor-*

*teil, Nachteil* и подобные, которые выходят за рамки узкоспециальных категорий и проявляют свою принадлежность к данной научной области синтагматически — в терминологических фрагментах профессионального дискурса.

Гносеологические категории — в отличие от онтологических — чаще оказываются общими для разных областей знания: математика и история, физика и психология, аналитические и описательные науки в равной мере имеют своей целью получение специального знания и сообщение его научной общественности посредством профессиональных дискурсов. Речь здесь идет об общенаучных терминах.

Динамический (гносеологический) характер механизмов формирования категориальной структуры текста и его фрагментов (категория «процессы познания») обуславливает их выражение глагольными терминами познания и их субстантивными коррелятами: *erkennen — Erkenntnis, erfahren — Erfahrung, einsehen — Einsicht, beobachten — Beobachtung, betrachten — Betrachtung, wahrnehmen — Wahrnehmung, bedeuten — Bedeutung, feststellen — Feststellung, bezeichnen — Bezeichnung, untersuchen — Untersuchung, forschen — Forschung, verallgemeinern — Verallgemeinerung* и подобными.

В гносеологической фрагментации текста участвуют также собственно названия его разделов: *Einführung, Prozessbeschreibung, Resultat/Resultate der Forschung, Vorteile und Nachteile der Methodik, Zusammenfassung, Ausblick* и подобные.

Термины познания могут получать дефиницию в специальном тексте, как и любые другие термины, но более специфична для них метатекстовая функция построения и организации текста/фрагмента, его смыслового структурирования: *von der Erkenntnis ausgehen, ich erwarte eine tiefere Erkenntnis, dahinter steht die Erkenntnis, dieser Hinweis scheint allein nicht auszureichen für die Erkenntnis, dass..., ein gemeinsames Verständnis haben wir noch nicht erreicht, der Verfasser äußerte Verständnis, dass..., diese Einsicht ist weit verbreitet, dies bringt die Einsicht, das ist von grundsätzlicher Bedeutung, die durchgeführte Untersuchung hat gezeigt... der neue Stoff hat die Bezeichnung "Teflon" erhalten* и т. п. Подобные фрагменты иногда называют ориентирами или метатекстовыми операторами — показателями информационно-смысловой и категориальной структуры текста, вводящими в текст конкретную когнитивную информацию и определяющими ее место в линии рассуждений автора.

Когнитивная интерпретация терминологического фрагмента осуществляется относительно

фонда знаний автора и реципиента. Как наиболее эксплицитные номинации рассматриваются текстовые дефиниции — определения научных понятий автором текста с указанием их гипо-гиперонимических категориальных связей: *Denjenigen Bereich der Technik, der sich mit ... befasst, pflegt man als Energietechnik zu bezeichnen*. Дефинируемый специальный термин *Energietechnik* выступает как более частный по отношению к общенаучному, категориальному — гиперониму *Bereich der Technik*.

Общезыковые лексемы — результаты естественной категоризации бытия, часто понимаемые реципиентом интуитивно, без специального определения, выявляются в профессиональном дискурсе посредством комплексной когнитивно-прагматической интерпретации его фрагментов.

К этой группе можно отнести категории субъекта и адресата дискурса, их цели, мотивы, намерения, когнитивные и речевые стратегии и т. д. [1. С. 390; 2]. Объектом прагматического истолкования, таким образом, оказываются категории языка-деятельности, в сфере языка науки — вербализуемой профессиональной познавательной и коммуникативной деятельности. Языковые формы выступают в этой среде как средство обмена информацией в процессах совместной познавательной деятельности людей, способ вербализации категорий человеческого опыта и его осознания. Так, например, с прагматической целью популяризации науки автор стремится избегать узкоспециальных формулировок и выражает категорию «профессиональная деятельность» общезыковым глаголом *tun*: *Ingenieurpsychologie ist ein eher unbekanntes Betätigungsfeld. Was genau tun Ingenieurpsychologen? — Sie untersuchen das Verhältnis von Mensch und Technik* [21. С. 223].

Наиболее насыщенным и важным для авторской подачи информации в дискурсе и облегчения ее восприятия реципиентом в прагматическом плане является категориальный аппарат, в который входят прежде всего глаголы речи и мысли, относящиеся к категориям речемыслительной деятельности (*behandeln, besprechen, darlegen, darstellen, beachten, diskutieren, formulieren, her-*

*vorheben, resümieren* и подобные), и специальные клише, эксплицирующие когнитивную структуру дискурса с позиций категории значимости тех или иных его фрагментов (*Äußerst wesentlich ist, dass..., im Mittelpunkt der Untersuchung stehen..., sind von fundamentaler Bedeutung, besondere Rücksicht auf etwas nehmen* и подобные).

Личность (категория) адресата (особенно совпадающего с потребителем-практиком) как полноправного участника речевой и предметно-практической деятельности коммуникантов может быть эксплицитно номинирована в терминологическом фрагменте также общезыковыми лексемами: *Nutzer, Anwender* и т. п.

Если дискурс адресован учащимся, студентам, аспирантам, его основной интенцией может быть стремление передать систему категорий соответствующей научной области, включить новое знание во фреймовую категориальную структуру той или иной науки. Элементами такого дискурса могут быть фрагменты-рекомендации, включающие гносеологические категории «опыт», «ценность», «практика», «теория» и т. п.: *Dabei ist der Erfahrung ein relativ hoher Wert einzuräumen. Bei stark praktisch orientierten Untersuchungen sollte das Literaturstudium nicht über Gebühr strapaziert werden* и т. п.

Представленные в статье возможности комплексного многоаспектного рассмотрения мыслительных категорий, вербализуемых в составе дискурсивного фрагмента, позволяют уточнить особенности выражения в профессиональном дискурсе элементов категориальной сетки знаний и намерений субъектов. Приведенные варианты когнитивной и прагматической интерпретации фрагментов профессионального дискурса в аспекте наличия в нем элементов специального, общенаучного и общезыкового знания включаются в обширную открытую систему его параметров и могут быть в дальнейшем дополнены исследованием отношений между познающим субъектом и объектом познания, выражением знания и мнения, дескрипции и оценки и других компонентов категориальной сетки человеческого мышления.

### Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Прагматика / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
2. Арутюнова, Н. Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. — М., 1985. — С. 3—42.
3. Асмус, В. Ф. Античная философия / В. Ф. Асмус. — М., 1976.
4. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. — М., 1955.
5. Бейлинсон, Л. С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы : дис. ... д-ра филол. наук / Л. С. Бейлинсон. — Волгоград, 2009. — 325 с.

6. Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания / Н. Н. Болдырев // *Вопр. когнитив. лингвистики*. — 2006. — № 2. — С. 5—22.
7. Васильев, С. А. Категории мышления в языке и тексте / С. А. Васильев // *Логико-гносеологические исследования категориальной структуры мышления*. — Киев, 1980. — С. 66—105.
8. Гак, В. Г. О категориях модуса предложения / В. Г. Гак // *Предложение и текст в семантическом аспекте*. — Калинин, 1978. — С. 19—26.
9. Галич, Г. Г. Категории: грамматические, ономазиологические, когнитивные / Г. Г. Галич // *Вестн. Омск. ун-та*. — 2011. — № 3. — С. 238—244.
10. Галич, Г. Г. Когнитивная категория в языковой реализации: к методике описания / Г. Г. Галич // *Функционально-когнитивный анализ языковых единиц и его аппликативный потенциал*. — Барнаул, 2012. — С. 84—86.
11. Голованова, Е. И. Профессиональный дискурс, субдискурс, жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий / Е. И. Голованова // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. — 2013. — № 1 (292). — С. 32—35.
12. Карасик, В. И. Языковой круг: Личность. Концепты. Дискурс / В. И. Карасик. — М., 2004.
13. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. — Л., 1972.
14. Кубрякова, Е. С. Категория / Е. С. Кубрякова // *Краткий словарь когнитивных терминов*. — М., 1996. — С. 44—47.
15. Сусов, И. П. Личность как субъект языкового общения / И. П. Сусов // *Личностные аспекты языкового общения*. — Калинин, 1989. — С. 9—16.
16. Сусов, И. П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система / И. П. Сусов // *Языковое общение. Процессы и единицы*. — Калинин, 1988. — С. 7—13.
17. Шафиков, С. Г. Категории и концепты в лингвистике / С. Г. Шафиков // *Вопр. языкознания*. — 2007. — № 2. — С. 3—17.
18. Шнякина Н. Ю. Когнитивная интерпретация в сфере изучения конструирования мира средствами языка / Н. Ю. Шнякина // *Филология и культура*. — 2015. — № 4 (42). — С. 180—184.
19. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. — Л., 1974.
20. Эйхбаум, Г. Н. Теоретическая грамматика немецкого языка / Г. Н. Эйхбаум. — СПб., 1996.
21. Charwat, H. Jü. *Lexikon der Mensch-Maschine-Kommunikation* / H. Jü. Charwat. — Oldenbourg ; München ; Wien, 1994.
22. Galich G. Categories of immaterial objects in mind and language / G. Galich, N. Shnyakina // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. — 2015. — Vol. 206. — P. 30—35.
23. Jackendoff, R. *Semantics and Cognition* / R. Jackendoff. — Cambridge, 1986.
24. Klyoster, A. The fragmentation of professional discourse / A. Klyoster, G. Galich // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. — 2015. — Vol. 206. — P. 56—61.

### Сведения об авторах

**Галич Галина Георгиевна** — доктор филологических наук, профессор кафедры «Немецкая филология», Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского. Омск, Россия. ggalich.2014@mail.ru

**Клёстер Анна Михайловна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки», Омский государственный технический университет. Омск, Россия. annaklyoster@mail.ru

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*  
2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 28—35.*

## PROFESSIONAL DISCOURSE AS AN AREA FOR MENTAL CATEGORIES FUNCTIONING

**G.G. Galich**

*Omsk State Dostoevsky University, Omsk, Russia. ggalich.2014@mail.ru*

**A.M. Klyoster**

*Omsk State Technical University, Omsk, Russia. annaklyoster@mail.ru*

The paper represents the experience of studying terminological fragments which include nominative categories — the fragments of the text viewed as a written record of professional discourse — with the purpose to clarify the categorical structure of the knowledge represented there. The terms denoting special objects of the specific research field, general scientific terms, and common language lexemes — the results of existence elements ordinary categorization and multidimensional conceptualization — are analyzed. By using the method of cognitive and pragmatic interpretation of discursive content, an attempt to classify the cognitive categories of scientific and everyday knowledge displayed in the discourse is made. In the paper, the commonality of the onomasiological and epistemological global categories, being equally characteristic of the cognitive level of general language and professional discourses and revealing particular differences at the level of the nominating categories of lexical and grammatical exponents, is proved. The article emphasizes that the categorical content of the term, included in the professional discourse / text, on the one hand, participates in the formation of its deep semantic-syntactic structures, in the primary deployment of data during its generation, quantization, segmentation of knowledge elements, and, on the other hand, it is included into a categorical mental network, objectified by grammatical and lexical discursive structures.

**Keywords:** *professional discourse, term, terminological fragment, category, mental category, cognitive and pragmatic interpretation.*

### References

1. Arutyunova N.D. Pragmatika [Pragmatics]. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic encyclopaedic dictionary]. Moscow, 1990. (In Russ.).
2. Arutyunova N.D., Paducheva E.V. Istoki, problemy i kategorii pragmatiki [The origins, problems and categories of pragmatics]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 16* [New in Foreign Linguistics. Iss. 16]. Moscow, 1985. Pp. 3—42. (In Russ.).
3. Asmus V.F. *Antichnaya filosofiya* [Ancient Philosophy]. Moscow, 1976. (In Russ.).
4. Balli Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and questions of the French language]. Moscow, 1955. (In Russ.).
5. Beylinson L.S. *Professional'nyy diskurs: priznaki, funktsii, normy* [Professional discourse: signs, functions, rules. Thesis]. Volgograd, 2009. 325 p. (In Russ.).
6. Boldyrev N.N. Yazykovye kategorii kak format znaniya [Linguistic categories as format of knowledge]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2006, no. 2, pp. 5—22. (In Russ.).
7. Vasil'yev S.A. Kategorii myshleniya v yazyke i tekste [Mental categories in language and text]. *Logikognoseologicheskiye issledovaniya kategorial'noy struktury myshleniya* [The logical-epistemological study of the mental categorical structure]. Kiev, 1980. Pp. 66—105. (In Russ.).
8. Gak V.G. O kategoriyakh modusa predlozheniya [On the modus categories of sentence]. *Predlozheniye i tekst v semanticheskom aspekte* [Semantic aspect of the sentence and text]. Kalinin, 1978. Pp. 19—26. (In Russ.).
9. Galich G.G. Kategorii: grammaticheskiye, onomasiologicheskiye, kognitivnyye [Categories: grammatical, onomasiological and cognitive]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University], 2011, no. 3, pp. 238—244. (In Russ.).
10. Galich G.G. Kognitivnaya kategoriya v yazykovoy realizatsii: k metodike opisaniya [Cognitive category in the language implementation: on the description method]. *Funktsional'no-kognitivnyy analiz yazykovykh yedinit i ego aplikativnyy potentsial* [Functional-cognitive analysis of linguistic units and their applicative potential]. Barnaul, 2012. Pp. 84—86. (In Russ.).
11. Golovanova Ye.I. Professional'nyy diskurs, subdiskurs, zhanr professional'noy kommunikatsii: sootnosheniye ponyatiy [Professional discourse, subdiscourse, genres of professional communication: concepts relation]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2013, no. 1 (292), pp. 32—35. (In Russ.).
12. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concept, discourse]. Volgograd, 2002. (In Russ.).
13. Katsnel'son S.D. *Tipologiya yazyka i rechevoye myshleniye* [Typology of language and speech thinking]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. (In Russ.).
14. Kubryakova E.S. Kategoriya [Category]. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Concise dictionary of cognitive terms]. Moscow, 1996. Pp. 44—47. (In Russ.).

15. Susov I.P. Lichnost' kak sub''yekt yazykovogo obshcheniya [Personality as a subject of language communication]. *Lichnostnye aspekty yazykovogo obshcheniya* [Personal aspects of language interaction]. Kalinin, 1989. Pp. 9—16. (In Russ.).
16. Susov I.P. Deyatel'nost', soznaniye, diskurs i yazykovaya sistema [Activity, Consciousness, Discourse and Language System]. *Yazykovoye obshcheniye. Protsessy i edinitsy* [Linguistic communication. Processes and units]. Kalinin, 1988. Pp. 7—13. (In Russ.).
17. Shafikov S.G. Kategorii i kontsepty v lingvistike [Categories and concepts in linguistics]. *Voprosy yazykoznaneya* [Questions of Linguistics], 2007, no. 2, pp. 3—17. (In Russ.).
18. Shnyakina N.Yu. Kognitivnaya interpretatsiya v sfere izucheniya konstruirovaniya mira sredstvami yazyka [Cognitive interpretation in the studies devoted to the construction of the world by means of language]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2015, no. 4 (42), pp. 180—184. (In Russ.).
19. Shcherba L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad, 1974. (In Russ.).
20. Eykhbaum G.N. *Teoreticheskaya grammatika nemetskogo yazyka* [Theoretical grammar of the German language]. St. Petersburg, 1996. (In Russ.).
21. Charwat, H.Jü. *Lexikon der Mensch-Maschine-Kommunikation*. Oldenbourg, München, Wien, 1994. (In German).
22. Galich G., Shnyakina N. Categories of immaterial objects in mind and language. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 206, pp. 30—35.
23. Jackendoff R. *Semantics and Cognition*. Cambridge, 1986.
24. Klyoster A., Galich G. The fragmentation of professional discourse. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 2015, vol. 206, pp. 56—61.

УДК 81'42  
ББК 81.1

## ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В АМЕРИКАНСКОМ КИНОДИСКУРСЕ: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (на материале сериала «Friends»)

*И. В. Глухова, О. А. Сорокина*

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*

Рассматриваются подходы к пониманию языковой и национальной картин мира с точки зрения философии, лингвистики и социологии. Анализируются семантико-стилистические способы реализации ценностей американской культуры в кинодискурсе. На основе интерпретации текстовых примеров выявляются ценности, характерные для национального менталитета и отражающие лингвокультурную специфику языка.

**Ключевые слова:** картина мира, национальная картина мира, языковая картина мира, ценности, ценностные ориентации, кинодискурс.

В настоящее время растет интерес к исследованию ценностной составляющей национальной картины мира, которая может быть представлена как часть национального мировоззрения, как система представлений определенной национальной общности об окружающей действительности, опосредованных языковыми составляющими. Многообразие национальных культур в современном межкультурном пространстве влечет за собой неоднородность в системе ценностей, которые служат «высшим ориентиром» поведения. Кинодискурс, включающий информационно насыщенные маркеры, эксплицитную и имплицитную информацию, на наш взгляд, обладает необходимым потенциалом для изучения национально-культурной составляющей любой лингвокультуры.

Актуальность настоящего исследования определяется его попыткой выявить ценности американской культуры на основе классификации ценностей Р. Уильямса, а также проанализировать языковые способы их реализации. Исследование опирается на труды отечественных и зарубежных ученых в области философии, лингвокультурологии и социологии. Теоретическую часть представляемого исследования начнем с рассмотрения понятий «языковая картина мира», «национальная картина мира», «этническая картина мира», «ценности» и «кинодискурс».

Термин «языковая картина мира» введен в научный обиход Л. Вайсгербером: «Словарный запас конкретного языка включает в целом вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных мыслительных средств, которыми располагает языковое сообщество; и по мере того, как каждый носитель языка изучает

этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определенную картину мира и передает ее всем членам языкового сообщества» [10. С. 29].

Ряд отечественных ученых рассматривают языковую картину мира как совокупность представлений конкретной национальной общности о действительности, которая отражается в единицах языка. Они считают также, что языковая картина мира отражает способ речемыслительной деятельности, присущей определенной эпохе, с ее национальными ценностями [9].

Языковая картина мира — это совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа [2. С. 113].

Ю. Д. Апресян считает, что язык не только отражает «определенный способ восприятия и концептуализации мира», но и является некоей «коллективной философией, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» и благодаря которой индивиды могут видеть мир по-разному через призму своих языков» [1. С. 76].

Р. Редфильд — один из первых ученых, исследовавший национальную картину мира. В его понимании национальная картина мира — это суждение членов общества о самих себе, своей активности и своих действиях в окружающем мире [4]. Р. Редфильд формулирует общую концепцию картины мира и выявляет различие между картиной мира и национальным характером. Как указывает исследователь, если идея «национального характера» подразумевает представление о

культурных ценностях определенной национальной общности со стороны внешнего наблюдателя, то «картина мира» изучает систему представлений этноса на внешний мир [7].

К. Гирц в своей работе «Интерпретация культуры» приводит определение исследуемого понятия, согласно которому национальная картина мира понимается как «картина мира данного народа», то есть форма объективного существования общества и природы [3. С. 149].

Социальный строй, материальные, духовные, культурные ценности определяют особенности языковой картины мира определенной этнической группы, не существует единой картины мира, каждая национальная картина мира исключительна и неповторима.

В контексте нашего исследования заслуживает внимания мнение С. В. Лурье о взаимосвязи этнической и национальной картин мира, которая находит выражение как в поведении людей, так и в объяснении своего поведения [7]. Такой подход приближает отечественных и зарубежных ученых (В. И. Карасик, И. А. Стернин, К. Клакхон, Г. Олпорт, М. Рокич, Ф. Стродтбек и др.) к рассмотрению этнической картины мира в ценностном или аксиологическом аспекте. Рассмотрим определения ценностей:

- «осознанное или неосознанное, характерное для индивида или для группы индивидов представление о желаемом, которое определяет выбор целей (индивидуальных или групповых) с учетом возможных средств и способов действия» [7. С. 37];
- «сложные, определенным образом сгруппированные принципы, придающие стройность и направленность разнообразным мотивам человеческого мышления и деятельности в ходе решения общих человеческих проблем» [Там же. С. 44];
- «наиболее фундаментальные характеристики культуры, высшие ориентиры поведения» [5. С. 166];
- «то, что как бы априори оценивается этническим коллективом как нечто такое, что “хорошо” и “правильно”, является образцом для подражания и воспитания» [9].

Анализ данных определений показывает, что, с одной стороны, ценности универсальны в силу сходства правил социального взаимодействия людей, с другой стороны, географическая, климатическая и бытовая среда обуславливает неодинаковое понимание и акцентирование ценностей в различных культурах. Очевидно, что ценности существуют как определенная система в сознании людей и могут быть классифицированы следующим образом:

- универсальные (любовь, престиж, уважение, безопасность, свобода, здоровье); внутригрупповые (политические, религиозные) и индивидуальные (личностные) ценности [6. С. 221];
- доминантные (придерживается большинство или наиболее влиятельная элита; одобряются); варианты (придерживается часть населения; не одобряются, но воспринимаются терпимо); девиантные (запрещаются и караются) [17];
- теоретические, эстетические, религиозные, экономические, социальные и политические ценности [6. С. 221];
- витальные, экономические, социальные, политические, моральные, религиозные и эстетические ценности.

Прежде чем перейти к практической части нашего исследования, посвященной выявлению ценностей американской картины мира, рассмотрим классификации ценностей американской культуры.

Так, Р. Уильямс выделяет в качестве доминантных ценностей американской культуры следующие: достижения и успех; внешняя согласованность; демократия; активность и труд; моральная ориентация; гуманность нравов; эффективность и практичность; прогресс; материальный комфорт; равенство; свобода; наука и рациональность; национализм и патриотизм; индивидуализм; расизм и групповое превосходство [13].

По мнению Г. Хофстеде, американское общество характеризуется ярко выраженным индивидуализмом, малой дистанцированностью от власти, высокой значимостью равенства и уважения к личности; проявлением личной инициативы, приемлемостью риска, спокойным принятием иных точек зрения, соперничеством и стремлением к успеху, краткосрочной ориентацией на будущее [14].

Д. Девос выделяет такие ценности американской культуры, как честность, справедливость, сострадание, сдержанность, благоразумие, самодисциплина, оптимизм, инициатива, упорство, ответственность, сотрудничество, труд, милосердие, лидерство, образование [13].

Г. Элтен рассматривает как базовые ценности американской культуры индивидуализм, невмешательство в личную жизнь, конкуренцию, свободу, равенство, неформальность, ориентацию на будущее, положительное отношение к переменам и прогрессу, гуманность, пунктуальность, успех, труд, материализм, правдивость и напористость.

Рассмотрев пять различных классификаций ценностей американской культуры, констатируем, что данные типологии очень схожи. Тем не менее

для нашего исследования мы выбираем классификацию, которая является, на наш взгляд, наиболее полной, а именно классификацию Р. Уильямса.

Поскольку материалом для нашего анализа служат примеры из американского сериала «Друзья», рассмотрим также понятие «кинодискурс». В качестве рабочего определения нами выбрано следующее: кинодискурс — это «связный текст (вербальный компонент фильма) в совокупности с аудиовизуальным рядом и другими значимыми экстралингвистическими факторами» [4. С. 8]. К экстралингвистическим факторам относятся «разнообразные культурно-исторические фоновые знания — время и место, к которым относится фильм, различные невербальные средства: рисунки, жесты, мимика, которые важны при создании и восприятии кинофильма» [11. С. 136].

Далее представим результаты лингвокультурологического анализа сериала «Друзья». Мы использовали классификацию ценностей Р. Уильямса как наиболее соответствующую контексту нашего исследования. В процессе анализа 257 примеров проявления ценностей мы выяснили, что наиболее часто в сериале «Друзья» проявляются такие ценности, как «индивидуализм» (37 %), «достижения и успех» (11 %), «групповое превосходство» (9,3 %), «моральное ориентирование» (5,5 %), «гуманность нравов» (5,5 %), «эффективность и практичность» (5,5 %). На оставшиеся 12 ценностей приходится 42,7 %. В рамках данной статьи мы предложим анализ семантико-стилистических средств реализации вышеназванных ценностей американской картины мира.

Первое место по процентному соотношению занимает ценность «индивидуализм» (37 %). Она проявляется прежде всего в акцентировании личной свободы, независимости и индивидуальной ответственности за свои поступки. Неудачи — это результат пассивности и нежелания что-либо делать.

Например, Росс возмущается предложением Рейчел помириться с ним только в том случае, если он возьмет на себя ответственность за все проблемы в их взаимоотношениях. Каждый из них абсолютно уверен, что в их разрыве виноват партнер.

Ross: She wants me to take responsibility for everything that went wrong. She goes on five pages about how I was unfaithful to her. We were on a break! This breaking was not all my fault. She says: If you accept full responsibility, I can begin to trust you again.

Росс, талантливый ученый, успешно продвигающийся по карьерной лестнице, проявляет крайнюю категоричность и самоуверенность по отношению к Фиби, когда она усомнилась в состоятельности теории эволюции.

Ross: Without evolution how do you explain opposable thumbs?

Phoebe: It's just one of possibilities. Look, can't we say you believe in something and I don't?

Ross: No, Pheebs, we can't.

Phoebe: What is this obsessive need to make everybody agree with you? Maybe it's time you put Ross under the microscope.

Phoebe: Are you telling me that you are so unbelievably arrogant that you can't admit that there's a tiny possibility that you could be wrong about this?

Очень типичен для американского образа жизни следующий пример.

Monica: You barge in here and you don't knock? You don't have respect for privacy! (Ты врываешься сюда без стука? Ты нисколько не уважаешь личное пространство!) (Стилистическое средство: лексический повтор.) Понятие *privacy* является безусловным требованием всех героев сериала.

Родители обычно не навязывают детям свои взгляды, позволяя самим принимать решения. Поэтому опора на самого себя, свои вкусы и предпочтения очень типичны для героев сериала.

Например, Рейчел, оставив богатого жениха в день свадьбы и поселившись в квартире Моника, решает начать самостоятельную жизнь:

Rachel: Daddy, I just... I can't marry him! I'm sorry. I just don't love him. Well, it matters to me! Common Daddy, listen to me! *It's like, it's like*, all of my life, everyone has always told me: *You are a shoe! You are a shoe, you are a shoe, you are a shoe!* And today I just stopped and I said, *What if I don't wanna be a shoe? What if I wanna be a purse, you know? Or a hat!* No, I'm not saying I want you to buy me a hat, I'm saying I am a — *It's a metaphor, Daddy!* (Стилистические средства: лексический повтор, анафора.)

Друзья Рейчел поддерживают ее, утверждая, что ей необходимо стать независимой:

Monica: Okay, look, this is probably for the best, you know? Independence. Taking control of your life.

Monica: Common, you can't live off your parents your whole life.

Когда Рейчел получает работу в сфере моды, она еще выше оценивает свою независимость:

Rachel: Honey, see, it doesn't mean that I don't love you. Because I do. I love you, I love you so much. But my work it's — it's for me you know, I'm out there, *on my own*, and I'm doing it and it's scary but I love it, because it's mine. (Стилистическое средство: лексический повтор.)

Индивидуализм и неиссякаемая вера американцев в свои силы проявляются во фразе, повторяемой многими персонажами на протяжении всего сериала: *If... there isn't anything I can't do!*

Rachel: Ok, I know this is gonna sound really stupid, but I feel that if I can do this, you know, if I can actually do my own laundry, there isn't anything I can't do.

Rachel: You know, I figure if I can make coffee, there isn't anything I can't do.

Семантическое поле выражения ценности «индивидуализм» представлено следующими лексическими единицами: *independence, take control of, on my own, privacy, responsibility*.

Ценность «достижения и успех» составляет 11 % и находится на второй позиции в рейтинге ценностей героев сериала «Друзья». Американцы рассматривают успех как результат собственных усилий и инициативы. Успех должен быть заслуженным, как результат постоянной упорной работы. Факт рождения в богатой семье, получение наследства или очень дорогого подарка не считается личным достижением и не воспринимается как успех. Когда миллионер, ухаживающий за Моникой, дарит ей двадцать тысяч долларов и предлагает купить ресторан, она отказывается без колебаний.

Rachel: Oh my God, Monica's gonna go out with a millionaire.

Monica: I'm not gonna go out with him.

Rachel: Oh my God, I can't believe this is a real \$20,000 cheque, oh, this is just so exciting.

Monica: Or incredibly offensive.

Rachel: Oh yeah, sure, that too.

Monica: *I mean* this has been like my dream since I got my first Easy Bake Oven and opened Easy Monica's Bakery. *I mean* I would kill for this job. *I mean* I can totally do this job, and God knows I paid my dues. (Стилистическое средство: анафора.)

Ценность «достижения и успех» отчетливо проявляется в том, как герои сериала относятся к своей профессиональной деятельности. Нет ни одного, кто бы не стремился и не мечтал стать успешным. Например, Маршалл необыкновенно счастлив после сдачи экзамена:

Joye: And just like that we stopped fighting and celebrated Marshall's *success*.

Marshall: I'm a lawyer now because I passed the bar. I'm imposing Marshall's law on this champagne.

Monica: Are you literally *on cloud nine* right now? (Стилистическое средство: идиоматическое выражение.)

Достаточно типично для американцев ставить во главу угла карьеру, а не личную жизнь. Так, подруга Маршалла, несмотря на то что любит его, оставляет его, чтобы продолжить обучение и реализовать свою мечту стать художником.

Marshall: So that's it? We're breaking up?

Lily: Marshall, I'm sorry. *I just... I just* need to go to San Francisco and do this art program and figure

out who I am outside of us. And the only way that I can do that is if we don't talk for a while.

(Стилистическое средство: анафора.)

Тем не менее наше исследование показывает, что часто достижение должно соответствовать принятому в обществе пониманию и представлению успешности, а не личной самореализации. Например, Моника — отличный профессионал, пользуется уважением и признанием коллег. Однако ее родители скрывают от своих приятелей и знакомых, что она всего лишь повар в ресторане. Они всегда представляют ее как владельца ресторана, традиционно считая только наличие собственного бизнеса мерилom успешности.

Mom: Martha's daughter is gonna call you.

Monica: Why is she going to call me?

Mom: Oh, she just graduated and she wants to be something in cooking or food, or I don't know. Anyway I told her you had a restaurant.

Monica: No, Mom. I don't have a restaurant, I work in a restaurant.

Mom: Well, they don't have to know that.

Стремление к успеху, на наш взгляд, иногда доминирует над стремлением к самореализации и счастьем. Успех становится самоцелью, ради которой стоит неутомимо и неистово трудиться. Так, Фиби убеждает Джоуи не сдаваться и верить в то, что он станет известным актером и добьется славы:

Phoebe: No, I don't think this was your shot. I mean, I don't even think you just get one shot. I really believe big things are gonna happen for you, I do! You've gotta just keep thinking about the day that some kid is gonna run up to his friends and go '*I got the part! I got the part!* I'm gonna be Joey Tribbiani's ass!' (Стилистическое средство: лексический повтор.)

Таким образом, можно выделить семантическое поле «успеха»: *success, successful, professional, one's passion, progress, dream job, rich, be on cloud nine*.

По мнению Р. Уильямса, хотя американцы высоко оценивают свободу и независимость, большинство из них продолжает относиться к людям с позиции групповой принадлежности (расовой, этнической, религиозной и т. д.). Наш анализ подтверждает данную точку зрения. Ценность «групповое превосходство» представлена 9,3 %.

Например, когда друзья узнают о предстоящей командировке Росса в Китай и начинают обсуждать эту новость, выясняется, что никто из них никогда не был там и не знаком с особенностями и традициями этой страны. Тем не менее предубеждения в отношении иной культуры и уверенность в превосходстве своей заставляют их произносить следующие фразы:

Ross: I'm going to China.

Joey: The Country?

Ross: No, this big pile of dishes in my mom's breakfront.

Chandler: Go to China. Eat Chinese food.

Joey: Of course, there they just call it "food".

(Стилистическое средство: ирония.)

«Поезжай в Китай и ешь то, что они называют едой». Показательно, что знаменитая американская толерантность отступает перед восприятием незнакомой и далекой от них культуры.

Согласно Р. Уильямсу, для американцев важно смотреть на мир через призму моральных принципов, оценивать, что правильно или неправильно, что хорошо, а что плохо. Это подтверждается нашим анализом: ценность «моральное ориентирование» составляет 5,5 %. Герои сериала однозначно выбирают прямой подход к оценке любой ситуации. Поэтому честность и справедливость — важные качества для героев сериала.

Когда Рейчел просит разрешения у Моника воспользоваться ее медицинским полисом, то Моника, как законопослушный гражданин, называет это мошенничеством и категорически отказывается заполнить бланк от своего имени. Но желание помочь подруге заставляет ее переступить через свои принципы.

Monica: You don't have insurance? X-rays alone could be \$200! What are we gonna do?

Rachel: There's not much we can do. Unless I use yours.

Monica: No, no, no. That's insurance fraud.

Rachel: All right then, forget it.

Monica: Okay, come here. I hate this. I'm gonna need a new set of these forms.

Фиби немедленно сообщает в банк, о том, что на ее счет перечислена большая сумма:

Phoebe: It's not mine, I didn't earn it, if I kept it, it would be like stealing. (Стилистический прием: сравнение.)

Phoebe: Okay, let's say I bought a really great pair of shoes. Do you know what I'd hear, with every step I took? 'Not-mine. Not-mine. Not-mine.' And even if I was happy, okay, and, and skipping — 'Not-not-mine, not-not-mine, not-not-mine, not-not-mine'... (Стилистическое средство: лексический повтор.)

Monica: We're with you. We got it.

Phoebe: Okay. I'd just, I'd never be able to enjoy it. It would be like this giant karmic debt. (Стилистический прием: сравнение.)

Росс, изменив Рейчел с другой женщиной, считает правильным рассказать ей об этом:

Ross: What?! Look, we're trying to rebuild a relationship here, right. How am I supposed to do that here, without being totally *honest* with each other?

Joey: Look, Ross look, I'm on board about this totally *honesty thing*, I am, just not about stuff that's gonna get you in trouble.

Chandler: He's right. Nobody's gonna benefit, and you're just gonna further.

Joey: Yeah, and there won't be a relationship left to rebuild.

Ross: Yeah, but don't you think...

Рейчел после совместной пробежки с Фиби чувствует себя некомфортно из-за странностей Фиби и решает сказать ей правду:

Rachel: Yeah, yeah and you know what, I know she's going to want to run again, I just don't know how to get out of it, I mean, I live with her.

Monica: Why don't you just be *straight* with her? *Tell her the truth*.

Ross: Yeah.

Rachel: You're right. I should just tell her the truth.

Чендлер и Моника, которых случайно приняли в агентство по усыновлению за других людей, не колеблясь, сообщают правду, несмотря на то что уже почти получили разрешение на усыновление:

Chandler: You have got to stop!

Monica: But she liked us.

Chandler: She likes Doctor Chandler and Reverend Monica.

Monica: Common Chandler, I think we have been given an opportunity. I mean, the mistake has already been made. They are writing up the paper right now.

Chandler: But we are not the one she chose! How can you feel okay about this?

Chandler: Monica, I want a baby too, but this woman is giving away her child. She deserves to know who it's going to.

Monica: (Realizes Chandler is right. She's almost crying.) Okay, right.

Chandler: So, *we'll tell the truth* and who knows, maybe she'll like us for that.

Таким образом, можно выделить семантическое поле «моральной ориентации»: *honest, straight, truth, honesty thing, karmic debt, fair, sincere, right*.

Согласно Р. Уильямсу, американцы высоко ценят гуманность нравов: положительно оцениваются и одобряются благотворительность и готовность помочь нуждающимся. Наше исследование подтверждает данное утверждение. Очень ярко ценность «Гуманность нравов» (5,5 %) проявляется в мировосприятии и поведении Фиби. Когда друзья спрашивают, что она бы хотела получить на день рождения, Фиби отвечает:

Monica: What would you like to have for your birthday?

Phoebe: What I want is for my mom to be alive and enjoy it with me.

Фиби занимается сбором пожертвований в канун Рождества:

Phoebe: Since it's Christmas time. I'm going to be one of those people collecting *donations*. I'm going to be out there spreading joy to the people. I mean, last year, I spread a little joy but not really enough. So this year, I'm going to do the whole city. (Стилистическое средство: лексический повтор.)

Фиби также высказывается против рубки деревьев перед Рождеством.

Joey: And I gotta go sell some Christmas trees.

Phoebe: Have fun. Oh wait, no, don't! I forgot I am totally against that now.

Joey: What? Me having a job?

Phoebe: No, no, I am against *innocent trees* being cut down in their prime, and their, their corpses grotesquely dressed in like tinsel and twinkly lights. Hey, how do you sleep at night? (Стилистическое средство: эпитет.)

Собираясь замуж, Фиби решает потратить имеющиеся у нее деньги не на пышную свадьбу, а на благотворительность:

Phoebe: But really, it does seem like this money could be put to better use?

Mike: Are you serious?

Phoebe: Yeah! Now, how would you feel if we gave all the wedding money to *charity* and we just got married at City Hall?

Mike: I think it would make me wanna marry you even more.

Когда друзья сидят в кафе, и один из них спрашивает: "What would you do if you were omnipotent for a day?" (Что бы вы сделали, если бы были всемогущи?), Фиби отвечает: "Okay, okay. If I were omnipotent for a day, I would want, um, *world peace, no more hunger, good things for the rain-forest...*"

Гуманизм по отношению к животным является безусловной ценностью американского образа жизни: Росс не раздумывая отправляется не к ветеринару, а в медицинский центр, когда его обезьянка Марсель заболевает. Ему, действительно, не приходится убеждать доктора оказать помощь, поскольку это уважается и ценится в американском обществе.

Ross: You've got to help me! My monkey swallowed a "K"!

Doctor: Excuse me. This hospital is for people!

Ross: He is people! He has a name, okay? Please have a heart.

Doctor: I'll take a look at him.

Проанализировав данную ценность, мы выделили семантическое поле «гуманности»: *charity, donations, help, world peace, the poor, donate.*

Как указывает Р. Уильямс, американцы также ценят эффективность и практичность. В сериале «Друзья» данная ценность наиболее ярко проявляется в поведении Моники, очень собранной, дисциплинированной и разумной. Любую работу она стремится выполнить наиболее эффективным способом. Например, во время переезда она дает четкие и практичные указания:

Monica: Okay, we're gonna start in the kitchen. Plates get put into plate protectors and stacked ten to a box. The silverware gets bundled in rubber bands and then bubble wrapped. Got it?

Phoebe and Joey: Yeah.

Monica: Good! Now I need you to be *careful* and *efficient*. And remember, if I am harsh with you, it is only because you are doing it wrong.

Помогая Чендлеру начать поиск новой профессии, Моника демонстрирует свои организаторские и менеджерские способности:

Monica: You're supposed to find your passion in life. You can be whatever you wanna be now. It's exciting.

Chandler: But it's all so overwhelming. I don't know where to start.

Monica: Hey, wait a second. I can help you with this. You just need to be *organized*. We can make a list of your qualifications, and categorize jobs by industry. There could be folders and files!

Когда Моника узнает, что кто-то пользуется ее кредитной карточкой, она изучает расходы за месяц и возмущается непрактичностью «фальшивой Моники»:

Rachel: Monica, would you calm down? The credit card people said that you only have to pay for the stuff that you bought.

Monica: I know. It's just such *reckless* spending.

Ross: I think when someone steals your credit card, they've kind of already thrown caution to the wind. (Стилистическое средство: идиоматическое выражение.)

Одержимость Моники порядком и педантичностью вызывает насмешки друзей:

Monica: Okay, so I'm *responsible*, I'm *organised*. But hey, I can be a kook.

Ross: Alright, you *madcap* gal. Try to imagine this. The phone bill arrives, but you don't pay it right away.

Monica: Why not?

Ross: Because you're a kook! Instead you wait until they send you a notice.

Monica: I could do that.

Rachel: Okay, uh, you let me go grocery shopping, and I buy laundry detergent, but it's not the one with the easy-pour spout.

Monica: Why would someone do that?! One might wonder.

Практичная Моника решает купить кровать в магазине бывшего мужа подруги Чендлера, осознавая, что это может его расстроить:

Phoebe: Ugh! I don't know Monica. It feels funny just being here. I mean if you buy a bed from Janice's ex-husband, that's *like betraying Chandler*. (Стилистический прием: сравнение.)

Monica: Not at these prices.

Phoebe: Eh, Monica it, it feels so weird, you know, Chandler's your friend... (Hops onto the bed) Oh! Oh my God! Aw, all right take this bed, you can make other friends.

Когда один из героев опаздывает на самолет, ему приходится выслушать язвительное замечание сотрудницы аэропорта по поводу его неорганизованности:

Woman: Sure, and for the future, we recommend you arrive at the airport an hour and a half before your flight, not, you know, one minute after. (Стилистическое средство: ирония.)

Ross: Normally, I'm incredibly *responsible*. I just had to go to court this morning and get sentenced.

*Not that I'm a criminal or anything*. (Стилистическое средство: литота.)

Таким образом, можно выделить семантическое поле «эффективности и практичности»: organized, efficient, careful, experienced, competent, qualified — и семантическое поле «неэффективности и расточительности»: throw caution to the wind, reckless, madcap, careless, irresponsible.

В целом проведенное исследование по выявлению семантико-стилистических способов реализации ценностей американской культуры на материале сериала «Friends» показывает, что наиболее частотными в данном сериале оказались такие семантико-стилистические средства, как лексические повторы (17 %), ирония (16 %), сравнения (14,8 %), семантические поля (12 %) и анафора (9,8 %). Перспективность подобного анализа мы видим в расширении материала исследования и представления компаративного анализа семантико-стилистических способов реализации ценностей рассматриваемых культур.

### Список литературы

1. Алимжанова, Г. М. Сопоставительная лингвокультурология : [на каз. яз.] / Г. М. Алимжанова. — Алматы, 2010.
2. Гвоздева, А. А. Языковая картина мира: лингвокультурологические и гендерные особенности : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Гвоздева. — Краснодар, 2004.
3. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц // Российская политическая энциклопедия. — М., 2004.
4. Зарецкая, А. Н. Особенности реализации подтекста в кинодискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Н. Зарецкая. — Челябинск, 2010.
5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград, 2002.
6. Крылов, А. А. Психология / А. А. Крылов. — М., 2005.
7. Лурье, С. В. Историческая этнология / С. В. Лурье. — М., 1998.
8. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. — М., 2001.
9. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М., 2007.
10. Радбиль, Т. Б. Основы изучения языкового менталитета / Т. Б. Радбиль. — М., 2010.
11. Самкова, М. А. Кинотекст и кинодискурс: к проблеме разграничения понятий / М. А. Самкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов, 2011. — С. 135—137.
12. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. — М., 2000.
13. Jim Flory's Website [Электронный ресурс]. — URL: [http://www.jflory.org/soc205/values\\_williams.htm](http://www.jflory.org/soc205/values_williams.htm) (дата обращения 26.02.2018).
14. Geerthofstede [Электронный ресурс]. — URL: <http://geert-hofstede.com/united-states.html> (дата обращения 26.02.2018).
15. Данилова, Т. В. Диалог культур в контексте теории ценностных ориентаций Ф. Клакхон и Ф. Стродтбека [Электронный ресурс] / Т. В. Данилова. — URL: [http://www.rusnauka.com/23\\_NTP\\_2013/Philosophia/4\\_143276.doc.htm](http://www.rusnauka.com/23_NTP_2013/Philosophia/4_143276.doc.htm) (дата обращения 26.02.2018).
16. Рогозина, И. В. Плюрализм картин мира [Электронный ресурс] // Электронная библиотечная система АлтГТУ. — URL: [http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/pa2001\\_1\\_2/pages/34/pap\\_34.html](http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/pa2001_1_2/pages/34/pap_34.html) (дата обращения 26.02.2018).

### Сведения об авторах

**Глухова Ирина Владимировна** — кандидат педагогических наук, доцент кафедры восточных и романо-германских языков, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. irenevl@mail.ru

**Сорокина Ольга Анатольевна** — кандидат педагогических наук, доцент кафедры восточных и романо-германских языков, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. sorokinaolga53@rambler.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 36—43.*

## LINGUOCULTURAL FEATURES IN REFLECTION OF NATIONAL LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD IN AMERICAN FILM DISCOURSE: AXIOLOGICAL ASPECT (a Case Study of the TV Series “Friends”)

**I.V. Glukhova**

*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. irenevl@mail.ru*

**O.A. Sorokina**

*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. sorokinaolga53@rambler.ru*

This paper considers linguistic, sociological and philosophical approaches to understanding linguistic and national pictures of the world. Lexical-semantic and expressive means are identified in American film discourse and an attempt is made to analyse their use as the reflection of values.

**Keywords:** *picture of the world, national picture of the world, linguistic picture, values, aspirations, film discourse.*

### References

1. Alimzhanova G.M. *Sopostavitel'naya lingvokulturologia* [Comparative cultural linguistics]. Almaty, 2010. (In Kazakh).
2. Gvozdeva A.A. *Yasykovaya kartina mira: lingvokul'torologicheskiye i gendernye osobennosti* [Linguistic view of the world: linguocultural and gender peculiarities. Abstract of thesis]. Krasnodar, 2004. 16 p. (In Russ).
3. Girts K. *Interpretatsiya kul'tur* [Culture interpretation]. Moscow, 2004. (In Russ.).
4. Zaretskaya A.N. *Osobennosti realizatsii podteksta v kinodiskurse* [Implementation of peculiarities of film discourse implication. Abstract of thesis]. Chelyabinsk, 2010. 22 p. (In Russ.).
5. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnoct', kontsepty, diskurs* [Linguistic chain: personality, concept, discourse]. Volgograd, 2002. (In Russ.).
6. Krylov A.A. *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow, 2005. (In Russ.).
7. Lur'ye C.V. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology]. Moscow, 1998. (In Russ.).
8. Maslova V.A. *Lingvokul'turologia* [Cultural Linguistics]. Moscow, 2001. (In Russ.).
9. Popova Z.N. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Moscow, 2007. (In Russ.).
10. Radbil' T.B. *Osnovy izucheniya yasykovogo mentaliteta* [Basics of linguistic mentality study]. Moscow, 2010. (In Russ.).
11. Samkova M.A. Kinotekst i kinodiskurs: k probleme razgranicheniy ponyatiy [Film text and film discourse: the problem of differentiation of the notions]. *Philologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. Tambov, 2011. Pp. 135—137. (In Russ.).
12. Ter-Minasova S.G. *Yasyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [The language and intercultural communication]. Moscow, 2000. (In Russ.).
13. *Jim Flory's Website*. Available at: [http://www.jflory.org/soc205/values\\_williams.htm](http://www.jflory.org/soc205/values_williams.htm), accessed 26.02.2018.
14. *Geerthofstede*. Available at: <http://geert-hofstede.com/united-states.html>, accessed 26.02.2018.
15. Danilova T.V. *Dialog kul'tur v kontekste teorii tsennostnykh orientatsiy F. Klakkhon i F. Strodtbeka* [The dialogue of cultures in the context of the theory of value orientations Clachan F. and F. Strodtbeck]. Available at: [http://www.rusnauka.com/23\\_NTP\\_2013/Philosophia/4\\_143276.doc.htm](http://www.rusnauka.com/23_NTP_2013/Philosophia/4_143276.doc.htm), accessed 26.02.2018. (In Russ.).
16. Rogozina I.V. Plyuralizm kartin mira [A plurality of pictures of the world]. *Elektronnaya bibliotchnaya sistema AltGTU* [The electronic library system of the Altai State Technical University]. Available at: [http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/pa2001\\_1\\_2/pages/34/pap\\_34.html](http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/pa2001_1_2/pages/34/pap_34.html), accessed 26.02.2018. (In Russ.).

УДК 81'37  
ББК 81.432.1

## К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА *FORCE* В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

**В. В. Гурин, В. В. Батицкая**

*Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия*

Статья посвящена исследованию концепта *FORCE* в английском языке. В работе раскрывается понятие концепта, выявляются лексические средства, актуализирующие концепт *FORCE*, проводится их лексикографический и контекстуальный анализ. Авторами доказывается тезис о многогранной структуре данного концепта в англоязычной картине мира. Объективирующие его языковые средства выражают широкий спектр значений: силу, способность, возможность действовать, сопротивляться, оказывать воздействие на окружающих и их поведение.

**Ключевые слова:** *английский язык, концепт, актуализация концепта, сила.*

Язык представляет собой систему, в которой любая языковая единица должна иметь свое собственное место. Отсюда общий интерес современной лингвистики как к общей проблеме отражения в языковой связи значений языковых единиц, так и к частной проблеме репрезентации концепта *FORCE*.

Концепт рассматривается как сгусток знаний, некое ментальное образование, отраженное в сознании человека [3. С. 9]. Он может репрезентироваться различными схемами, языковыми средствами. Представление о концепте неразрывно связано с культурой и традициями народа [2]. В его структуру включены эмоции, оценки и ценности.

*FORCE* выступает одним из базовых концептов в английском языковом сознании. Он связан с другими ценностными концептами внутреннего мира человека, такими как *WILL*, *DESIRE*, *TRY* и др. [1]. Сила воспринимается как физическое, духовное или умственное стремление получить желаемый результат, достичь определенной цели [4. С. 99—100].

Целью данного исследования является изучение проблемы актуализации концепта *FORCE* в английском языке.

В работе использовался комплекс взаимодополняющих методик: методы лексикографического и контекстуального анализа лексем, актуализирующих концепт *FORCE*, общенаучные методы сравнения и обобщения.

Для выявления лексических единиц, объективирующих концепт *FORCE*, мы обратились к материалам словарей синонимов *Collins English Thesaurus* [5], *Merriam-Webster Thesaurus* [9], а также к данным англоязычных словарей, таких

как *Longman Dictionary of English Language and Culture* [7], *Merriam-Webster Dictionary* [8].

Изучение данных англоязычных толковых и синонимических словарей позволило выделить ряд лексических единиц (существительные, глаголы, прилагательные), которые репрезентируют концепт *FORCE* в английском языке: существительные — *force, effort, compulsion, pressure, violence, power, might, agency, means, influence, effect, intensity, vigor, vehemence, army*; глаголы — *force, compel, impose, push, thrust, propel, break open, blast, wrench, extort, drag*; прилагательные — *forceful, dynamic, powerful, vigorous, strong, convincing*.

Данные языковые знаки содержат интегральную сему *natural or physical power, strength, energy*, выраженную как имплицитно, так и эксплицитно.

В статье предпринята попытка исследовать некоторые особенности объективации концепта *FORCE* в английском языке.

Рассмотрим базовый репрезентант исследуемого концепта — лексему *force*.

Согласно словарной дефиниции, в значении единицы *force* выделяются следующие семы:

- 1) *active strength; strong influence;*
- 2) *uncontrollable power of a person, thing, belief, action;*
- 3) *strong influence on the mind;*
- 4) *to use physical force;*
- 5) *to produce with effort;*
- 6) *to make someone (even if he/she does not will it) to do something* [7. P. 508].

Представленные данные показывают, что лексема *force* используется для выражения воздействия на окружающую действительность. При этом подобное влияние может быть как физическим, так

и моральным. Применение силы может осуществляться против воли другого, а иногда требует проявления дополнительных усилий. Интересным компонентом исследуемой лексической единицы является присутствие семы uncontrollable, что подтверждает наличие значения неконтролируемости силы при некоторых обстоятельствах.

Merriam-Webster Dictionary указывает на ряд компонентов, которые демонстрируют многослойность и многоаспектность языкового знака force:

- 1) «военная сила»: cause of motion or change; active power; military strength;
- 2) «навязывание воли»: the use of power to impose one's will on another;
- 3) «воздействие, связанное с принуждением и убеждением»: capacity to persuade or convince;
- 4) «мораль»: moral force;
- 5) «труд»: labor force;
- 6) «индивидуальность — множественность»: individual or group having the power of effective action;
- 7) «насилие»: violence;
- 8) «природное воздействие»: any of the natural influences (such as, the strong force, and the weak force) that determine the structure of the universe;
- 9) «противостояние силе»: power to resist force [8].

В качестве подтверждения вышесказанного проанализируем, как лексическая единица force актуализируется в английском языке.

1. *A slideshow of dead faces begins to play in my mind, unbidden and unwelcome. I force it to stop and replace it with the smiles of the living... but they're outnumbered and soon we're back to dead faces and dead eyes and dead gaping mouths [6].*

В данном примере глагол force содержит компонент strong influence on the mind (сильное влияние, оказываемое на сознание), выражающий попытку человека заменить (force it to stop and replace it) неприятные, нежелательные мысли и образы (a slideshow of dead faces... unbidden and unwelcome) на более позитивные изображения (the smiles of the living), возникающие в его сознании (in my mind).

2. *The ominous crack of the giant pine tree ricocheted through the forest and twenty-one-year-old Daniel Kauffman knew a sudden and resonating fear in his chest... The tree fell with deadly force, catching Daniel with the tips of its branches and clawing the back of his neck to stinging rawness [Ibid.].*

Одним из компонентов значения лексической единицы force является природное воздействие на окружающих. В представленном фрагменте тек-

ста молодой человек Даниэль (twenty-one-year-old Daniel Kauffman) оказался под упавшим на него деревом (the tree fell). При этом возникла угроза его здоровью и жизни вследствие очень сильного удара (with deadly force), который послужил причиной многочисленных ран (clawing the back of his neck to stinging rawness).

3. *I force myself to take one step, then another, and all the while we listen as the mother gull feeds her baby with a clicking of beaks and the dying sounds of some creature. We are soundless, holding our breath as we hug the wall and pass the rows of roosting father gulls, anxiously awaiting their turns to feast [Ibid.].*

В приведенном примере словом force актуализируется значение to produce something with effort (осуществлять что-либо с приложением усилий). Субъект действия проявляет силу воли и практически заставляет себя совершать действия (I force myself to take one step, then another). Компонент значения effort объективируется здесь во втором высказывании посредством употребления сочетания holding our breath (задержка дыхания).

4. *I am forced to conclude that more funding will be necessary [8].*

В данном предложении лексема force реализует значение capacity to persuade or convince (способность убедить). Описываемый семантический компонент репрезентируется посредством употребления пассивной конструкции to be forced, что подтверждает воздействие окружающих на принятие окончательного решения (to conclude) об увеличении финансирования (more funding will be necessary).

Лексическая единица effort является семантически сопряженной с force, поскольку проявление силы непосредственно связано с приложением тех или иных усилий в попытке совершения действий. Обратившись к дефиниции effort, мы пришли к заключению, что данное существительное содержит в своем значении такие семы, как:

- 1) the use of power of the mind or physical strength [7. P. 418];
- 2) conscious exertion of power; effective force as distinguished from the possible resistance called into action by such a force [8].

Проведенный лексикографический анализ показал, что языковой знак effort демонстрирует проявление умственной или физической силы, несмотря на возможное сопротивление со стороны других, а также внутренние или внешние обстоятельства.

Обратимся к анализу следующих фрагментов текста:

1. *I can feel the twitch at the corner of her right eye. I can feel Elena's mouth draw in and pucker with the effort not to cry [6].*

Здесь лексема *effort* объективирует значение *the use of power of the mind* (приложение умственных усилий). Данный семантический признак рассматриваемого существительного усиливается экстралингвистическими средствами, в нашем случае — мимическими действиями девушки (*can feel Elena's mouth draw in and pucker*), неконтролируемыми импульсами на ее лице (*the twitch at the corner of her right eye*).

2. *He put a lot of effort into finishing the project on time* [8].

Иногда говорящему приходится прикладывать значительные усилия (*a lot of effort*) для успешной реализации своих намерений в установленный срок (*finishing the project on time*). Это требует от него проявления силы воли и выдержки, как в представленном выше высказывании, где реализуется компонент значения лексемы *effort* «conscious exertion of power» (умственное проявление силы, так называемое «напряжение сил»).

3. “...I'm out in the middle of nowhere, *burying my husband. What the hell's wrong with me?*” “*Oh, my God,*” *she yelled, swinging the shovel in every direction in an effort to protect herself... A river of cold sweat trickled between her breasts. She'd never been so scared in all her life* [6].

В данном примере актуализируется сема *physical strength* (физическая сила) лексической единицы *effort*. Девушка пытается закопать своего мертвого мужа (*swinging the shovel in every direction; burying my husband*). Во время реализации действия она прилагает физические усилия (*swinging the shovel in every direction in an effort to protect herself*), испытывая при этом страх (*so scared*), напряжение (*a river of cold sweat trickled between her breasts*) и моральные страдания (“*Oh, my God,*” *she yelled; What the hell's wrong with me?*).

Проявление силы связано с осуществлением определенного воздействия, в том числе политического, на окружающих, с контролем над действиями других. Данное значение объективируется существительным *power: ability to act or produce an effect; capacity for being acted upon or undergoing an effect; possession of control, authority, or influence over others; political control or influence* [8].

Рассмотрим, как актуализируются данные значения в следующих высказываниях:

1. “However, when a little boy suddenly goes missing from his bed in the middle of the night, we want to assure the public that *the police will do everything in our power to bring him home safely*” [6].

2. *There were almost no streetlights and the estates were set so far back from the road, it would be difficult for anyone to summon help. Vega was anxious*

*to be off duty. But even so, he'd never leave someone stranded if he had the power to help* [Ibid.].

В значении лексической единицы *power* (примеры 1, 2) отражается способность применить силу и использовать все возможные средства для осуществления желаемого (*the police will do everything in our power to bring him home safely; he'd never leave someone stranded if he had the power to help*). Использование глагола *assure* (убедить) в первом высказывании усиливает значение *authority, or influence over others*, то есть лексема *power* связана с убеждением окружающих. Во втором предложении анализируемая лексическая единица объективирует сему *ability to act or produce an effect* [способность действовать и производить некий эффект на окружающих, в нашем случае возможность оказать помощь (*the power to help*)].

Одним из значимых компонентов концепта *FORCE* является противостояние, сопротивление действиям других. Так, лексема *strength*, помимо базового компонента *the quality or state of being strong*, имеет в своем значении семы: *power to resist force; power of resisting attack* [8]. Это подтверждается и контекстуальным анализом.

1. *The murdered man's wife didn't have the emotional strength to face reporters* [9].

2. *This cheap shelving unit doesn't have the strength to hold all those books* [Ibid.].

В данных примерах неспособность противостоять внешнему воздействию (в первом примере — неудобным вопросам журналистов, во втором — давлению веса книг) репрезентируется лексической единицей *strength*. В рассмотренных предложениях *strength* выступает как противовес другой, внешней силе (*reporters, books*), которая обычно не номинируется лексическими единицами, объективирующими концепт *FORCE*. Как правило, в таких случаях речь идет о влиянии нефизического характера на одушевленный субъект, в виде психологического воздействия.

Сила может носить и насильственный характер, причинять вред, разрушать. Данное значение присутствует в лексической единице *violence: the use of physical force so as to injure, abuse, damage, or destroy* [8].

В качестве примера приведем следующий фрагмент текста:

*Violence toward women was something he couldn't stand. Not even when he'd been deployed. There was a scar on his thigh from where a woman had attacked him* [6].

Здесь языковой знак *violence* используется в значении проявления насильственных действий, причинения вреда по отношению к женщине (*toward women*).

Проведенный лексикографический и контекстуальный анализ позволил прийти к следующим выводам. FORCE — один из наиболее значимых концептов в англоязычной картине мира. Концепт СИЛА присутствует в национальных картинах мира других народов, но его место и удельный вес может отличаться у представителей разных языковых сознаний, что обусловлено целым рядом факторов, начиная от географических и заканчивая исторической и социальной обусловленностью.

Концепт FORCE является многослойным, поскольку составляющие его компоненты описывают различные типы воздействия, от военного до психологического. Сила может быть моральной, физической, умственной; носить насильственный или ненасильственный характер; оказываемое силовое воздействие может быть множественным или единичным. Иногда, проявляя силу, для до-

стижения желаемого результата и реализации своих намерений индивид навязывает свою волю и желания окружающим, несмотря на их сопротивление и стремление отстоять свою позицию.

Особое место в структуре рассматриваемого концепта занимает компонент power to resist (противодействие силе). Тот факт, что лексема power объективирует один из компонентов (слов) концепта FORCE, демонстрирует, что концепт FORCE и концепт POWER имеют области наложения и пересечения, а не существуют в концептосфере изолированно друг от друга.

Достоверность компонентов концепта FORCE, которые были выявлены в результате анализа словарных дефиниций, была подтверждена собранным эмпирическим материалом. Компонентов концепта FORCE, которые не встречались бы при анализе словарных дефиниций, не выявлено.

### Список литературы

1. Гурин, В. В. Категория «Воля» в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук / В. В. Гурин. — Иркутск, 2009.
2. Крючкова, Н. В. Роль референции и коммуникации в концептообразовании и исследовании концептов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. В. Крючкова. — Саратов, 2009.
3. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика в современной науке о языке / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Ментальность и язык : коллектив. моногр. — Кемерово, 2006. — С. 3—15.
4. Рябцева, Н. К. Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. — М., 2005.
5. Collins English Thesaurus [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus> (дата обращения 11.01.2018).
6. Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс]. — URL: <https://corpus.byu.edu/coca> (дата обращения 15.01.2018).
7. Longman Dictionary of English Language and Culture. — Harlow : Longman, 1998.
8. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения 01.02.2018).
9. Merriam-Webster Thesaurus [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.merriam-webster.com/thesaurus> (дата обращения 5.01.2018).

### Сведения об авторах

**Гурин Владимир Валерьевич** — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингводидактики, Иркутский государственный университет. Иркутск, Россия. [gurinvv83@rambler.ru](mailto:gurinvv83@rambler.ru)

**Батицкая Виктория Владимировна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и лингводидактики, Иркутский государственный университет. Иркутск, Россия. [mbv17@yandex.ru](mailto:mbv17@yandex.ru)

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*  
2018. No. 6 (416). Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 44—48.

## TO ACTUALIZATION OF ENGLISH CONCEPT *FORCE*

**V.V. Gurin**

*Irkutsk State University, Irkutsk, Russia. gurinvv83@rambler.ru*

**V.V. Batitskaya**

*Irkutsk State University, Irkutsk, Russia. mbv17@yandex.ru*

The article deals with the study of the English concept *FORCE*. The concept is defined and the lexical units actualizing it are identified with the lexicographic and contextual analyses. The authors prove the thesis on the multi-layer structure of this concept in the English picture of the world. The idea of the concept *FORCE* makes it possible to understand the inner world of a human being. The language means objectifying the concept under consideration feature a wide range of meanings including strength, capacity, ability to act, to resist, to exert influence on others and their behavior. These language marks are united with an integral meaning “natural or physical power, energy”, which is expressed both implicitly and explicitly. Strength can be moral, physical or mental. It can be violent, and its application can cause harm to others.

**Keywords:** *the English language, concept, actualization of the concept, force.*

### References

1. Gurin V.V. *Kategoriya “Volya” v sovremennom angliyskom yazyke* [The category “Will” in modern English. Thesis]. Irkutsk, 2009. (In Russ.).
2. Kryuchkova N.V. *Rol’ referentsii i kommunikatsii v kontseptoobrazovanii i issledovanii kontseptov* [The role of reference and communication in the conceptualization and research of concepts. Abstract of thesis]. Saratov, 2009. (In Russ.).
3. Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika v sovremennoy nauke o yazyke* [Cognitive linguistics in the modern science of language]. *Mental’nost’ i yazyk* [Mentality and language]. Kemerovo, 2006. Pp. 3—15. (In Russ.).
4. Ryabtseva N.K. *Yazyk i yestestvennyy intellekt* [Language and natural intelligence]. Moscow, 2005. (In Russ.).
5. *Collins English Thesaurus*. Available at: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english-thesaurus>, accessed 15.01.2018.
6. *Corpus of Contemporary American English*. Available at: <https://corpus.byu.edu/coca>, accessed 11.01.2018.
7. *Longman Dictionary of English Language and Culture*. Harlow, Longman, 1998.
8. *Merriam-Webster Dictionary*. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary>, accessed 01.02.2018.
9. *Merriam-Webster Thesaurus*. Available at: <https://www.merriam-webster.com/thesaurus>, accessed 05.01.2018.

УДК 811  
ББК 81.432.1-211

## К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКИХ, СТРУКТУРНЫХ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. С. Еремина, Н. А. Лаврова

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

Анализируются семантические, структурные и функциональные особенности фразеологизмов в современном английском языке. Находясь на пересечении грамматики и лексики, фразеологические единицы характеризуются рядом особенностей. Частично отличаясь от слов с функциональной точки зрения, английские фразеологизмы имеют специфическую структуру, а также подвержены семантическим изменениям, в ряде случаев представляя собой многозначные единицы.

**Ключевые слова:** фразеология, идиоматика, изоморфизм, мотивированность, семантическая амбивалентность.

### Введение. Общие характеристики и функции устойчивых выражений

Традиционное описание фразеологизмов (идиом)<sup>1</sup> сводится к тому, что они представляют собой многокомпонентные, семантически непрозрачные и структурно фиксированные единицы языка. Профилируя эмпирически конкретные фреймы и сценарии и проецируя их на более абстрактные концептуальные связи и отношения, идиоматические выражения функционируют как образно кодируемые когнитивные микромодели, обеспечивающие доступ к большому числу абстрактных целевых сфер.

Основные причины, по которым говорящие прибегают к использованию идиом в речи, сводятся к следующим:

- повторяемость в жизни определенных стереотипных ситуаций, разворачивающихся по сходному сценарию;
- тенденция к экономии ментальных (психических, когнитивных) усилий и времени;
- выражение оценки и эмоционального настроя;
- потребность в разрядке напряжения посредством игры слов;
- установление ментального контакта с собеседником за счет активации общего тезауруса, к которым соответствующая идиома обеспечивает доступ.

У фразеологических единиц (ФЕ) имеется определенная «программа» функционирования, кото-

рая предопределена самой их сущностью. Одни функции являются *константными*, то есть присущими всем ФЕ в любых условиях их реализации, другие же — *вариативными*, свойственными только некоторым разрядам фразеологизмов. К константным относятся *коммуникативная*, *познавательная* и *номинативная* функции [1. С. 58].

**Коммуникативной функцией** ФЕ является их назначение служить средством общения или сообщения. Общение предполагает взаимный обмен высказываниями, а сообщение — передачу информации без обратной связи с читателем или слушателем.

**Номинативная функция** ФЕ — это их соотнесенность с объектами реального мира, включая и ситуации, а также замена этих объектов в речевой деятельности их фразеологическими наименованиями. Для номинативной функции фразеологизмов характерно заполнение лакун в лексической системе языка. Это свойственно подавляющему большинству фразеологизмов.

С номинативной функцией тесно связана **познавательная (когнитивная) функция** — опосредованное сознанием социально-детерминированное отражение объектов реального мира, способствующее их познанию. Социальная детерминированность проявляется в том, что, хотя потенциальные фразеологизмы и создаются отдельными индивидами, эти индивиды являются частью общества и осуществление ими познавательной функции возможно только на основе предшествующих знаний.

Познавательная и номинативная функции реализуются в рамках коммуникативной функции, образуя диалектическое единство, а все остальные функции — в рамках данных функций. В этом

<sup>1</sup> В настоящей работе авторы не ставят цели проанализировать терминологические различия между терминами «фразеологизм» и «идиома». Данные термины используются как синонимические.

проявляется иерархичность функционального аспекта фразеологической системы.

К **семантическим функциям** относятся волюнтаривная (от лат. *voluntas* — воля), дейктическая, результативная функции и др. [1. С. 59].

**Волюнтаривная функция** — это функция волеизъявления: ср. *wish smb. well* — «желать удачи, успеха кому-либо, доброжелательно относиться к кому-либо».

**Дейксис** — это указание на пространственную или временную локализацию действия, явления, события относительно точки отсчета, релевантной в рамках той или иной речевой ситуации. Поскольку точкой отсчета может быть лицо, место или время, выделяются три типа идиоматического дейксиса: *личный, пространственный и временной*.

**Личный дейксис** проявляется в идиоме *at second hand* (из вторых рук). В данном примере точкой отсчета является сам говорящий.

Под дейктическим способом обозначения **пространства** понимается характеристика местоположения или направления движения объекта относительно некоторого центра информации: ср. *show a clean pair of heels* — «убраться, удрать, пуститься наутек».

**Временной дейксис** проявляется в идиоме *wait to see which way the cat jumps* (ждать, как развернутся события; держать нос по ветру; ждать, откуда ветер подует).

**Результативная функция** указывает на результат действия или состояния, которые выражаются ФЕ: ср. *come a cropper* — «потерпеть неудачу, попасть в беду»; *the game is up* — «карта бита, дело проиграно, все пропало»; *set smb.'s teeth on edge* — «действовать кому-либо на нервы; резать слух».

При всем многообразии имеющихся функций ведущей функцией идиоматических выражений является **оценочная**, причем, как правило, речь идет об отрицательной или иронической оценке происходящего: ср. *It also appears that the army is dragging its feet in teaching officers about the new defensive military doctrine formulated by the Kremlin* [12. С. 244].

### Особенности семантики

#### и структуры английских фразеологизмов

Известный критик инноваций в языке, писатель и эссеист Джордж Оруэлл высказывался крайне негативно в отношении использования устойчивых выражений в речи, рассматривая их как способ избегания необходимости размышлять и думать: ср. *Every such phrase anaesthetizes a portion of one's brain* [3. С. 26]. Подобного рода негативное отношение к идиомам, по-видимому, обуслов-

лено тем, что они представляют собой результат когнитивной «рутинизации», проявляющейся на вербальном уровне в виде клишированных выражений, к числу которых нередко относят идиомы.

Большинство идиом относятся к разговорному стилю, однако идиомы, источником которых выступают художественные произведения, мифология и Библия, относятся к официальному стилю и сопровождаются пометой *literary* в словарях: ср. *a coign of vantage* — a favorable position for observation or action, *to shuffle off this mortal coil* — to die, *the Elysian Fields* — heaven, *feast of reason* — intellectual talk [15. С. 58, 93, 103].

В то же время следует разграничивать литературные и официальные идиомы. Последние не являются возвышенными, употребляясь в контексте официально-делового общения: ср. *to try conclusions with smb.* — to engage in a trial of skill or argument [Ibid. С. 299].

Большинство идиом создаются по синтаксическим правилам, характерным для типологии соответствующего языка. Однако около 10 % идиом образуются с нарушением синтаксических правил. В большинстве случаев речь идет об отсутствии определенного артикля (ср. *to turn cat in pan* — to change sides, to be a traitor; *loaded for bear* — fully prepared for any eventuality, typically a confrontation or challenge; *to play ball* — to work willingly with others, to cooperate; *to go ape* — to become violently excited). В некоторых случаях наблюдается нетипичный порядок слов (ср. *a battle royal* — a fiercely contested fight or dispute; *the body beautiful* — an ideal of physical beauty, *the heir apparent* — the next in line to ascend the throne, *court martial* — a court that judges soldiers who break military law, *letters patent* — a formal document from a king, queen, or government that gives someone a particular right, *consul general* — a consul of the highest status), в некоторых — устаревшая форма глагола, не употребляющаяся вне связки с соответствующей идиомой: ср. *a bounden duty* — a responsibility regarded by yourself or others as obligatory [11. С. 138].

Общность идиом и слов проявляется во многих аспектах. Так же как и слова, идиомы подвержены различного рода семантическим процессам, таким как многозначность, изменение значения в диахронии, устаревание формы и/или значения, формальная и смысловая вариативность в синхронии, исходя из того локального варианта, в котором используется идиома (американский vs британский vs австралийский вариант). В отличие от слов, однако, максимальное количество значений, развиваемых идиомой в целом, не превышает четырех [15. С. 138], что объясняется следующей

закономерностью: чем больше количество знаков, из которых состоит выражение, тем меньше потенциальное количество значений, которые может развивать сложный языковой знак (ср. *to have had it*: 1) to be in a very poor condition; 2) be extremely tired; 3) have lost all chance of survival; 4) be unable to tolerate smn. or smth. any longer).

Так же как и однословные лексемы, сравнительно небольшое количество идиом характеризуется явлением *энантисемии* — совмещением противоположных смыслов в синхронии, однако такое явление скорее исключение, чем правило, и в некоторых случаях может приводить к коммуникативным сбоям (ср. *to be downhill all the way*: 1) easy in comparison with what came before; 2) worse or less successful).

В случае если идиома меняет свое значение на противоположное в диахронии, речь идет об *энантиодромии*: ср. *my heart bleeds for you* (used ironically): I sympathize very deeply with you. Во времена Чосера и Шекспира данное выражение употреблялось в значении искреннего сострадания и/или соболезнования. В современном английском языке идиома употребляется исключительно с ироническим оттенком, как, например, в эпизоде комедии *Captain Blackadder*, в котором главного героя, оказавшегося в тюрьме, посещает команда, назначенная для проведения расстрела, чтобы посмотреть на свою «жертву». В ответ на шутку старшего ‘Firing squads are a bit like taxmen, sir: everyone hates us, but we are just doing our job’ главный герой говорит ‘My heart bleeds for you’. Библейзм *all things to all men* исторически употреблялся в положительном значении: речь идет о Боге, который может пребывать в душе каждого человека, если только не бояться впустить его. Сегодня, однако, данное выражение чаще употребляется с негативным оттенком смысла, в предложениях с эксплицитным или подразумеваемым отрицанием: ср. *I know you want your students to like you, but you have to discipline them when they misbehave. You can't be all things to all people.*

*I don't trust that candidate, he is trying to be all things to all people and still hasn't committed to a clear course of action* [14].

Поскольку в отличие от слова идиомы состоят как минимум из двух компонентов, иногда в целях усиления экспрессивного эффекта в качестве компонентов идиомы выбираются имена существительные, обладающие синонимичным значением, в результате чего вся идиома приобретает плеонастический характер. С точки зрения стиля, некоторые из них имеют неформальный оттенок (ср. *betwixt* и *between*), другие нейтральны по своему значению (ср. *bag* и *baggage*), третьи употреб-

ляются в сфере юридической терминологии и, таким образом, представляют собой *терминологизмы* (ср. *to aid* и *abet*) — фразеологические единицы, утрачивающие образность, эмоциональность, оценочность и развивающие конкретное терминологическое значение, «исток которого следует искать в денотативном значении самой ФЕ» [2. С. 119]. Общее коннотативное значение плеонастической идиомы, как правило, детерминируется вторым компонентом: ср. *aid* и *abet*. В данном случае первое существительное обладает положительной коннотацией, второе — отрицательной и восходит к старофранцузскому слову со значением *to encourage a hound to bite*.

Идиоматический язык занимает промежуточное положение между лексикой и синтаксисом: обладая устойчивой структурой и имея в своем составе как минимум два составляющих компонента, идиомы обнаруживают противоречие между единым смыслом, передающимся сочетанием составляющих компонентов, и раздельно оформленной структурой. Тот факт, что многие идиомы подвержены вариативности как в структурном, так и в смысловом отношении, свидетельствует о том, что они не хранятся в ментальном лексиконе как цельнооформленные единицы, но, по крайней мере, частично воссоздаются каждый раз в дискурсе исходя из коммуникативных потребностей. Таким образом, идиоматическая вариативность ставит под сомнение свойство воспроизводимости, традиционно приписываемое идиомам. То, что идиомы не хранятся в ментальном лексиконе так же, как и цельнооформленные лексемы различной степени морфологической сложности, подтверждается невозможностью применения тех же грамматических правил, которые действуют в отношении цельнооформленных единиц. Так, глагольные идиомы, например *to shoot the breeze*, *to chew the fat*, имеют окончание не в абсолютном конце, а при смысловом глаголе. Хотя данное обстоятельство может казаться очевидным и само собой разумеющимся, при рассмотрении идиом как устойчивых выражений, передающих одно понятие и, таким образом, эквивалентных по смыслу однословным лексемам, грамматические изменения должны касаться абсолютного конца устойчивого выражения.

Смысловая целостность фразеологизмов также во многих случаях может быть поставлена под сомнение. Как показывает Дж. Нунберг [13], многие идиомы со структурой V + N (ср. *to grasp the nettle*, *to take the bull by the horns*, *to jump on the bandwagon*, *to walk a tightrope* и т. д.) передают не одно, а два понятия, то есть ровно столько, сколько кодируется в поверхностной структуре

идиоматического выражения. В приведенных идиомах каждый структурный компонент передает отдельное метафорическое понятие, что выражается в возможности следующего перифраза: *to take the bull by the horns = to deal with a difficult situation; to grasp the nettle = to bravely tackle a problem; to jump on the bandwagon = to follow a popular cause without putting much effort; to walk a tightrope = to be in a difficult situation* и т. д. Таким образом, раздельнооформленность идиом обнаруживает себя не только на уровне синтаксиса, но и на уровне передаваемого смысла, что, однако, относится не ко всем идиомам и напрямую связано с понятием **мотивированности** и **изоморфизма**, или аналитического характера идиомы. В связи со сказанным необходимо прояснить следующие термины и понятия, имеющие прямое отношение к фразеологически устойчивым сочетаниям:

- мотивированность;
- изоморфизм (аналитический характер);
- семантическая прозрачность;

**Мотивированность** предполагает способность говорящего вывести переносно-метафорическое значение идиомы исходя из прямого значения составляющих идиому компонентов посредством установления концептуального соответствия между целевой сферой и сферой-источником. В случае принципиальной возможности установления такого соответствия (ср. англ. mapping), а также возможности экстраполяции энциклопедического знания о прямой денотативной ситуации на абстрактную ситуацию, речь идет о полной мотивированности идиомы. Так, идиома *to grasp the nettle* мотивирована посредством концептуальной метафоры *controlling an issue is physically possessing it*. Исходя из этого глагол *to grasp* получает метафорическое значение «справиться», а существительное *nettle* — метафорическое значение «проблемная ситуация». Опираясь на экстралингвистические, энциклопедические знания о свойствах крапивы, познающий субъект переносит инференции из сферы источника на целевую сферу: речь идет о проблеме, преодоление которой связано с затратой определенных психических и/или физических ресурсов, предполагающих смелость и выносливость со стороны человека.

В некоторых случаях стремление сделать идиому максимально мотивированной и прозрачной вступает в противоречие с внешней формой и реализацией идиомой игровой функции, что достигается в первую очередь за счет аллитерации и ассонанса; ср.:

- 1) *as brown as a berry* — very suntanned;
- 2) *to have ants in the pants* — to be fidgety and restless;

- 3) *the birds and the bees* — basic facts about sex and reproduction as told to a child;
- 4) *cut the cackle* — to stop talking aimlessly and come to the point [11. P. 166].

Если логика образования второй и четвертой идиом вполне очевидна, то первая и третья не вполне прозрачны, поскольку типичная ягода не является коричневой, а птицы и пчелы не являются единственными животными, на примере которых можно объяснить ребенку, как размножатся живые организмы.

Иногда затемненность идиомы объясняется ее происхождением: так, сокращенные идиомы и идиомы, восходящие к рифмованному сленгу, как правило, вызывают большие трудности при интерпретации, чем полные идиомы или идиомы, в которых присутствуют оба компонента рифмованного сленга: ср. *to give smn. the big e (to give smn. the big elbow)* — to reject smn. in an insensitive or dismissive way; *she's apples (and spice/rice)* — she's nice; *to catch your death (of cold)* — to catch a severe cold or chill [Ibid. P. 328].

Понятие **изоморфизма** связано с понятием мотивированности, но не тождественно ему. **Изоморфизм** предполагает непосредственный параллелизм между онтологическими компонентами сферы-источника — прямой денотативной ситуации — и целевой сферы — метафорически осмысляемой абстрактной ситуации, как в идиоме *to grasp the nettle*, в которой физическому манипулированию объектом соответствуют действия, предпринимаемые агенсом с целью преодоления трудности, а неприятные свойства крапивы соответствуют некоторым отрицательным характеристикам проблемной ситуации.

Если ситуация, кодируемая идиомой *to grasp the nettle*, может быть без труда разложена на два составляющих компонента — проблемы и контролирования проблемы, то в случае с идиомой *to spin the wheels* такого соответствия между поверхностной структурой и лежащей в ее основе концептуальной структурой не наблюдается. Идиома *to spin the wheels* отличается тем, что в ее основе лежат метафтонимические модели *part for whole* и *progress is forward movement*. Буквальное значение лежащего в основании образа в том, что, прокручивая колеса, машина не может начать движение вперед, что на метафорическом уровне соответствует отсутствию ожидаемого прогресса.

Дж. Нунберг с соавторами объясняет разницу между понятием изоморфизма и мотивации следующим образом: ‘When we hear *spill the beans* used to mean ‘divulge information’, for example, we can assume that *spill* denotes the relation of divulging and *beans* the information that is divulged, even if

we cannot say why *beans* should have been used in this expression rather than *succotash*' [13. P. 497].

Отсутствие непосредственной связи между мотивированностью идиомы и ее изоморфным характером проявляется в том, что мотивированная идиома вовсе необязательно обладает свойством изоморфности<sup>1</sup>; изоморфная идиома, как правило, мотивирована, а немотивированная идиома априори не обладает свойством изоморфности (ср. *to come a cropper*). Так, выражение *to sit on the fence* мотивировано наличием концептуальной связи между буквальным образом и нерешительностью. В то же время смысловое разложение данной идиомы на два концептуальных компонента вряд ли возможно: речь идет о комплексно осмысливаемом состоянии, в котором пребывает человек, то есть буквальное значение глагола *to sit* не имеет метафорического коррелята, равно как и значение существительного *fence* не обнаруживает коррелята в целевой сфере.

Таким образом, не следует отождествлять композициональность, или составной характер идиомы с изоморфизмом. При составном характере большинства идиом далеко не все из них, как показано выше, обладают свойством изоморфизма. Различие между данными терминами можно проиллюстрировать на примере двух идиом с одним и тем же глагольным компонентом: *to bite the dust* vs *to bite the bullet*. Обе идиомы обладают свойством композициональности, так как состоят из двух структурных компонентов — из глагольной и именной группы, однако только вторая параллельно обладает свойством изоморфизма и может быть представлена в виде двух компонентов как на буквальном, так и на метафорическом уровне: *to bite* 'to deal with' + *the bullet* 'an unpleasant or dangerous situation' = 'to deal with'.

Термин **семантическая прозрачность** связан с понятием мотивированности идиомы, однако не сводим к нему. Семантическая, или смысловая прозрачность предполагает воссоздание четкого образа экстралингвистической ситуации исходя из *прямого значения* идиомы. По данному параметру идиомы: *to kick the bucket*, *to bite the dust*, *an elephant in the room*, *to keep the wolf from the door* и т. д. — семантически прозрачны, однако их мотивированность может быть поставлена под сомнение, поскольку англоговорящие дети, а также изучающие английский язык как иностранный, как правило, испытывают трудности при попытке определить значение указанных выражений при условии, что прежде они не встречались в их языковом опыте. Так, проведенное исследо-

вание показало, что практически все русскоговорящие студенты, изучающие английский как иностранный, неверно интерпретируют идиому *an elephant in the room*, приписывая ей значение «слон в посудной лавке». То же самое касается идиомы *to bite the dust*, которой, как правило, приписывается значение «собрать волю в кулак, справиться с проблемой», и т. д. Идиома *to kick the bucket* часто интерпретируется как «совершить оплошность». Подобного рода концептуальные «ошибки» обусловлены попыткой обоснования метафорического значения прямым значением, то есть естественным стремлением сделать идиому мотивированной, воссоздать генезис сложного языкового знака.

При определении понятия мотивированности необходимо принимать во внимание не только синхронный, но и диахронный аспект изучения идиоматики, поскольку многие идиомы, представляющиеся немотивированными с точки зрения современного состояния английского языка, оказываются мотивированными в исторической перспективе, во многом по причине того, что содержат в своей структуре семантические архаизмы.

Некоторые идиомы утрачивают смысловую прозрачность в результате диахронического развития своей структуры. В частности, это касается идиом *to trip the light fantastic* и *to shoot the breeze*. Исторически каждая из них имела более развернутый состав: *to trip the light fantastic toes*; *to shoot into the breeze*. **Семантическая непрозрачность** идиомы во многом коррелирует с наличием уникальных компонентов в ее составе, то есть компонентов, не употребляющихся как отдельные слова вне связки со своим коллокатом: *to blow the gaff*, *to put the kibosh on smth.*, *kith and kin*, *to blow to smithereens*, *on the broo*, *to scare the bejesus out of smn.* и т. д. Другой причиной семантической затемненности идиом является их асинтаксический характер: *to come a cropper* (= потерпеть неудачу).

Как показывает Дж. Лакофф [8. P. 230], мотивированность идиоматического выражения не стоит отождествлять с понятием *предсказуемости*: когда мы говорим, что та или иная идиома мотивирована, это означает, что, зная значение идиомы, мы можем связать это второе по времени появления значение с прямым, непереносным значением. Так, идиома *an elephant in the room* является мотивированной, но трудно предсказуемой: большинство носителей русского языка даже на продвинутом этапе обучения неверно связывают эту идиому с русским фразеологизмом «слон в посудной лавке». То же самое касается идиомы *to have a bun in the oven* (= to be pregnant), мотивированной метафорой контейнера. Не зная заранее значение данной

<sup>1</sup> В настоящей статье термины «изоморфность» и «изоморфизм» используются как взаимозаменяемые.

идиомы, большинство носителей английского языка — как правило, дети — испытывают трудности при идентификации ее значения. Отчасти это обусловлено тем, что сравнительно небольшое количество когнитивных метафор мотивируют большое количество языковых выражений. Кроме того, находясь на более низкой ступени абстракции, языковая метафора всегда более конкретна и специфична, чем санкционирующая ее когнитивная. Сказанное можно проиллюстрировать на примере идиом *to rock the boat* и *to spill the beans*. Оба фразеологизма являются изоморфными и мотивированными; однако степень их мотивированности различна по причине более детальных, конкретных соответствий в первом случае и в высшей степени абстрактных — во втором. Как и в случае идиомы *to have a bun in the oven*, идиома *to spill the beans* мотивирована метафорой контейнера, исходя из которой возникают следующие импликации: то, что находится в контейнере, невидимо и, соответственно, неизвестно адресату, находящемуся вне контейнера; то, что выходит за пределы контейнера, попадает в поле зрения адресата и потому становится ему когнитивно доступным, то есть известным.

Исследования структурно-грамматической организации ФЕ привлекают внимание многих ученых. Прежде всего необходимо отметить представителей Казанской лингвистической школы: Е. Ф. Арсентьева (1983; 1993), Д. Ф. Санльер (2008), Л. Р. Сакаева (2004; 2009), Л. К. Байрамова (1984), Л. В. Базарова (2011), Г. К. Гизатова (2010), Е. М. Маклакова (2012), Е. Ю. Семушина (2004), Л. Т. Мифтахутдинова (2003), Г. Р. Галиева (2007) и др.

Согласно грамматическому признаку выделяются следующие наиболее частотные группы английских фразеологизмов: *субстантивные* (СФЕ), *глагольные* (ГФЕ), *адъективные* (АФЕ), *адвербиальные* (АдФЕ) и *ФЕ, соответствующие структуре предложения*. Анализ материала ФЕ позволяет определить, что наиболее многочисленными являются субстантивные и глагольные ФЕ.

Среди СФЕ в английском языке выделяется атрибутивно-препозитивный тип с примыканием: N + N (существительное + существительное): *city fathers*; *apple-pie order*; *the arms race* [7. P. 49, 555, 264]; атрибутивно-предложный тип с постпозицией и примыканием: *the man on horseback / on the horse*; *hat in hand* [Ibid. P. 347, 397].

Модель Adj + N характеризуется атрибутивной связью между компонентами: *the gray / grey mare*; *a strong man* [Ibid. P. 485, 487].

Наиболее многочисленный подкласс ГФЕ представлен структурой V + N (глагол + существительное). Ведущим приемом выражения объект-

ной связи служит примыкание: *lead the way, boss / run the show* [Ibid. P. 683, 807].

Продуктивной моделью является V + Prep + N (глагол + предлог + существительное) с объектно-предложным типом с примыканием: *sit on one's / the throne*; *have/hold in leash* [Ibid. P. 443, 758].

В английском языке можно выделить модель V + N + Prep + N (глагол + существительное + предлог + существительное): *have an opponent on the run*; *tighten the noose around/round the neck of smb*; *pull smb.'s (или the) chestnuts out of the fire* [Ibid. P. 145, 537, 649]. Среди ГФЕ выделяются ФЕ с сочинительной структурой, с соединительно-сочинительной связью: V + V: *fetch and carry*; *bow and scrape*; *divide and conquer/rule* [Ibid. P. 102, 216, 271].

Адвербиальные фразеологические единицы функционируют в качестве обстоятельств и выражают характеристику действия и степень качественной характеристики предмета. Обороты с подчинительной связью компонентов начинаются со следующих предлогов: *by the strong arm/hand*, *on one's (bended) knees*, *with a heavy hand*, *under smb's thumb* [Ibid. P. 357, 427, 733, 759].

ФЕ с точки зрения структурно-грамматической организации могут представлять собой модели, по структуре соответствующие предложению. ФЕ английского языка со структурой предложения представлены примерами, построенными по модели как простого, так и сложного предложения. ФЕ со структурой простого предложения представляют собой многочисленную группу: *somebody's word is law*; *might goes before right*, *a new broom sweeps clean* [Ibid. P. 111, 500, 834].

### Виды идиоматических выражений

Исходя из критериев семантической прозрачности, типа мотивации (глобальной vs локальной), наличия/отсутствия изоморфизма между компонентами идиомы вслед за А. Ланглоцем [9. P. 177] мы различаем следующие виды идиом:

- Идиомы, параллельно употребляющиеся в прямом значении, глобально мотивированные, изоморфные: *to grasp the nettle*, *to upset the apple-cart*, *to prick the bubble*.
- Идиомы, параллельно употребляющиеся в прямом значении, локально мотивированные, изоморфные: *to swallow the bitter pill*, *to jump on the bandwagon*.
- Неизоморфные идиомы, параллельно употребляющиеся в прямом значении, глобально мотивированные: *to grit one's teeth*, *to spin the wheels*, *to turn the page*, *to go round in circles*.
- Идиомы с затемненной мотивацией и отсутствием изоморфизма между когнитивно до-

ступным, прямым, конкретным значением и более абстрактным переносным значением: *to pop your clogs, to carry the can, to trail your coat, to buy the farm.*

- Идиомы с контаминированным буквальным значением, в основании которых лежит принцип концептуальной интеграции: *to cook the books, to rack one's brains, like greased lightning, to have butterflies in one's stomach.*
- Идиомы, один компонент которых сохраняет прямое значение в рамках метафорического значения всей идиомы: *to look daggers at smb., to know one's onions, to rain cats and dogs.*
- Идиомы, составные компоненты которых бессмысленны (аграмматичны или асинтаксичны) при употреблении в прямом значении: *to shoot the breeze, to trip the light fantastic.*
- Идиомы, не имеющие прямого значения в основании с уникальными компонентами: ср. *the whole kit and caboodle, to put the kibosh on smth., to cock a snook at smb., to blow the gaff, to blow to smithereens.*

В отношении последней группы идиоматических выражений следует заметить, что этимологическое значение каждого из компонентов может быть восстановлено, поэтому речь идет о синхронной непрозрачности значения, то есть немотивированности идиомы.

### Заключение

Дальнейшее изучение семантики, структуры и функциональных особенностей фразеологических единиц в английском языке представляет собой перспективное направление исследования идиоматики, поскольку устойчивые выражения с переносным значением представляют собой, с одной стороны, достаточно динамичный пласт лексики, а с другой — проливают свет на языковую картину мира англоязычной лингвокультуры. Результаты исследования имеют практическую значимость и могут быть использованы в практике преподавания английского языка как иностранного. Кроме того, исследование скорости интерпретации идиом исходя из степени и типа вариативности заслуживает более глубокого и детального изучения, при этом влияние дисфразеологизмов, например созвучных идиоме слов в контексте или других выражений, потенциально отвлекающих внимание реципиента от идиоматического выражения, также должно быть принято во внимание. Актуальность подобного рода исследований заключается в необходимости уточнения понятия игры слов с участием идиоматических выражений с учетом степени отступления от словарного варианта идиомы, авторского замысла, наличия созвучных или связанных с идиомой по смыслу слов в контексте.

### Список литературы

1. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Кунин. — М. ; Дубна, 1996.
2. Никулина, Е. А. Взаимодействие и взаимовлияние терминологии и фразеологии современного английского языка / Е. А. Никулина. — М., 2004.
3. Fernando, C. Idioms and idiomaticity / C. Fernando. — Oxford, 1996.
4. Gibbs, R. W. Skating on thin ice. Literal meaning and understanding idioms in conversation / R. W. Gibbs // *Memory and Cognition*. — 1986. — No. 8. — P. 149—156.
5. Glucksberg, S. Understanding figurative language / S. Glucksberg. — New York, 2001.
6. Handl, S. Essential collocation for learners of English: the role of collocational direction and weight / S. Handl // *Phraseology in foreign language learning and teaching*. — Amsterdam ; Philadelphia, 2008. — P. 43—67.
7. Kunin, A. V. English-Russian Phraseological Dictionary. 20,000 idioms approx. / A. V. Kunin. — 4<sup>th</sup> ed., rev. and enl., with bookmarks. — Moscow, 1984.
8. Lakoff, G. The contemporary theory of metaphor / G. Lakoff // *Metaphor and thought* / ed. by A. Ortony. — Cambridge, 1993. — P. 202—251.
9. Langlotz, A. Idiomatic creativity. A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English / A. Langlotz. — Amsterdam, 2006.
10. Longman Dictionary of Contemporary English. — London, 2009.
11. Longman Dictionary of English Language and Culture. — London, 1993.
12. Moon, R. Fixed expressions and idioms in English / R. Moon. — New York, 1998.
13. Nunberg, G. Idioms / G. Nunberg, I. A. Sag, Th. Wasow // *Language*. — 1994. — No. 70 (3). — P. 491—538.
14. The Free Dictionary [Электронный ресурс]. — URL: <http://idioms.thefreedictionary.com/all+things+to+all+people> (дата обращения 20.09.2017).
15. The Oxford Dictionary of Idioms. — Oxford, 2004.

### Сведения об авторах

**Еремина Екатерина Сергеевна** — аспирантка кафедры фонетики и лексики английского языка, Московский педагогический государственный университет. Москва, Россия. [ekat.e.erem@mail.ru](mailto:ekat.e.erem@mail.ru)

**Лаврова Наталия Александровна** — доктор филологических наук, доцент кафедры фонетики и лексики английского языка, Московский педагогический государственный университет. Москва, Россия. [lavruscha@gmail.com](mailto:lavruscha@gmail.com)

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 49—56.*

## TOWARDS SEMANTIC, STRUCTURAL AND FUNCTIONAL CHARACTERISTICS OF PHRASEOLOGY IN MODERN ENGLISH

**Ye.S. Yeremina**

*Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia. [lavruscha@gmail.com](mailto:lavruscha@gmail.com)*

**N.A. Lavrova**

*Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia. [ekat.e.erem@mail.ru](mailto:ekat.e.erem@mail.ru)*

The article investigates the structural, semantic and functional features of idiomatic expressions in English. Occupying a position intermediate between grammar and lexis, idiomatic expressions manifest many of the features exhibited by words, such as various paradigmatic relations as well as synchronic and diachronic semantic processes, such as semantic changes and shifts, polysemy, enantiosemy, etc. The article also investigates the key terminological difference between the notions of motivation, isomorphism, and semantic transparency with reference to idiomatic expressions. In drawing conclusions, the authors pay tribute to the studies that highlight different semantic, structural and functional aspects of English idioms.

**Keywords:** *phraseology, idiomaticity, isomorphism, motivation, semantic ambivalence.*

### References

1. Kunin A.V. *Course of Modern English Phraseology* [The course of phraseology of modern English]. Moscow, Dubna, 1996. (In Russ.).
2. Nikulina N.A. *Vzaimodeystviye i vzaimovliyaniye terminologii i frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [Interaction and interrelationship between terminology and phraseology in modern English]. Moscow, 2004. (In Russ.).
3. Fernando C. *Idioms and idiomaticity*, Oxford, 1996.
4. Gibbs R.W. Skating on thin ice. Literal meaning and understanding idioms in conversation. *Memory and Cognition*, 1986, no. 8, pp. 149—156.
5. Glucksberg S. *Understanding figurative language*. New York, 2001.
6. Handl S. Essential collocation for learners of English: the role of collocational direction and weight. *Phraseology in foreign language learning and teaching*. Amsterdam, Philadelphia, 2008. Pp. 43—67.
7. Kunin A.V. *English-Russian Phraseological Dictionary. 20,000 idioms approx.* 4<sup>th</sup> edition, revised and enlarged, with bookmarks. Moscow, 1984.
8. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor. A. Ortony (ed.). *Metaphor and thought*. Cambridge, 1993. Pp. 202—251.
9. Langlotz A. *Idiomatic creativity. A cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English*. Amsterdam, 2006.
10. *Longman Dictionary of Contemporary English*. London, 2009.
11. *Longman Dictionary of English Language and Culture*. London, 1993.
12. Moon R. *Fixed expressions and idioms in English*. New York, 1998.
13. Nunberg G., Sag I.A., Wasow Th. Idioms. *Language*, 1994, no. 70 (3), pp. 491—538.
14. *The Free Dictionary*. Available at: <http://idioms.thefreedictionary.com/all+things+to+all+people>, accessed 20.09.2017.
15. *The Oxford Dictionary of Idioms*. Oxford, 2004.

УДК 8  
ББК 81

## ДИАЛЕКТНЫЕ ГЛАГОЛЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ И ОПИСЫВАЮЩИЕ ТРУДОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, В РУССКИХ ГОВОРАХ БАШКИРИИ (ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

*Ю. А. Ермолаева*

*Уфимский государственный авиационный технический университет, Уфа, Россия*

Анализируются диалектные глаголы, обозначающие и характеризующие трудовую деятельность, функционирующие в русских говорах Республики Башкортостан. Выявлены общие и частные закономерности развития значения диалектного слова в системе разнородных говоров, что позволит дополнить процессуально-событийную картину мира.

**Ключевые слова:** *русский язык, семантика диалектного слова, диалектные различия, диалектный ландшафт, междиалектное контактирование.*

Трудовая деятельность представляет собой важную часть социальной жизни индивида, является одной из основ его существования и предметом многочисленных исследований в лингвистике. Языковые единицы, обозначающие труд, нашли отражение во многих лексикографических источниках: «Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья» И. М. Дурова, «Тематический словарь говоров Тверской области», «Большой толковый словарь русских глаголов» Л. Г. Бабенко, «Системный словарь русского языка» Л. М. Васильева и др. Диалектная лексика, связанная с трудовой деятельностью, на материале русских говоров Башкирии рассмотрена в многочисленных научных работах З. П. Здобновой, Ю. П. Чумаковой, Г. М. Курбангалеевой.

Цель предпринятого нами исследования — выявление и описание лексико-семантических особенностей диалектных глаголов, описывающих и характеризующих трудовую деятельность, в русских говорах Республики Башкортостан. Источником исследования стал «Словарь русских говоров Башкирии» под редакцией З. П. Здобновой. Материалом для исследования послужила авторская картотека, полученная путем сплошной выборки из вышеназванного словаря.

При исследовании глаголов трудовой деятельности необходимо учитывать специфику формирования диалектного ландшафта республики. Как отмечает в своих исследованиях З. П. Здобнова, русские говоры Башкирии, являясь говорами вторичного образования, типологически и хронологически неоднородны (подробно об этом [1]). Кроме того, русские говоры в условиях многонациональной языковой среды испытывают влияние

языков соседствующих с русскими представитель других народностей. Именно поэтому лексический состав системы разнородных говоров представлен нетождественными семантическими единицами, и его описание возможно лишь с учетом общности развития говоров вторичного образования, исторического единства всех говоров русского языка и соотношения его со всем языком в целом, включая его литературную форму. В новых условиях междиалектного и межъязыкового контактирования говоры приобретают новые черты, вызванные влиянием литературного языка, влиянием контактирующих говоров, внутренним развитием отдельных говоров, характером влияния языков соседствующих с русскими представителей других народностей, являя собой «некоторый диалектный континуум как реализацию системы, состоящей из постоянных и варьирующихся звеньев» [3. С. 128].

Среди глаголов со значением трудовой деятельности в русских говорах Башкирии можно выделить глаголы, обозначающие специализированные действия, и глаголы, обозначающие неспециализированные действия.

Глаголы, обозначающие специализированные действия, представлены следующими лексико-семантическими группами (при обозначении лексико-семантической группы мы используем не глаголы, а имена существительные, называющие сферы трудовой деятельности): земледелие, рыболовство, животноводство, домостроительство, плотницкое дело, рукоделие, ведение домашнего хозяйства, лечение, принятие родов, торговля, рытье колодцев, пчеловодство, воспитание детей, обучение, прочие сферы профессиональной

деятельности, обозначение сопутствующих действий. Отметим, что большая часть трудовых действий связана с ведением домашнего хозяйства, земледелием, домостроительством, плотницким делом, животноводством.

Глаголы, обозначающие неспециализированные действия, представлены следующими лексико-семантическими группами: безделье, тяжелый труд, общее значение работы и ее условий, начало и конец работы, совместное выполнение работы. Среди глаголов данной группы наибольшее количество исследуемых нами номинативных единиц относится к лексико-семантической группе, связанной с общим значением работы и ее условий.

Анализируя диалектные различия лексико-семантического уровня глаголов, обозначающих и характеризующих трудовую деятельность, мы можем выявить общие закономерности разговорной речи в ее литературной и диалектной разновидности и указать на наличие собственно диалектных явлений в лексической системе языка. Так, значительная часть рассматриваемых глаголов представлена собственно диалектными словами с известной литературному языку основой, собственно диалектными словами с известной литературному языку основой, семантическими и синкретичными диалектизмами. Варианты слов (фонематические, акцентологические, словообразовательные) представлены незначительно. При этом анализируемые глаголы обладают структурно-семантической спецификой по сравнению с соответствующими глагольными номинативными единицами современного русского литературного языка и русских говоров других регионов. Рассмотрим их подробнее.

Состав собственно диалектных слов с известной литературному языку основой весьма разнообразен. Многие глаголы этой группы образованы от имен существительных, неизвестных литературному языку. Например: глагол *гартэлитъ* — «обшивать досками» (Бир: Сам, Сим<sup>1</sup>) [2. С. 71] — образован от диалектного слова *гартэли* (Бир: Сам) — «доски для обшивки дома» [Там же]; глагол *пеледитъ* — «закрывать пеледой сверху, с одной стороны или со всех сторон» (Благовещ: И-П; Бир: Пит, Сим; Куш: А) [Там же. С. 252] — от диалектного слова *пеледá* или *пелёва* — «загородка из жердей, прутьев, соломы» (Бир: Баз, Кус, Г), «соломенный навес на столбах для укрытия снопов, зерна от осадков» (Бир: Г, Ем, Кр, Кус, Ос, Петр, Пит, Сим, Сус; Благовещ: Д; Дюрт.; Уф: Яр; Куш: А) [Там же]. Ср. также глаголы: запелёвить (Бир: Сим) [Там же. С. 122]; запелёвывать (Бир: Пит) [Там же];

запелёдить, запелёдить (Бир: Ос; Куш: А) — «закрывать на зиму соломой открытый навес, делать к нему стены из соломы и прутьев» [Там же]. Наличие подобных слов свидетельствует о консервации архаических элементов в диалектной полисистеме.

В результате межъязыкового контактирования в русских говорах Башкирии встречаются слова, образованные от тюркских основ: курмáнить (Белеб: Н; Бир: Петр, Пит, Сим) [Там же. С. 173]; закурмáнить — «резать скотину» (ср. тат. корбан — «жертва») (Бир: Баз, Пит, Сим, Щ; Куш: А) [Там же. С. 118].

Рассмотрим собственно диалектные слова с известной литературному языку основой. Прежде всего следует отметить, что в говорах Башкирии функционируют слова, сохранившие древнюю основу: глаголы испекчи́ (Белеб: А) [Там же. С. 140], пекти́ — «печь, испечь» (Бир: Г) [Там же. С. 252], которые восходят к общеславянской основе *\*pekti* [5. С. 29]; глагол жёгчи — «жечь» (Караид: Б) [2. С. 601] — к общеславянской основе *\*žegti* [5. С. 31].

В ряде случаев диалектный глагол образован от основы, утраченной русским языком или малоупотребительной в нем, но сохранившейся в говоре. Например, диалектные глаголы *обсо́юзить*, *обсо́юзивать* — «сделать кожаную нашивку (союзку) на носки и запятники валенок или ботинок» (Куш: А) [2. С. 232] — образованы от имени существительного *союзка* — «кожаная нашивка на носки и запятники валенок или ботинок» [4. С. 751], вышедшего из употребления в литературном языке. Глагол *оплотитъ* — «огораживать какой-либо участок земли; чинить изгородь» (Стерлит: Пр) [2. С. 240] — образован от диалектного слова *оплót* — «ограда из расположенных горизонтально досок, жердей, распиленных пополам бревен» (Куш: А) [Там же]. Слово в данном значении утрачено в литературном языке, однако вследствие семантического варьирования появилось значение «надежная защита, твердыня» [4. С. 453].

Описанные случаи образования глаголов с сохранением древних основ или основ, заимствованных из других языков, носят единичный характер. В основном глаголы, характеризующие и обозначающие трудовую деятельность, образованы от основы имени существительного, при этом производные слова сохраняют связь с мотивирующим словом: алма́зить — «резать стекло» (Бир: Пит) [2. С. 18]; колхо́зничать — «работать в колхозе, заниматься крестьянским трудом» (Бир: Баз, Ос, Сим; Куш: А; Стерлит: Пр) [Там же. С. 158]; коню́шить (Бир: Дм, Сим) и коню́шить

<sup>1</sup> Список сокращений см. в приложении.

(Бир: Петр, Пит; Куш: А; Стерлит: Пр) — «ухаживать за лошадьми» [Там же. С. 160]; конюшить — «работать возницей, кучером» (Бир: Баз) [Там же]; конюшить — «пасти лошадей» (Стерлит: Пр) [Там же]; почтáрить — «работать почтальоном» (Куш: А) [Там же. С. 282].

Отсутствие кодифицированных норм и правил в говорах порождает неисчерпаемые возможности для семантических сдвигов, лежащих в основе образования семантических диалектизмов. Семантические сдвиги не разрывают основной смысловой связи между лексическим значением каждого из этих слов в литературном языке и его вновь образованным семантическим вариантом в говоре. Регулярностью и продуктивностью характеризуются следующие типы семантических сдвигов: метафорический перенос, сужение значения, смещение значения.

При образовании глаголов, характеризующих и обозначающих трудовую деятельность, метафорический перенос часто выполняет номинативную функцию. Он определяет и называет новое понятие при помощи слова, известного в литературном языке, тем самым вовлекая собственные бытовые реалии, явления жизни в уже известный и достаточно устоявшийся круг понятий. Ср. следующие семантические диалектизмы, возникшие в результате метафорических сдвигов: выхáживать — «ухаживать, выращивать» (Бир: Пит; Уф: П), «наводить чистоту, порядок в помещении» (Бир: Пит) [Там же. С. 68] — и лит. выхáживать — «заботами, уходом вернуть в здоровое, нормальное состояние» [4. С. 126]; задева́ть, заде́ть — «зачерпывать воды» (Арх: И; Бир: Пит) [2. С. 115] — и лит. заде́ть — «коснуться кого/чего-нибудь, зацепиться за кого/что-нибудь при движении» [4. С. 206]; запеча́тать — «забить досками окна, двери в нежилом доме» (Благовещ: Д; Бир: Дуб, Коян, Петр, Пит, Ул; Куш: А) [2. С. 122] — и лит. запеча́тать — «наложить печать на что-нибудь закрытое», «положив в конверт, заклеить» [4. С. 217]; зачы́стить — «прополоть, очистить от травы» (Бир: Петр) [2. С. 128] — и лит. зачы́стить — «загладить, заровнять (конец, край, поверхность чего-нибудь)» [4. С. 128]; ковыря́ть — «заниматься каким-либо делом долго, медленно» (Карм: Кар) [2. С. 154] — и лит. ковыря́ть — «проникать внутрь чего-нибудь, разворачивая, извлекая кусочки, частицы» [4. С. 281]; кúтать — «закрывать печную трубу» (Уф: В-С) [2. С. 174] — и лит. кúтать — «плотно завертывать, одевать во что-нибудь (теплое)», «одевать слишком тепло» [4. С. 316]; растрепáть — «разложить на листе, раскатать (о тесте)» (Бир: Петр, Сим; Уф: Яр) [2. С. 299] — и лит. растрепáть — «тряся, приводить

в беспорядок, колебать, дергать, тормошить», «раздергивая, разрыхлять и очищать (волокно)» [4. С. 666].

Семантические диалектизмы, характеризующие и называющие трудовую деятельность, значительно реже образуются вследствие сужения значения или смещения значения, например: запáрить — «заварить чай» (Бир: Баз, Калинин, Ос, Пит, Сим; Карм: Кар; Куш: А) [2. С. 122] — и лит. запáрить — «обработать паром или обдать кипятком, положить в кипяток для чего-нибудь» [4. С. 217].

Развитие значений многозначного слова в некоторых случаях может приводить к утрате семантических связей и, как следствие, к образованию диалектных омонимов. Так, в результате разрыва семантических связей возник глагол *заговáривать* — «вести лад во время молотбы цепями вручную» (Куш: А) [2. С. 114], — омонимичный глаголу литературного языка *заговáривать* — «пытаться начать разговор» [4. С. 204]. Омонимы могут возникать также вследствие различных словообразовательных процессов. Например, диалектный глагол *закúтать* — «загнать мелкий скот в закуток» (Байм: Б) [2. С. 118] — и глагол литературного языка *закúтать* — «плотно завертывать, одевать во что-нибудь (теплое)», «одевать слишком тепло» [4. С. 212] — образованы от разных слов: *закúт* и *кúтать*; диалектный глагол *платúть* — «ставить заплаты» (Бир: Сим; Куш: А) [2. С. 260] — и глагол литературного языка *платúть* — «отдавать деньги в возмещение чего-нибудь» [4. С. 512] — образованы от слов *заплáта* и *плáта*.

Устный характер бытования, вариативность и экспрессивность слова в говорах приводит к возникновению вариантов, прежде всего акцентологических и фонематических. К первым относятся слова: вóрить — «наготовить, настряпать» (Байм: Б) [2. С. 64]; грúдить (Бир: Калинин, Ос; Куш: А; Стерлит: Пр) и грудíть (Бир: Ос) — «собирать, сгребать что-либо в кучу, в одно место» [Там же. С. 83]; работáть — «работать, трудиться» (Бир: Баз, Ел, Калинин, Кам) [Там же. С. 291]. Ко вторым относятся варианты: взгну́здывать — «взнуздывать» (Бир: Петр, Пит, Сим) [Там же. С. 61]; взде́ть — «вдеть» (Бир: Петр, Пит) [Там же]; жна́ть — «жать» (Бир: Баз, Калинин, Ос; Гаф: А) [Там же. С. 109]; зарóбить — «заработать» (Бир: Пит; Караид: Б) [Там же. С. 124]; копи́ровать — «производить пересадку всходов растений с помощью веретена, колышка; пикировать» (Карм: Б) [Там же. С. 161]; натяга́ть — «натягивать вожжи» (Бир: Баз) [Там же. С. 217]; понужáть — «понукавать, погонять» (Караид: Б) [Там же. С. 277];

порóбить — «поработать» (Бир: Пит) [2. С. 278]; рóбить — «работать, трудиться» (Белок: Б; Белор: А; Дув: С; Караид: Б) [Там же. С. 303].

Среди глаголов, характеризующих трудовую деятельность, встречаются синкретичные диалектизмы — слова, допускающие двоякое толкование: 1) как лексико-словообразовательные или семантические и 2) как фонематические или семантические. Синкретичным глаголом первого типа является диалектный глагол направлять — «исправлять, ремонтировать» (Бир: Кам) [Там же. С. 213], — который формально совпадает с глаголом литературного языка направлять, — «устремить к чему-нибудь», «послать, отправить, дать назначение», «наладить», «отточить, выпрямить» [4. С. 387]; при этом различаются значения. В диалекте могло произойти переосмысление литературного глагола *исправлять* или произошла замена приставки «ис-» на приставку «на-». Ср. также: брать — «собирать ягоды» (Бир: Ел, Калинин, Кам, Ос, Петр, Пит, Сим, Ул; Куш: А) [2. С. 45]; водить — «разводить животных, птиц» (Хайб: А) [Там же. С. 62]; выкатывать — «раскатывать (тесто)» (Байм: Б; Бир: Пит; Куш: А) [Там же. С. 67]; задавить — «прижать, придавить, затянуть» (Бир: Калинин, Петр, Сил) [Там же. С. 114]; зарезать — «надрезать, начать отрезать на куски»

(Карм: Кар) [Там же. С. 124]; издолбить — «вырыть, выдолбить (о скважине)» (Бир: Баз) [Там же. С. 137]. Эти глаголы можно охарактеризовать и как лексико-словообразовательные, и как семантические. Синкретичным глаголом второго типа является диалектный глагол *настрепать* — «наготовить, настряпать» (Бак: Ш) [Там же. С. 217], — который мог стать результатом фонетического преобразования глагола литературного языка *настряпать* — «стряпать, наготовить (разных блюд)» [4. С. 393]. Однако существует вероятность того, что диалектоносители переосмыслили глагол литературного языка *настрепать*. Следовательно, этот глагол можно охарактеризовать и как фонематический вариант, и как семантический диалектизм.

Представляя собой важную часть социальной практики индивида, трудовая деятельность постоянно находится в центре внимания исследователей. Несмотря на тщательную изученность данного феномена специалистами различных областей, существуют определенные аспекты трудовой деятельности, требующие дальнейшего рассмотрения. С лингвистической точки зрения одним из таких аспектов является комплексная характеристика глагольных языковых единиц, обозначающих различные стороны трудового процесса.

### Список литературы

1. Здобнова, З. П. Судьба русских переселенческих говоров Башкирии / З. П. Здобнова. — Уфа, 2001.
2. Здобнова, З. П. Словарь русских говоров Башкирии / З. П. Здобнова. — Уфа, 2008.
3. Калнынь, Л. Э. Значение трудов Р. И. Аванесова для теории диалектологии / Л. Э. Калнынь // Аванесовские чтения : тез. докл. междунар. науч. конф., 14—15 февр. 2002 г. — М., 2002. — С. 128—129.
4. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. — М., 1990.
5. Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П. Я. Черных. — М., 1994.

### Сведения об авторе

**Ермолаева Юлия Александровна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой коммуникации и психолингвистики общенаучного факультета, Уфимский государственный авиационный технический университет. Уфа, Россия. [yuliaerm1015@yandex.ru](mailto:yuliaerm1015@yandex.ru)

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 57—61.*

## DIALECT VERBS CHARACTERIZING AND DESCRIBING WORK ACTIVITY IN THE RUSSIAN DIALECTS OF BASHKIRIA (LEXICAL-SEMANTIC ASPECT)

*Yu. A. Yermolaeva*

*Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia. [yuliaerm1015@yandex.ru](mailto:yuliaerm1015@yandex.ru)*

A description model of the semantically distant dialect words of the lexical-semantic verbs group, characterizing and describing work activity marked in the dialects of Bashkiria, is presented. General and particular patterns of the dialect word meaning development in the system of heterogeneous dialects are determined; the results of the

language search for the nominations of language processes in accordance with the productive trends are reflected. The existing links and relations on which the new elements are embedded in certain parts of the system are marked. The description of the dialect verbs characterizing and describing work activity in the Russian dialects of Bashkiria will allow the insight into the world picture peculiar to the given speech community.

**Keywords:** *the Russian language, dialect word semantics, dialect difference, dialect landscape, inter-dialect contact.*

### References

1. Zdobnova Z.P. *Syd'ba pusskikh peresel'encheskikh govorov Bashkirii* [The fate of the Russian resettlement dialects of Bashkortostan]. Ufa, 2001. (In Russ.).
2. Zdobnova Z.P. *Slovar' pusskikh govorov Bashkirii* [The Dictionary of Russian Dialects of Bashkortostan]. Ufa, 2008. (In Russ.).
3. Kalnyn' L.E. Znachenije trudov R.I. Avanesova dlya teorii dialektologii [The value of R.I. Avanesov's works for the theory of dialectology]. *Avanesovskiye chteniya: tezisy dokladov mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 14—15 fevralya 2002 g.* [Avanesov Conference: scientific international conference abstracts, 14—15 February, 2002]. Moscow, 2002. Pp. 128—129. (In Russ.).
4. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [The Dictionary of Russian Language]. Moscow, 2002. (In Russ.).
5. Chernykh P.Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [The Historical-Etymological Dictionary of Modern Russian Language]. Moscow, 1994. (In Russ.).

### Приложение

#### Список сокращенных названий районов и населенных пунктов, лексика которых отражена в статье

- |  |  |
|--|--|
| Арх: И — Архангельский р-н, с. Ирныкши             | Бир: Сил — Бирский р-н, с. Силантьево                |
| Бак: Ш — Бакалинский р-н, д. Ново-Шуган            | Бир: Сим — Бирский р-н, с. Симкино                   |
| Байм: Б — Баймакский р-н, с. Бекешево              | Бир: Сус — Бирский р-н, с. Суслово                   |
| Белеб: А — Белебеевский р-н, д. Мало-Александровка | Бир: Ул — Бирский р-н, с. Улеево                     |
| Белеб: Н — Белебеевский р-н, с. Надеждино          | Бир: Щ — Бирский р-н, д. Щегловка                    |
| Белок: Б — Белокатайский р-н, с. Ново-Белокатай    | Благовещ: Д — Благовещенский р-н, с. Удельно-Дуваней |
| Белор: А — Белорецкий р-н, п. Авзян                | Благовещ: И-П — Благовещенский р-н, д. Ильина-Поляна |
| Бир: Баз — Бирский р-н, с. Старо-Базаново          | Гаф: А — Гафурийский р-н, д. Архангелка              |
| Бир: Г — Бирский р-н, д. Гребени                   | Гаф: Т — Гафурийский р-н, с. Табынское               |
| Бир: Дм — Бирский р-н, д. Дмитриевка               | Дув: С — Дуванский р-н, д. Сальёвка                  |
| Бир: Дуб — Бирский р-н, д. Дубовка                 | Дюрт. — Дюртелинский р-н, с. Дюртюли                 |
| Бир: Ел — Бирский р-н, с. Елгашево                 | Караид: Б — Караидельский р-н, с. Байки              |
| Бир: Ем — Бирский р-н, с. Емашево                  | Карм: Б — Кармаскалинский р-н, д. Бекетово           |
| Бир: Калин — Бирский р-н, с. Калинники             | Карм: Кар — Кармаскалинский р-н, с. Карламан         |
| Бир: Кам — Бирский р-н, д. Камышенка               | Куш: А — Кушнаренковский р-н, с. Ахлыстино           |
| Бир: Коян — Бирский р-н, с. Кояново                | Стерлит: Пр — Стерлитамакский р-н, д. Преображеновка |
| Бир: Кр — Бирский р-н, д. Криуши                   | Уф: В-С — Уфимский р-н, д. Вольно-Сухарево           |
| Бир: Кус — Бирский р-н, с. Кусекеево               | Уф: П — Уфимский р-н, с. Подымалово                  |
| Бир: Ос — Бирский р-н, д. Осиновка                 | Уф: Яр — Уфимский р-н, с. Красный Яр                 |
| Бир: Петр — Бирский р-н, с. Старо-Петрово          | Хайб: А — Хайбуллинский р-н, с. Акъяр                |
| Бир: Пит — Бирский р-н, д. Питяково                |  |
| Бир: Сам — Бирский р-н, с. Самосадка               |  |

УДК 811.161.1.37  
ББК 81.2 Рос

## ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В ПИСЬМАХ Н. С. ЛЕСКОВА

Ю. Г. Захарова

*Педагогический институт Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия*

Рассматривается соотношение терминов «потенциальное слово», «окказионализм» и «авторское новообразование»; на материале писем Н. С. Лескова анализируется потенциальная лексика, бытовавшая в русском языке второй половины XIX в.: ее семантика, структурные типы, причины употребления, степень распространенности и лексикографическое отражение. Употребление Н. С. Лесковым потенциальных слов связывается с наличием лакун в лексической системе русского языка и общими тенденциями развития русского национального языка XIX в.

**Ключевые слова:** *потенциальное слово, окказионализм, авторское новообразование, неология русского языка второй половины XIX в., письма русских писателей.*

Изучению идиолекта и идиостиля Н. С. Лескова, толкованию редких слов в его художественных произведениях посвящено немало лингвистических работ. Особое внимание уделяется в этих исследованиях словам, созданным Н. С. Лесковым. В настоящее время составляется Словарь авторских новообразований Н. С. Лескова [2]. Как правило, слова, обладающие признаком «творимости», рассматриваются в числе ярких особенностей языковой картины мира писателя, его идиостиля [2; 4; 8].

Наше внимание привлекла группа потенциальных слов, нашедших отражение в письмах Н. С. Лескова. Под термином *потенциальные слова* понимают лексемы, которые способны заполнить лакуны в словообразовательной системе языка или реализуют продуктивные словообразовательные типы без нарушения действующих в языке законов словопроизводства: «Они живут в языке под спудом, заключены в словообразовательных возможностях языка, но реально могут и не появиться, если в них нет нужды» [6. С. 228]. При отнесении слова к категории потенциальных, на наш взгляд, несуществен такой признак, как степень его распространенности: слово может иметь индивидуально-авторский характер или использоваться целой социальной группой, главные критерии «потенциальности» — актуальность выражаемого словом понятия, необходимость выразить это понятие одним словом, заданность лексемы словообразовательной системой языка, продуктивность словообразовательной модели. Окказионализмы в отличие от потенциальных слов создаются с нарушением действующих в языке законов словопроизводства и тесно связаны с контекстом [6. С. 239—240]. Выделяют два вида лексических окказионализмов: нарушающие

условия образования слов того или иного типа и созданные по образцу непродуктивных или малопродуктивных типов [12. С. 39—40]. В качестве важнейших признаков лексических окказионализмов называют функционирование в речи, а не принадлежность языку, творимость, словообразовательную производность, ненормативность, экспрессивность, синхронно-диахронную диффузность [11. С. 11—36]. Термин *авторские новообразования* объединяет собственно окказионализмы и потенциальные слова, в отношении которых удается установить авторство и принадлежность речи конкретного писателя. Так, в Словаре авторских новообразований Н. С. Лескова будут включены не только лексемы, обладающие окказиональной структурой, то есть созданные с отклонением от языковых норм или при помощи окказионального способа словообразования, но и слова, отвечающие словообразовательным нормам [1. С. 124].

Потенциальные слова, встречающиеся в письмах Н. С. Лескова, занимают промежуточное положение между лексическими неологизмами и окказионализмами: они созданы по действующим в языке законам словообразования, но не получили всеобщего употребления, не стали принадлежностью литературного языка. Потенциальная лексика русского языка XIX в. представляет большой интерес в отношении отражения в ней общих путей развития лексико-семантической системы русского языка, реализации продуктивных словообразовательных типов и способности выражать различные понятия, для которых не существовало узуальных лексем. В этом отношении потенциальные слова, использованные в письмах русских писателей XIX в., практически не исследованы, но часть из них, на наш взгляд, должна войти в Сло-

варь русского языка XIX в., который составляется в Институте лингвистических исследований РАН. В проекте словаря подчеркивается, что в нем будут представлены как языковые, так и речевые факты, «особенно если эти слова единичного употребления оказываются в русле идущих в языке активных словообразовательных процессов, тем более что словотворчество в XIX в. было не единичным, а массовым явлением, охватившим чуть ли не все образованное общество» [14. С. 36].

К важным показателям «потенциальности» слова следует отнести его отсутствие в словарях русского языка второй половины XIX в. и последующих эпох. Однако этот признак не абсолютен. В выпусках Словаря русского языка, составленного вторым отделением Императорской АН под редакцией А. А. Шахматова (1897—1907), нашло отражение немало окказиональных и потенциальных слов. Это объясняется тем, что словарь был ориентирован на живой русский язык, а не на язык, зафиксированный в письменных текстах [13. С. 889]. Материал названного словаря говорит о том, что отвлеченное существительное *зализанность*, образованное по высокопродуктивной во второй половине XIX в. словообразовательной модели «основа страдательного причастия + суффикс *-ость*», употреблялось с 1860-х гг. в профессиональной речи художников в метафорическом значении «приглаженность, излишняя отделка» и первоначально могло характеризовать только произведение искусства. В одной из иллюстраций к слову оно употреблено в ряду неузальных лексем: «(На картине) *зализанности, обсахаривания, мармеладничанья* нет и следа» (1899) [15. Т. 2, вып. 5. С. 1339]. По примеру из письма Н. С. Лескова видно, что к 1880-м гг. сфера употребления слова *зализанность* стала шире рамок профессионального жаргона: его стало возможно применять по отношению к языку литературного произведения: «Все так писано — не нынешним живым языком. <...> Просто Вам это не нравится, а другой язык (вроде “Кавказского пленника” Толстого) был бы неуместен. “*Зализанность*”, то есть большая или излишняя тщательность в выделке, есть, но ее, думается, можно снести, так как это нынче встречается очень редко» (А. С. Суворину, 1887) [10. Т. 11. С. 342]. Н. С. Лесков характеризует этим словом отточенность и книжность языка художественного произведения, его оторванность от живой разговорной речи. Однако маркирование существительного как вычужденности и глоссирование свидетельствуют о том, что и к концу века оно не было освоено языком и его употреблял узкий круг людей.

По-видимому, Н. С. Лесковым были созданы слова *легкомысленник* и *манерник* по модели

«основа имени прилагательного + суффикс *-ик*», которую можно рассматривать как результат процесса компрессии словосочетаний (*легкомысленный человек, манерный человек*), характерного для разговорной речи. Эта модель активно использовалась в русском языке второй половины XIX в., и чаще всего по ней создавались существительные, называющие лицо по роду занятий или общественной ориентации [16. С. 235]. Слово *манерник* не встречается в словарях XIX—XX вв. и «Национальном корпусе русского языка». В письме Н. С. Лескова оно употреблено в одном контексте со словами *кривляка, ломаться*, что говорит о яркой отрицательной коннотативной окраске: «Пожалуйста, помогите мне все как можете, чтобы я не выходил перед чужими людьми *манерником* и кривлякою, которому будто хочется, чтобы его просили, а он будет ломаться» (В. М. Лаврову, 1894) [10. Т. 11. С. 584]. Существительное *легкомысленник* встречается в письмах Н. С. Лескова и его художественных произведениях: «Я Вам это и пишу, чтобы объяснить соответствующее место в моем прошлом письме и не явиться перед Вами *легкомысленником*» (Л. Н. Толстому, 1893) [Там же. С. 571]; «Он слыл также за *легкомысленника* и нес порицания за то, что любил “шутить высокими вещами”» («Неоцененные услуги», 1891) [9]. Интересно, что это слово нашло отражение в словарях. Оно фиксируется в «Словаре русского языка, составленном комиссией по русскому языку АН» (1927) и 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» с пометой *разг.*, но единственный пример, приведенный в этих словарях, взят из романа Н. С. Лескова «Соборяне», кроме того, лексема отсутствует в «Национальном корпусе русского языка» — это, скорее, свидетельствует о ее потенциальном характере, чем принадлежности русскому литературному языку. При создании слова *легкомысленник* Н. С. Лесков мог ориентироваться на западнославянские языки: в польском языке существовало слово *lekkomyślnik*, а в словинском — *lahkomiseľnik* [15. Т. 5, вып. 1. С. 348].

Материалы словарей XIX — начала XX в., различные литературные, публицистические, эпистолярные источники показывают, что в русском языке до конца столетия активно формировались классы абстрактной и конкретной лексики. Лексическая лакунарность и необходимость обозначить какое-либо общественное течение, научное понятие, дать качественную характеристику лицу или явлению порождали активное словотворчество, причем оно было свойственно как отдельным авторам, так и целым социальным группам.

Показательны в этом отношении отвлеченные имена существительные с суффиксами *-ность*, *-ств*, *-тельств*. В одном из писем Н. С. Лескова употребляется слово *сведущность*, образованное по модели «основа действительного причастия настоящего времени (*сведущий*) + суффикс *-ность*»: «О значении религии Вы всегда судите шатко и мелко, конечно потому, что вопросы религиозные Вас мало интересовали и Вы в них не обнаруживаете *сведущности*» (А. С. Суворину, 1887) [10. Т. 11. С. 339]. Подобную структуру имели существительные *будущность*, *сущность*. Писатель использовал слово *сведущность* для обозначения понятия *осведомленность*, поскольку в литературном языке, по данным словарей, соответствующее слово еще не появилось. В лексической системе рассматриваемого периода не было существительных, производных от глагола *якшаться*. Это слово содержало в своей семантике отрицательный оценочный компонент: «знаться, водиться, знакомиться, дружиться, более укорно» [5. Т. 4. С. 1572]. Н. С. Лесков образовал от него существительное *якшательство*: «Видите, чай, куда его “головной павлин”-то за ташил! Если бы надо было выщипнуть перо-другое и у своего павлина, лишь бы не допустить человека до такого *якшательства*» (В. А. Гольцеву, 1894) [10. Т. 11. С. 585]. Существительное *якшательство* неоднократно встречается в художественных и публицистических произведениях Н. С. Лескова, и синтагматические связи этого потенциального слова позволяют определить его значение — «близкое общение с неравными по положению или сомнительными людьми»: *якшательство с шалопаями* («Божедомы», 1868), *якшательство с домашней прислугой* («Домашняя челядь», 1887), *якшательство с дурными людьми* («Зимний день», 1894). Слово *базарничество* Н. С. Лесков употребил в одном контексте с наречием *по-базарному*: «Они, верно, отвыкли думать, что есть еще люди, которые работают не *по-базарному*, “без помарок”, — прямо набело... Стало быть, Вы оправданы множицею, и я за Вас, добрый друг мой, радуюсь: мы дали публике настоящее литературное произведение в дни полного упадка и *базарничества*» (С. Н. Шубинскому, 1887) [Там же. С. 348—349]. Существительное *базарничество* Н. С. Лесков мог образовать от слов *базарник* («базарный торгош») или *базарничать* («заниматься на базаре мелочной торговлей»), которые фиксируются в словаре В. И. Даля, производные отвлеченные существительные с этим корнем в литературном языке отсутствовали. Наречие *по-базарному* употреблено в приведенном примере в значении «плохо, некачественно», и в

слове *базарничество* актуализируются потенциальные семы «низкопробность», «некачественность», таким образом, писатель употребил это существительное в значении «торговля литературными произведениями, лишенными художественной ценности, “мелкими”, “дешевыми”, подобными базарному товару».

Ю. С. Сорокин отмечал, что с 1830-х гг. в русском языке появляется масса новообразований с иноязычным суффиксом *-ист*, в том числе индивидуально-авторских. К словам этой группы относится существительное *принципирист* («принципиальный человек»), употребленное в одном из писем Н. С. Лескова: «Нет никаких таких принципов, которые можно было бы поддерживать, не поддерживая людей, сим принципам преданных и им служить готовых. Не верю я таким *принципиристам*; а на себе вижу весьма близко шкуры моей касающийся пример их внимания: у меня нет уже не только ситного хлеба, но даже и решетного» (П. К. Щебальскому, 1875) [Там же. Т. 10. С. 426]. Существительное *принципирист* было известно в кругу литераторов: его употребляли А. П. Чехов («Исповедь», 1883), П. Д. Боборыкин. Последний в своей статье «Принципирист», посвященной Г. К. Градовскому (1916), подчеркивает, что это слово могло иметь негативную или положительную коннотативную окраску, а авторство, возможно, принадлежит ему. П. Д. Боборыкин маркирует новое, ограниченное в употреблении слово кавычками: «Да, Градовский, как публицист и общественный деятель, был именно: “*принципирист*”. Самое слово, кажется, пустил в ход я же. Некоторые, быть может, употребляют его с иронической интонацией, но здесь я беру его в положительном смысле» [3. С. 85].

В XIX в. в русском языке появилось много нарицательных существительных, мотивированных собственными именами. Отдельную группу среди них составляли слова, образованные от имен литературных персонажей и обозначающие характерные социальные или идейные явления: *донкихотство*, *донжуанство*, *молчалинство*, *маниловщина*, *обломовщина*, *чичиковщина*, *хлестаковщина* (*хлестаковство*), *базаровщина* (*базаровство*) и др. [16. С. 221, 226—227], большая их часть вошла в литературный язык.

В письме Н. Н. Лескова в качестве антонимов употреблены существительные *гарунальрашидство* и *сидничество*: «Старинное *гарунальрашидство* — чудесное лекарство в таких томлениях: Вы же, наоборот, — “*сидень*” и вот “результате” Вашего *сидничества*. Вы десяток лет не обновляете себя погружением в живые струи жизни, посторонней изнуряющему журнализму... Купите-ка

себе дубленый полушубок да проезжайтесь, чтобы не знали, кто Вы такой» (А. С. Суворину, 1887) [10. Т. 11. С. 335].

Гарун-аль-Рашид — мудрый правитель Багдада, известный по арабским сказкам «Тысяча и одна ночь». Переодевшись купцом, он бродил по улицам, чтобы узнать нужды бедных и помочь им. Прецедентное имя *Гарун-аль-Рашид* в конце XIX — начале XX в. имело остросоциальный смысл, оно стало символом представителя власти, под видом простого человека узнающего о проблемах людей. Например, так его употребляет В. Г. Короленко в публицистической работе «Морской штаб “на мирном положении”» (1905): «Господин Демчинский выражает желание, чтобы господин морской министр “хоть раз попал в главный штаб просителем”... Истинно российское упование на министров *Гарун-аль-Рашидов*... А между тем, что бы произошло, если бы г. военный министр, хотя бы даже переодевшись капитаном Копейкиным, испытал на себе все тернии “просительства” в штабах?» [7]. Н. С. Лесков образует от этого имени отвлеченное существительное, обозначающее социальную активность, живое участие в жизни народа, погруженность в нее.

Существительное *сидничество* Н. С. Лесков образовал от слова *сидень*, которое фиксируется в Словаре В. И. Даля только в прямом значении: «кто много сидит, ведет сидячую жизнь» [5. Т. 4. С. 150]. В приведенном контексте произошло преобразование значения мотивирующего существительного: слово *сидень*, взятое Н. С. Лесковым в кавычки, употреблено в метафорическом значении «бездеятельный, пассивный человек», свойственном современному русскому языку. *Сидничеством* писатель называл созерцательность и оторванность от реальной жизни журналиста и издателя.

Использование потенциальных слов является характерной особенностью как художественных, так и эпистолярных текстов Н. С. Лескова. Важно изучение этого типа лексики не только в индивидуально-авторском, но и в общелингвистическом отношении, поскольку она отражает тенденции, характерные для лексико-семантической системы национального русского языка второй половины XIX в. Письма содержат лингвистический материал, позволяющий судить о структурных типах, семантике и причинах употребления потенциальных слов в русском языке этой эпохи, и могут послужить ценным источником для Словаря русского языка XIX в.

### Список литературы

1. Алешина, Л. В. Особенности макроструктуры словаря авторских новообразований Н. С. Лескова / Л. В. Алешина // Ученые зап. Орлов. гос. ун-та. — 2013. — № 2. — С. 123—129.
2. Алешина, Л. В. Языковая картина мира сквозь призму словотворчества (из опыта работы над словарем новообразований Н. С. Лескова) / Л. В. Алешина // Ученые зап. Орлов. гос. ун-та. — 2013. — № 5. — С. 107—110.
3. Боборыкин, П. Д. «Принципист» / П. Д. Боборыкин // Публицист-гражданин : литератур. сб., посвящ. памяти Г. К. Градовского. — Петроград, 1916. — С. 82—86.
4. Головачева, О. А. Окказионализмы в идиолекте Н. С. Лескова: модели и способы создания, функции слов признаковой лексики : автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. А. Головачева. — М., 2001. — 16 с.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 1—4 / В. И. Даль ; под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. — М., 1903—1909.
6. Земская, Е. А. Современный русский язык. Словообразование : учеб. пособие / Е. А. Земская. — М., 2011.
7. Короленко, В. Г. Морской штаб «на мирном положении» [Электронный ресурс] / В. Г. Короленко. Собр. соч. : в 10 т. Т. 9. Публицистика. — М., 1955. — URL: [http://az.lib.ru/k/korolenko\\_w\\_g/text\\_1060-1.shtml](http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1060-1.shtml) (дата обращения 25.02.2018).
8. Леденева, В. В. Особенности идиолекта Н. С. Лескова: средства номинации и предикации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / В. В. Леденева. — М., 2000. — 39 с.
9. Лесков, Н. С. Неоцененные услуги [Электронный ресурс] / Н. С. Лесков // Знамя. — 1992. — № 1. — С. 155—179. — URL: <https://www.litmir.me/br/?b=49462&p=2> (дата обращения 25.02.2018).
10. Лесков, Н. С. Собр. соч. : в 11 т. Т. 1—11 / Н. С. Лесков. — М., 1956—1958.
11. Лыков, А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово) / А. Г. Лыков. — М., 1976.
12. Попова, Т. В. Неология и неография современного русского языка : учеб. пособие / Т. В. Попова, Л. В. Рацибурская, Д. В. Гугунава. — М., 2005.

13. Приемышева, М. Н. Тезаурус русского языка в концепции А. А. Шахматова: pro et contra / М. Н. Приемышева // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие : сб. ст. к 150-летию ученого / отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. — СПб., 2015. — С. 887—909.
14. Словарь русского языка XIX в. Проект. — СПб., 2002.
15. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением императорской Академии наук (САР). — СПб., 1891—1916.
16. Сорокин, Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30-е—90-е годы XIX в. / Ю. С. Сорокин. — М., 1965.

### Сведения об авторе

**Захарова Юлия Георгиевна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и издательского дела, Педагогический институт Тихоокеанского государственного университета. Хабаровск, Россия. ZUG1977@inbox.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 62—67.*

## POTENTIAL VOCABULARY IN THE N. LESKOV'S LETTERS

*Yu. G. Zakharova*

*Pacific State University, Khabarovsk, Russia. ZUG1977@inbox.ru*

Potential words and occasionalisms in N. Leskov's literary works and letters have repeatedly been the object of attention of linguists. Usually the words created by the writer are considered among the bright features of the writer's language picture of the world. Potential words are understood to be lexemes that are able to fill gaps in the word-formation system of the language or to realize productive derivational types without violating the laws of word-formation in the language. Unlike potential words, occasionalisms violate the laws of word-formation in the language and are closely related to the context. The term author's neologisms combines the actual occasionalisms and potential words, in respect of which it is possible to establish the authorship and affiliation of the speech of a particular writer. The potential words found in the N. Leskov's letters occupy an intermediate position between lexical neologisms and occasionalisms: they are created according to the laws of word-formation in the language, but have not received universal use, have not entered the literary language. The potential words found in the letters of Russian writers of the XIX century practically not investigated in the aspect of the main historical trends of the Russian language development.

Potential vocabulary in the N. Leskov's letters is great value for research in the historical and lexicological aspect: it reflected the general development trends of the Russian lexico-semantic system in the XIX century, productive word-formative types were realized in potential words, they were able to express different concepts, for which the usual lexemes did not exist.

**Keywords:** *potential word, occasionalism, author's neologism, Russian neology of the second half of the XIX century, letters of Russian writers.*

### References

1. Aleshina L.V. Osobennosti makrostruktury slovarya avtorskikh novoobrazovaniy N.S. Leskova [Features of the macrostructure of the N. Leskov's author's neologisms dictionary]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes of Orel State University], 2013, no. 2, pp. 123—129. (In Russ.).
2. Aleshina L.V. Yazykovaya kartina mira skvoz' prizmu slovtvorchestva (iz opyta raboty nad slovarem novoobrazovaniy N.S. Leskova) [Language picture of the world through the prism of word-making (from the experience of working on the dictionary of N.S. Leskov's neologisms)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Orel State University], 2013, no. 5, pp. 107—110. (In Russ.).
3. Boborykin P.D. "Printsipist" ["The principist"]. *Publitsist-grazhdanin: Literaturnyy sbornik, posvyashchenny pamyati G.K. Gradovskogo* [A publicist-citizen. Literary collection dedicated to the memory of G.K. Gradovsky]. Petrograd, 1916. Pp. 82—86. (In Russ.).
4. Golovacheva O.A. *Okkazionalizmy v idiolekte N.S. Leskova: modeli i sposoby sozdaniya, funktsii slov priznakovoy leksiki* [Occasionalisms in the idiolect of N.S. Leskov: models and methods for the creation, word functions of indicative vocabulary. Abstract of thesis]. Moscow, 2001. 16 p. (In Russ.).

5. Dal' V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka v 4 t. T. 1—4* [The explanatory dictionary of the living great Russian language in 4 vol. Vol. 1—4]. Moscow, 1863—1866. (In Russ.).
6. Zemskaya Ye.A. *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovaniye* [Modern Russian language. Word-formation]. Moscow, 2011. (In Russ.).
7. Korolenko V.G. Morskoy shtab “na mirnom polozhenii” [Marine headquarters “for the peace position”]. *Sobraniye sochineniy v 10 t. T. 9. Publitsistika* [Collected works in 10 vol. Vol. 9. Publicism]. Moscow, 1955. Available at: [http://az.lib.ru/k/korolenko\\_w\\_g/text\\_1060-1.shtml](http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1060-1.shtml), accessed 25.02.2018.
8. Ledeneva V.V. *Osobennosti idiolekta N.S. Leskova: sredstva nominatsii i predikatsii* [Features of N.S. Leskov's idiolect: the means of nomination and predication. Abstract of thesis]. Moscow, 2000. 39 p. (In Russ.).
9. Leskov N.S. Neotsenennyye uslugi [Invaluable services]. *Znamya* [Znamya], 1992, no. 1, pp. 155—179. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=49462&p=2>, accessed 25.02.2018.
10. Leskov N.S. *Sobraniye sochineniy v 11 t. T. 1—11* [The collected works in 11 vol. Vol. 1—11]. Moscow, 1956—1958. (In Russ.).
11. Lykov A.G. *Sovremennaya russkaya leksikologiya (russkoe okkazonal'noye slovo)* [Modern Russian lexicology (Russian occasional word)]. Moscow, 1976. (In Russ.).
12. Popova T.V., Ratsiburskaya L.V., Gugunava D.V. *Neologiya i neografiya sovremennogo russkogo yazyka* [Neology and neography of the modern Russian language]. Moscow, 2005. (In Russ.).
13. Priemysheva M.N. Tezaurus russkogo yazyka v kontseptsii A.A. Shakhmatova: pro et contra [Russian thesaurus in the concept of A. Shakhmatov: pro et contra]. *Akademik A.A. Shakhmatov: zhizn', tvorchestvo, nauchnoye naslediyе: Sbornik statey k 150-letiyu uchenogo* [Academician A.A. Shakhmatov: the life, work and scientific legacy. Collection of articles for the 150th anniversary of the scientist]. St. Petersburg, 2015. Pp. 887—909. (In Russ.).
14. *Slovar' russkogo yazyka XIX v. Proekt* [The dictionary of Russian language of the XIX century. Project]. St. Petersburg, 2002. (In Russ.).
15. *Slovar' russkogo yazyka, sostavlennyy Vtorym otdeleniyem imperatorskoy Akademii nauk* [The dictionary of the Russian language, compiled by the Second division of the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1891—1916. (In Russ.).
16. Sorokin Yu.S. *Razvitiye slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka: 30-e—90-e gody XIX v.* [The development of the vocabulary of Russian literary language: the 30—90th years of XIX century]. Moscow, Leningrad, 1965. (In Russ.).

УДК 821.352.3  
ББК 83.3 (2Р=Каба)6

## ДЕТАЛЬ ПРЕДМЕТНОГО МИРА КАК АТРИБУТ ДУХОВНОГО СОСТОЯНИЯ В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ А. КЯРОВОЙ «ДАРЮ СВОЕ КОЛЬЦО»

*И. А. Кажарова*

*Институт гуманитарных исследований — филиал Федерального научного центра  
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия*

На материале рассказов сборника молодого адыгского прозаика А. Кяровой выявляются доминанты и степень выразительности предметного мира с точки зрения его способности выступать атрибутом мира духовного. Актуализация деталей предметного мира в сборнике «Дарю свое кольцо» происходит как по воле самого автора, так и посредством тех ассоциаций, в которые иной раз выстраиваются эти детали, повторяясь в ряде рассказов и образуя своеобразный «сюжет» вещного мира.

**Ключевые слова:** рассказ, Альбина Кярова, точка зрения, герой, предмет, символ, деталь.

Творческие опыты молодого адыгского прозаика Альбины Кяровой обозначились в контексте поисков ее собратьев по перу — участников литературного объединения начинающих писателей Кабардино-Балкарии «Млечный путь». В 2009 г. ряд их произведений вошел в коллективный сборник «Молодая ветвь» [7], годом позже появился сборник «Звезды “Млечного пути”» [1], и почти одновременно республиканское книжное издательство приступило к выпуску серии «Дебют», представляющей каждого из молодых авторов индивидуально. Одна из книг этой серии — сборник рассказов А. Кяровой «Дарю свое кольцо» [4].

Уже в первом приближении как коллективные, так и отдельные издания позволяют заметить, что жанр рассказа вызывает особое доверие у нового поколения. Достойное интереса подтверждение тому — вошедшие в коллективные сборники рассказы Рабии Жамбековой, Анжелы Нартоковой, книга Залины Шомаховой «Мадонна» [10], Анфисы Кануковой «Синамис» [2]. Вероятно, в том, что рассказ проявляет подобную активность, есть особый смысл, поскольку, как подчеркивает Н. Л. Лейдерман, «именно он всегда выступает поворотной вехой историко-литературного процесса. Рассказ и набирает силу в ситуации духовного кризиса, на разломах историко-литературных циклов (периодов, этапов, эпох). В такую пору, когда отвергаются и разрушаются социальные, идеологические и художественные стереотипы, мифологемы, табу и клише, рассказ оказывается едва ли не единственным из прозаических жанров, который обладает способностью на основании самых первых, только-только “прорезавших-

ся”, доселе неведомых коллизий заявить новую концепцию личности» [5. С. 213].

Все участники литературного объединения «Млечный путь» пишут на родном языке, а стало быть, осознанно или нет, решают непростую задачу художественного очерчивания, внедрения в этническое сознание реалий, непрерывным потоком врывающихся в стремительно меняющуюся жизнь. Многим из них свойственно умение выстраивать захватывающий сюжет, завладеть вниманием читателя, проникновенно и тонко развертывать лирический модус художественности. Безусловно, здесь наблюдается немало общих черт: определенные созвучия в выборе тем, в приемах поэтики неизбежны, ведь единая формирующая среда, общее духовно-смысловое поле накладывают свой отпечаток на их художественный почерк. Однако подобная общность очевидна и в исследовательском плане не столь интересна. Также нет необходимости лишней раз говорить о том, что творчество начинающих авторов редко отличается цельностью, — иначе их вступление в литературный процесс и не называлось бы вступлением. Всякий дебют, как правило, — событие не только торжественное, но и таящее в себе уязвимость, потому мы в предлагаемой статье постараемся не переходить в плоскость критического разбора, в область плюсов и минусов художественного почерка молодого автора. Наиболее значимым представляется то, что претендует на создание собственной «картины мира», обеспечивает ее выразительность.

На наш взгляд, среди индивидуализирующих моментов писательского творчества не так часто достаивается исследовательского внимания

предметный мир, его структура и составляющие. Между тем ни у кого не вызывает сомнений, что предметный мир способен выступать атрибутом духовного состояния. Эта способность, в частности, распространяется и на один из его полюсов — мир вещный. В подобном контексте актуализируются внешние детали, что с неизбежностью влечет вопрос о характере сопряженности внешнего и внутреннего планов бытия. Поэтому в каждом конкретном случае вопрос о доминантах предметного мира, степени его выразительности предоставляет дополнительную возможность интерпретации концепции мира и человека в художественном произведении.

Книгу А. Кяровой составили десять рассказов, название одного из них вынесено на обложку издания: «Дарю свое кольцо». Как видим, на первом уровне восприятия оказался элемент вещного мира, влекущий за собой шлейф вполне отчетливых ассоциаций. Так, кольцо, очерченное в пространстве художественного повествования, неизбежно вызывает предчувствие романтических переживаний (с акцентом на их глубине и устойчивости), актуализирует мотив испытания чувств, типологическую предопределенность главного персонажа, которым, скорее всего, должно оказаться лицо женского рода.

Действительно, основным действующим лицом не только заглавного, но и большинства рассказов сборника выступает женщина, чаще всего — молодая девушка. Она же является и субъектом повествования, рассказчицей, которая пребывает «не на границе вымышленного мира с действительностью автора и читателя, а целиком внутри изображенной реальности» [6. С. 751]; более того, она определяет центр изображаемых событий. Повествование от первого лица, характерное для А. Кяровой, настраивает читателя на восприятие истории, отмеченной высокой степенью жизненной достоверности, этой же цели подчинено стремление автора расширить типологию героинь, от лица которых ведется повествование. Среди них преимущественно молодые девушки, вероятно, психологически наиболее близкие и понятные самому автору, но есть также зрелые женщины, умудренные жизненным опытом, есть сломленные натуры, оказавшиеся на грани нравственной и физической деградации.

Исходные представления о характере соотношения внешнего и внутреннего планов бытия формирует главным образом точка зрения, доминирующая в произведении. Можно сказать, что взгляд героини-рассказчицы в произведениях А. Кяровой обращен как вовне (проявляясь в оценках ею людей и происходящих событий), так и вовнутрь

(внутренние монологи, эмоциональная реакция на потрясения, которые ей приходится испытать). Соотношение этих ракурсов во многом определяет эволюцию героини, будь то болезненный переход от юношеского максимализма к суровой правде жизни («Дарю свое кольцо», «Хочу стать богатой!»), преодоление пагубной зависимости («Сила души»), потеря близкого человека («Проклятие всегда исполняется», «Адское пламя»). Но в каждом случае эта правда и связанная с ней болезненность не ожесточают героиню, они открывают ей путь к восприятию ценностей более высокого уровня.

В рассказе «Дарю свое кольцо» изначально преобладает взгляд главной героини Мадины вовне. Он ограничен рассеянной фиксацией некоторых деталей в поведении и внешнем облике окружающих ее людей, а также прямой или косвенной оценкой ею собственного облика.

Поначалу ее взгляд различает только линейную перспективу и не отличается особой пронизательностью («Честно говоря, учеба мне безразлична. Я удивляюсь однокурсникам, которые о ней беспокоятся, — миром ведь правят деньги»<sup>1</sup> [4. С. 3]). Так, лишь благодаря беседе, случайно завязавшейся в дороге с однокурсницей Сакимой, она вдруг замечает, что за малоприметной внешностью, за небогатой одеждой и скромной манерой поведения может скрываться интересная внутренняя жизнь и красота характера: «— <...> Это подарок моего молодого человека. — Гордо приподняв голову, она снова надела кольцо на свой худой палец» [Там же. С. 10]; «До этой минуты моя собеседница казалась мне заурядной тихоней» [Там же]. Забегая вперед, скажем, что именно это кольцо, вещь, принадлежащая персонажу, в котором соотнесены непритязательность внешнего облика и глубина духовности, в дальнейшем окажется символом эволюционирующего мировоззрения и драматического пути к счастью главной героини.

Конечно, «близорукость» Мадины в оценке окружающего ее мира не является абсолютной, к «прозрению» ее постепенно подталкивают обстоятельства. Она случайно слышит нелюбимые вещи, которые Зухра сообщает о ней однокурсникам, подмечает также ее демонстративную праздность, презрительное отношение ко многому из того, что дорого самой Мадине. И в дальнейшем подобные обстоятельства будут только нарастать. В случае с Зухрой скольжение взгляда по поверхности вещного мира, в самом примитивном понимании последнего, выражено однозначно.

<sup>1</sup> Здесь и далее цитаты из художественных текстов приводятся в нашем переводе. — И. К.

Зухра из тех, кто «встречает по одежке» и скромное материальное благосостояние человека считает серьезным «изъяном», решительно исключая его из ее «ближнего круга» («Она смерила презрительным взглядом двух неважно одетых девушек, которые вошли в этот момент...» [4. С. 3]). Взгляд главной героини, направленный вовне в начале рассказа, не противопоставлен резко взгляду Зухры, но во всяком случае и не совпадает с ним. Как мы уже сказали, ясность и определенность он обретет постепенно.

Стоит отметить, что именно благодаря взгляду героини-рассказчицы вовне конкретизируется внешний облик и ее самой. Вообще, за редкими исключениями, героини А. Кяровой наделены привлекательной внешностью. Они явственно выделяются из толпы, часто их отличает высокий рост. Иногда от первого лица отмечаются некоторые детали, красноречиво свидетельствующие о приятной наружности героини, но чаще всего — это внешняя оценка ее облика другими персонажами. Так, в рассказе «Дарю свое кольцо» сначала появляются мимолетные детали самооценки, которые конкретизируют облик героини в положительную сторону («...я поправила свои густые черные волосы и, улыбаясь, протянула ей расческу» [Там же]). Уже более явственно ее привлекательность проступает в словах Алима — молодого человека, с которым ее связывали романтические чувства: «Мадина, ты настоящая красавица, и мне кажется, что каждый должен мечтать о тебе. Наверное, любому хотелось бы оказаться рядом с такой, как ты» [Там же. С. 6], и даже драматический момент, когда Алим отвергает ее надежды, мотивирован ее внешней привлекательностью, якобы отрицающей перспективу духовного плана: «Для семейной жизни ты даже слишком красивая» [Там же]. «Ведь ты такая красивая!» — восклицает Зухра, пытаясь возродить в ней не оправдавшиеся надежды на счастье с Алимом. Далее линию ее привлекательности «до-страивают» террорист Мола, который со своими подельниками захватывает в плен Мадину и ее однокурсников («— Мадина, а ты ведь прекрасна, как и твое имя» [Там же. С. 18]), и мимолетный комплимент молодого охранника военного госпиталя: «Ну и счастливчик же тот, кого пришла навестить такая красавица!» [Там же. С. 31].

Линейность мировосприятия, собственная инфантильность и избалованность начинают осознаваться Мадinou с очевидностью, когда она и ее сокурсники становятся заложниками бандитов. Нависшая над молодыми людьми угроза гибели обнажает их слабые и сильные стороны. В подобной ситуации невольно взрослеют все, но,

как показывает А. Кярова, у каждого взросление происходит по-своему. Тяжелее всех приходится Мадине, на которой лежит груз ответственности за то, что именно она невольно послужила причиной создавшейся ситуации. С одной стороны, безмолвный укор ее сокурсников, с другой — жестокие «проповеди» раненого рецидивиста Мола, который требует помощи от Мадины. Все, что выпадет на долю Мадины с момента пленения, навсегда перевернет привычный ей мир. Примечательно, что в критический момент ее жизни проступают вдруг детали вещного мира, которые комментируют многое в ее духовном складе, системе ценностей и характере.

Происходит так, что Мадина получает ранение. Находясь в забытьи, она видит то ли сон, то ли видение. Сначала всплывает эпизод из детства: родители преподносят ей красивый подарок — двух кукол в свадебных нарядах. В этом кукольном, детском мирке зарождается ее заветная мечта о том часе, когда она, в прекрасном белом платье, окажется рядом со статным женихом. Затем Мадине видится просторное праздничное помещение, полное людей, а в центре его — пара молодоженов кружит в танце. В невесте она узнает себя, именно такую, как в мечтах детства («На девушке белое платье. Оно именно такое, о котором я мечтала с детства. Сверкающее») [Там же. С. 25]), только вот парня узнать не может. Внезапно все рушится, и молодые оказываются в центре выжженного пространства. Композиция сна, перемещение временных и событийных планов создают почти кинематографическую картину: «Небо потемнело. Закапали крупные капли дождя. Мы оба с беспокойством смотрим на небо... Но что происходит?... Солнечный луч скользит сквозь завесу облаков. Вот лучей становится все больше, и в их сиянии проступает высокая золотая лестница. Вращаясь, скатывается по ней кольцо. Кто же спустил его? Оно падает у моих ног. Парень поднимает его. Мы вдвоем принимаемся его рассматривать. Но это же кольцо Сакимы! Подарок ее жениха...

— Я ни в чем тебя не виню. Будь счастлива! Дарю тебе свое кольцо. Образ, начертанный в небе лучами солнца, улыбается нам. Сияние, исходящее от ее лица, озарило весь мир, и все вокруг сверкает. Вроде бы ясный день, но на небе отчетливо видны звезды. Это все благодаря Сакиме. Это чистота ее души озарила мой путь!..» [Там же. С. 25].

В приоткрывающем сокровенный мир Мадины пространстве отчетливо проступают три взаимосвязанные детали вещного мира: игрушка, свадебное платье, кольцо. Платье невесты в сознании

героини А. Кяровой — атрибут довольно емкий. Он фигурирует в нескольких рассказах сборника: «Дарю свое кольцо», «То, что предназначено», «Третье желание». И, надо сказать, впечатление того, что связанная с ним мечта вырастает из детского, «кукольного мирка», сохраняя на себе отпечаток некой инфантильности, присутствует и в последних двух случаях. Подчас свадебное платье превращается в несколько навязчивый символ женского счастья, словно бы маркирующий некую предельную планку устремлений героини: «С тех пор я мечтала, как буду стоять в белом платье возле статного парня. Не раз я себе это представляла!»; «Неужели так никто и не захочет видеть меня своей невестой?..» [Там же. С. 24].

Как замечает Е. Фарино, «системность упоминаемых в произведении (или в целом творчестве избранного автора) явлений и предметов проявляется... в виде их сочетаемости или одновременного наличия» [8. С. 281]. Платье, игрушка, кольцо. В общем-то мы наблюдаем здесь тот вещный комплекс, который конкретизирует лейтмотив устремлений центральных героинь трех названных выше рассказов.

Стремление найти личное счастье для героини рассказа «Дарю свое кольцо» определяющее, поглощающее ее полностью, судя по тому, что мысли об отвергнутых чувствах не оставляют ее даже в момент реальной угрозы жизни. Да и готовность, с какой она «примеряет» на себя роль суженой Мола, который, как выяснится позже, на самом деле вовсе не террорист, тоже достаточно красноречива: «А иной раз думалось мне, что он и есть половинка моей души. Что жестокая реальность тесно сплотила нас друг с другом. Говорят, крепка любовь двух сердец, вместе прошедших через тяжелые испытания. Не потому ли и наши обстоятельства сложились именно так? Еще говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. Может, во всем, что случилось, именно это и есть та самая крупница счастья?..» [4. С. 31].

Разумеется, самозабвенная устремленность к личному счастью, со всеми сопутствующими ему предметными символами, в системе ценностей молодой героини и, шире, — в контексте творчества молодого автора — мотив предсказуемый и даже тривиальный. Однако в его реализации есть свои подтексты, и детали предметного мира способствуют их усилению. Так, в рассказе «Дарю свое кольцо» на пути к личному счастью героиня преодолевает трудности, связанные не только с испытанием ее сокровенных чувств, но и с трагическим крушением привычного для нее миропорядка, что вкуче дает толчок ее движению к духовному совершенствованию. В рассказе «То,

что предназначено» все несколько иначе. Контекст, в котором появляется символ достижения счастья (белое платье), вызывает подозрение, что духовный рост героини носит мнимый характер, хотя ею это и не осознается.

Героиня рассказа «То, что предназначено», уже в начале повествования предстает человеком с определенным жизненным опытом. Ее, прошедшую через некоторые испытания, отличает более глубокий, нежели у Мадины, взгляд на мир. Много понимающая, склонная к рефлексии, восприимчивая к полутонам Фатимат, тихо несет в себе боль своих переживаний. В этом плане показателен внутренний монолог, где она уничтожает едва лишь обозначившиеся ростки зависти по отношению к своей подруге Залине, которая нескончаемыми рассказами о своем семейном счастье невольно задевает душевные раны Фатимат. Также ранят, но тем не менее не озлобляют ее словесные уколы соседских сплетниц, которые находят удовольствие в домыслах о причинах ее развода. Самой же Фатимат неведомо, что ее разрушенная семейная жизнь — результат чьих-то козней.

В тяжких размышлениях, которые ее охватывают всякий раз с приходом темноты, присутствуют и белое платье, и кольцо как символы счастья, которое не удалось сберечь: «Гнетущее одиночество вновь окутывало меня, и на глаза наворачивались слезы. Немало было вечеров, подобных этому. Я знала, что, выплакавшись, обрету душевный покой, задышу ровнее. В надежде на это я обхватила подушку и закрыла глаза. Вспоминалось наше знакомство, последовавшие за ним встречи и как меня, одетую в красивое белое платье, ввели в их семью, как счастливый супруг надел обручальное кольцо на мой палец. Все эти радостные моменты продолжали жить в моем сердце» [Там же. С. 38].

Ближе к финалу рассказа мрак в жизни Фатимат начнет рассеиваться, и она сделает очередной шаг на пути к личному счастью — даст согласие на брак с молодым вдовцом. Шаг непростой, поскольку вслед за этим ей придется отказаться от душевных колебаний, связанных с притязаниями на нее бывшего супруга, осознавшего к тому времени свои заблуждения. В этом контексте вновь фигурирует свадебное платье: «И вот, я надеваю свадебное платье, и, как требуют того обычай, меня выносят из дома. Но едва лишь посадили меня в машину, как раздались какие-то голоса. И вдруг чьи-то крепкие руки хватают меня и посреди поднявшейся суматохи стремительно уносят со двора...» [Там же. С. 45]. Данная сценка завершает рассказ. Еще раз повторим, что основной мотив, определяющий движения внутреннего

мира Фатимат — желание обрести (а скорее — вернуть) личное счастье. И свадебное платье, и достижение счастья логично оказываются в одной связке: Фатимат попадает «в надежные руки». Похищение ее во время свадьбы, видимо, должно восприниматься как заслуженная награда за перенесенные страдания, как торжество справедливости, ее заслуженный триумф. Однако подобный финал невольно наводит на размышления, что обозначенная в характере Фатимат рефлексивность все же носит поверхностный характер. Ею не улавливаются оттенки чужой беды, виновницей которой теперь становится она сама: нет ни проблеска мысли о безвинно пострадавшей стороне — молодом вдовце Чашифе, оставшемся с двумя малолетними детьми.

Игровая логика, вырастающая из детского, «кукольного мирка» героини вынесена на поверхность в рассказе «Третье желание». Показательно, что грезы молодой девушки Заиры о личном счастье воплощаются в жизнь по сказочному сценарию, в котором задействованы три желания, а в роли «золотой рыбки» оказывается молодой человек. Игрушка же на этом пути становится сначала предвестником («Она схватила сидевшего на шкафу маленького белого медвежонка и, сжимая его в теплых объятиях, стала кружить по комнате, с улыбкой вспоминая о приснившемся» [4. С. 57]), а затем и началом осуществления этого счастья («На пороге никого не оказалось, кроме белоснежного игрушечного медведя. На шею у него красовалась алая лента с прикрепленной к ней запиской. Сестра протянула ей этот презент. Заира, с набежавшими вдруг слезами, схватила мишку и прижала к себе. С замиранием сердца она прочла послание: «Не думай, что я забыл о тебе. День только начинается» [Там же. С. 72]. И снова символом осуществления предела устремлений — третьего желания — становится белое платье, проще говоря, замужество героини: «Приподняв край полотна, ниспадавшего на лицо застенчивой невесты, которой так к лицу было белоснежное платье, бабушка произнесла слова благопожелания» [Там же. С. 72].

В рассмотренных эпизодах подробности предметного мира выступают как художественные детали, конкретизирующие степень духовной зрелости героини. Образец того, как оппозиция вещного и духовного определяет «драматургию» произведения, мы обнаруживаем в рассказе «Хочу стать богатой!».

В самом названии прочитывается тенденция к расширению вещного (материального) мира, увеличение его удельной значимости, в данном случае ставящее под угрозу не только мир души,

но и саму жизнь. Основной «предмет», который в рассказе маркирует взлет и падение героини, — это деньги, богатство. Поначалу мы наблюдаем поистине праведное, самоотверженное движение героини к своей цели — стать богатой, но со временем перестановка акцентов в системе ее ценностей оказывается неминуема. Мечтая обрести престижную профессию и достичь в будущем финансового благополучия, она прекрасно учится в школе, поступает в столичный вуз. Однако отличной учебы и верности привитым с детства морально-нравственным принципам оказывается далеко недостаточно не только для достижения поставленной цели, но и для того, чтобы попросту выжить в большом городе. Значимость материального заявляет о себе все более властно. Не находя иной возможности для заработка, она тайно от родителей устраивается на работу в игровой клуб. Там она встречает удачливого азартного игрока, который очаровывает ее, а в скором времени становится ее супругом. Вскоре жизнь ее кардинально меняется. Меняется и она сама: «Потихоньку я стала привыкать к богатству. Я и не подозревала, что так умею сорить деньгами. Позабыв о своем недавнем прошлом, я усмеялась при виде неимущих. Огромное количество денег вскружило мне голову» [Там же. С. 75]. Иными словами, материальное в ее истории решительно оттесняет духовное. Триумф материального, а вместе с ним и беззаботное существование обрываются внезапно: в одну из ночей проигравшийся супруг обманом отвозит ее в какой-то дом и оставляет ее там в счет долга... Пережитый кошмар подталкивает героиню к мысли о самоубийстве, но сила духа, пусть тихо и пока еще незаметно, все же одерживает верх: «Желания жить не оставалось. Я поднялась на мост. Посмотрев вниз на воду, я почувствовала головокружение от огромной высоты, на которой оказалась. И все же мне хотелось сброситься. Однако в какое-то мгновение передо мной промелькнули лица моих родителей, я вдруг остановилась.

Взвесив все, я приняла решение вернуться, — простить своего мужа я бы не смогла. По крайней мере, у меня есть специальность, проживу как-нибудь, — утешала я себя» [Там же. С. 76].

Горькие уроки, которые героиня извлекла из случившегося, больше напоминают поверку «на прочность» прописных истин: «я поняла, как легко потерять то, что не заработано самой»; «я поняла, как плохо обманывать родителей» и т. п. Наиболее необычное в этом ряду — осознание того, что спасена ее душа, что, опять же, возможно трактовать как «тихое» превосходство духовного над материальным. Причем героиня

вовсе не отказывается от мечты обрести материальное богатство, просто теперь ясно осознает его сложную сопряженность с бытием духа: «Говорят, человек должен извлекать уроки из собственных ошибок. Хорошо, что я сохранила себя, не погубив свою душу в порыве глупости. И все же, я до сих пор не отступила от мечты стать богатой. Я хочу заработать богатство. И я еще достигну этого!.. Своим трудом!» [Там же].

Как одну из граней предметного мира стоит отметить в данном рассказе антураж, определяющий городскую среду, которая выступает своеобразным фоном гнетущих раздумий героини в начале произведения и в его финале. Антураж обозначается с первых фраз повествования — это снег, и, должно быть, не случайно он показан в пространстве обоих городов. Сквозь завесу мрачных картин, которые проплывают перед ее мысленным взором, она все же различает величественный облик заснеженной Москвы. Город этот — безмолвный свидетель постепенного подъема и трагического падения героини: «Зима стояла суровая. Москву заметало снегом. Как же прекрасен был ее вид. Словами не выразить, как пленяли взор ее высокие дома, широкие мосты» [Там же. С. 72]. Попутно можно отметить, что Москва часто фигурирует в рассказах А. Кяровой как дополнительный пространственный локус. В Москву совершается «бегство» от враждебных герою обстоятельств («Дарю свое кольцо»), от самого себя («Новая душа»), а иногда это «бегство» — всего лишь примета нынешнего времени, единственный способ обрести работу и выбраться из нищеты («Хочу стать богатой!»). Итак, героиня рассматриваемого рассказа возвращается в родной город, тоже белый от снега: «После обеда я уже была у себя, в городе, которому предпочла богатство. И здесь также было много белого снега. Дома и деревья, все было укрыто им» [Там же. С. 76]. Снежный покров, укрывающий оба города, семантизируется и как психологический контраст мрачному настроению героини, и как метафора «чистого листа», с которого ей предстоит начать новый этап жизни, тем более что нравственная чистота звучит завершающим аккордом произведения: «Вот я ступила на перрон, и мои родители, утирая слезы радости, устремились мне навстречу. Да только достойна ли я их слез, их чистых объятий?..» [Там же].

Фрагмент предметного мира, находящийся на периферии повествования, иной раз определяет его смысловой центр. Подобный случай обнаруживаем в рассказе «Сердце матери».

Героиня рассказа страдает от мрачных предчувствий, причину которых не может объяснить. Вро-

де бы все в ее жизни благополучно: работающий муж, трое сыновей, маленькая дочка, которой на днях предстоит пойти в первый класс. Однако уже несколько дней проходят как смутный сон, а ночь приносит кошмарное видение, в котором образ безмятежного счастья ее семьи внезапно сменяется ощущением леденящего ужаса. Уже вскоре, наутро следующего дня, этот ужас воплощается в реальность: едва она успевает проводить в школу своих детей и сопровождающего их отца, как по селу проносится страшное известие, что школа захвачена террористами. После мучительного ожидания возле школьного двора она зачем-то возвращается домой, случайно ее взгляд падает на дерево, растущее в центре сада: «Я всегда видела в нем образ нашей семьи, сросшиеся корни — это я и мой супруг. Три крупные ветви — наши сыновья. Молоденький побег символизировал жизнь нашей дочки. До этого дня я не замечала, чтоб на этом дереве что-нибудь усыхало. Только теперь, со стороны, ветви и часть корней казались мне безжизненными» [Там же. С. 51].

Дерево отсылает к сакральным коннотациям этнической мифологии. Для адыгов, как и для некоторых других народов мира, образ дерева сопрягает в себе целый спектр смыслов, пополнявшийся на разных стадиях существования этноса. Попытки вывести из этих представлений общую модель вряд ли увенчаются успехом. По справедливому замечанию Х. А. Хабекировой и А. И. Мусукаева, «хотя фольклорные и этнографические данные позволяют нам в какой-то степени привязывать различные формы культа дерева к определенным ступеням исторического развития этноса, но выстроить их в хронологически последовательный ряд почти невозможно. ...В ходе исторического развития и процесса эволюционирующего мышления понятия о дереве меняются. Так, первоначально дерево представляется живым, одушевленным существом и уподобляется человеку. Затем дерево становится воплощением душ человека, растений, деревьев, животных, позже — жилищем духов и т. д. Духи превращаются в богов» [9. С. 32—33]. Помимо того что в адыгской культуре дерево воплощало модель мира, жизни, транслировало женское или мужское божество, каждый вид его имел собственную сакральную семантику: «В адыгских мифопоэтических воззрениях дерево изоморфно человеческому существу: деревья, принадлежащие к различным породам: орех, груша, боярышник, кизил, ива — моделируют человеческие взаимоотношения, наделяются волей и сознанием, обладают человеческими и сверхчеловеческими качествами» [3. С. 124]. Конечно, существовав-

ший на протяжении длительного времени культ, глубоко внедренный в этническое сознание, не может не отражаться в художественной литературе. В рассказе «Сердце матери» порода дерева не обозначена, но сакральный смысл его от этого не убывает. Это дерево структурировано «по образу и подобию» семьи героини. Когда-то оно почти мистическим образом появилось в ее саду и заняло в нем главенствующее положение. Его подарила ей старая цыганка, наказав окружить его неусыпным вниманием: «— В дереве этом таится сила, не обычное оно. Все происходящее с вами будет оставлять на нем свой след. Если кто-то заболит или случится с ним беда, отсохнет ветвь. Ухаживайте за ним как следует. Зимой не обделяйте теплом, а летом не обделяйте влагой, и любовью своей не обделяйте, — сказала она». [4. С. 51]. Если начало повествования сразу погружает читателя в «пространство» материнского сердца, то ближе к финалу акцент переносится на фрагмент предметного мира — дерево как символ того, что наполняет это сердце жизнью. Однако дерево предстает отчужденным: внезапно разбушевавшаяся стихия не дает героине к нему приблизиться, и оно рушится на ее глазах под холод-

ными порывами дождя и ветра. Рушится и жизнь семьи. В финальных строках снова заходит речь о дереве. Как и прежде, в нем угадывается образ жизни, которая теперь, однако, со всеми сакральными смыслами, уже не имеет значения: «С тех пор прошло время. Издали может показаться, что дерево, в котором теплилась жизнь нашей семьи, оживает. Однако я... я чувствую душой, что этому дереву осталось уже немного» [Там же. С. 52].

Подводя черту под нашими наблюдениями, можно увидеть, что актуализация деталей предметного мира происходит как по воле самого автора («Дарю свое кольцо», «Сердце матери»), так и посредством тех ассоциаций, в которые иной раз выстраиваются эти детали, повторяясь в ряде рассказов и тогда уже стягиваясь в некий «сюжет», как в случае с кольцом, игрушкой и платьем. А. Кярова не склонна к детализации предметного мира, в динамичном развитии ее рассказов они составляют минимум, однако, проанализированный с учетом контекста, в который попадают его элементы, и связей, возникающих между ними, он расширяет возможности прочтения сложной диалектики материального и духовного, внедренной в творчество каждого автора.

### Список литературы

1. Звезды «Млечного пути» : [на кабард. яз.] — Нальчик, 2010.
2. Канукова, А. А. Синамис. Рассказы, повесть : [на кабард. яз.] / А. А. Канукова. — Нальчик, 2010. — (Дебют).
3. Кудяева, З. Ж. Мифопоэтическая модель адыгской словесной культуры / З. Ж. Кудяева. — Нальчик, 2008.
4. Кярова, А. А. Дарю свое кольцо. Рассказы : [на кабард. яз.] / А. А. Кярова. — Нальчик, 2011. — (Дебют).
5. Лейдерман, Н. Л. Теория жанра / Н. Л. Лейдерман. — Екатеринбург, 2010.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. А. Н. Николюкин. — М., 2001.
7. Молодая ветвь: стихи и рассказы : [на кабард. яз.]. — Нальчик, 2009.
8. Фарино, Е. Введение в литературоведение : учеб. пособие / Е. Фарино. — СПб., 2004.
9. Хабекирова, Х. А. Мир дерева в культуре адыгов. О Балкарии и балкарцах / Х. А. Хабекирова, А. И. Мусукаев. — Нальчик, 2001.
10. Шомахова, З. Х. Мадонна. Рассказы, повесть, стихи в прозе : [на кабард. яз.] / З. Х. Шомахова. — Нальчик, 2014. — (Дебют).

### Сведения об авторе

**Кажарова Инна Анатольевна** — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардинской литературы, Институт гуманитарных исследований — филиал Федерального научного центра «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук». Нальчик, Россия. barsello@rambler.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 68—75.*

## DETAILS OF THE OBJECTIVE WORLD AS AN ATTRIBUTE OF THE SPIRITUAL CONDITION IN COLLECTION OF SHORT STORIES BY A. KYAROVA “GIVE MY RING”

**I.A. Kazharova**

*The Institute for the Humanities Research — Filial of the Federal Scientific Center  
“Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”,  
Nalchik, Russia. barsello@rambler.ru*

On the material of the stories of the collection of the young Adyghe prose writer A. Kyarova, the dominants and degree of expressiveness of the objective world are revealed from the point of view of its ability to act as an attribute of the spiritual world. A number of stories by A. Kyarova collection “I give my ring” demonstrate that the actualization of the details of the objective world takes place both at the will of the author himself and by means of those associations in which these details are sometimes built, repeated in a number of stories, and forming a kind of “plot”. A. Kyarova is not inclined to detail the objective world, in the dynamic development of her stories they make a minimum, however, analyzed taking into account the context in which his elements fall and the relationships that arise between them, he expands the possibilities of reading the complex dialectics of material and spiritual, inculcated in the work of each author.

**Keywords:** *story, Albina Kyarova, point of view, hero, object, symbol, detail.*

### References

1. *Zvezdy “Mlechnogo puti”* [Stars of the “Milky Way”]. Nalchik, 2010. (In Kabardian).
2. Kanukova A.A. *Sinamis. Rasskazy, povest’* [Sinamis. Short stories, novel]. Nalchik, 2010. (In Kabardian).
3. Kudaeva Z.Zh. *Mifopoeticheskaya model’ adygskoy slovesnoy kul’tury* [Myth-poietic model of Adyghe verbal culture]. Nalchik, 2008. (In Russ.).
4. Kyarova A.A. *Daryu svoe kol’ tso. Rasskazy* [I give my ring. Short stories]. Nalchik, 2011. (In Kabardian).
5. Leyderman N.L. *Teoriya zhanra* [Theory of the genre]. Yekaterinburg, 2010. (In Russ.).
6. Nikolyukin A.N. (ed.). *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]. Moscow, 2001. (In Russ.).
7. *Molodaya vetv’: Stikhi i rasskazy* [Young branch: Poems and short stories]. Nalchik, 2009. (In Kabardian).
8. Farino Ye. *Vvedeniye v literaturovedeniye* [Introduction to literary criticism]. St. Petersburg, 2004. (In Russ.).
9. Khabekirova Kh.A., Musukaev A.I. *Mir dereva v kul’ture adygov. O Balkarii i balkartsakh* [The world of a tree in the culture of the Circassians. About Balkaria and Balkarians]. Nalchik, 2001. (In Russ.).
10. Shomakhova Z.Kh. *Madonna. Rasskazy, povest’, stikhi v proze* [Madonna. Stories, a story, verses in prose]. Nalchik, 2014. (In Kabardian).

УДК 82-31  
ББК 83.3(2)6

## ПРОБЛЕМА ВЕРЫ В СОВРЕМЕННОМ РОМАНЕ О ГЕРОЕ-ИНТЕЛЛИГЕНТЕ: «АНДЕГРАУНД, ИЛИ ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» В. МАКАНИНА И «СВЕЧКА» В. ЗАЛОТУХИ

*А. Ю. Колпаков*

*Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева,  
Красноярск, Россия*

Рассматривается проблема веры в современном романе о герое-интеллекте. Истоки художественного воплощения дихотомии веры и безверия русской интеллигенции лежат в творчестве Ф. М. Достоевского. Современный «интеллигентский» роман явно ориентирован на традицию Достоевского. Подтверждением этому являются романы В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» и В. Залотухи «Свечка».

**Ключевые слова:** *современный роман, интеллигенция, Достоевский, Маканин, Залотуха.*

Проблема религиозности имела особую значимость для русской интеллигенции. Отношение к вере являлось одним из принципов самоидентификации интеллигенции, маркером принадлежности интеллигента к той или иной группе. Перефразируя героя-интеллигента Кириллова из романа Достоевского «Бесы», русскую интеллигенцию «Бог всю жизнь мучил».

Дихотомия веры и безверия как одна из основ интеллигентского дискурса наглядно проявилась в первом опыте саморефлексии интеллигенции — сборнике «Вехи» [2]. С одной стороны, авторы «Вех» поставили отсутствие веры в ряд главных пороков интеллигенции. Именно в безрелигиозности они видели прямой путь интеллигенции к революционности и духовному распаду. Вместе с тем пафос обличения подразумевал и не менее очевидный призыв к необходимости веры. Парадоксальным образом, разоблачая безбожие интеллигенции, веховцы именно от нее ждали духовного возрождения России.

Но задолго до «Вех» проблема религиозности интеллигенции вошла в пространство русской литературы. Еще не имея укоренившегося в лексиконе понятия «интеллигенция», литература второй половины XIX в. уже заговорила о вере и безверии «образованного» общества. Во всей своей сложности эта проблема была поставлена и разработана в творчестве Достоевского. Закономерно, что имя Достоевского стало для «Вех» одним из главных авторитетов.

Важно понимать, что к литературному и публицистическому осмыслению проблемы религиозности интеллигенции Достоевский пришел через собственный жизненный опыт; прежде всего опыт каторги. Из острой жизни Достоевский вы-

нес три важных открытия: осознание своей принадлежности «образованному» слою общества, то есть интеллигенции («человек образованный, с развитой совестью, с сознанием, сердцем» [4. С. 43]); сложность отношений интеллигента с народом; вера и Христос. Хорошо известно письмо Достоевского («дитя века, дитя неверия и сомнения» [5. С. 176]) Н. Д. Фонвизиной о Христе как высшем идеале.

В первых же произведениях послекаторжного периода Достоевский обращается к проблеме веры «образованного» человека. В «Записках из подполья» и «Преступлении и наказании» писатель исследует тупики атеистического сознания. Далее образ атеиста-интеллигента воплощается в Ипполите, многочисленных вариациях бесовщины в романе «Бесы», образах Версилова и Ивана Карамазова. Призывом к интеллигенции обратиться к русскому народу и «русскому Христу» наполнена Пушкинская речь Достоевского.

Вместе с тем уже в «Преступлении и наказании» обозначена возможность выхода интеллигента из духовного тупика. Раскольников подобно самому Достоевскому приходит на каторге к открытию Евангелия. По мысли Достоевского, путь к вере для интеллигенции не заказан, напротив, именно интеллигенция с обретением веры может занять место «лучших людей» в обществе. Достоевский последовательно проводит эту мысль прежде всего в художественных произведениях. Примерами этому могут служить образы князя Мышкина, Смешного человека, Алеши Карамазова.

Достоевский сыграл ключевую роль в формировании художественной системы романа с героем-интеллектом, одним из жанровых призна-

ков которого стала проблема веры. Устойчивость жанра подтверждается продолжением традиции Достоевского в современном романе. Рассмотрим данный тезис на примере двух значимых для новейшей отечественной литературы романов: Владимира Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» (1998) и Валерия Залотухи «Свечка» (2001—2014).

Роман Маканина выходит спустя 130 лет после публикации «Идиота». «Андеграунд, или Герой нашего времени» стал более чем заметным явлением литературной жизни конца 90-х. Он перешагнул рубеж веков и прочно обосновался в первом ряду новейшей отечественной литературы. О нем существует обширная критическая и научная литература; роман закрепился и в учебниках по истории современной литературы [11; 12].

«Андеграунд...» — попытка подведения итогов интеллигентской эпохи Советского Союза. Главный герой романа — в прошлом писатель, ныне общажный сторож Петрович — относит себя к маргинализованной интеллигенции: «интеллигентный, а все же бомж» [3].

Роман прочно связан с традициями русской классики, и прежде всего с творчеством Достоевского. Отсылка к Достоевскому звучит в самом названии романа. Впоследствии Маканин подчеркивал, что понятие андеграунда соотносится с «подпольем» Достоевского. В самом тексте отсылки к Достоевскому носят разнообразный характер: упоминание имени Достоевского, прямые и скрытые цитаты, сюжетные переключки, типы героев, проблематика и т. д. [1].

Кроме «Записок из подполья», роман Маканина связан и с «Преступлением и наказанием». Отметим общую тему преступления и наказания, мотив убийства. Общее маргинальное положение Раскольникова и Петровича — оба они «бывшие». Тожественны пространства «общаги» и петербургских углов, «психушки» и каторги; двойничество следователя Порфирия Петровича и заведующего отделением психиатрической больницы Холина-Волина.

Вместе с тем Маканин (точнее, его герой) не повторяет Достоевского, а вступает с ним в сложную полемику. И прежде всего с главным тезисом Достоевского о недопустимости убийства. Петрович совершает два убийства. Оба преступления не имеют весомых жизненных оправданий. В обоих случаях исходной причиной убийства становится не идея (как у Раскольникова), а уязвленная гордость общажного интеллигента. Мотив убийства кавказца с рынка таков: «Я защищал. Не те малые деньги, которые он отнял (совсем мало) — я защищал “я”. Он бы ушел, отнявший и довольный

собой, а я после пережитой униженности не находил бы себе места: я бы болел!» [13. С. 188]. Второе убийство — доносителя КГБ Чубика — также замешано на чувстве страха за свою репутацию. Обвинив своих товарищей по цеху перед Чубиком, Петрович в ужасе думает о репутационных последствиях: «В беспристрастных кагебэшных отчетах однажды отыщется не непризнанный писатель, не гений литературного подполья (как говорит обо мне добряк Михаил), ни даже просто человек андеграундного искусства, а осведомитель, филер, стучавший (из зависти) на писателей, имена которых хорошо известны и славны. Вот, значит, как завершился многолетний, за машинкой, труд» [Там же. С. 292].

Оба преступления порождают болезненный самоанализ героя-интеллектуала. Выражаясь словами Раскольникова, его терзают мысли о том, «тварь ли я дрожащая или право имею». В первом случае Петрович обнаруживает полное отсутствие голоса совести. Убийство кавказца не повлекло ни раскаяния, ни даже сильного переживания: «Мне ведь и точно жаль, что я убил его, этого случайного человека... Жаль и сожалею, но вот раскаяния... нет» [Там же. С. 190].

Сложнее отзывается второе убийство. Если в первом случае у Петровича есть хотя бы формальный повод для убийства — кавказец показал нож, то убийство Чубика оправдать сложно: «Годуновские мальчики, дети у гроба Чубисова (восьми и пяти лет) — первое, что должно бы подсовывать русскому писателю чувство вины, а с ним и малопомалу выползающая из норы совесть. Писатель слаб против детишек, против испуганных и при молкших (тетка их подтолкнула на шаг вперед, ближе к отцовскому гробу. Два мальчика...). Но я не давался: я сказал себе, что у Чуба, скорее всего, уже взрослые дети» [Там же. С. 316]. Петрович не находит оснований для успокоения. Он понимает, что стал не благородным борцом за честь (как Пушкин, стреляющий в Дантеса), а банальной убийцей из страха прослыть стукачом: «Кавказец в конце концов понятен и простим, как-никак ножи мы вынули почти одновременно. Столь мгновенную развязку на скамейке в сквере можно и впрямь счесть разборкой и видом поединка в наши дни. (Соотносилось с дуэльными выстрелами на заснеженной опушке.) Но за гэбэшника совесть настаивала на моей вине — зарезал бедолагу! Мол, тут-то никакой заснеженной дуэли и ренессансности. Просто взял и зарезал. И оставил валяться труп. Ведь человек» [Там же. С. 317].

За страхом совести стоит и проблема веры. После первого убийства герой размышляет: «Кто,

собственно, спросит с меня — вот в чем вопрос. Бог?.. Нет и нет. Бог не спросит. Я не так воспитан. Я узнал о нем поздно, запоздало, я признаю его величие, его громадность, я даже могу сколько-то бояться Бога в темные мои минуты, но... отчетности перед ним как таковой нет. Не верю в отчет. Но уж тем более никакой отчетности перед людьми и их суетой. Что люди для отдельного, как я, человека?! Что мне их нажива и само обустройство их жизни — их же и проблемы» [13. С. 190].

Для Петровича Бог — это абстракция, существующая где-то вне и помимо человеческой жизни. Связи между Богом и человеком не существует. Единственным мериллом нравственности становится русская литература. Ею бывший писатель, бомж-интеллигент оправдывает себя. Показательно, что Петрович признает религиозность русской классики, но при этом отказывается от мысли о христианской парадигме литературы. Бог для нее существует где-то с краю: «Понятно, что и сама литература косвенно повязана с Богом, мысль прозрачна. Но понятно и то, что косвенно, как через инстанцию, отчет не дают. Литература — не требник же на каждый день» [Там же. С. 190—191].

Исключая религиозный центр, Петрович лишает литературу твердых нравственных координат. Литературой со смещенным центром оказывается довольно легко манипулировать, подбирая удобные примеры и отвергая неудобные авторитеты. В частности, Достоевского. Роман Достоевского «Преступление и наказание» для Петровича становится только литературой. Нравственный авторитет романа не выходит за границу текста, не имеет религиозной точки опоры во вне. Поэтому «не убий» становится не заповедью, а только лишь словом: «Замечательный сущностный урок “не преступить убийства”, к примеру, роман Достоевского — все еще жив для нас. Но жив уже как мысль, как энергично выраженная художественная абстракция. ... Достоевский тоже ведь и нас побеждал словами. Но как только Ф. М., с последним словом, торжествовал победу, выяснялось, что победил он кого-то стороннего. Не меня. То есть побеждал лишь внутри, в полях своего текста; когда я читал. Внутри текста — но не внутри моего “я”» [Там же. С. 198—199].

После второго убийства совесть тем менее достает героя. Его мучения достигают апогея, когда он подобно Раскольникову после убийства заболевает. В кризисный момент Петрович изливает свою боль в крике. Его крик (или вой) обращен к Богу. «Оооо... Уууу... — И следом теперь налетала боль, настолько скорая, настолько нещадящая, что

человек в такие минуты уже не человек, не сам по себе — он уже как ломаемая ветка, как животное, он готов стать хоть глупым, хоть кающимся, примитивно бьющим поклоны, каким угодно, — только бы боль унять» [Там же. С. 358].

Однако крик не стал прорывом к Богу, не обратился в покаяние. Вслед за избавлением от мучений, возникает ирония по отношению к совести, раскаянию, Богу: «Тот ночной крик в бомжатнике был слышан. Они (там, высоко наверху) приняли мой вой и мою боль как покаяние; приняли и зачли. Мысль мне нравится. Тем провалом в кратковременный ужас и сумасшествие я оплатил первую (скажем, так) из присланных мне квитанций. Могу жить. Совесть, похоже, умолкла. (Бедный наш рудимент. Пришлось-таки с ней считаться!) Возможно, я оплатил уже и весь счет, зная я не мог» [Там же. С. 362].

Бог для Петровича не становится нравственной опорой и реальностью его существования. В отличие от «Преступления и наказания» сюжет романа Маканина отходит от сюжетной схемы «преступление — наказание — воскресение». Повествование «Андеграунда...» все время уходит от поворотного события, мир Петровича неизменен, как и сам герой. Закономерно, что он всегда возвращается в общагу, так и не изменив свою жизнь. Этим мир «Андеграунда...» схож с «Записками из подполья» Достоевского, как сходятся и герои этих произведений.

«Андеграунд...» Маканина в полной мере выразил кризис общества и человека. В эпоху социального распада 90-х обостряется и сомнение в незыблемости нравственных и культурных норм. Нравственный центр смещается и в литературе, и в человеке, и в обществе. И тем литература не оставила своего стремления показать именно в интеллигенте путь носителя веры.

Работу над романом «Свечка» Валерий Залотуха начал в 2001 г. То есть примерно в одно время с выходом «Андеграунда...». Роман был завершен в 2014 г. Уже после смерти писателя, в 2015-м, «Свечка» вошла в число победителей премии «Большая книга». Критика высоко оценила роман, увидев в нем осмысление жизни интеллигенции 1990—2000-х гг. Ввиду большого объема, временной протяженности действия, многогеройности роман претендовал на итоговый роман века.

Главный герой «Свечки» ветеринар Евгений Золоторотов — интеллигент. В романе лейтмотивом идут слова: «Один интеллигентный человек пошел защищать демократию и встретил Бога». Имея в виду объем романа, его эпический размах и героя-интеллигента, мы относим «Свечку» к особой жанровой разновидности русского ро-

мана — «большого романа» об интеллигенции, ставя его в ряд таких романов, как «Жизнь Клима Самгина» А. М. Горького и «Доктор Живаго» Б. Л. Пастернака [9].

Между «Андеграундом...» и «Свечкой» имеется множество перекличек. Кроме центрального героя-интеллекта, отметим следующие: маргинальное положение героев, смежность хронотопов (общага, психбольница, тюрьма, лагерь), общая для героев романов значимость русской классики и общая тема преступления и наказания. Так же как и в «Андеграунде...», важное место в повествовании играют прямые и скрытые отсылки к Достоевскому, включая часть «Речь Евгения Алексеевича Золоторотова на внезапное для него появление в Москве памятника Федору Михайловичу Достоевскому».

Общей является и одна из центральных проблем романа — проблема веры. Вместе с тем Залотуха разрешает эту проблему принципиально иначе, чем Маканин. Можно сказать, что «Свечка» стала ответным словом «Андеграунду...».

Различие касается прежде всего коренной ситуации сюжетов произведений. У Маканина Петрович совершает преступления, которые остаются нераскрытыми, а преступник остается ненаказанным. У Залотухи Золоторотов преступником не является. Напротив, он — образцовый семьянин, общественник, врач, мягкий и добрый человек. Однако именно его — интеллекта — обвиняют в страшных преступлениях, осуждают и отправляют в лагерь.

В «Свечке» очевидна библейская основа сюжета — Книга Иова. Цитата из Иова взята в качестве эпиграфа: «Был человек в земле Уц». Показательно, что вторым эпиграфом идут слова Пушкина («Слаб и робок человек, слеп умом и все тревожит»), как бы выказывая связь литературы с Богом. Как Иову, на долю Евгения Золоторотова выпадают тяжелые испытания. Он теряет все, что имел, чем жил: семью, дом, место в обществе, свободу. Ложной оказывается любовь к нему матери, жены, любовницы. Выясняется, что Алиса не его дочь. От него отворачиваются соседи. Его предают почти все, кто был когда-то рядом.

Единственное, что остается у Золоторотова, — это Бог. Тема Бога появляется уже на первых страницах романа Залотухи. Причем в контексте русской литературы. В отличие от Петровича для Золоторотова русская литература и есть один из путей к Богу: «Это Лермонтов, я сразу вспомнил то стихотворение, хотя наизусть его не знаю и не знал никогда, там первые строки: “Когда волнуется желтеющая нива...” ..Но последние слова я запомнил и вряд ли забуду: И В НЕБЕСАХ

Я ВИЖУ БОГА [выделено нами. — А. К.]» [7. С. 75—76].

Однако наступает момент, когда и эта вера рушится. Это эпизод в тюрьме, когда сокамерники насилуют и избивают Золоторотова. Несколько дней издевательств низводят Золоторотова до уровня животного, которое начинает бояться всего, думать только о спасении. Герой в буквальном смысле опускается на самое дно жизни: «Девять дней одного — одна тысяча девятьсот девяносто восьмого — года под шконкой сорок четвертой камеры Бутырской тюрьмы лежала тварь дрожащая, не имевшая права ни на что, и это был ты, Золоторотов» [8. С. 626].

Бунт против Бога проявляются у героя Залотухи так же, как и отчаяние Петровича, — в крике: «Крик был такой, какого никто не слышал ни в сорок четвертой камере, ни в соседних. Он испугал твоих мучителей и остановил их, а обитателей соседних заставил вскочить со шконок и заколотить в двери, торопя надзирателя, который уже поднялся из-за своего стола и, матерясь, семенил по коридору».

Одни подумали тогда, что ты сошел с ума, другие, что умираешь, но это было ни то ни другое — ты просто начал свой разговор с Богом...» [Там же. С. 629].

Бог, которого открывает Золоторотов, оказывается не «интеллектуальным». Это карающий ветхозаветный Бог: «Умному, тактичному, предупредительному, одним словом — интеллигентному, а к другому — новому, неумолимому, жестокому, дикому — именно с ним тебе предстояло теперь и жить, и быть... Но что же ты ему кричал тогда, что означал твой крик? ...В переводе с русского крика на русский литературный, ты обращался к своему богу со следующими главными и горькими упреками: — Кто, если не Ты!!! Я знаю — это Ты. Ты! Ты! Ты! Зачем ты меня мучаешь? Что Тебе от меня нужно? Что?!» [Там же. С. 631].

Кризис веры разрешается в «Свечке» прозрением героя. Именно безвинность страданий заставляет Золоторотова почувствовать реальность Бога, его явное присутствие в мире. На зоне, пройдя испытание тюрьмой, Золоторотов открывает Боготца, ниспосылающего испытания, но и любящего человека. Встреча с Богом-отцом сливается со встречей с земным отцом, которого Золоторотов до этого не знал. Этой встречей сына и отца, человека и Бога завершается основная часть романа: «Отец с хрустом расправил плечи, потянулся, успокоено вздохнул и громко смешно захрапел. Отец твой и бог твой. Отец мой и бог мой».

Воплощенная Достоевским в литературе, развернутая «Вехами» в публицистике дихотомия

веры и безверия русской интеллигенции не утратила своей напряженности в современном романе. Более того, роман конца XX — XXI в. вносит в трактовку этой проблемы свои акценты. В частности, можно отметить усиление мотива вины и наказания. Вина интеллигенции — важный элемент интеллигентского дискурса. Вина перед народом, вина перед обществом, вина перед самим собой — варианты вины разнообразны. Комплекс вины прочно закрепился в системе интеллигентского сознания [16]. Собственно, сама литература приняла активное участие в его формировании. В частности, проблема вины интеллигенции стала одной из главных в творчестве Достоевского [15]. Возможно, что современная литература как раз и пытается найти пути освобождения из-под бремени вины интеллигенции.

Преодоление вины является шагом к настоящей свободе интеллигента, его возможности войти в пространство жизни из своего ограниченного круга существования. Маканин и Залотуха по-разному подходят к решению этой проблемы. Маканин показывает стремление героя-интеллигента вступить в полемику с идеей вины. Его концепция «удара» подразумевает правоту силы, правоту витальности перед дискурсом вины и страдания [14]. Залотуха проводит своего героя путем Иова к пониманию силы и любви Бога. В безвинности страданий эта мощь Бога и проявляется очевиднее всего. Оба варианта прочно связаны с Достоевским. В первом случае очевидна отзывчивость на проблематику «Преступления и наказания». Во втором — на предельно напряженную тему Иова у Достоевского [6; 10].

### Список литературы

1. Васильева, О. Н. Роман В. С. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» в диалоге с творчеством Ф. М. Достоевского (к проблеме интертекстуальности) / О. Н. Васильева // Вестн. Башк. ун-та. — 2012. — Т. 17, № 4. — С. 1826—1834.
2. Вехи. Из глубины. Сборник статей о русской революции : сб. ст. о рус. интеллигенции. — М., 1991. — (Из истории отечественной философской мысли).
3. Воробьева, Е. С. Маргинал в русской литературе конца XX — начала XXI века / Е. С. Воробьева // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманитар. и соц. науки. — 2014. — № 5. — С. 91—98.
4. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 4 / Ф. М. Достоевский. — Ленинград, 1984.
5. Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 28. Кн. 1 / Ф. М. Достоевский. — Ленинград, 1984.
6. Ермилова, Г. Г. Иов / Г. Г. Ермилова // Достоевский: Эстетика и поэтика : слов.-справ. / сост. Г. К. Щенников, А. А. Алексеев. — Челябинск, 1997.
7. Залотуха, В. А. Свечка : роман в 4 ч. с приложениями и эпилогом : в 2 т. Т. 2 / В. А. Залотуха. — М., 2015.
8. Залотуха, В. А. Свечка : роман в 4 ч. с приложениями и эпилогом : в 2 т. Т. 1 / В. А. Залотуха. — М., 2015.
9. Колпаков, А. Ю. «Большой роман» об интеллигентном герое как жанровая разновидность русской романистики: к постановке проблемы / А. Ю. Колпаков // Новый филол. вестн. — 2017. — № 2 (41). — С. 128—138.
10. Левина, Л. А. «Новый Иов» в творчестве Ф. М. Достоевского и в русской культуре XX века / Л. А. Левина // Достоевский: материалы и исследования. Вып. 11. — СПб., 1994. — С. 204—221.
11. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература: 1950—1990-е годы : учеб. пособие для студентов высших учеб. заведений : в 2 т. Т. 2. 1968—1990 / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. — М., 2003. С. 626—641.
12. Липовецкий, М. Н. Растратные стратегии, или Метаморфозы «чернухи» / М. Н. Липовецкий // Новый мир. — 1999. — № 11. — С. 193—210.
13. Маканин, В. С. Андеграунд, или Герой нашего времени / В. С. Маканин. — М., 2008.
14. Рытова, Т. А. «Удар» как концепт романа В. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени» / Т. А. Рытова // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 8. — Томск, 2006. — С. 133—160.
15. Турышева, О. Н. Вина как предмет художественной мысли: Ф. М. Достоевский, Ф. Кафка, Л. фон Триер / О. Н. Турышева. — Екатеринбург, 2017.
16. Элбакян, Е. С. Российская интеллигенция: ментальность и архетип / Е. С. Элбакян // Нац. интeресы. — 2004. — № 2. — С. 33—39.

## Сведения об авторе

**Колпаков Алексей Юрьевич** — кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и методики ее преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева. Красноярск, Россия. [aleksej-ka@narod.ru](mailto:aleksej-ka@narod.ru)

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 76—82.*

**THE PROBLEM OF FAITH IN A MODERN NOVEL  
ABOUT INTELLIGENTSIA: “UNDERGROUND OR A HERO  
OF OUR TIME” BY V. MAKANIN AND “CANDLE” BY V. ZALOTUKHA**

*A. Yu. Kolpakov*

*V.P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russia. [aleksej-ka@narod.ru](mailto:aleksej-ka@narod.ru)*

The article deals with the problem of faith in a modern novel about intelligentsia. The artistic presentation of the faith/unbelief of Russian intelligentsia dates back to the works by F.M. Dostoyevsky. The modern “intelligentsia” novel is clearly based on Dostoyevsky’s tradition. The novels “Underground or a Hero of Our Time” by V. Makanin and “Candle” by V. Zalotukha can definitely support this claim.

**Keywords:** *modern novel, intelligentsia, Dostoyevsky, Makanin, Zalotukha.*

**References**

1. Vasil'yeva O.N. Roman V.S. Makanina “Andegraund, ili Geroy nashego vremeni” v dialoge s tvorchestvom F.M. Dostoevskogo (k probleme intertekstual'nosti) [V.S. Makanin novel “Underground or the Hero of our time” in dialogue with F.M. Dostoyevsky’s works (intertextuality problem)]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 2012, vol. 17, no. 4, pp. 1826—1834. (In Russ.).
2. *Vekhi. Iz glubiny. Sbornik statey o russkoy revolyutsii: sbornik statey o russkoy intelligentsii* [Landmarks. From the Depths. A Collection of Articles on the Russian Revolution: a collection of articles on Russian intelligence]. Moscow, 1991. (In Russ.).
3. Vorob'yova Ye.S. Marginal v russkoy literature kontsa XX — nachala XXI veka [Marginal character in the Russian literature of the late 20th — early 21st centuries]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Bulletin of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences], 2014, no. 5, pp. 91—98. (In Russ.).
4. Dostoyevsky F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy v 30 t. T. 4* [The Complete Works in 30 vol. Vol. 4]. Leningrad, 1984. (In Russ.).
5. Dostoyevsky F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy v 30 t. T. 28. Kn. 1* [The Complete Works in 30 vol. Vol. 28, book 1]. Leningrad, 1984. (In Russ.).
6. Yermilova G.G. Iov [Job]. *Dostoevskiy: Estetika i poetika: Slovar'-spravochnik* [Dostoyevskiy: Aesthetics and poetics. Reference Dictionary]. Chelyabinsk, 1997. P. 90. (In Russ.).
7. Zalotukha V.A. *Svechka: roman v 4 ch. s prilozheniyami i epilogom v 2 t. T. 2* [A Little Candle: novel in 4 pt. with applications and epilogue in 2 vol. Vol. 2]. Moscow, 2015. (In Russ.).
8. Zalotukha V.A. *Svechka: roman v 4 ch. s prilozheniyami i epilogom v 2 t. T. 1* [A Little Candle: novel in 4 pt. with applications and epilogue in 2 vol. Vol. 1]. Moscow, 2015. (In Russ.).
9. Kolpakov A.Yu. “Bol'shoy roman” ob intelligentnom geroye kak zhanrovaya raznovidnost' russkoy romanistiki: k postanovke problem [“Big Roman” about the Intelligent Hero as a Variety Genre of Russian Romanism: A Problem Statement]. *Novyy filologicheskiy vestnik* [The New Philological Bulletin], 2017, no. 2 (21), pp. 128—138. (In Russ.).
10. Levina L.A. “Novyy Iov” v tvorchestve F.M. Dostoevskogo i v russkoy kul'ture XX veka [“New Job” in the works of F.M. Dostoyevsky and Russian culture of the XX century]. *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya. Vyp. II* [Dostoyevsky: Materials and Researches. Iss. 11]. St. Petersburg, 1994. Pp. 204—221. (In Russ.).
11. Leyderman N.L., Lipovetskiy M.N. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950—1990-e gody v 2 t. T. 2. 1968—1990* [Modern Russian literature: 1950s — 1990s in 2 vol. Vol. 2. 1968—1990]. Moscow, 2003. Pp. 626—641. (In Russ.).

12. Lipovetskiy M.N. Rastratnye strategii, ili Metamorfozy “chernukhi” [The Strategies of Spending, or Metamorphoses of gloomy stories]. *Novyy mir* [New World], 1999, no. 11, pp. 193—210. (In Russ.).
13. Makanin V.S. *Andegraund, ili Geroy nashego vremeni* [The Underground, or Hero of Our Time]. Moscow, 2008. (In Russ.).
14. Rytova T.A. “Udar” kak kontsept romana V. Makanina “Andegraund, ili Geroy nashego vremeni” [“Stroke” as a Concept in Novel by V. Makanin “The Underground, or a Hero of Our Time”]. *Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul’turnyy dialog. Vyp. 8* [Russian Literature in the XX century: names, problems, cultural dialogue. Iss. 8]. Tomsk, 2006. Pp. 133—160. (In Russ.).
15. Turyshcheva O.N. *Vina kak predmet khudozhestvennoy mysli: F.M. Dostoevskiy, F. Kafka, L. fon Triyer* [Guilt as a subject of artistic ideas: F. Dostoyevsky, F. Kafka, L. von Trier]. Yekaterinburg, 2017. (In Russ.).
16. Elbakyan Ye.S. Rossiyskaya intelligentsiya: mental’nost’ i arkhetyip [The Russian intelligentsia: the mentality and archetype]. *Natsional’nye interesy* [National Interests], 2017, no. 2, pp. 33—39. (In Russ.).

УДК 81.42  
ББК 80

## «ИЗ НАСМЕШЕК, УГРОЗ...»

*О. Н. Кошелева, А. Н. Маслова*

*Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия*

Рассматриваются гендерные различия и основные характеристики речевого поведения мужчин и женщин. В ходе анализа текстов песен рэперов Германии выделяются дополнительные отличительные черты мужской речи в рамках маскулинного дискурса. Отмечается, что названные особенности мужской речи не являются непреложными законами, это тенденции употребления. Различия в речи не свидетельствуют, что пол является определяющим фактором коммуникации.

**Ключевые слова:** *гендер, маскулинный дискурс, речевое поведение, рэп, коммуникативная ситуация.*

*Из чего только сделаны парни?  
Из чего только сделаны парни?  
Из насмешек, угроз,  
Крокодиловых слез.  
Вот из этого сделаны парни!*

**С. Я. Маршак**

Особенности мужской и женской речи вызывают интерес зарубежных и отечественных лингвистов уже на протяжении нескольких десятилетий. В настоящее время внимание больше фокусируется на проблемах мужского речевого поведения. Целью исследования является выявление типичных черт мужского речевого поведения на примере текстов рэперов Германии. К задачам исследования относятся анализ текстов рэперов Германии и описание особенностей мужского речевого поведения. В работе использовались следующие *методы*: дескриптивный, метод количественного анализа, метод сплошной выборки, метод дискурсивного и лингвостилистического анализа.

Любое общество ожидает от индивида исполнения тех или иных ролей, поэтому дети подвергаются влиянию гендерных стереотипов с самого раннего детства. Общество заставляет детей примерять на себя соответствующие гендерные роли. Примеры мы находим даже в детской литературе: так, у С. Я. Маршака встречаем стихотворение на основе английских народных песенок «О мальчиках и девочках» — произведение, в котором четко прослеживаются мужская и женская гендерные роли. Мальчики там сделаны «из улиток, ракушек и зеленых лягушек», а девочки «из конфет, и пирожных, и сладостей всевозможных» [4. С. 51]. Уже в детском произведении мы встречаем характеристики мужской речи, которые даны в описании парней из стихотворения: они сделаны «из насмешек, угроз...». Таким образом, детская литература показывает мужскую и женскую гендерные роли,

делая акцент на различии в речевом поведении мужчин и женщин. Гендерные стереотипы начинают работать практически с момента появления ребенка на свет. Так, если ребенка выносят гулять в розовой одежде, с большей долей вероятности родителей спросят, как зовут их девочку, если же они оденут ребенка в вещи голубого цвета, то большинство будет интересоваться их «мальчиком». Хотя никто из интересующихся не знает наверняка пол ребенка, а лишь ориентируется по принятым в обществе стереотипам. А если же ребенок будет одет в нейтральные цвета, то любопытствующие, скорее всего, ограничатся употреблением слова «ребенок», избегая указания на пол малыша. Ребенка с самого рождения окружают гендерные стереотипы во всем, а уж тем более в речи взрослых.

Изначально исследователи рассматривали только мужскую и женскую природу как основу для отличий в речи мужчин и женщин, что позволяло относить речевые отличия к постоянным факторам. Однако позже стало понятно, что социальная среда неизбежно влияет на людей, и уже социальные факторы легли в основу речевых отличий мужчины и женщины. Развитие социолингвистики в 1960-х гг. привело к установлению вероятностного характера данных отличий. Мы считаем, что речевое поведение мужчин и женщин зависит от совокупности психологических, биологических и социальных факторов, которые тесно взаимодействуют. Отличия в мужской и женской речи заметны с самого раннего возраста и с учетом

влияния вышеобозначенных факторов сохраняются в течение всей жизни.

И главным параметром для мужчин становится формула: «не быть похожим на женщину». В разных обществах существуют разные типы маскулинности, однако большинство исследователей придерживается той точки зрения, что в современном американском и западноевропейском обществе сложился стереотип: мужчина должен быть независимым, сильным, образованным и обеспечивать финансовую независимость семьи.

Маскулинность, или мужественность — это неотъемлемое явление, которое постоянно присутствует во всех мужских поступках, в их поведении, в образе жизни. Она прослеживается в походке, речи, одежде, еде и т. д. Но следует отметить, что для большинства мужчин выполнение подобных требований к себе и соответствие заданному мужскому стилю жизни становится весьма серьезной проблемой, поскольку соответствовать удается не всегда, а страх быть похожим на женщину поселяется уже в маленьком мальчике, который не хочет выглядеть в глазах других девчонкой.

Язык отражает окружающий мир и формирует сознание, определенное видение этого мира и систему ценностей индивида. «С помощью нашего языка мы познаем мир и с помощью языка конструируем нашу действительность» [1. С. 96]. Исследования показали, что в европейских языках, как правило, не столь заметны отличия в мужской и женской речи. Данные отличия можно рассматривать как тенденции употребления, но не как всеобщие и непреложные законы. Было отмечено, что не выбор языковых единиц, а частота их использования является главным параметром отличия мужского и женского речевого поведения. Но не следует забывать, что некоторые языки Австралии и Юго-Восточной Азии представляют собой композицию из мужского и женского языков, где важную роль играет именно выбор языковых единиц. Одно и то же явление или понятие обозначается мужчинами и женщинами при помощи разных лексических единиц, а также используются разные грамматические конструкции. Так, японский язык предлагает разные наборы модально-экспрессивных частиц и форм вежливости для мужского и женского языков.

Мужчина с помощью своего речевого поведения стремится достигнуть и сохранить свой высокий статус, свое положение в обществе, а главное — независимость. В своем речевом поведении женщины проявляют эмоциональность, стараются избегать конфликтов, проявляют эмпатию и идут на уступки. С самого раннего детства мальчики и

девочки живут в разных мирах, создаваемых вокруг них взрослыми, что приводит к замкнутому кругу, поскольку, вырастая и становясь взрослыми, вчерашние мальчики и девочки остаются в этих разных мирах и навязывают их уже следующему поколению. Зачастую женщины и мужчины, которые пытаются достигнуть гармоничных отношений друг с другом, сталкиваются с непониманием со стороны партнеров. По мысли Дейла Спендера, мужчины «имеют право упорядочивать мир по своему образу и подобию и конструировать язык» [Цит. по: 2. С. 780]. «Мужчины, как доминирующая группа, создали язык, мышление и действительность, — считает Д. Спендер. — Женщины в этом процессе или играли незначительную роль, или вообще не участвовали» [Там же].

— Почему мы не можем быть свободны как мужчины и от них? — спрашивала свою подругу Коко Шанель, героиня одноименного фильма.

— Потому что так устроен мир! — отвечала подруга [См.: 4. С. 51].

А. В. Кирилина в своих исследованиях приходит к выводу, что немецкий — это мужской язык, который составлен с учетом мужской жизни и мужской точки зрения [3].

Маскулиным дискурсом мы называем мужскую речь со всеми присущими ей особенностями в контексте современной культуры и современного общества, поскольку мужчины в конкретном обществе выделяются определенным поведением, отличающимся силой, властью, авторитарностью, принимаемыми ими гендерными ролями и, как следствие, соответствующим употреблением языка [Там же. С. 75].

В ходе изучения трудов таких ученых, как А. В. Кирилина, Е. И. Горошко, Е. А. Земская, М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова, Д. Хомбергер, Л. Пуш, Д. Таннен, Р. Лакофф и другие, нами были выделены следующие *особенности, характерные для мужской речи*:

- 1) тенденция к точности номинации, использование терминологии, связанной с техникой, техническим инструментарием;
- 2) наличие ненормативной лексики, стилистически сниженных средств;
- 3) агрессивность;
- 4) доминирование, авторитарность;
- 5) категоричность (мужчины более настойчивы, самодостаточны);
- 6) склонность к цинизму;
- 7) прямое выражение намерений;
- 8) сдержанность в выражении эмоций и оценок.

Особенности мужской речи проявляются также и в ведении диалогов, в которых мужчины ста-

раются держать под контролем существующую ситуацию, вести дискуссии или даже открыто спорить со своим собеседником. В отличие от женщин мужчина в диалоге не проявляет эмпатию, он может просто не реагировать на происходящее. Кроме того, мужчина часто перебивает своего собеседника, тем более если это женщина. Противопоставляя мужской и женский стиль общения, можно предположить наличие в мужской речи оценочной лексики отрицательного характера и большей степени уверенности. Мужчины по сравнению с женщинами используют меньше прилагательных, с помощью которых можно дать положительную оценку.

Однако вернемся к эпиграфу, в котором сказано, что парни сделаны из насмешек и угроз, и попытаемся установить связь между данным «постулатом» и фактическим речевым поведением мужчин, проанализировав в качестве примера тексты песен рэперов Германии. На сегодняшний день это уже общеизвестный факт, что хип-хоп-культура родилась в одном из кварталов Нью-Йорка — Южном Бронксе, где царила нищета, провоцирующая преступность. Хип-хоп-культура в момент ее возникновения стала альтернативой криминальных разборок молодежи, своего рода панацеей против преступности и изначально носила идею мирного существования. Но ничто не стоит на месте, и со временем хип-хоп-культура претерпевает существенные изменения, приобретая все большую популярность и постоянно растущее число сторонников. Уже в середине 1980-х гг. хип-хоп стал средством выражения социальной агрессии, перестав быть музыкой, передающей исключительно мирные идеи. Главными темами текстов рэперов стали наркотики (но уже как признак «крутизны»), секс, насилие и бахвальство, присущее рэпу, которое перерастает в издевательство. В Америке в начале 1990-х гг. Лос-Анджелес (Западное побережье) отделился от Нью-Йорка (Восточного побережья), что явилось знаковым моментом для всей хип-хоп-культуры, в результате этого появился новый стиль — гангста-рэп (gangsta rap — «гангстерский рэп»). Отличительными чертами данного стиля являются описания криминальности, жестокости, насилия в текстах. Ключевым отличием гангста-рэпа от существующего изначально мирного и неагрессивного стиля стало стремление культивировать эгоизм, криминал и насилие. Рэперы оказали большое влияние на дальнейшее развитие направления хип-хоп культуры, рассказывая в своих текстах о трудной жизни в гетто, постоянной борьбе и схватках с полицейскими и т. д. Следует отметить, что так как характерным

признаком хип-хопа всегда была подчеркнутая мужественность, то, если рэп читала женщина, она не имела права употреблять те же «крутые» слова, что и представители мужского пола.

Изучив биографии наиболее известных исполнителей рэпа в Германии, таких как Bushido, Azad, Kool Savas, Sido, Fler, Kollegah и другие, мы установили, что вышеупомянутые персоны вместе со своими фанатами становятся постоянными участниками драк, в которых они пытаются доказать свое преимущество перед соперником. Но помимо невербальных действий сопернику необходимо объяснить вербально, что он недостоин даже стоять рядом с рэпером, его необходимо высмеять, оскорбить, запугать.

Материалом для данного исследования стали 300 текстов песен в стиле рэп немецких исполнителей. Результаты исследования стали наглядной иллюстрацией известного детского стихотворения С. Я. Маршака про мальчиков и девочек. Кроме того, мы смогли выделить три дополнительные характеристики мужской речи, прослеживающиеся в исследованных нами текстах и не противоречащие общим тенденциям маскулинного дискурса:

- 1) постановка угрозы, подчеркивающая агрессивность;
- 2) грубость и фамильярность по отношению к женщинам;
- 3) самопрезентация, подчеркивание собственного «Я».

Одной из характерных особенностей речевого поведения мужчин мы считаем постановку угрозы. Проведенный анализ показал, что в текстах рэперов часто присутствуют угрозы соперникам расправой над ними и их женщинами, угрожают избить, разорвать на клочки, раздавить, четвертовать, убить. Желание победить соперника является одной из составляющих при написании текстов песен в стиле рэп. А для того чтобы победить, соперника необходимо запугать, надо вербально выразить все возможные последствия, если только этот соперник попытается встать на пути автора песен.

Угрозы достаточно часто встречаются в текстах песен в стиле рэп на немецком языке. В табл. 1 представлены примеры, иллюстрирующие наше утверждение.

Как видно из приведенных в таблице примеров, рэперы активно угрожают своим соперникам. Постановку угрозы встречаем в 215 текстах из 300 проанализированных, что составляет 72 % всех текстов. Такой значительный объем оправдан самой хип-хоп-культурой, поскольку изначально в баттлах рэперы соревновались, кто из них круче,

а не запугав соперника, трудно победить. При формулировании угроз авторы текстов используют оскорбления, выраженные в том числе нецензурной лексикой, молодежный сленг, англоамериканизмы, лексику обиходного стиля, социальные жаргоны и вульгаризмы. В проанализированном материале насчитывается 49 глаголов, которые можно отнести к тематической группе «борьба, насилие», 15 глаголов — к тематической группе «убийство, смерть».

Таблица 1

**Примеры угроз из текстов песен  
в стиле рэп на немецком языке<sup>1</sup>**

Azad „Ghettobass“	Ich bomb` dich kaputt hier
Azad „Alarm“	Ich box ein Loch in deinen Kopf
Azad „Fick dich“	Ich spuck euch in die Fresse
Kool Savas „Der Beweis“	Ich warn dich Kackvogel, das hier schnürt dir den Atem ab
Kool Savas „Charisma“	Ich rotte dich aus, f... deine Frau
Kool Savas „Rapfilm“	Ich rei dich in Fetzen
Kool Savas „Raps sind unsere Waffe“	Ich box` die in den Magen
Kool Savas „Orakel“	Ich kill sie im Alleingang
Sido „5 krasse Rapper“	Ich spuck dich kaputt, wenn du muckst. Ich hack dein Schwanz ab und steck ihn in dein Mund Ich zerdrücke dich wie ein Toast
Sido „Jeder kriegt, was er verdient“	Ich mach dich kalt Ich zerstör dein Aussehen Ich mach dich platt
Bushido „Ich hab euch nicht vergessen“	Ich zerlege euch in vier
Bushido „Hast du Mut?“	Ich bin der König, ich töte dich

Что касается упомянутых С. Я. Маршаком насмешек, то и они являются неотъемлемой частью текстов в стиле рэп. Насмешки [насмешка — обидная шутка, издевка (словарь русского языка С. И. Ожегова)] проявляются в таких чертах мужского речевого поведения, как склонность к цинизму, а также подчеркнуто фамильярное, даже грубое отношение к женщинам. Демонстрация подобного фамильярного [фамильярный — неуместно развязный, слишком непринужденный (словарь русского языка С. И. Ожегова)] отношения к женскому полу и цинизма (пренебрежения к нормам общественной морали, нравственности) присутствует во многих рэп-текстах при условии, что песни не посвящены любимым девушкам рэ-

Здесь и далее примеры наши, если не указано иное.

перов или имеют совершенно нетрадиционную для хип-хоп-культуры тематику, например, как у Azad в песне-молитве Ich bete zu Dir. В 178 текстах встречаем негативные высказывания в адрес женщин, что составляет 59 % общего количества исследуемых текстов. С нашей точки зрения, это существенная цифра, поскольку для рэперов оскорбление матери, сестры или девушки противника является еще одним способом унижить его самого. По этой причине во многих традиционных текстах песен рэперов Германии встречается нецензурная лексика, направленная на оскорбление женщин (см. табл. 2). Следует отметить, что ругательства встречаются во всех 300 текстах, выбранных для анализа методом случайной выборки.

Таблица 2

**Примеры лексики, направленной  
на оскорбление женщин, из рэп-текстов**

Kool Savas „Charisma“	Deine Schlampen-Schwester Deine Bitch ist so nass
Bushido „Alles ist gut“	Glaubst du im Ernst, Mädchen, ich brauch dich?
Bushido „Drogen, Sex, Gangbang“	Ich bin Frauenfeind Zieh dich aus und fang an zu saugen! Nimm dein Kochlöffel und koch mir endlich Hummer!
Bushido „Alles ist gut“	Hol deine Sachen ab, ich schmeiß dich raus!
Kool Savas „40 Bars“	Deine Freundin ist direkt aus dem Wald, ihre Haut ist fleckig und kalt und schmeckt nach Salz
Kool Savas „Mona Lisa“	Deine Bitch hat`n Loch wie`n Schuss von `ner Pumpgun
Sido „Schlampen von gestern“	Ihr, blöde Huren
Kollegah „Die Straße kuckt zu“	Ich schlage Weiber, wie ein Sklaventreiber

Склонность к цинизму в текстах песен рэперов Германии встречается не только по отношению к женщинам, но также и к соперникам, поскольку задача рэпера — насмеяться над «неудачником», который посмел состязаться с ним. Данная черта мужской речи встречается практически во всех текстах песен рэперов Германии. Рэпер-исполнитель, восхваляя себя, обязательно в соответствии с жанром высказывается о сопернике. И чаще всего данные тексты несут в себе оскорбления, угрозы или циничные высказывания в адрес противника. Самопрезентация (табл. 3) прослеживается в 186 из 300 текстов, что составляет 62 % всех проанализированных текстов.

Таблица 3

**Примеры самопрезентации из рэп-текстов**

Kool Savas „Renexekution“	Ich schicke dich zurück zur Schule
Bushido „Keine Sonne“	Ich bleibe kriminell, gefährlich und ein Außenseiter
Bushido „Wir regieren Deutschland“	Dieses Land braucht einen Gangster
Azad „Ghettobass“	Keiner kann mich stoppen, denn ich bombe dich kaputt hier
Azad „Der Bozz“	Ich regiere Straßen
Fler „Carlo, Cokxxx, Nutten“	Ich komme auf die Party und mache Stress ohne Grund
Kollegah „Wir ficken ein Paar Bonzen“	Halt die Fresse!
Kollegah „Schwarzgeld“	Ich piss auf die Gesetze

При лингвистическом микроанализе текстов в стиле рэп были выявлены эмоционально окрашенные слова, ненормативная лексика, терминология, служащие для описания таких черт мужского речевого поведения, как постановка угрозы, агрессия, доминирование, самопрезентация, цинизм, фамильярность, а также оценочная лексика отрицательного характера. Лексика с отрицательным значением, используемая для характеристики соперника, представляет собой небольшой пласт, однако он отличается частотным употреблением.

Мы хотели бы подчеркнуть, что выделенные особенности речи мужчин нельзя считать неизменными и непреложными закономерностями, их следует считать тенденциями употребления, характерными чертами. Исследования показали, что на различия в использовании языка влияет не только пол, но и целый ряд таких факторов, как, например, психологические особенности говорящего, ситуация, возраст, обстановка, образование, профессия. Различный социальный статус и положение в обществе мужчин и женщин, а также

различия в культурных оценках и ожиданиях имеют следствием различия в использовании языковых средств, вследствие чего возникают речевые модели, специфичные для мужчин и женщин. Статус человека в обществе определяется в том числе и по присущим ему речевым особенностям. Проведенное исследование показывает, что хип-хоп-культура играет большую роль в жизни ее носителей. Как исполнители, так и фанаты данной культуры придерживаются определенных правил в моде, поведении, речи, что, несомненно, накладывает отпечаток и на их сознание. Изучив биографии, приходим к выводу, что в жизни рэперы стараются вести себя так же, как они преподносят себя в песнях, чтобы не потерять свой статус в глазах их фанатов. Грубость, нецензурные выражения, оскорбления противников, их матерей и жен, угрозы в адрес соперников — обязательные явления в их повседневной жизни.

Традиционно «мужскими» считаются темы, связанные со спортом, техникой, политикой, профессией, охотой, в то время как «женскими» темами являются мода, кулинария, дети. Для текстов песен в стиле рэп ключевыми темами являются также разборки между конкурентами, благосостояние, самовосхваление, заключение в тюрьму. Характерные именно для хип-хоп-культуры темы становятся причиной проявления таких специфических черт мужского поведения, как самопрезентация, агрессия, грубость, постановка угрозы.

Однако указанные темы являются отражением различных сфер деятельности и увлечений, не становясь при этом исключительным эталоном, так как речевое поведение и выбор темы зависят от многих факторов, о чем сказано выше. Психологические исследования подтвердили, что даже очень маскулинный мужчина не всегда способен сохранять мужественность, а фемининная женщина может демонстрировать определенную степень мужества.

**Список литературы**

1. Homberger, D. *Männersprache — Frauensprache: ein Problem der Sprachkultur?* / D. Homberger // *Muttersprache*. — 1993. — В. 103. — С. 89—112.
2. Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия : учеб. пособие / под ред. С. В. Жеребкина. — СПб., 2001.
3. Кирилина, А. В. Категория gender в языкознании / А. В. Кирилина // *Женщина в рос. о-ве*. — 1997. — № 2. — С. 15—20.
4. Чурушкина А. Н. Прагмалингвистические характеристики маскулинного дискурса (на материале текстов рэперов Германии) : дис. ... канд. филол. наук / А. Н. Чурушкина. — Астрахань. 2012.

**Сведения об авторах**

**Кошелева Ольга Николаевна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия. ninlil@mail.ru

---

**Маслова Антонина Николаевна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Астраханский государственный университет. Астрахань, Россия. churushkina@gmail.com

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 83—88.*

## “OF MOCKERIES AND THREATS...”

**O.N. Kosheleva**

*Astrakhan State University, Astrakhan, Russia. ninil@mail.ru*

**A.N. Maslova**

*Astrakhan State University, Astrakhan, Russia. churushkina@gmail.com*

The article deals with the gender differences in the speech behavior of men and women, identifies the main characteristics of female and male speech behavior. Different social status and social position, cultural expectations of men and women lead to the differences in the language usage and to the appearance of speech patterns. In the analysis of the example German rap songs' texts additional distinctive male speech features, which do not contradict the general tendencies of masculine discourse are distinguished. It is noted that the named features of male speech are not invariable and immutable laws, these are only features characteristic of speech, trends of use. Differences in male and female speech are not so significant, they do not show themselves in any speech act and do not indicate that sex is the determining factor of communication.

**Keywords:** *gender, masculine discourse, verbal behavior, rap, communicative situation.*

## References

1. Homberger D. *Männersprache — Frauensprache: ein Problem der Sprachkultur? Muttersprache*, 1993, no. 103, pp. 89—112. (In German).
2. Zhrebkin S.V. (ed.). *Vvedeniye v gendernyye issledovaniya* [Introduction into gender researches]. St. Petersburg, 2001. (In Russ.).
3. Kirilina A.V. *Kategoriya gender v yazykoznanii* [Category gender in linguistics]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian society], 1997, no. 2, pp. 15—20. (In Russ.).
4. Churushkina A.N. *Pragmalingvisticheskiye kharakteristiki maskulin'nogo diskursa (na materiale tekstov reperov Germanii)* [Pragmalinguistic characteristics of the masculine discourse (based on the German rap texts). Thesis]. Astrakhan, 2012. (In Russ.).

УДК 371.3  
ББК 74.026.82

## ЭКОЛОГИЧНОСТЬ УЧЕБНИКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ ИНОСТРАНЦЕВ

*Е. С. Крашенинникова, А. Г. Максимовских*

*Шадринский государственный педагогический университет, Шадринск, Россия*

С позиции когнитивной лингвистики рассматривается экологическая составляющая текстов различных учебников и учебных пособий, предназначенных для носителей разных языков, изучающих русский язык как иностранный. Авторы анализируют содержание текстов, диалогов в аспекте лингвоэкологии с опорой на ряд этических концептов, таких как «любовь», «толерантность», «вежливость» и др.

**Ключевые слова:** лингвоэкология, когнитивная лингвистика, этический концепт, учебники и учебные пособия по русскому языку как иностранному.

В последнее десятилетие, особенно в течение 2017 г., который официально носил статус Года экологии в России, в отечественных лингвистических исследованиях отмечается повышенный интерес ученых к вопросам лингвоэкологии — науки, возникшей на рубеже XX и XXI вв. на стыке социального, психологического и философского подходов, являющихся основными в языкознании [10. С. 9]. Лингвоэкология, будучи частной лингвистической наукой, ставит перед собой следующие задачи: определить взаимодействие человека и языка, изучить воздействие языковой среды на человека, и наоборот [13. С. 9].

Данная наука является междисциплинарной и многоаспектной, в круг ее вопросов входят проблемы как лингвистического, так и экстралингвистического уровней — исторические и лингвистические факты народа, его культура, духовность и менталитет.

На современном этапе развития экологической лингвистики сложился ряд направлений ее исследования и развития, которые были успешно систематизированы Е. М. Пылаевой. Так, объектом исследования эколингвистики может быть лингвистическое разнообразие языков, спасение и сохранение исчезающих языков, поиск экологических и неэкологических элементов в лексике и грамматике языка, обучение экологической грамотности, анализ текстов, тематика которых затрагивает проблемы окружающей среды [15. С. 167].

Диапазон задач экологической лингвистики достаточно широк, а некоторые ее аспекты, представленные в отечественных исследованиях, значительно отличаются от проблем, рассматриваемых в зарубежных исследованиях.

В результате соприкосновения и взаимодействия лингвистики и экологии в современной

науке сформировались две отрасли, в основу которых легли различные подходы к исследованию и решению научных проблем: экологическая лингвистика (экология языка) и лингвистическая экология (языковая экология). В первом случае на язык метафорически переносятся экологические термины и методологические принципы экологической науки, за счет чего расширяется проблематика лингвистических исследований. Во втором случае язык рассматривается с точки зрения его так называемой «экологичности», исследуется его роль в отношении «описания проблем окружающего мира» [7. С. 137].

В зависимости от того, каким образом взаимодействуют языки, в современной лингвистической экологии выделяют три основных аспекта: интерлингвальный, интралингвальный и транслингвальный [11]. Последний аспект связан с диалогом культур, с использованием единиц одной культуры и одного языка средствами другого языка и, соответственно, другой культуры. В рамках этого аспекта исследуются также заимствования в плане «засорения языка-реципиента и искажения языка-донора» [Там же], он находит свое применение как в дидактике и методике преподавания иностранных языков, так и в художественной и публицистической литературе в плане цитирования микротекстов на иностранном языке и практики перевода.

В связи с тем, что предмет исследования лингвоэкологии до сих пор является неоднозначным, а сфера ее применения достаточно широка, в настоящий момент в этой отрасли сложилось несколько основных направлений исследований, среди которых важное место занимает *этическая*, или *нравственная* лингвоэкология, преследующая более специфические цели и не выходящая за рамки эколингвистической сферы [9].

Этическая лингвистическая экология следует процессу интеграции различных научных дисциплин и объединяет отдельные аспекты этики, лингвистики, социологии и психологии в единое целое, касающееся защиты человека от негативного лингвистического влияния, разрушающего личность [3]. В качестве объекта изучения нравственной лингвоэкологии выступают факторы, определяющие как внутренний мир человека, так и его внешнее окружение [2].

К своим исследованиям лингвоэкология зачастую также привлекает и лингвоконцептологию, пользуясь при этом такими ключевыми понятиями когнитивной лингвистики, как «концептосфера» и «концепт», а также ее традиционными методами, в частности дискурсивным, текстовым и концептуальным анализами [4. С. 11—12]. Этическая концептосфера, по мнению исследователей, включает такие концепты, как «толерантность», «добро», «любовь», «добродетель», «благородство», «гуманность», «долг», «вера», «совесть», «справедливость», «честность», «душа», «нравственность».

Как известно, по выраженности в языке различают вербализованные и невербализованные концепты. Невербализованные концепты являются скрытыми, в отличие от вербализованных они не имеют регулярных языковых средств выражения [12. С. 47].

В отечественной лингвистике уже имеется ряд исследований, направленных на изучение лингвоэкологичности разного рода текстов. Так в статье Я. Г. Герасименюк формулируются критерии экологичности газетного текста в рамках исследования текстов «Красноярской газеты». К критериям экологичности автор относит яркую выраженность проблематики сохранения закрепленных в языке культурных ценностей, соблюдение этических норм, образность и выразительность языка, высокий уровень грамотности, функционально-стилистическую «неперегруженность» и др. [5].

В работе Н. А. Красавского, посвященной исследованию лингвоэкологичности художественного текста на материале произведений Германа Гессе, перечисляются критерии экологичного и неэкологичного общения и с этой позиции анализируется поведение героев. К параметрам, определяющим общение как экологичное, Н. А. Красавский, вслед за В. И. Шаховским и Н. Г. Солодовниковой, относит доброжелательность, вежливость, этичность, стремление партнеров по коммуникации избегать негативных оценок личности собеседника [8. С. 43—44].

В настоящей статье материалом для анализа с позиции лингвоэкологии послужили тексты различных учебников и учебных пособий, предназна-

ченных для носителей разных языков, изучающих русский язык как иностранный.

В любом учебнике, в том числе по иностранному языку, представлен многофункциональный учебный материал, в связи с чем выделяют следующие его функции: информационную, мотивационную, интегрирующую, координирующую, трансформационную, воспитывающую и др. Воспитывающая функция реализуется через формирование у учащихся отношения к себе и своим возможностям, к миру [14. С. 37].

Согласно требованиям к содержанию любого учебника в границах его предметной области должны содержаться методологические положения определенной дисциплины, которые способствуют формированию мировоззренческих, нравственных и эстетических концептов соответствующей области наряду с формированием системы знаний и представлений о формах и методах этой сферы [Там же. С. 108].

По мнению И. А. Абрамовой, в процессе языкового образования у учащихся формируются определенные концепты с ориентировкой на реализацию таких частных методических принципов, как принцип учета содержания концепта, принцип учета компонентов развития языковой личности, принцип культуросообразности, принцип актуализации опоры на межпредметные знания и умения учащихся, принцип учета ценностных ориентаций и принцип культурной рефлексии [1. С. 158—159]. Принцип культуросообразности подразумевает обращение к традициям и культуре народа в процессе обучения и предполагает отбор для учебных целей лингвокультуроведческого и культуроведческого материала, репрезентирующего концепт. Отбор этого материала должен производиться с учетом таких положений, как определение ценностной значимости конкретного отобранного материала, степени его пригодности в качестве стимула для ознакомления с такими понятиями, как «культурное многообразие», «диалог культур» и т. п., а также целесообразность его использования [16. С. 25].

Конечной целью учебного материала является формирование мировоззрения обучающегося. О. З. Имангожина, исследуя концептуальные основы разработки учебников, выделяет четыре аспекта, которые они должны содержать: логико-философский, дидактический, психологический и функциональный [6. С. 87]. Последний подразумевает, что учебник, наряду с прочим, должен выступать в качестве проекта и средства целостного процесса обучения и воспитания.

Одной из функций, которые выполняет учебное пособие, является трансформирующая, которая

имеет своей целью систематизацию научно-теоретических, мировоззренческих и художественных ценностей.

Сегодня мировые экономические, политические, социокультурные, международные условия в своей постоянной трансформации способствуют в том числе и пересмотру места Российской Федерации в диалоге с другими государствами, и, как следствие, увеличению значимости и важности русского языка и его изучения в качестве иностранного. Становится актуальной и важной как для изучающих, так и для преподающих русский язык как иностранный «экологическая» сторона учебников, позволяющая иностранному гражданину понять менталитет русских и составить правильное представление о жизненных ценностях, морали в РФ.

Поэтому обратимся к анализу лингвоэкологичности некоторых учебников по русскому языку как иностранному.

Для анализа мы взяли несколько наиболее популярных и востребованных учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному стран Китая, Германии и Италии, написанных либо исключительно носителями языков, либо русскими и зарубежными учеными в соавторстве.

Учебник «Русский язык» (大学俄语 5) [20], предназначенный для китайских студентов, входит в «15 образцовых пособий» для высшего образования.

На первый взгляд, учебник имеет традиционную структуру: деление материала на тематические уроки, которые состоят из «Введения в тему», подборки текстов, разделов «Словообразование» и «Лексика». Предлагаются для изучения темы «Выбор профессии», «Спасибо, профессор», «Любовь и возраст в браке», «Транспортная проблема и пути ее решения» и др. Учебник написан с учетом русской орфографии и пунктуации. В первом уроке языковые единицы раскрывают концепты «*толерантность*», «*деловые качества человека*».

Урок 3 положительное впечатление «стирает». Экологичность текстов нарушает появление сквернословия с пометкой «рус. мат.», негативное пожелание «*всех посылайте... окружающих*», «*А ленточку многие берут не в качестве определенного символа, а потому что им кажется, что это сейчас модно, да и дают на халяву*». Показывается образ русского голодного студента, который всем недоволен, мечтает все получить «*на халяву*», может всех «*посылать*»; образ меркантильной девушки («*...пойду за него ради московской прописки*»).

З. Г. Харитонова [17], анализируя особенности подачи лингвистического и литературоведческого материала в учебнике «Русский язык» (大学俄语 7) [21], также выпущенного Институтом русского языка Пекинского университета иностранных языков, отмечает положительные и отрицательные стороны. К положительным относит интеграцию лингвистических и литературоведческих понятий, методически продуманные задания по стилистике, обращения к трудным случаям лексики и грамматики русского языка. К отрицательным: неудачный подбор текстов к урокам, методические недостатки в анализе языкового материала, поверхностные формулировки некоторых заданий.

В результате неудачно приведенных текстов, иногда даже «унижающих достоинство преподавателя» в учебниках русского языка для китайцев, у последних может сформироваться неправильное представление о чертах характера русских, их менталитете.

Учебное пособие *Russisch Wort für Wort* (авт. Elke Becker) [18] предназначено для носителей немецкого языка, желающих получить базовые знания в области русского языка по основным, главным образом туристическим, темам.

При первом знакомстве с данным учебником хорошо владеющий русским языком (преимущественно его письменной формой) человек невольно обратит внимание на то, что перевод немецких слов на русский на протяжении большей части пособия дается в транслитерации, а на отдельных страницах, где перевод дан кириллицей, содержится огромное количество опечаток. Так, например, в разделе *Die wichtigsten Floskeln & Redewendungen* («Важнейшие устойчивые фразы и выражения») встречаются русские слова и фразы «спасибо», «На здоровье!», написанные с ошибками — «*спосибо*», «*На здорovie!*». В разделе *Die wichtigsten Fragewörter* («Важнейшие вопросительные слова») с опечаткой написано слово «какой» — «*кокой*». Подобных ошибок на страницах учебника встречается достаточное количество, и этот факт не может не создавать некоторый дискомфорт, мешающий приятному, в терминах лингвоэкологии «экологичному», восприятию.

Однако, несмотря на этот факт, в пособии встречается большое количество лексических единиц с позитивной семантикой, в той или иной степени репрезентирующих такие этические концепты, как «*толерантность*», «*добро*» («*доброта*»), «*душевность*» («*душа*») и др. Так, например, концепт «*толерантность*» вербализуется на страницах пособия за счет употребления синонимичных лексем «*терпимость*» и «*терпение*».

В разделе *Kurz-knigge* русские люди характеризуются как *bescheiden, geduldig und gastfreundlich* (скромные, терпеливые и гостеприимные) [18. S. 83], при общении с ними чувствуются *Warmherzigkeit und Seele* (добросердечность и душа).

В тематическом блоке *Unterwegs* («В пути») [Ibid. S. 113] рассказывается о широте и доброте русской души, о том, что во время путешествия по Транссибирской магистрали пассажиры нижних полков пускают посидеть на свои места пассажиров верхних полков, беседуют все вместе, приятно проводят время и делятся друг с другом едой, которую взяли с собой: *Die oberen Liege- bzw. Schlafplätze können tagsüber zugeklappt werden, so dass alle auf den unteren Betten sitzen können... Man isst das mitgebrachte Essen im Abteil gemeinsam und unterhält sich. So hat man Verpflegung, Unterkunft und Geselligkeit in einem* («Верхние спальные места днем могут быть откинuty, так чтобы все могли сидеть на нижних полках... В купе все вместе едят взятую с собой еду и беседуют. Таким образом, пассажиры получают одновременно обслуживание, размещение и приятное общение»). Также в тексте упоминается и заботливость русских проводников: *In jedem Wagen kümmert sich ein Provodnik (Schaffner) um seine Fahrgäste. Er heizt den Waggon, teilt das Bettzeug aus und kocht Tee (oder Wasser für die Teebeutel, die man mitgebracht hat)* («В каждом вагоне о пассажирах заботится проводник. Он отапливает вагон, раздает постельное белье и готовит чай (или воду для пакетиков чая, которые пассажиры взяли с собой)»).

На страницах пособия встречается такая тема, как «помощь ближнему». Рассказывая о русском менталитете [Ibid. S. 83], автор дает ремарку в отношении того, что перед церквями и другими заведениями зачастую можно встретить нищих — *die Ärmsten der Armen: alte Leute und Behinderte* («беднейших из бедных: стариков и инвалидов»), позабытых государством — *Der Staat hat sie vergessen* («Государство их забыло»), но к которым на помощь приходят их сограждане: *ihre Mitmenschen sind aber erstaunlich hilfsbereit* («а их сограждане, на удивление, всегда готовы помочь»). Тут же автор комментирует ситуацию, поясняя, что такая, даже самая маленькая помощь может оказаться для нищих значимой: *Wenn auch Betteln keine Lösung ist, so sollte man nicht vorbeisehen. Denn was für uns Pfennigbeträge sind, bedeutet für diese Menschen in Not eine beachtliche Summe* («Даже если просить подаяние — это не решение проблемы, то все равно не стоит их игнорировать, так как то, что для нас является мелочью, для этих нуждающихся людей является значимой суммой»).

В теме «Русские имена» [Ibid.] автор пособия отмечает любовь русских к использованию в речи уменьшительно-ласкательных имен как в отношении детей, так и в отношении взрослых, называя это «*русским специалитетом*» (Александр — Саша, Шура, Владимир — Володя, Вова, Людмила — Люда, Люся, Мила): *Die Vorliebe für Kosennamen ist eine russische «Spezialität», mit der sowohl Kinder als auch Erwachsene bedacht werden* («Любовь к ласкательным именам — это русская особенность, которая касается как детей, так и взрослых»). Тема вежливости русских поддерживается также в способах выражения просьбы [Ibid. S. 89]; просьба может начинаться с вопроса: *Gestatten Sie...? Erlauben Sie...?* («Разрешите...?», «Позвольте...?»), — который в немецком языке звучит жестковато, а в русском является широко распространенным и общеупотребительным.

Лексика, имеющая негативную окраску, приводится в пособии в отдельной статье с подзаголовком «О ругательствах». Автор отмечает в тексте [Ibid. S. 103], что «в России часто и охотно ругаются и матерятся» (*Man schimpft und flucht in Russland gern und oft*), и приводит ниже список ругательных слов, делая при этом ремарку, что «представленные ниже выражения даны не для активного туристического употребления, а в большей степени для понимания ситуации» (*So sind doch folgende Ausdrücke nicht für den «touristischen» Gebrauch gedacht, sondern vielmehr für das Verstehen einer Situation*).

В учебном пособии *Il nuovo russo senza sforzo* («Русский без труда сегодня для итальянцев») [19], написанном итальянскими и русскими учеными в соавторстве и представляющем собой самоучитель русского языка для итальянцев, рассматриваются основные грамматические модели, лексические блоки, которые отрабатываются в различных тематических ситуациях и диалогах.

Экологичность данного пособия формируется прежде всего за счет уважительного отношения к русской культуре. На его страницах многократно упоминаются имена русских классиков и цитируются отрывки из произведений. Так, например, в 55-м уроке [Ibid. P. 355] приводится отрывок из телефонного диалога между героинями широко известного за рубежом и популярного в России советского фильма «Ирония судьбы, или С легким паром», в 67-м уроке [Ibid. P. 455—457] размещен отрывок из романа Л. Н. Толстого «Война и мир», в 62-м уроке [Ibid. P. 409] ведется беседа о Третьяковской галерее и некоторых размещенных в ней знаменитых полотнах русских художников. Во многих ситуативных диалогах используются многочисленные русские пословицы и поговорки: «*Без труда не вынешь рыбку из пруда*»

[Ibid. P. 69], «Кто не рискует, тот не пьет шампанского» [Ibid. P. 381], «Какой русский не любит быстрой езды?» [Ibid. P. 377] и мн. др.

Концепт «толерантность» репрезентируется имплицитно и выражается в умении собеседников пойти на компромисс, согласии, желании угодить. Умение пойти на компромисс, согласие выражается лексемами «хорошо», «ладно», а также единицами, относящимися к паремиологическому фонду, — русскими пословицами и поговорками: «сварить с кем-то кашу», «всем сестрам — по серьгам», «на вкус и цвет товарищей нет» и др. Так, например, в диалоге 57-го урока [Ibid. P. 371] герой, живущий в России, предлагает своим иностранным друзьям в первый же день их приезда искупаться в Москве-реке, а на их негласный отказ отвечает русской поговоркой: «— Ну, ребята, с вами каши не сварить! Хорошо, если вы такие неженки, я предлагаю пройтись по городу пешком... Итак, ваши пожелания, господа?»

В продолжение того же диалога [Ibid. P. 373] встречается поговорка «Всем сестрам — по серьгам», которую герои употребляют в отношении ситуации, когда вернулся гид, которого они ждали, и с которым на машине они теперь будут передвигаться по городу быстрее и смогут посетить разные достопримечательности и удовлетворить желания всех членов группы.

Толерантность к чужому мнению иллюстрирует следующий пример. Героини обсуждают девушку брата в одном из диалогов [Ibid. P. 45], в конце которого звучит русская поговорка «На вкус и цвет товарищей нет» и реплика «Главное, что ему (брату. — Примеч. авт.) нравится».

В диалоге, приведенном на с. 425—427, в котором герои беседуют о чертах характера, в качестве вывода используется метафора «золотая середина», также репрезентирующая концепт «толерантность»: «— Давайте посмотрим, что у нас получилось. Вы близки к “золотой середине”».

На страницах пособия многократно репрезентируется также и этический концепт «любовь» — любовь к Родине (к России, к Москве), к природе, к животным, к ближнему. Так, например, в диалоге во время прогулки по столице России герой цитирует русского классика М. Ю. Лермонтова [Ibid. P. 379]: «Москва! Москва!.. Люблю тебя, как сын, как русский, пламенно и нежно!»

В диалоге, по сюжету которого итальянец собирается в Россию, в Сибирь на целый год и спрашивает у русского о том, какая там погода в разное время года, прослеживается любовь последнего к своей стране и умение приспособиться к трудностям, в том числе связанным с погодными условиями [Ibid. P. 267—269]: «— Там, говорят,

погода не дай Бог! Что зимой, что летом» — «— Да сказки все это! И там живут люди и неплохо, между прочим, живут... Возьми только одежду потеплее, особенно обувь... Там жить можно!» Концепт «толерантность» в данном случае вербализуется за счет выражения «жить можно».

Во многих сюжетах, представленных в диалогах, прослеживается забота о ближнем, например [Ibid. P. 259]: «Давай, давай быстренько одевайся, надень теплую куртку, теплые брюки и не забудь шерстяные носки. Через полчаса я за тобой заеду». Или другой пример: в диалоге на тему знакомства [Ibid. P. 39], где один знакомит другого со своей семьей, в том числе с сестрой, братом и племянниками, встречаются следующие реплики: «— Чудесные дети» — «— Да, я их очень люблю».

Любовь к животным, доброта, забота о ближнем прослеживается в диалоге на с. 291, где герои рассуждают о том, завести ли по просьбе ребенка в доме собаку, и один из героев сомневается, второй отвечает: «— А что собака? Собака — это милое, доброе животное. Для ребенка просто необходима собака, чтобы он был добрым и хорошим человеком».

Любовь к природе также репрезентируется многократно за счет самых разных лексем: «В зимний холод каждый молод... Погода просто чудесная!» [Ibid. P. 259], «Нет, ты посмотри, что за луна! Ах, какая прелесть!» [Ibid. P. 459] и др.

Любовь к искусству и к родине проявляется в восхищении произведениями русских художников во время экскурсии по Третьяковской галерее, используются лексем «(какой) прекрасный», «великолепный» и др. [Ibid. P. 389]: «— Какое прекрасное издание! У нас (в Италии. — Примеч. авт.) этот художник почти неизвестен, но его картины великолепны. Как говорил Пушкин: «Здесь русский дух... Здесь Русью пахнет».

Морально-нравственные, этические аспекты содержатся также и в таких концептах, как «вежливость» и «гостеприимство». О репрезентации этих концептов на страницах исследуемого пособия мы можем говорить, опираясь на значимую частотность употребления лексем «вежливо», «благодарю», «спасибо», «не за что», «ничего-ничего» и др.: «— Уверю вас, что вы ошибаетесь — спокойно и вежливо отвечал князь» [Ibid. P. 377], «— Ничего, ничего. Завтра выходной» [Ibid. P. 143]. Каждый диалог начинается и заканчивается формулами этикета.

Более того, в 34-м уроке [Ibid. P. 197] опубликовано стихотворение В. Аушева (правда, без указания автора), которое называется «Город Спасибо»: «Вы когда-нибудь бывали в городе Спасибоград,

Где на Вежливом бульваре Вежливо благодарят?...»

В одном из диалогов [Ibid. P. 143] встречается русская поговорка «Чем богаты, тем и рады» и пояснение: «Так русские говорят, когда хотят сказать, что все будет просто, по-семейному».

В диалоге на с. 141 русский приглашает давнего знакомого иностранца в гости и предлагает прийти без предварительной договоренности, что очень удивляет этого знакомого: «— Как?! Прямо сегодня вечером?». В ответ русский говорит, что не видит в этом проблемы, так как для русских такое спонтанное гостеприимство вполне естественно: «— А что здесь такого? Приходите запросто. Жена будет рада».

В пособии есть рубрика «Минутка на шутку», в которой авторы размещают различные анекдоты и забавные истории, помогающие понять и оценить русский юмор. Справедливости ради следует отметить, что даже в этих историях встречаются лексемы, репрезентирующие концепт вежливости. Так, например, в одной из историй [Ibid. P. 327] сердитая соседка звонит поздно ночью пожилому профессору, который живет этажом ниже и чья собака якобы мешает ей спать, но общается, употребляя при этом вежливое обращение на вы и слова «простите, вас беспокоит...». В ответ на этот звонок следующей ночью профессор перезванивает ей и разговаривает так же, сообщая, что никакой собаки у него нет.

Интересны и другие концепты, репрезентируемые в пособии, например, концепт «еда», включающий лексемы «борщи», «котлеты», «пельмени», «щи», «салат», «бутерброды», и «напитки», представленный лексемами «водка», «вино», «пиво». При этом в отличие о других изданий не

делается акцент на том, что русские много пьют или «объедаются».

Следует отметить, однако, что значительная часть диалогов построена на ироническом юморе, свойственном скорее итальянцам, нежели русским. При этом картинки, сопровождающие диалоги, часто изображают животных [собака и петух (урок 5, с. 26), орангутанг и питон (урок 11, с. 65), пчела и муравей (урок 13, с. 71)], лиц без определенного места жительства (с. 389) (хотя представлен диалог людей, идущих в театр). По нашему мнению, это некорректно влияет на восприятие образа русских в сознании итальянцев и нарушает таким образом экологичность учебника.

Подводя итоги, отметим, что в настоящей статье рассмотрены и проанализированы лишь отдельные учебные пособия, поэтому результаты исследования касаются исключительно этих изданий и ни в коем случае не характеризуют другие пособия по русскому языку как иностранному, написанные другими авторами. Тексты проанализированных нами учебников русского языка, написанных для носителей немецкого, итальянского и китайского языков, имеют довольно высокую степень экологичности, которая проявляется преимущественно в использовании различных эксплицитных и имплицитных средств, репрезентирующих такие этические концепты, как «толерантность», «любовь», «доброта», «вежливость», «культура». Экологичность этих пособий в ряде случаев нарушается за счет использования сниженной лексики, некорректно подобранных текстов, отдельных иллюстраций, дающих не совсем правильное или негативное представление о людях, живущих в России и говорящих на русском языке.

### Список литературы

1. Абрамова, И. А. Принципы формирования концепта в языковом сознании учащихся общеобразовательной школы / И. А. Абрамова // *Вопр. соврем. науки и практики*. Ун-т им. В. И. Вернадского. — 2010. — № 4—6 (29). — С. 156—160.
2. Актуганова, С. А. Основные направления современных лингвоэкологических исследований [Электронный ресурс] / С. А. Актуганова // Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс». Филология и лингвистика. — URL: <https://interactive-plus.ru/e-articles/136/Action136-9138.pdf> (дата обращения 23.02.2018).
3. Андреева, К. А. Художественный текст в парадигме этической лингвоэкологии [Электронный ресурс] / К. А. Андреева. — URL: <http://www.tgsra.ru/info/science/action> (дата обращения 23.02.2018).
4. Андреева, К. А. «Рождественская песнь» Ч. Диккенса в ракурсе этической лингвистической экологии / К. А. Андреева // *Вестн. Тюмен. гос. ун-та*. Сер.: Филология. — 2012. — № 1. — С. 11—15.
5. Герасименок, Я. Г. «Красноярская газета» на шкале экологичности/неэкологичности [Электронный ресурс] / Я. Г. Герасименок // *Молодежь и наука : сб. материалов X Юбилейной Всерос. науч.-техн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых с междунар. участием, посвящ. 80-летию образования Краснояр. края*. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. — URL: [http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/17868/s50\\_004.pdf?sequence=1&isAllowed=y](http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/17868/s50_004.pdf?sequence=1&isAllowed=y) (дата обращения 25.02.2018).

6. Имангожина, О. З. Концептуальные основы разработки учебной литературы / О. З. Имангожина // Успехи соврем. естествознания. — 2015. — № 8. — С. 87—89.
7. Ионова, С. В. Человек и его языковая среда: эколингвистический аспект / С. В. Ионова // Антропология языка. The Anthropology of Language : сб. ст. Вып. 2. — М., 2012. — С. 137—149.
8. Красавский, Н. А. Экологичность текстов Германа Гессе / Н. А. Красавский // Вестн. РУДН. Сер.: Лингвистика. — 2015. — № 1. — С. 42—51.
9. Курашкина, Н. А. Основные направления современной российской эколингвистики [Электронный ресурс] / Н. А. Курашкина // Науч.-метод. электрон. журн. «Концепт». — 2016. — Т. 2. — С. 171—175. — URL: <http://e-koncept.ru/2016/46040.htm> (дата обращения 20.02.2018).
10. Полежаева, А. Н. Проблемы современного песенного текста: лингвоэкологический аспект : дис. ... канд. филол. наук / А. Н. Полежаева. — Иваново, 2011. — 213 с.
11. Потеряхина, И. Н. Экологические проблемы языка в современной лингвистике [Электронный ресурс] / И. Н. Потеряхина // Национальное объединение преподавателей иностранных языков делового и профессионального общения в сфере бизнеса. — URL: <http://www.nop-dipo.ru/ru/node/346> (дата обращения 25.02.2018).
12. Рудакова, А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика : учеб. пособие / А. В. Рудакова. — Воронеж, 2004.
13. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление / Б. А. Серебренников. — М., 1988.
14. Современная учебная книга: подготовка и издание / под ред. С. Г. Антоновой, А. А. Вахрушева. — М., 2004.
15. Суховертов, А. В. Современные тенденции в развитии эколингвистики / А. В. Суховертов // Язык и культура. — 2014. — № 3. — С. 166—175.
16. Сысоев, П. В. Языковое поликультурное образование: теория и практика / П. В. Сысоев. — М., 2008.
17. Харитонова, З. Г. Особенности подачи лингвистического и литературоведческого материала в учебнике 大学俄语 7 «Русский язык» (КНР) [Электронный ресурс] / З. Г. Харитонова. — URL: [https://libweb.kpfu.ru/publication/papers/kls/2016-2/KLS\\_2016\\_2\\_304\\_308.pdf](https://libweb.kpfu.ru/publication/papers/kls/2016-2/KLS_2016_2_304_308.pdf) (дата обращения 21.02.2018).
18. Becker, E. Kauderwelsch, Russisch Wort für Wort. 16. Auflage / E. Becker. — Bielefeld, 2007.
19. Dronov, V. Il nuovo russo senza sforzo / V. Dronov, F. Gallais, W. Matchabelli. — Torino, 2002. — 565 p.
20. 东方大学俄语 (新版) 学生用书 Русский язык. 5 /北京外国语学院编著. — 北京: 外语教学与研究出版社, 2013. 6.
21. 东方大学俄语 (新版) 学生用书 Русский язык. 7 /北京外国语学院编著. — 北京: 外语教学与研究出版社, 2013. 6.

### Сведения об авторах

**Крашенинникова Екатерина Сергеевна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры славяно-германской филологии, Шадринский государственный педагогический университет. Шадринск, Россия. [e-s-krash@yandex.ru](mailto:e-s-krash@yandex.ru)

**Максимовских Анна Геннадьевна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры славяно-германской филологии, Шадринский государственный педагогический университет. Шадринск, Россия. [anneta@shadrinsk.net](mailto:anneta@shadrinsk.net)

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*  
2018. No. 6 (416). Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 89—97.

## ECOLOGICAL COMPATIBILITY OF THE TEXTBOOKS OF RUSSIAN LANGUAGE FOR FOREIGNERS

**Ye.S. Krasheninnikova**

*Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia. e-s-krash@yandex.ru*

**A.G. Maksimovskikh**

*Shadrinsk State Pedagogical University, Shadrinsk, Russia. anneta@shadrinsk.net*

In this article the ecological component of texts of various textbooks and manuals intended for carriers of the different languages studying Russian as foreign language has been considered from the position of cognitive linguistics. The authors analyze the content of texts, dialogues in the aspect of linguo-ecology based on a number of ethical concepts, such as “love”, “tolerance”, “courtesy”, etc.

**Keywords:** *linguo-ecology, cognitive linguistics, ethical concept, textbooks and manuals on Russian as a foreign language.*

### References

1. Abramova I.A. Printsipy formirovaniya kontsepta v yazykovom soznanii uchashchikhsya obshcheobrazovatel'noy shkoly [Principles of formation of the concept in language consciousness of pupils of comprehensive school]. *Voprosy sovremennoy nauki i praktiki. Universitet im. V.I. Vernadskogo* [Questions of Modern Science and Practice. Vernadsky University], 2010, no. 4—6 (29), pp. 156—160. (In Russ.).
2. Aktuganova S.A. Osnovnye napravleniya sovremennykh lingvoekologicheskikh issledovaniy [The main directions of modern linguo-ecological research]. *Tsentr nauchnogo sotrudnichestva “Interaktiv plus”.* *Filologiya i lingvistika* [The center of scientific cooperation “Interaktiv plus”, Philology and linguistic]. Available at: <https://interactive-plus.ru/e-articles/136/Action136-9138.pdf>, accessed 23.02.2018. (In Russ.).
3. Andreeva K.A. *Khudozhestvennyy tekst v paradigme eticheskoy lingvoekologii* [The literary text in the paradigm of ethic linguo-ecology]. Available at: <http://www.tgspa.ru/info/science/action>, accessed 23.02.2018. (In Russ.).
4. Andreeva K.A. “Rozhdestvenskaya pesn’” Ch. Dikensa v rakurse eticheskoy lingvisticheskoy ekologii [“A Christmas Carol” by Ch. Dickens from the point of view of ethical linguistic ecology]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Bulletin of Tyumen State University. Series of Philology], 2012, no. 1, pp. 11—15. (In Russ.).
5. Gerasimenok Y.G. “Krasnoyarskaya gazeta” na shkale ekologichnosti/nyeekologichnosti [Krasnoyarskaya gazeta” on the scale of ecological compatibility/non-compatibility]. *Molodezh i nauka: sbornik materialov Yubileynoy Vserossiyskoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoy 80-letiyu obrazovaniya Krasnoyarskogo kraya* [Youth and science: collection of materials of Anniversary all-Russian scientific and technical conference of students, postgraduates and young scientists with international participation, dedicated to the 80th anniversary of the Krasnoyarsk Territory]. Krasnoyarsk, 2014. Available at: <http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2014/directions.html>, accessed 25.02.2018. (In Russ.).
6. Imangozhina O.Z. Kontseptual'nye osnovy razrabotki uchebnoy literatury [The conceptual basis for the development of educational literature]. *Uspekhi sovremennogo yestestvoznaniya* [Progress of Modern Natural Sciences], 2015, no. 8, pp. 87—89. (In Russ.).
7. Ionova S.V. Chelovek i ego yazykovaya sreda: ekolingvisticheskiy aspekt [Man and his language environment: the eco-linguistic aspect]. *Antropologiya yazyka. Vyp. 2* [The Anthropology of Language. Iss. 2]. Moscow, 2012. Pp. 137—149. (In Russ.).
8. Krasavsky N.A. Ekologichnost' tekstov Germana Gesse [Ecological aspect in Hermann Hesse's texts]. *Vestnik RUDN* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia], 2015, no. 1, pp. 42—51. (In Russ.).
9. Kurashkina N.A. Osnovnye napravleniya sovremennoy rossiyskoy ekolingvistiki [The main directions of modern Russian eco-linguistics]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal “Kontsept”* [Scientific-methodological magazine “Concept”], 2016, pt. 2, pp. 171—175. Available at: <http://e-koncept.ru/2016/46040.htm>, accessed 20.02.2018. (In Russ.).

10. Polezhaeva A.N. *Problemy sovremennogo pesennogo teksta: lingvoekologicheskiy aspekt* [The problems of modern song text: linguo-ecological aspect. Thesis]. Ivanovo, 2011. (In Russ.).
11. Poteryakhina I.N. *Ekologicheskiye problemy yazyka v sovremennoy lingvistike* [Ecological problems of language in modern linguistics]. *Natsional'noye ob'yedinyeniye prepodavateley inostrannykh yazykov delovogo i professional'nogo obshcheniya v sfere biznesa* [National Association of Teachers of Foreign Languages of Business and Professional Communication in the field of business]. Available at: <http://www.nop-dipo.ru/ru/node/346>, accessed 25.02.2018. (In Russ.).
12. Rudakova A.V. *Kognitologiya i kognitivnaya lingvistika* [Cognitology and cognitive linguistics]. Voronezh, 2004. (In Russ.).
13. Serebrennikov B.A. *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i myshleniye* [The role of the human factor in language. Language and thought]. Moscow, 1988. (In Russ.).
14. *Sovremennaya uchebnaya kniga: podgotovka i izdanie* [Modern educational book: preparation and publication]. Moscow, 2004. (In Russ.).
15. Sukhovertov A.V. *Sovremennye tendentsii v razvitii ekolingvistiki* [Modern trends in the development of eco-linguistics]. *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture], 2014, no. 3, pp. 166—175. (In Russ.).
16. Sysoev P.V. *Yazykovoye polikul'turnoye obrazovaniye: teoriya i praktika* [Foreign language multicultural education: theory and practice]. Moscow, 2008. (In Russ.).
17. Haritonova Z.G. *Osobennosti podachi lingvisticheskogo i literaturovedcheskogo materiala v uchebnike* 大学俄语 7 “*Russkiy yazyk*” (KNR) [The linguistic and literary material in the textbook 大学俄语 7 “Russian language” (PRCh)]. Available at: [https://libweb.kpfu.ru/publication/papers/cls/2016-2/KLS\\_2016\\_2\\_304\\_308.pdf](https://libweb.kpfu.ru/publication/papers/cls/2016-2/KLS_2016_2_304_308.pdf), accessed 21.02.2018. (In Russ.).
18. Becker, E. *Kauderwelsch, Russisch Wort für Wort. 16. Auflage.* Bielefeld, 2007. (In German).
19. Dronov V., Gallais F., Matchabelli W. *Il nuovo russo senza sforzo.* Torino, 2002. 565 p. (In Italian).
20. 东方大学俄语 (新版) 学生用书 “*Russkiy yazyk*” [Russian language]. 5 /北京外国语学院编著. —北京: 外语教学与研究出版社, 2013. 6. (In Chinese).
21. 东方大学俄语 (新版) 学生用书 “*Russkiy yazyk*” [Russian language]. 7. 北京外国语学院编著. —北京: 外语教学与研究出版社, 2013. 6. (In Chinese).

УДК 81'42  
ББК 81

## ДИСКУРСИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КОММУНИКАТИВНОГО ЖАНРА «ИНТЕРВЬЮ В СИТУАЦИИ ТРУДОУСТРОЙСТВА» (на примере английского и испанского языков)

*А. В. Ладе*

*Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

Рассматривается коммуникативный жанр «интервью в ситуации трудоустройства» в преломлении современных дискурсивных технологий, на которых строится данный жанр. Определяются основные термины технологичности дискурсивных практик. В фокусе исследования находится сопоставительное выявление дискурсивных технологий интервью при приеме на работу на материале двух лингвокультур, а также исследование их в русле культурно-прагматической специфики и глобального характера реализации.

**Ключевые слова:** дискурсивные технологии, дискурсивные практики, коммуникативный жанр, интервью при приеме на работу.

**Введение.** Термин «коммуникативный жанр» достаточно новое явление в парадигме отечественной лингвистики в сопоставлении с «речевым жанром», представляющий интерес для исследования с точки зрения теории дискурса. Различение речевых и коммуникативных жанров, по мнению В. В. Дементьева, тесно связано с учениями В. Фон Гумбольдта и Ф. де Соссюра о дихотомиях и трихотомиях «язык — речь — речевая деятельность», при этом отмечается, что речевой жанр является частной разновидностью коммуникативного жанра. Именно коммуникативный жанр в конечном итоге задает тип речевого поведения посредством «речевой роли и регулируемыми жанровыми предписаниями и/или взаимными ожиданиями партнеров по общению, допустимыми и социально одобряемыми нормами и правилами речевого поведения, наконец, конкретными стратегиями и тактиками речевого поведения» [2. С. 123—124].

**Коммуникативный жанр.** В данной работе коммуникативные жанры рассматриваются как «интерсубъективные типизированные схемы действия и передачи опыта», а также как «решения рекуррентных коммуникативных проблем» [9; цит. по: 1. С. 74]. В данной формулировке мы исходили из работ таких авторов, как Т. Лукман, Л. В. Куликова, С. Б. Белецкий. Вслед за этими учеными мы понимаем коммуникативные жанры как некие образцы коммуникации, служащие конструированию социальной реальности, имеющие конкретную цель и реализуемые определенными средствами ее достижения участниками коммуникации.

Согласно Т. Лукману, коммуникативные жанры состоят из различных элементов на трех разных

уровнях. Первый уровень — это уровень внутренней структуры. Элементы, расположенные на внутреннем уровне, включают те или иные лексикосемантические компоненты, просодию, фонологические и грамматические конструкции, стили, риторические фигуры и тропы и др.

Второй, или промежуточный уровень представляет собой явление последовательной организации интеракции (по Э. Щеглову). Этот уровень маркирует интерактивное структурирование коммуникации, в том числе очередность моделей, смежные пары, их последовательность, продолжительность беседы, что при анализе позволяет изучить механизмы взаимодействия определенно заданного жанра.

Третий уровень определяет внешнюю структуру. Внешний уровень отражает особенности коммуникативной среды, коммуникативных ситуаций, выбора участников на основании внешних признаков, то есть культурологических, гендерных и социальных факторов, а также институционального распределения жанров.

**Интервью в ситуации трудоустройства.** Для нашей работы коммуникативные жанры представляют интерес в контексте жанра интервью. В общем смысле можно определить интервью как коммуникативный процесс, в котором происходит обмен мнениями, фактами, взглядами и сведениями, что характеризуется особыми языковыми маркерами. Тем не менее в фокусе данного исследования только жанр интервью в ситуации трудоустройства, которое мы рассматриваем в целом как стратегическую беседу с двойными целями в отношении интервьюера и интервьюируемого. Интервью при приеме на работу помогает рабо-

тодателю оценить потенциального работника с точки зрения профессиональных умений, опыта работы, владения языком, навыков работы в команде, лидерских качеств и др. Кроме того, кандидат на должность стремится убедить работодателя в рамках собеседования в том, что он обладает необходимыми навыками, опытом и умениями выполнять свою работу. Таким образом, рекрутер задает вопросы интервьюируемому, с помощью которых он оценивает способность и компетентность кандидата. С точки зрения интервьюируемого, он должен показать себя с наилучшей стороны, иными словами применить дискурсивную практику положительной самопрезентации. По мнению Р. Ратмайр, «самопрезентация является проблемой коммуникации», так как самопрезентация предполагает показ себя в лучшем свете, что иной раз приводит к самовосхвалению. В то же время «самовосхваление принимается как нечто неловкое, и поэтому со стороны общества оно дискриминировано и табуировано» [5. С. 278].

Вслед за авторами Л. В. Куликовой и С. Б. Белецким мы описываем конститутивный признак интервью как двухуровневый: поверхностный — уровень беседы о «конкретных данных и фактах», и имплицитный — уровень интерпретации мотивов и интенций [1. С. 146]. Таким образом, включение интервью в рамки коммуникативного жанра свидетельствует о комплексной структуре его организации и коммуникативных единиц, реализация происходит в условиях сложного коммуникативного события.

Также необходимо отметить, что в ситуации трудоустройства интервьюер и интервьюируемый взаимодействуют асинхронно, где интервьюер имеет больше и полномочий, чем интервьюируемый. Поэтому коммуникативные цели и полномочия этого жанра делают условной практику того, что рекрутер задает больше вопросов, в то время как соискатель делает личные заявления. В данном контексте более выгодным кандидатом на должность является тот, «кто обладает знаниями о жанре (наличии импликатур, типичных вопросах и т. п.) и соответствующим образом подготовлен» [Там же].

В данной работе интервью-собеседования исследуются на примере англоязычной и испанской лингвокультур, поэтому мы считаем целесообразным определить характерные черты жанра интервью в ситуации трудоустройства в обеих лингвокультурах.

Процесс интервьюирования в англоязычных странах обычно проходит в три этапа: предварительный этап (pre-interview) — до встречи интервьюера и соискателя, этап собеседования

(interview) — проведение самого интервью, заключительный этап (post-interview) — оценка и принятие окончательного решения рекрутером [10].

Предварительный этап собеседования охватывает оценку доступной для интервьюера информации о соискателе: резюме, результаты тестов, рекомендации, а также иногда и информацию из социальных сетей. Этап собеседования можно определить как социальную интеракцию между двумя и/или более коммуникантами. На заключительном этапе интервью рекрутер формирует оценку персональных квалификаций кандидата применительно к запрашиваемой должности, принимая во внимание и интегрируя информацию, полученную на всех этапах собеседования.

При этом испанские исследователи выделяют три фазы непосредственно на этапе проведения интервью, то есть отбора кандидатов: начальная фаза, развитие и завершение [7]. Цель начальной фазы интервью — усилить эмпатию и уменьшить беспокойство кандидата. Беседа обычно начинается с вступительного разговора о незарегистрированной теме, так что хотя этот этап не так важен для процесса отбора, он позволяет уменьшить волнение собеседника. Кроме того, необходимо получить разрешение кандидата на запись разговора, и интервьюируемому сообщается, что интервьюер делает заметки.

На фазе реализации затрагиваются вопросы об аспектах, представляющих интерес для компании. Первые вопросы относятся к данным об образовании кандидата, поскольку вызывают низкую степень беспокойства у интервьюируемого, и их ответы заранее подготовлены. Затем следуют вопросы об успехах и неудачах, анализе компаний, в которых работал кандидат (характеристики компании, выполняемые задачи, уровень ответственности и автономии, вознаграждения и т. д.). После этого возможны вопросы о семье, ожиданиях от работы, мотивации, знаниях о компании, увлечениях и интересах. При этом двух идентичных процессов интервью не бывает, так как интервьюером применяются разные стратегии в процессе интервьюирования.

Фаза закрытия представляет сложность в том, чтобы закончить интервью неагрессивным способом. На этом этапе кандидату предлагается возможность задать вопросы, а также заполнить форму интервью, в которой описываются сильные и слабые стороны кандидата, для определения его соответствия на вакантную должность.

Вместе с тем при сопоставлении дискурсивных технологий англоязычной и испаноязычной культур нельзя забывать про модель Эдварда Холла о высококонтекстных и низкоконтекстных

культурах. Испания относится к высококонтекстной культуре, где сильно выражена сеть социальных взаимосвязей и происходит постоянный обмен информацией. Здесь многое определено неязыковым контекстом: поведением, реакцией, внешним видом, статусом. Представители высококонтекстных культур более сдержанны в эмоциях в отличие от низкоконтекстных культур — Австралия, Великобритания США, Новая Зеландия, Скандинавия, Канада и другие страны, где наблюдается прямая и выразительная манера речи, предоставление формализованного объема информации, малая доля невербальных форм общения, вербальный, рациональный и эксплицитный коммуникативный процесс. Исходя из этого, можно заключить, что дискурсивная практика «самопрезентации» не будет так ярко выражена у представителей испаноязычной культуры, как у англоязычной, а знакомства или рекомендации будут играть меньшую роль в англоязычной культуре по сравнению с испаноязычной.

Мы рассматриваем коммуникативный жанр «интервью в ситуации трудоустройства» через призму дискурсивных технологий, поэтому далее рационально терминировать данное понятие.

**Дискурсивные технологии.** Термин «технология» впервые был ассоциирован с контекстом человеческого общения М. Фуко и Э. Гоффманом в конце XX в. Э. Гоффман считает, что «существуют стратегии и технологии общения, схожие с технологиями, используемыми в процессе трудовой деятельности; в качестве примеров приводятся почтительность, такт, обман, самоуничтожение» [Цит. по: 4. С. 6]. М. Фуко связывает технологии с отношениями социальных наук и структур власти, что, в свою очередь, относится к дискурсу тех, кто является обладателем данной власти. Данные отношения конституируют современную «био-власть», которая вводит человеческую жизнь в область эксплицитных вычислений и делает знания или власть средством трансформации жизни [6].

По мнению Н. Фэйрклаф, дискурс и технологии, находясь в симбиотических отношениях, порождают такое явление, как технологизация дискурса. Технологизация дискурса по Фэйрклафу воплощается в институциональных формах и практиках циркулярных схем или сетей, которые систематически связывают вместе три области дискурсивных практик [8]:

- 1) исследование дискурсивных практик рабочих мест и социальных институтов;
- 2) проектирование дискурсивных практик в соответствии с институциональными стратегиями и целями;

- 3) подготовка персонала к таким спроектированным дискурсивным практикам.

Кроме того, для разработки термина «технологизация дискурса» Фэйрклаф определяет пять его основных компонентов, дающих представление о его сущностной природе:

- 1) появление таких экспертов, как «дискурсивные технологи»;
- 2) сдвиг в «управлении» дискурсивными практиками;
- 3) проектирование и реализация контекстно свободных дискурсивных техник;
- 4) стратегически мотивированная симуляция в дискурсе;
- 5) преобладание в направлении стандартизации дискурсивных практик.

В целом технологизацию дискурса в данной работе мы анализируем через призму технологизации отдельных дискурсивных практик коммуникативного жанра «интервью при трудоустройстве». При этом следует уточнить, что, во-первых, коммуникативный жанр интервью рассматривается здесь как технологично заданный современный коммуникативный формат. Во-вторых, дискурсивные практики определяются нами вслед за Л. В. Куликовой как «социально устоявшиеся, конвенциональные и артикулируемые в речи действия по решению рекуррентных коммуникативных проблем и интенций в соответствующем лингвокультурном пространстве в сферах институционального и неинституционального общения» [3. С. 10]. Дискурсивные практики технологичного коммуникативного жанра являются заданными для одной той же стандартной ситуации. Исходя из этого, можно говорить о процессе технологизации дискурсивных практик, при котором коммуникативные действия понимаются как стандартизированные процессы, которые служат достижению определенных целей при минимизации коммуникативных усилий. С помощью дискурсивных технологий и практик коммуникация становится прогнозируемой и менее подверженной хаотичным изменениям, иными словами, срабатывает механизм технологической «упаковки», что позволяет стандартизировать и стабилизировать коммуникацию таким путем, чтобы достичь наибольшего результата при минимальных затратах. При этом базисной технологией категории дискурсивных практик является дискурсивное конструирование эмпатии, искренности, солидарности непосредственного или медиаопосредованного общения, например через Skype.

**Обсуждение.** Предварительный анализ видеозаписей интервью при приеме на работу в американской и испанской средах позволяет

выделить определенную специфику технологий проведения интервью. Наше исследование построено на эмпирических данных аутентичных и квазиаутентичных, то есть образцово-постановочных интервью, а также на материале текстов руководств по подготовке к интервью как для интервьюеров, так и для соискателей работы. Общий объем звучащего материала для анализа составляет 19:29, 10 стр. подготовленных скриптов. В качестве рабочих методов исследования были выбраны контекстуальный и прагматический анализ, прием сплошной выборки, интерпретационный метод анализа текста, а также дискурс-анализ.

Как уже сказано, интервью при приеме на работу представляет собой целенаправленное институциональное деловое общение, при котором каждая из сторон стремится достичь наиболее выгодного для себя результата. При этом происходит процесс технологичной коммуникации, в котором конвенционализируются все формальные и содержательные аспекты корпоративных отношений. Тренировка для предварительного этапа интервью осуществляется с обеих сторон в целях реализации технологичной коммуникации. Проиллюстрируем это на примере письменных рекомендаций, взятых с сайта университета Аликанте [13] (табл. 1).

Исходя из этого, можно говорить о том, что представители англоязычной культуры более вероятно начнут «продавать себя» на интервью найма, чем представители испаноязычной культуры. Вместе с тем на основе данных примеров мы можем отметить реализацию дискурсивной

«заготовки», при которой необходимо заучивать и повторять заранее подготовленный дискурс и принципы благоприятного взаимодействия в процессе интервью.

Вместе с тем последовательность стандартизированных действий рекрутера в рамках дискурсивной практики облекается в определенный алгоритм ходов в обеих лингвокультурах [15]:

1. Write down a list of questions that directly relate to the job's responsibilities.
2. Ask behavioural questions, as in "tell me about a time when you..."
3. Review the candidate's resume before the interview.
4. Outline the interview structure for the candidate.
5. Don't talk too much during the interview process.
6. Extend professional courtesies.
7. Watch nonverbal signals.
8. While being polite and professional, don't get too chummy.
9. Whether it's by email or phone, follow up.

В табл. 2 представлены инструкции для испаноязычного интервьюера на предварительном этапе интервью (pre-interview) [12].

Наряду с этим можно также отметить ряд типичных вопросов испаноязычного рекрутера на этапе проведения самого собеседования. Остановимся более подробно на некоторых элементах отобранного в ходе анализа текстового корпуса (табл. 3).

Таблица 1

### Предварительный этап интервью

Conoce todo lo que puedas de la empresa	Узнай как можно больше о компании
Estudia tus aptitudes, tu experiencia y tu formación	Изучи свои навыки, свой опыт и свое обучение
Hazte una relación de tus puntos débiles y prepara argumentos para defenderlos	Составь список своих слабых мест и подготовьте аргументы для их защиты
Si te citan por escrito, lo correcto es que lllames para confirmar tu asistencia	Если тебя пригласили на интервью в письменной форме, необходимо позвонить, чтобы подтвердить свой приход
No acudas con gafas oscuras	Не надевай темные очки
Comprueba tu apariencia (evita ropa llamativa; bien vestido/a, limpio/a y afeitado)	Подготовь свой внешний вид (избегай роскошной одежды; хорошо оденься, не забудь побриться)
Ve solo/a	Приходи на интервью один
Llega pronto (5 minutos antes)	Приходи на интервью заранее (за 5 минут до начала)
Prepara la entrevista, el seleccionador va a hacerlo también	Подготовься к интервью, рекрутер тоже готовится заранее
Crea una buena impresión. Las primeras impresiones son de gran importancia. Muchos empresarios consideran que tras haber visto entrar por la puerta a un candidato, observar la forma de dar la mano y sentarse, son capaces de decidir sobre su valía, etc.	Создай хорошее впечатление. Первые впечатления имеют большое значение. Многие предприниматели считают, что, увидев, как кандидат входит в дверь, осуществляет рукопожатие и садится, они могут принять решение о своей ценности и т. д.

Таблица 2

### Инструкции для испаноязычного интервьюера на предварительном этапе интервью

Comienza la entrevista de forma clara y con total honestidad explica al entrevistado cual es el puesto para el que se está presentando y la empresa que ofreciendo	Начинайте интервью четко и с полной честностью объясните интервьюируемому, какова позиция, которую он представляет, и расскажите про компанию, которая предлагается
Hazle conocer cuál sería el aporte que realizaría de quedar elegido	Сообщите, какой необходимо сделать вклад, чтобы быть выбранным
Explícale al postulante cuál es la expectativa que el empleador tiene de él y cuál es la experiencia que se requiere	Объясните заявителю, что работодатель ожидает от него и какой требуется опыт
Tenga en cuenta siempre que está entrevistando a una persona, por lo que es recomendable dejar que el entrevistador responda de forma abierta a la preguntas, sin ponerle un parámetro a sus respuestas	Всегда помните, что вы проводите собеседование с человеком, поэтому желательно, чтобы интервьюер ответил открыто на вопросы, не задавая параметр своим ответам
En cuanto a la actitud, es necesario que como entrevistador facilites la comunicación sin poner al postulante entre la espada y la pared	Что касается отношения, необходимо, чтобы вы облегчали общение, не ставя кандидата между молотом и наковальней
Uno de los grandes errores de los entrevistadores es creerse superiores a los candidatos que entrevistan, así que es mejor no ser prepotentes ni críticos antes lo que la otra persona nos pueda responder	Одна из самых больших ошибок интервьюеров заключается в том, что они считают, что превосходят кандидатов, с которыми они проводят интервью; лучше не быть высокомерным или критичным к тому, что другой человек может сказать
Como la entrevista es para conocer a quien está aplicando al puesto laboral, él debería ser quien hable más en toda la conversación	Поскольку интервью предназначено для того, чтобы узнать подающего заявку на работу, следовательно, кандидат должен говорить больше всего в течение разговора
Tome notas de las respuestas que le parezcan importantes, ya sea por su originalidad	Делайте заметки о важных для вас ответах либо об их оригинальности
También es importante conocer al ser humano que hay detrás del profesional, así que podrías hacer algunas preguntas sobre sus pasatiempos o algunas experiencias fuera de lo laboral pero sin entrar en el ámbito privado de la persona	Также важно узнать человека не только со стороны профессионала, поэтому важно задавать некоторые вопросы об увлечениях или опыте вне работы, но не вступать в частную сферу человека
Presta mucha atención a la comunicación no verbal y al lenguaje corporal. No te dejes llevar por las apariencias	Обращайте пристальное внимание на невербальное общение и язык жестов. Не увлекайтесь выступлениями
Ya para el final de la entrevista, explícale al postulante cual será el proceso de contratación y pregúntale si tiene alguna duda respecto a todo lo conversado	Уже к концу интервью объясните заявителю, что такое процесс найма, и спросите его, есть ли у него какие-либо сомнения относительно того, что обсуждалось

Таблица 3

### Типичные вопросы испаноязычного рекрутера на собеседовании

¿Cuéntame más cerca de tí?	Расскажи мне больше о себе
¿Y porque dejaste tu último trabajo?	И почему ты оставил свою последнюю работу?
¿Estás buscando trabajo en algunas otras empresas?	Ты ищешь работу в других компаниях?
¿Porque quieres trabajar con nosotros?	Почему ты хочешь работать с нами?
¿Que la remuneración piensas obtener?	Какую зарплату ты планируешь получать?
Y explícame más porque crees que deberíamos contratarlo?	Объясни, почему ты думаешь, что мы должны нанять тебя?
¿Cual consideras es su punto más fuerte?	Что ты считаешь своей самой сильной стороной?

В то же время в ходе англоязычного интервью наблюдается стандартизированный перечень вопросов интервьюера, который облекается в алгоритм шагов, упрощающих процесс коммуникации и минимизирующих трудозатраты:

*Talk a little bit about yourself.*

*Why have you become interested in the banking sphere?*

*So what do you want to do as long-term?*

*Tell me about the time when you showed that you fit well into the team, worked well with other people and got the results because you worked well with them.*

*Give me an example of how you would deal with a customer, who's very angry.*

*Why would I choose you?*

Таким образом, здесь можно говорить о технологизации дискурсивной практики, где технологическая составляющая когнитивно-дискурсивных действий рекрутера имплементируется как обязательная часть технологичного сценария интервью в испанской и англоязычной лингвокультурах.

В рамках применения аналитического подхода Т. Лукмана о делении коммуникативных жанров на уровни для анализа затранскрибированного текстового материала интервью при трудоустройстве было отмечено:

- На уровне внутренней структуры испаноязычного интервью наблюдаются такие элементы просодии, как ускоренная речь соискателя, отсутствие пауз, высокая громкость голоса; языковой регистр формальный, языковая модальность — серьезно. В англоязычном интервью отмечается наличие пауз, размеренная речь соискателя, использование жестов, языковой регистр формальный, языковая модальность — серьезно-дружественная. Форма коммуникации в обоих примерах — устная, контактная, непосредственная. Интервью проходит в структуре сценария, содержащего стандартную последовательность событий, обусловленную именно ситуацией интервью найма.
- На промежуточном уровне структуры коммуникативного жанра интервью найма в обеих лингвокультурах интеракция обусловлена коммуникативным пространством в условиях интервью-собеседования. Весь этап интервью представляет собой непрерывное диалогическое единство с четким соблюдением смежных пар.
- Уровень внешней структуры коммуникативного жанра интервью при приеме на работу характеризуется институциональностью, исходя из определения интервью в ситуации трудоустройства как целенаправленного институционального делового общения. При этом участники коммуникации представляются асимметричной ролевой парой «рекрутер — кандидат на должность». В случае с англоязычным интервью интервьюером выступает мужчина, а соискателем — женщина, в испаноязычном интервью оба члена ролевой пары — мужчины.

Интервью в ситуации трудоустройства как жанр коммуникации является общепринятой нормой, имеющей свой национально-культурный контекст.

Анализируя регламентирующие документы англоязычной и испанской лингвокультур, мы можем отметить, что существует целый ряд дискриминирующих тем, которые запрещены конституционным законом обеих культур. К таким темам относятся вопросы о рождении, расе, поле, религии, семейном положении, политических или социальных взглядах: *Los españoles son iguales ante la ley, sin que pueda prevalecer discriminación alguna por razón de nacimiento, raza, sexo, religión, opinión o cualquier otra condición personal o social*. Так, происходит осуществление глобальных технологий в рамках определенного культурного контекста, где технологично созданный коммуникативный продукт имплементируется через дискурсивную практику трудоустройства. Тем не менее в эмпирическом материале испанского интервью мы встречаем вопрос интервьюера о возрасте кандидата:

Интервьюер: *¿Que edad tienes?* Сколько тебе лет?

Соискатель: *Diez y ocho años.* 18 лет

Однако в англоязычном интервью-собеседовании подобных вопросов не наблюдается, так как рекрутер рискует, задавая некорректные вопросы тем, что соискатель может подать на него в суд. Предположим, что для англоязычного интервьюера главным стремлением является не дискриминировать соискателей, что явно становится его дискурсивной установкой.

Возвращаясь к конструированию эмпатии в качестве базисной технологии дискурсивных практик, можно отметить, что в обоих фрагментах эмпирического материала двух лингвокультур отмечается проявление вышеназванной солидарности в проведении интервью, а также его начальной и завершающей фазы в дружелюбной атмосфере. Ниже представлены высказывания интервьюеров испанской и американской лингвокультур соответственно из имеющегося практического корпуса.

*Muy bien, bueno.* Очень хорошо, хорошо.

*Muy bien.* Очень хорошо.

*Lo mejor.* Отлично.

— *Nice to see you! Please have a seat.*

— *Excellent.*

— *Okay, that's wonderful.*

Данные примеры свидетельствуют о колонизации дискурса (термин Н. Фэарклофа) в сфере охвата локальных институциональных порядков дискурса при проектировании относительно сво-

бодных дискурсивных практик дискурсивными технологами.

Возобновляя вопрос о влиянии социальных связей на взаимодействие, во фрагменте испаноязычного интервью мы обнаруживаем вопрос рекрутера о знакомстве с работниками данной компании: *¿Conoces algunos de los trabajadores? (Знаешь кого-либо из работников?)* Подобные вопросы свидетельствуют о существовании дискурсивной практики рекомендаций в испаноязычной среде, при этом в англоязычном интервью мы таких связей не наблюдаем.

Итак, практическая составляющая современной деловой коммуникации реализуется на основе механизма технологичной упаковки дискурсивных практик, который тесно связан с глобальной технологичностью дискурса и его национально-конвенциональной специфики. Вместе с тем существует необходимость в дальнейшем анализе более крупного корпуса эмпирического материала с целью сопоставительного выявления дискурсивных технологий в рамках коммуникативного жанра «интервью в ситуации трудоустройства» в разных лингвокультурах.

**Заключение.** В работе исследуются и сопоставляются технологично заданные дискурсивные практики коммуникативного жанра интервью при приеме на работу в англоязычной и испано-

язычной лингвокультурах. Промежуточное исследование позволило выявить следующий ряд дискурсивных практик, характерный для обеих лингвокультур:

- префаза интервью найма — дискурсивная подготовка и дискурсивная заготовка, требующие неоднократного воспроизведения заранее подготовленного дискурса;
- фаза интервью найма — дискурсивная практика положительной самопрезентации и эмпатии. При этом практика положительной самопрезентации реализуется более выражено в американской лингвокультуре как основная технология вербализации опыта и умений соискателя.

Однако дискурсивные практики рекомендаций «по знакомству» и обсуждение табуированных тем наблюдаются только в испанской лингвокультуре.

Предварительный анализ показал, что набор дискурсивных практик в их технологическом формате специфичен в зависимости от культуры и глобального характера их реализации. Тем не менее требуется продолжение исследований данной темы с целью выявления культурной детерминированности дискурсивных технологий коммуникативного жанра интервью при приеме на работу.

### Список литературы

1. Белецкий С. Б. Патернализм в институциональной коммуникации : монография / С. Б. Белецкий, Л. В. Куликова. — М., 2011.
2. Дементьев В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. — М., 2010.
3. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации : монография / под науч. ред. Л. В. Куликовой. — Красноярск, 2015.
4. Плотникова, С. Н. Дискурсивные технологии и дискурсивное оружие как реалии современной информационной эпохи / С. Н. Плотникова // Технологизация дискурса в современном обществе : коллектив. моногр. / под ред. С. Н. Плотниковой. — Иркутск, 2011. — С. 6—43.
5. Ратмайр Р. Русская речь и рынок: Традиции и инновации в деловом и повседневном общении / Р. Ратмайр — М., 2013.
6. Фуко, М. Ненормальные. Курс лекций, прочитанных в «Коллеж де Франс» в 1974—1975 учебном году / М. Фуко. — СПб., 2004.
7. Díaz, F. Selección y formación de personal / F. Díaz, A. Rodríguez. — Granada, 2003.
8. Fairclough, N. Technologisation of discourse / N. Fairclough // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis / ed. by C. R. Caldas-Coulthard, M. Coulthard. — N. Y., 1996. — P. 143—159.
9. Luckmann, T. Grundformen der gesellschaftlichen Vermittlung: Kommunikative Gattungen / T. Luckmann // Neidhardt F., Lepsius M. R., Weiss J. Kultur und Gesellschaft. — Westdeutscher Verlag, 2001. — S. 20—40.
10. Macan, T. The relationship of interviewers' preinterview impressions to selection and recruitment outcomes / T. Macan, R. L. Dipboye // Personnel Psychology. — 1990. — No. 43 (4). — P. 745—768.
11. Biginterview [Электронный ресурс]. — URL: <https://biginterview.com/blog/2015/05/esol-esl-multi-lingual-interview.html/> (дата обращения 15.02.2018).
12. Elmejorcв [Электронный ресурс]. — URL: <http://elmejorcв.com/consejos-entrevistar/> (дата обращения 15.02.2018).

13. Fundación General de la Universidad de Alicante [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gipe.ua.es/es/consejos-para-superar-una-entrevista-de-trabajo/> (дата обращения 15.02.2018).

14. Livecareer [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.livecareer.com/career/advice/interview/job-interview-tips/> (дата обращения 15.02.2018).

15. Monster [Электронный ресурс]. — URL: <https://hiring.monster.com/hr/hr-best-practices/recruiting-hiring-advice/interviewing-candidates/interview-tips-for-the-interviewer-us.aspx/> (дата обращения 15.02.2018).

### Сведения об авторе

**Ладе Александра Вадимовна** — старший преподаватель кафедры разговорного иностранного языка, Институт космических и информационных технологий Сибирского федерального университета. Красноярск, Россия. [withlady@yandex.ru](mailto:withlady@yandex.ru)

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 98—106.*

## DISCOURSIVE TECHNOLOGIES OF A JOB INTERVIEW AS A COMMUNICATIVE GENRE (in the Context of English and Spanish Languages)

*A.V. Lade*

*Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia. [withlady@yandex.ru](mailto:withlady@yandex.ru)*

In the article the task is set to consider job interview as a communicative genre within the meaning of discursive technologies. Principal terms of discursive practices technologization are defined. The research delves around the comparative identification of discursive technologies of a job interview from the perspective of two linguistic cultures. The examination is conducted in compliance with the cultural and pragmatic specifics and global nature of the implementation.

**Keywords:** *discursive technologies, discursive practices, communicative genre, job interview.*

### References

1. Beletskiy S.B., Kulikova L.V. *Paternalizm v institutsional'noy kommunikatsii* [Paternalism in institutional communication]. Moscow, 2011. (In Russ.).
2. Dement'yev V.V. *Teoriya rechevykh zhanrov* [The theory of speech genres]. Moscow, 2010. 600 p. (In Russ.).
3. Kulikova L.V. (ed.). *Diskursivnye praktiki sovremennoy institutsional'noy kommunikatsii* [Discursive practices of modern institutional communication]. Krasnoyarsk, 2015. (In Russ.).
4. Plotnikova S.N. Diskursivnye tekhnologii i diskursivnoye oruzhiye kak realii sovremennoy informatsionnoy epokhi [Discursive technologies and discursive weapon as reality of modern informational era]. *Tehnologizatsiya diskursa v sovremennom obshchestve* [Technologisation of discourse in modern society]. Irkutsk, 2011. Pp. 6—43. (In Russ.).
5. Ratmayr R. *Russkaya rech i rynek: Traditsii i innovatsii v delovom i povsednevnom obshchenii* [Russian speech and market: Traditions and innovations in business and everyday communication]. Moscow, 2013. (In Russ.).
6. Foucault M. *Nenormal'nye. Kurs lektsiy, pročitannykh v "Kollezh de Frans" v 1974—1975 uchebnom godu* [Abnormal: The course of lectures delivered at the College de France in the 1974—1975 academic year]. St. Petersburg, 2004. (In Russ.).
7. Díaz F., Rodríguez A. *Selección y formación de personal*. Granada, 2003. (In Spanish).
8. Fairclough N. Technologisation of discourse. *Caldas-Coulthard C.R., Coulthard M. (eds.). Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis*. N. Y., 1996.
9. Luckmann T. Grundformen der gesellschaftlichen Vermittlung: Kommunikative Gattungen. *Neidhardt F., Lepsius M.R., Weiss J. Kultur und Gesellschaft*. Westdeutscher Verlag, 2001. Pp. 20—40. (In German).
10. Macan T., Dipboye R.L. The relationship of interviewers' preinterview impressions to selection and recruitment outcomes. *Personnel Psychology*, 1990, 43 (4), pp. 745—768.

11. *Biginterview*. Available at: <https://biginterview.com/blog/2015/05/esol-esl-multilingual-interview.html/>, accessed 15.02.2018.
12. *Elmejorcv*. Available at: <http://elmejorcv.com/consejos-entrevistar/>, accessed 15.02.2018. (In Spanish).
13. *Fundación General de la Universidad de Alicante*. Available at: <http://www.gipe.ua.es/es/consejos-para-superar-una-entrevista-de-trabajo/>, accessed 15.02.2018. (In Spanish).
14. *Livecareer*. Available at: <https://www.livecareer.com/career/advice/interview/job-interview-tips/>, accessed 15.02.2018.
15. *Monster*. Available at: <https://hiring.monster.com/hr/hr-best-practices/recruiting-hiring-advice/interviewing-candidates/interview-tips-for-the-interviewer.us.aspx/>, accessed 15.02.2018.

УДК 8.80  
ББК 80/84. 81

## ПОРТРЕТЫ В ПИСАТЕЛЬСКОМ ДНЕВНИКЕ (на основе дневников К. Чуковского и М. Карима)

*А. А. Латыпова*

*Башкирский государственный университет, Уфа, Россия*

Рассматриваются писательские дневники К. Чуковского и М. Карима как материал для создания портретов современников — А. Блока и Р. Гамзатова. Выбор дневниковых записей К. Чуковского и М. Карима для анализа литературного портрета писателей обусловлен необходимостью определить общие принципы портретирования и выявить различия, которые определяются позицией автора-повествователя. К общим принципам создания портрета в дневниках М. Карима и К. Чуковского можно отнести использование конструктивного приема. Основным отличием является то, что М. Карим при создании портрета описывает психологические особенности Р. Гамзатова, а К. Чуковский включает в описание как черты характера, так и внешний облик поэта. Портрет А. Блока формируется на основе дневниковых записей К. Чуковского, которые сделаны непосредственно после встреч с поэтом. М. Карим создает портрет Р. Гамзатова на основе воспоминаний.

**Ключевые слова:** *писательский дневник, портрет, конструктивный прием, эго-тексты, символическая деталь.*

Общественная значимость дневника писателя заключается в том, что в нем описываются важные события в области политики, экономики, культуры, истории, литературы и др. Как отмечал Ф. Достоевский, дневник — это «отчет о виденном, прочитанном, слышанном». Читатель всегда уверен в объективности изложения, так как тексты дневника характеризуются достоверностью фактического материала и записи создаются по «горячим следам».

Писательскому дневнику свойственно столкновение личного и социального, общего и конкретного. На страницах дневника всегда будет присутствовать авторская точка зрения, так как писатель пропускает внешнюю информацию через свое сознание. Это, в свою очередь, дает право называть тексты дневника «эго-текстами». Этот термин ввел профессор Амстердамского университета Жак Прессер для того, чтобы объединить в одну группу документальные произведения: автобиографии, мемуары, личные дневники, письма. По мнению исследователя, в дневнике наличие «Я» следует рассматривать как субъект описания, который одновременно пишет и присутствует в тексте.

Дневник не только отображает социально значимые явления, но и знакомит читателя с известными людьми: писателями, актерами, политиками, учеными и т. д. Другими словами, писательский дневник следует рассматривать как материал для создания портретов. В дневнике портреты создаются на основе личных встреч и воспоминаний автора. Писатель во время встреч отмечает как

внешние черты, так и внутренние качества своих собеседников. В словаре литературоведческих терминов указано, что портрет — это средство создания образа в литературе, где внешний вид рассматривается как способ характеристики героя. Составляющими элементами образа являются описание лица, одежды, действий и состояний героя, манера поведения [4. С. 75].

Исследователи Н. Дмитриева, Б. Галанов, С. Соловьев рассматривали портрет как важнейший способ характеристики персонажа, где внешность героя связана с его внутренним миром. Р. Якобсон, Л. Лотман, Е. Фарино изучали портрет как часть знаковой системы. Е. Хализев в понятие «портрет» включает не только внешний облик, но и качества характера героя, сформированные социальной средой, культурной традицией. По мнению Е. Фарино, описание наружности — это одно из самых интенсивных семиотических явлений. Для А. Сидорова, Н. Гудзий, Н. Наумовой портрет — это форма психологического анализа, которая соотносится с индивидуальным стилем писателя. В особенностях портрета обнаруживается отражение литературного направления, способ изображения внешнего облика человека соотносится с родом и жанром произведения.

Через изображение внешности героя автор выражает свое отношение к нему.

Следует отличать литературный образ от дневникового образа. Во-первых, описываемый в дневнике образ не является фотографическим отражением оригинала. При создании дневникового портрета велика роль автора: здесь всегда

будет присутствовать элемент субъективности. Во-вторых, писатель пытается создать образ литературного героя так, чтобы он был понятен читателю, а автор дневника раскрывает личность героя в первую очередь для себя.

Писательские дневники знамениты галереями «портретов». Портрет является прямым средством изображения внешности человека. На основе таких портретов мы получаем разнообразную информацию о личности: о его национальности, происхождении, социальном положении, чертах характера, психологическом состоянии.

Проанализируем создание словесных портретов в дневниках М. Карима и К. Чуковского. Выбор дневниковых записей К. Чуковского и М. Карима для анализа средств создания литературного портрета писателей обусловлен необходимостью доказать существование общих принципов портретирования и выявить различия, которые определяются позицией автора-повествователя.

Имя К. Чуковского широко известно в русской литературе. Его воспоминания, содержащиеся в его дневниках, имеют для нас большое значение. Знакомясь с его дневниковыми записями, мы не только узнаем о его известных современниках, но и получаем материал об их творчестве. Корней Чуковский дневник вел почти 70 лет, с 1901 по 1969 г.

А М. Карима мы знаем как башкирского советского поэта, писателя и драматурга. Он народный поэт Башкортостана, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР, Герой Социалистического Труда. В дневнике Мустая Карима можно найти много портретов его современников. Башкирский писатель дневник начал вести в Муромском военном училище связи в первые месяцы войны. Его он назвал «первой тетрадь». Впоследствии пишет, что ни на фронте, ни в госпиталях дневник не вел, а лишь спустя много времени стал записывать свои наблюдения мысли. Эти записи в течение двух десятков лет и составили то, что он назвал «второй тетрадь». Далее будут представлены материалы именно из «второй тетради».

Дневник К. Чуковского содержит богатую информацию о биографии и творчестве Горького, Блока, Сологуба, Замятина, А. Толстого, Репина, Маяковского, в дневнике М. Карима созданы портреты Р. Гамзатова, Н. Устюна, М. Гали, Н. Наджми и др.

В предисловии к дневнику К. Чуковского Вениамин Каверин отмечает, что писатель при создании портретов ничего не упускает, подробно описывает внешность, походку, манеру держаться, манеру говорить и одновременно дает психоло-

гическую оценку, которая связана с положением, статусом писателя в литературном кругу.

Согласно классификации О. Г. Егорова, в дневниковом жанре есть несколько приемов создания портрета: конструктивный, репродуктивный, иконический. Репродуктивный прием — это создание портрета со слов других лиц, а не самим автором. Иконический портрет — это образ, который создается после смерти человека. Конструктивный образ — это, с точки зрения эстетики дневникового жанра, наиболее полноценный тип воспроизведения человека. Он отличается целостностью, несмотря на некоторые, порой значительные негативные суждения автора. Он в большей степени, чем другие разновидности, претендует на объективность [2. С. 25].

При конструктивном приеме портрет создается путем последовательного прибавления черт характера. Образ постепенно усложняется, обогащается новыми элементами. Автор дневника создает образ из последовательных наблюдений. Конструктивный портрет (образ) — наиболее полноценный тип воспроизведения человека. Портреты, созданные с помощью данного приема, преобладают в дневниках писателей XIX в. и отражают реалистическую тенденцию жанра.

В богатейшей галерее портретов дневника К. Чуковского видное место занимает образ А. А. Блока. В дневниковых записях А. А. Блок описан очень подробно. К. Чуковский создавал портрет Блока не сразу, а постепенно. В течение нескольких лет он наблюдал за поведением этого яркого представителя Серебряного века. В записях разных лет мы наблюдаем какие-то новые детали, которые в дальнейшем помогают создать цельный образ.

В дневнике 5 марта 1919 г. К. Чуковский подчеркивает способность А. Блока молчать при любых обстоятельствах жизни. Чуковский описывает встречу Блока с Мережковским, где наблюдает за поведением писателей. Писатель при встрече со своим неприятелем был очень спокоен: «...Мережковские объявили Блоку бойкот, у них всю зиму только и было разговоров, что “долой Блока”, он звонил мне:

— Как же я встречусь с Блоком! — и вот встретились и оказались даже рядом. Блок молчалив, медлителен, а Мережковский... С утра он тормозил меня по телефону» [9. С. 27].

Чуковский, описывая лицо писателя, отмечает, что это не только внешнее спокойствие, но и внутреннее. В 1919 г. 30 марта пишет: «Замечательно — у Блока лицо непроницаемое — и только движется, все время, зыблется, “реагирует” что-то неуловимое вокруг рта. Не рот, а кожа

возле носа и рта... Встретившись, они ни глазами, ни улыбками ничего не выразили, но там было высказано много» [Там же. С. 29]; 26 марта: «Он был прекрасен — словно гравюра какого-то германского поэта. Лицо спокойно-мудрое» [Там же. С. 28]. Несмотря на то что душа у А. Блока кипела, лицо никаких признаков не выдавало. Это говорит о его способности всегда держать себя под контролем. Писатель редко выходил из себя, был не склонен к конфликтам. По оценке К. Чуковского, А. Блоку были свойственны ровность, спокойствие, выдержка, иногда вялость, безразличие к окружающим. Например, в тексте дневника 1 апреля 1920 г. К. Чуковский отмечает в поведении А. Блока «пассивизм». Однажды дневниковед поинтересовался, почему Блок стихотворение «Шар раскаленный золотой» посвятил Борису Садовскому. Тот ответил, что «Садовской попросил, чтобы я посвятил ему, нельзя было отказать. Обычный пассивизм Блока» [Там же. С. 39]. При создании психологического портрета А. Блока вполне оправданно использование К. Чуковским определения «замкнутый». Для А. Блока были характерны отгороженность от внешнего мира, закрытость, нежелание делиться собственными переживаниями. Писатель был сдержанным и скрытным. По нему нельзя было сказать, что происходит в его душе.

Например, 1920 г. для А. Блока было тяжелым периодом в семейных отношениях. В это время К. Чуковский всячески хотел поддержать его. В записях, сделанных 1 мая 1920 г., К. Чуковский подчеркнул замкнутость писателя: «Дело в том, что дома у него плохо: он знает об измене жены! И я хотел его вытащить из этой атмосферы. Мы сидели с ним на моем чемодане, а на площади шло торжество — 1-го мая. Ораторы. Уланы. Он встал и пошел посмотреть — вернулся: нога болит. В вагоне мы говорили про его стихи» [Там же. С. 40]. Все попытки К. Чуковского поговорить с А. Блоком по поводу его проблемы были безуспешными. А. Блок все свои переживания держал внутри себя.

К. Чуковский характеризует А. Блока как очень аккуратного человека. Эта черта характера отражает прежде всего отношение человека к труду, к себе, к вещам и к людям. Аккуратность как качество личности возможна также и в мыслях, когда человек старается навести такой же порядок у себя в голове. В записях 16 ноября 1919 г. дневниковед пишет: «Блок патологически-аккуратный человек. ...Самая растрепанная книга, побывавшая у него в руках, становится чище, приглаженнее. ...Все, что он слышит, он норовит зафиксировать в записной книжке — вынимает ее раз двадцать во время заседания, записывает

(что? что?) — и, аккуратно сложив и чуть не дунув на нее, неторопливо кладет в специально предназначенный карман» [Там же. С. 33]. А. Блок был аккуратен во всех отношениях: тщательно и своевременно выполнял свою работу, проявлял внимание ко всему, что он делает.

7 августа 1921 г. А. Блок скончался. Его смерть К. Чуковский переживал очень тяжело. Для Чуковского Блок был очень близким человеком. Он ценил в нем как в друге прочность, то есть Блоку при любых обстоятельствах можно было довериться. Эту прочность, стойкость характера можно было увидеть в чертах его лица: «Я вспомнил, как он загорал, благодатно, как загорают очень спокойные и прочные люди, какое, у него было — при кажущейся окаменелости? — восприимчивое и подвижное лицо — вечно было в еле заметном движении, зыблилось, втягивало в себя впечатления» [Там же. С. 49].

Наряду с твердостью К. Чуковский, описывая движения, манеру держаться, отмечает у А. Блока такую черту характера, как вежливость, приветливость: «За три или четыре шага, прежде чем подать руку, он делал приветливые глаза — прежде чем поздороваться и вместо приветия просто констатировал: ваше имя и отчество: “Корней Ив.”, “Николай Степ.”, произнося это имя как здравствуйте...» [Там же. С. 52].

По оценке К. Чуковского, поэту была свойственна «величавость» — чувство собственного достоинства, торжественная красота, благородство: «И эту обреченную походку — и всегдашнюю невольную величавость — даже когда забежал в “Дом Лит.” перехватить стакан чаю или бутерброд — всю эту непередаваемую словами атмосферу Блока я вспомнил — и мне стало страшно, что этого нет» [Там же. С. 54].

Таким образом, словесный портрет писателя помогает раскрыть личность А. Блока. По дневниковым записям К. Чуковского можно представить не только внешний облик, но и психологический портрет поэта. К. Чуковский создает портрет, в котором сочетаются внешние и внутренние качества А. Блока, а также отражено отношение к поэту литературного сообщества. К. Чуковский в своих дневниковых записях часто прибегает к описанию внешности поэта, чтобы показать его внутренние качества. К. Чуковский отмечает строгость черт лица, изгиб губ, маленькие уши, статную фигуру, густые волосы, обращает внимание на его походку, манеру общения, умение держаться. Его холодное, ясное, спокойное лицо — это лицо человека, который имеет надежную память и высокий интеллект, принимает продуманные и взвешенные решения.

В дневнике М. Карима видное место занимает портрет Р. Гамзатова — советского и народно-дагестанского поэта, прозаика, переводчика, участника Великой Отечественной войны, публициста М. Карима и Р. Гамзатова связывали дружеские отношения.

При создании портрета Р. Гамзатова М. Карим, как и К. Чуковский, прибегает к конструктивному приему. Портрет дагестанского поэта создается постепенно. Образ Р. Гамзатова то появляется на страницах дневника, то исчезает на долгие месяцы. Если К. Чуковский в дневнике пишет не только психологический портрет, но и описывает внешний облик современников, то М. Карим акцентирует внимание только на создании психологического образа.

В дневниковых записях 1 августа 1995 г. писатель вспоминает несколько случаев, связанных с Расулом Гамзатовым. Проанализировав словесный портрет, мы пришли к выводу о том, что М. Карим в Р. Гамзатове особенно ценил смекалку, чувство юмора, выносливость, смелость. Рассмотрим несколько записей, где подчеркивается чувство юмора дагестанского писателя:

1) *«Как-то, много лет назад, едем с Расулом на машине по Калининскому проспекту. Возле Библиотеки имени Ленина рядами стоят припаркованные большие машины, на которых ездят только министры и другие крупные чиновники.*

— *Интересно, — говорю, — столько черных машин стоит — может, какое-то совещание поблизости?*

— *Это большое начальство в обеденный перерыв сюда, в Ленинскую библиотеку, приезжает, новые книги проглядеть, журналы-газеты почитать, — отвечает Расул.*

— *Иди ты! Правда?! — удивляюсь я по своей простоте. — Конечно, правда! — и смеивается: — Вон за тем углом, на улице Грановского, — кремлевская столовая. Сюда на обед съехались. Я прежде тоже думал, что приезжают газеты читать, чтобы от жизни не отставать»* [5. С. 6].

2) *«Два-три года назад в Переделкино, в Доме творчества, одна женщина сказала: “...Вы, Расул Гамзатович, держитесь молодцом, все такой же!” “Не такой же! — отвечает он. — Раньше я был молодой и красивый, а теперь только красивый”»* [Там же].

Из этих дневниковых записей следует, что М. Кариму нравилось умение Р. Гамзатова видеть в ситуации смешное. Ему были свойственны остроумие и самоирония. Человек с тонким чувством юмора, он мог с легкостью решить любую проблему. Чувство юмора, подчеркивает в нем еще одно качество — уверенность в себе.

Адекватная самооценка и уверенность в своих силах позволяют человеку смеяться над собой без какого-либо внутреннего дискомфорта. Человек, уверенный в себе, может пошутить над собой, сохраняя чувство собственного достоинства.

Портрет Р. Гамзатова имеет символическую деталь. Например, в дневниковых записях М. Карим не раз сравнивает Р. Гамзатова с орлом: *«19 ноября в Москве с Булатом навестили в ЦКБ Расула. Ушли с тяжелым чувством. Гордый орел теперь еле переступает. Нашему приходу очень обрадовался. Булату подарил только что вышедшую книгу. Проводил нас до лифта. Мы все же проводили его обратно, отпустить одного побоялись. У него голова кружится, руки дрожат. Однако лежит на столе белая бумага, на ней стихотворные строчки. Попрощались спокойно, словно впереди у нас еще многие годы...»* [4. С. 149].

Орел всегда являлся возвышенным образом. Такое сравнение подчеркивает свободолюбие и выносливость человека.

Р. Гамзатов до последнего был предан своей работе: *«...на столе лежит белая бумага, на ней стихотворные строчки»*. В этом можно увидеть его жизненную силу, смелость, гордость, отвагу. Эти качества являются основными чертами менталитета кавказского народа. Для М. Карима сравнение Р. Гамзатова с орлом является символом величия. Подтверждением является запись 2 января 1978 г.: *«Говорят, что смерть уравнивает смертных. А ведь и случается и наоборот: уже смерть определяет каждому его место. Вот мы с Расулом, пока живые, друзья на равных. Но после смерти он попадает во дворец для великих, я, скорее всего, в какое-то другое место. Таким образом, смерть расценит нас по-разному. С современниками это случается часто»* [Там же. С. 120].

Сравнивая Р. Гамзатова с орлом, М. Карим хотел подчеркнуть отвагу, любовь к жизни, выносливость писателя. Это символическая деталь портрета Р. Гамзатова.

Таким образом, писательский дневник является жанром литературы, который знакомит читателей с фактами внешней и внутренней жизни интересной личности.

Психологический портрет, созданный на основе дневниковых записей, получается достоверным, так как соотносится с жизненными фактами.

Дневниковые записи К. Чуковского и М. Карима имеют общие принципы портретирования:

1. М. Карим и К. Чуковский при создании портретов используют конструктивный прием.
2. Портреты А. Блока и Р. Гамзатова создаются на основе субъективной авторской позиции

писателей-повествователей. К. Чуковского и А. Блока, М. Карима и Р. Гамзатова связывали дружеские отношения, поэтому писатели описывают А. Блока и Р. Гамзатова только с положительной стороны.

3. Словесные портреты писателей помогают раскрыть характеры А. Блока и Р. Гамзатова.

Необходимо указать и отличия:

1. М. Карим при создании портрета описывает психологические особенности Р. Гамзатова, а К. Чуковский включает в описание как черты характера, так и внешний облик А. Блока.
2. Портрет А. Блока формируется на основе дневниковых записей К. Чуковского, которые сделаны непосредственно после встреч

с поэтом, то есть события развиваются последовательно, «день за днем». М. Карим создает портрет Р. Гамзатова на основе воспоминаний, поэтому события располагаются не в хронологическом порядке.

3. М. Карим не описывает характер Р. Гамзатова в подробностях, ограничивается намеками, по которым впоследствии читатель сам восстанавливает недостающие детали портрета на основе точной и полной информации о событиях. К. Чуковский не допускает никаких умолчаний, подробно описывает внешность, походку, манеру держаться, манеру говорить и одновременно дает психологическую оценку.
4. Портрет Р. Гамзатова содержит символическую деталь.

### Список литературы

1. Егоров, О. Г. Дневники русских писателей 19 века: Исследование / О. Г. Егоров. — М., 2002.
2. Егоров, О. Г. Литературный дневник XIX века: история и теория жанра : дис. ... д-ра филол. наук / О. Г. Егоров. — М., 2003.
3. Егоров, О. Г. Русский литературный дневник 19 века. История и теория жанра / О. Г. Егоров. — М., 2004.
4. Каримов, И. М. Год без Мустая / И. М. Каримов, А. М. Каримова. — Уфа, 2006.
5. Каримов, И. М. Без поэзии сердце остынет [Электронный ресурс] / И. М. Каримов, А. М. Каримова // Респ. Башкортостан : республикан. обществ.-полит. газ. — 2012. — № 204. — С. 10. — URL: <http://agidel.ru> (дата обращения 9.02.2018).
6. Литературоведческие термины (материалы к словарю). Вып. 1—2 / ред. сост. Г. В. Краснов. — Коломна, 1997—1999.
7. Михеев, М. А. Дневник в России XIX—XX века — эго-текст, или пред-текст [Электронный ресурс] / М. А. Михеев. — URL: <http://uni-persona.sgcc.msu.ru/research.htm> (дата обращения 1.02.2018).
8. Хусаинов, Г. Б. Народный поэт — Мустай Карим / Г. Б. Хусаинов. — Уфа, 1965.
9. Чуковский, К. И. Дневник 1901—1929 / К. И. Чуковский. — М., 1992.
10. Чуковский, К. И. Дневник 1930—1969 / К. И. Чуковский. — М., 2003.
11. Dekker, R. M. Jacques Presser's heritage. Egodocuments in the study of history / R. M. Dekker // Memoria y Civilización. Anuario de Historia. — 2002. — № 5. — P. 13—14.
12. Khaybulina, G. N. Antropocentric characters of phraselogical units / G. N. Khaybulina, F. G. Fatkulina // Философская мысль башкирского народа : сб. науч. ст. — Уфа, 2016. — С. 277—280.

### Сведения об авторе

**Латыпова Алия Айратовна** — аспирантка кафедры башкирской филологии и журналистики, Башкирский государственный университет. Уфа, Россия. [kaipkulova1990@mail](mailto:kaipkulova1990@mail)

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*  
2018. No. 6 (416). Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 107—112.

## PORTRAITS IN THE WRITER'S DIARY (Based on the Texts of Diaries K. Chukovsky and M. Karim)

*A.A. Latypova*

*Bashkir State University. Ufa, Russia. [kaipkulova1990@mail.ru](mailto:kaipkulova1990@mail.ru)*

The article discusses the writer's diaries by K. Chukovsky and M. Karim as the material to create portraits of his contemporaries — A. Block and R. Gamzatov. Portrait is a direct means of portraying a person's appearance. In this way we get a variety of information about the individual. The election of diary entries by K. Chukovsky

and M. Karim for the analysis of the literary portrait of writers is motivated by the need to prove the existence of General principles of portraiture and, of course, to identify differences that are determined by the presence of the author's point of view-narrator. According to the diary entries of K. Chukovsky and M. Karim, it is possible to identify the General principles of portraiture. M. Karim and K. Chukovsky in describing the images using a constructive method of creating portraits. Portraits of A. Blok and R. Gamzatov are characterized by the presence of the element of author's subjectivity. Verbal portraits of writers help to reveal the characters of individuals.

You must specify and differences. M. Karim diary portraits wrote exclusively in psychological terms. According to these records, we can judge the qualities of human nature. K. Chukovsky portraits characterizes wider: in parallel describes the appearance and inner world of man. Curious fact that K. Chukovsky images are created during meetings, and M. Karim, on the basis of memories. Diary meetings are formed by a sequence, i.e. events develop in the coordinate "day by day". M. Karim often resorts to the memories, and therefore, the events are arranged in a "disorderly" situation. M. Karim character R. Gamzatova does not describe in detail, limited to hints, which later the reader himself analyzes the experience and the visible. But the texts of the diary reader receives accurate and complete information about the events. K. Chukovsky does not allow any cuts, omissions, describes in detail the appearance, gait, manner to hold, manner to speak and at the same time gives a psychological assessment. Portrait of R. Gamzatov contains a symbolic detail.

**Keywords:** *writing diary, portrait, of constructive technique, ego-texts, symbolic detail.*

### References

1. Yegorov O.G. *Dnevniky russkikh pisateley 19 veka: Issledovaniye* [The Diaries of Russian writers of the 19th century: a Study]. Moscow, 2002. (In Russ.).
2. Yegorov O.G. *Literaturnyy dnevnik XIX veka: istoriya i teoriya zhanra* [Literary journal of the nineteenth century: history and theory of the genre. Thesis]. Moscow, 2003. (In Russ.).
3. Yegorov O.G. *Russkiy literaturnyy dnevnik 19 veka. Istoriya i teoriya zhanra* [Russian literary diary of the 19th century. History and theory of the genre]. Moscow, 2004. (In Russ.).
4. Karimov I.M., Karimova A.M. *God bez Mustaya* [Year without Mustay]. Moscow, 2006. (In Russ.).
5. Karimov I.M., Karimova A.M. *Bez poezii serdtse ostynet* [Without poetry the heart cool]. *Respublika Bashkortostan: respublikanskaya obshchestvenno-politicheskaya gazeta* [The Republic of Bashkortostan: the Republican public-political newspaper], 2012, no. 204, p. 10. Available at: <http://agidel.ru>, accessed 9.02.2018. (In Russ.).
6. Krasnov G.V. (ed.). *Literaturovedcheskiye terminy (materialy k slovaryu). Vyp. 1—2* [Literary terms (materials for the dictionary). Iss. 1—2]. Kolomna, 1997—1999. (In Russ.).
7. Mikheev M.A. *Dnevnik v Rossii XIX—XX veka — ego-tekst, ili pred-tekst* [Diary in Russia XIX—XX century — ego-text or pre-text]. Available at: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/research.htm>, accessed 1.02.2018. (In Russ.).
8. Khusainov G.B. *Narodnyy poet — Mustay Karim* [People's poet Mustai Karim]. Ufa, 1965. (In Russ.).
9. Chukovsky K.I. *Dnevnik 1901—1929* [Diary 1901—1929]. Moscow, 1992.
10. Chukovsky K.I. *Dnevnik 1930—1969* [Diary 1930—1969]. Moscow, 2003. (In Russ.).
11. Dekker R.M. Jacques Presser's heritage. Egodocuments in the study of history. *Memoria y Civilización. Anuario de Historia*, 2002, no. 5, pp. 3—14.
12. Khaybulina G.N., Fatkullina F.G. Antropocentric characters of phrasological units. *Filosofskaya mysl' bashkirskogo naroda* [Philosophical thought of the Bashkir people]. Ufa, 2016. Pp. 277—280.

УДК 398.9  
ББК 82

## ТРУДОВЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ И СОВРЕМЕННОГО БЫТОВАНИЯ

*О. В. Мешкова*

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*

Дана развернутая характеристика трудовых и профессиональных благопожеланий: учтены особенности содержания, поэтики и функционирования этого феномена устного народного творчества. Фольклористический подход, использованный в работе, позволяет выявить специфику варьирования благопожеланий в настоящее время, отметить изменения, происходящие не только с вербальным компонентом трудовых и профессиональных благопожеланий, но и с их исполнением и функциональными связями.

**Ключевые слова:** *благопожелания трудовые, благопожелания профессиональные, традиционные благопожелания, варьирование, жанр, ритуал.*

Наблюдение за современным состоянием народного творчества делает нас свидетелями живого фольклорного процесса, суть которого проявляется в постоянном взаимодействии двух начал: традиционного и вариативного. Особый интерес при этом вызывают жанры фольклора, имеющие длительную историю существования: их варьирование может касаться не только содержания, но и функционирования. К таковым, на наш взгляд, следует отнести благопожелания, современный фонд которых позволяет фиксировать разные тенденции:

- во-первых, существование традиционных текстов, сохраняющих, кроме основной коммуникативной задачи (произнесение добрых слов в адрес кого-либо), обрядово-магическую и эстетическую функции;
- во-вторых, активизация противоположного процесса, а именно частичное или полное разрушение магической функции текстов (подобные благопожелания, как правило, превращаются в этикетные формулы);
- в-третьих, возникновение вариантов на основе традиционных благопожеланий (причем в современных условиях не только за счет устной передачи, но и благодаря распространению в пространстве Интернета);
- в-четвертых, пополнение арсенала благопожеланий за счет создания новых текстов, отражающих реалии нынешнего времени.

Все это объясняет возросший интерес к благопожеланиям со стороны ученых. Заметим, что подобные произведения прежде всего попадают в поле зрения лингвистов. Так, Н. И. Формановская [10] рассматривает благопожелания как концепт в основе речевого этикета. Исследованию воло-

годских диалектных благопожеланий посвящены статьи и монография Л. Ю. Зориной [4; 5]. Эти научные труды, отражающие внимание к живой народной речевой стихии и демонстрирующие скрупулезный подход к записи и систематизации текстов, дают представление о благопожеланиях, имеющих хождение в определенном регионе. Когнитивно-дискурсивной парадигме кабардинских благопожеланий посвящена диссертация М. Ч. Кремшокаловой, причем автор подчеркивает, что «благопожелания и проклятия как первичные жанры устно-речевого дискурса впервые становятся объектом комплексного лингвистического описания» [6. С. 8].

Особое внимание обратим на статью В. В. Плешаковой [8], где дан обстоятельный ответ на вопрос, какие благопожелания следует относить к традиционным. Три критерия называет исследователь в качестве основополагающих: 1) исторически сложившаяся форма; 2) широкое и давнее использование в общенародном языке; 3) отражение духовно-нравственных ценностей народа.

Эти наблюдения, несомненно, важны для характеристики благопожеланий как словесных формул, имеющих фразеологизированный характер. Не случайно часть таких текстов зафиксирована в «Словаре русского речевого этикета» А. Г. Балакая [2].

Однако благопожелания по происхождению, бытованию относятся к явлениям устного народного творчества. Фольклористический подход к этим произведениям предполагает учет особенностей их бытования: времени возникновения (если установить это представляется возможным), особенностей распространения, наличия вариантов, — ибо изучение фольклорного

произведения немислимо без внимания к обычаям, обрядам, бытовой практике. По справедливому замечанию Т. А. Агапкиной и Л. Н. Виноградовой, «статус благопожеланий, как и заговоров, заклинаний, приговоров, проклятий, таков, что само их произнесение (исполнение) представляет собой определенный ритуал или во всяком случае имеет ритуализированный характер» [1. С. 168].

В картотеке, составленной нами в ходе наблюдения за благопожеланиями, содержатся как тексты, «ритуализированный характер» которых вряд ли вызывает сомнения (это благопожелания, закрепленные за календарными и семейными обрядами, магическими действиями и т. д.), так и благопожелания, которые имеют универсальный характер, то есть используются в разных ситуациях в зависимости от намерения говорящего. Дифференциация этих текстов лишь на первый взгляд может показаться отчетливой: функциональное пространство благопожеланий подвижно, при этом заложенные в произведении смыслы актуализируются в зависимости от целей, которые наряду с пожеланием благ манифестирует говорящий (приветствие, прощание, напутствие, поздравление и мн. др.). Подобные тенденции наглядно демонстрируют благопожелания, связанные с трудовой деятельностью. Сопоставление этих текстов, зафиксированных в сборниках и словарях разных лет, с записанными в настоящее время, последовательный анализ бытования, состава, содержания, поэтики традиционных и новейших благопожеланий в неразрывном единстве позволит, на наш взгляд, дать развернутую характеристику исследуемого феномена народного творчества.

Итак, трудовыми мы называем благопожелания, которые могут быть адресованы работающим, сопровождать выполнение какой-либо хозяйственной деятельности. Они существуют не просто как фонд вербальных текстов, но как часть народной культуры, некий неписанный закон, регламентирующий и традиции произнесения, и специфические связи с бытовой, повседневной стороной жизни человека. Соответственно, изменение последней неизбежно вносит коррективы в благопожелание как ритуал и текст.

В деревенской жизни спектр ситуаций, сопровождаемых благопожеланиями, весьма широк: в качестве приветствий они высказываются в адрес хлебопашцев, плотников, ткачей, доярок и т. п. Некоторые из этих текстов зафиксированы уже в сборнике В. И. Даля «Пословицы русского народа», при этом «благопожелания не выделены в отдельную группу, они рассыпаны среди паремий» [7. С. 58]. В ряде случаев В. Даль называет адресата благопожеланий [3. С. 212]:

*Море под коровой (привет дойнице). Река молока (ответ).*

*Ведром тебе! Маслом цедить, сметаной доить (подойнице).*

*Свеженько тебе (девке, которая воду черпает).*

*По сту на день, по тысяче на неделю (привет молотильщикам).*

*Беленько тебе (привет прачке).*

Ритуал произнесения регламентирован ситуацией приветствия. Участниками коммуникации являются два человека, что предполагает обмен репликами: благопожелание, адресованное тому, кто занят трудом, порождает произнесение ответных благопожеланий (например: «Спорынья в квашню! (привет бабе, когда хлебы месит, а ответ: Сто рублей в мошну!). Откликом на благопожелание-приветствие, несомненно, могут быть и этикетные «спасибо» (справедливости ради заметим, что происходит оно от благопожелания «спаси, Бог») или «спасибо на добром слове». Ритуал, таким образом, предполагает обмен словами положительной семантики — в соответствии с народной традицией «На добрый привет, добрый и ответ».

Записи, сделанные учеными в настоящее время, свидетельствуют о том, что в ряде местностей подобные благопожелания до сих пор фиксируются. Так, Л. Ю. Зорина, исследуя вологодские говоры, отмечает, что «на этом языковом пространстве бытует архаическая система трудовых благопожеланий» [4. С. 31]. Истоки подобных текстов, по мнению ученого, в далеком прошлом.

Эмпирически могут быть возведены к трудовым благопожеланиям общеупотребительные сегодня приветствия «Бог в помощь» «Бог помочи», «Бог на помощь», «помогай Боже» и т. д. Адресатом при этом может быть человек, занятый любым трудом — физическим, умственным. Эти хрестоматийные, на первый взгляд, примеры заставляют задуматься об особенностях варьирования в фольклоре. Мы наблюдаем, с одной стороны, весьма устойчивые словесные формулы («фразеологизированные», по определению лингвистов), но видим расширение границ функционирования, что имеет важное значение для характеристики трансформаций, происходящих в фольклорном процессе, ибо вариативность, как одно из ключевых качеств в устном народном творчестве, предполагает учет не только вербальной составляющей, но и всех кодов, имеющих отношение к этому тексту. При анализе трудовых благопожеланий, кроме словесного, следует учитывать, на наш взгляд, темпоральный код (время произнесения или наличие/отсутствие закреплённости за определенным событием) и персональный (исполнитель и адресат). Изме-

нение любого из них связано с варьированием благопожелания.

К числу классических примеров, свидетельствующих о расширении функционирования, следует отнести благопожелание «*ни пуха ни пера*». В словаре А. Г. Балакая отмечается, что эта словесная формула пришла из речи охотников и представляла собой «пожелание удачи отправляющемуся на охоту, высказанное в отрицательной форме, чтобы не сглазить, если пожелать прямо удачи» [2. С. 317]. Вряд ли нужно доказывать, что сегодня сфера воспроизведения этого пожелания предельно обширна и к трудовым оно относится лишь по происхождению. Варьирование же касается не только функционирования и содержания этого благопожелания, но и его структуры: произнесение текста от начала и до конца в настоящее время не является обязательным. Вариантами высказывания становятся как редуцированное «*ни пуха!*», так и разнообразные продолжения этой фразы: «*Ни пуха! Удачи!*», «*Ни пуха! Меньше нервов!*» и т. д.

Подобные метаморфозы затронули благопожелание «*попутного ветра!*». К трудовым оно может быть отнесено по происхождению, поскольку возникло как напутствие, адресованное морякам, отправлявшимся в плавание. Однако изменение темпорального и персонального кодов позволяет рассматривать сегодня это благопожелание как универсальное: оно может быть адресовано тому, кто отправляется в путь; кто начинает какое-либо дело; кому желают успеха в достижении цели. Варьирование, таким образом, связано не со словесной формулой, а с функционированием текста.

«Специализация», или закрепленность трудовых благопожеланий за определенной сферой деятельности, позволяет, на наш взгляд, выделить в составе данной группы текстов профессиональные благопожелания. Это благопожелания, бытующие среди представителей одной или смежных профессий. Сопоставление профессиональных благопожеланий с трудовыми и универсальными углубляет представление о разнонаправленных процессах, затрагивающих функционирование пожеланий добра: утрате текстов, их новообразовании, перегруппировке, переосмыслении и т. д.

«Судьба» отдельных *традиционных* благопожеланий, имеющих этикетный характер, в профессиональной среде может складываться по-разному: с одной стороны, сохраняется свободное хождение (заметим, что этот вариант бытования наиболее распространенный), с другой — имеются ограничения в воспроизведении. К примеру, «*спокойной ночи*» как «форма доброжелательного прощания на ночь, перед сном» [Там же. С. 144] относится

к числу самых известных и часто используемых в повседневном общении. Однако наблюдение за бытованием этого благопожелания в профессиональной среде позволяет внести коррективы в представления о безграничности его функционирования: некоторые охранники, врачи предпочитают не использовать эту словесную формулу, «чтобы не сглазить». Вероятно, следуя подобной логике, машинисты поездов дальнего и ближнего следования порой избегают пожелания «счастливого пути».

«Запрет на произнесение» в ряде случаев распространяется не только на повседневные благопожелания, но и на профессиональные. К этому заключению позволяет прийти наблюдение, к примеру, за текстами, адресованными рыбаку/рыболову. В сборнике Даля зафиксированы следующие благопожелания [3. С. 212]:

- 1) «*Ловися рыбка малая и большая*».
- 2) «*Улов на рыбу (привет рыбакову). Навар на ушщу (ответ его)*».

Первое имеет характер заклинания, воспроизводится без ограничений. Второе встречается как в составе микродиалога, так и в сокращенном варианте: в качестве самостоятельного благопожелания-приветствия выступает фраза «улов на рыбу». Близкими к нему по содержанию и выполняемой дополнительной функции (кроме пожелания добра, выступают в качестве приветствия) являются следующие пожелания: «*Хорошего клева!*»; «*Большого улова!*». Однако суеверные представления о том, что эти пожелания приведут к обратному результату, порождают «запрет на произнесение». Рыбакам желают «*ни хвоста ни чешуи*» (варианты: «*ни чешуи ни хвоста*»; «*ни рыбки ни хвостика*»; «*ни хвоста ни рыбы*»), следуя магии «от противного».

Народная речевая стихия позволяет поменять адресата благопожеланий. К примеру, фиксируется использование благопожелания «*Большого улова!*» таксистами, когда речь идет о выручке, полученном доходе.

Варьирование, связанное со сменой адресата, коснулось благопожелания «дай Бог памяти». Без дополнительных комментариев это высказывание может рассматриваться как универсальное. Произнесенное программистом, оно может остаться благопожеланием, если речь идет о памяти как о способности человека хранить информацию, или превратиться в шутку, если исполнитель имеет в виду запоминающее устройство ЭВМ.

Профессиональные благопожелания сегодня неотделимы от застольных поздравлений, тостов. Ритуал их произнесения регламентируется участниками действия: может проходить в определенной

последовательности, может иметь незакрепленный характер.

Сравнительно новой является ситуация профессиональных праздников, во время которых принято наряду с общеупотребительными произносить профессиональные благопожелания. Подчеркивая традиционный характер слов, авторы поздравительных речей предваряют благопожелания сочетаниями «как говорится», «как водится», например: «Как говорится, *сколько вам взлетов, столько и посадок*» (летчикам) и т. д.

Содержание профессиональных благопожеланий варьируется вокруг определенных благ:

- 1) достижение планируемого результата при выполнении работы (к примеру, «*мягкой посадки*» (летчикам);
- 2) получение материальной выгоды («*большого улова*», «*хорошей наживы*» (таксистам);
- 3) облегчение труда («*Пусть смена будет легкой!*»);
- 4) сохранение сил, здоровья, жизни («*сколько взлетов, столько посадок*» (летчикам), «*сухих рукавов*» (пожарным);
- 5) привлечение удачи, успеха и т. д. («*легкого паркета*» (танцовщикам); «*успеха!*», «*удачи!*»);
- 6) необходимых для выполнения работы условий: «*летней погоды*», «*чистого неба*» (летчикам); «*зеленых светофоров*», «*зеленого света*» (водителям); «*попутного ветра*» (морякам);
- 7) отсутствие препятствий для достижения цели («*ни гвоздя ни жезла*» (водителям).

Как для трудовых благопожеланий в целом, так и для профессиональных в частности ситуация приветствия является одной из традиционных. Симметричная ей ситуация прощания также делает возможным пожелания блага, при этом словесная формула превращается доброжелательное напутствие.

Новейшие профессиональные благопожелания создаются, как правило, на основе известных схем традиционных текстов. Например, по образу и подобию известного «*ни пуха ни пера*» созданы следующие пожелания: «*ни гвоздя ни жезла*» (водителям), «*ни хвоста ни чешуи*» (рыбакам) и т. д.

Структура профессиональных благопожеланий — категория наследуемая; она соответствует типичным благожелательным формулам, в основе которых, по мнению Т. А. Агапкиной и Л. Н. Виноградовой, «обычно лежит (или реконструируется) логическая схема следующего вида: “Я (мы) желаю (-ем) + [кому] + [что]”» [1. С. 202—203]. Заметим, что первая часть этого блока (исполнитель) и вторая часть блока (адре-

сат) в профессиональных благопожеланиях зачастую не называются. Наиболее часто встречаются сочетания лаконичные, состоящие из двух слов — прилагательного и существительного в родительном падеже — и представляющие собой само пожелание (к примеру, зеленых светофоров желают водителям).

При сохранении сути благопожелания форма может варьироваться в зависимости от ситуации. Пожелание может быть выражено:

- а) инфинитивными конструкциями («*дожить до ста лет и умереть на ходу*» (мед.));
- б) придаточными предложениями с союзом «чтобы» («*чтоб светофор всегда показывал зеленый свет*»);
- в) побудительными формулами со словом «пусть» [9] («*пусть все светофоры будут зелеными*»);
- г) сопоставлением одного явления с другим (зачастую используется схема «*Сколько... столько*», или, наоборот, «*Столько... сколько...*»).

Начало благопожелания может быть вариативным: «Дай Бог...»; «Пусть будет...», «Желаем...» Например, подводникам, дайверам желают «*столько всплытий, сколько погружений*». Вариантами этих благопожеланий являются тексты иной структуры: «*Чтобы количество погружений равнялось количеству всплытий*».

Изображенный и в трудовых, и в профессиональных благопожеланиях мир, как правило, лишается противоречий, идеализируется. Возможно, поэтому из общефольклорного арсенала поэтических средств чаще других используются гиперболы, если речь идет о результатах работы («*море под коровой*»; «*маслом цедить, сметаной доить*» — подошнице; «*по сту на день, по тысяче на неделю*» — молотильщикам), эпитеты и логические определения при создании общей картины трудовой деятельности. Неоднократно в разных сочетаниях встречается слово «*легкий*», употребляемое в значении «достижимый без большого труда, усилий»: «*Легкой дороги!*», «*Легкого паркета!*», «*Легкой смены!*».

Частотность употребления прилагательных «хороший» («*Хорошего улова!*», «*Хорошей дороги!*», «*Хороших учеников!*»), «большой», «счастливый» в разных сочетаниях объясняется, с одной стороны, стремлением создать благожелательную атмосферу, а с другой — предельной ясностью этих слов для всех участников коммуникации.

Итак, подведем итоги. Природа трудовых и профессиональных благопожеланий такова, что диктует комплексный подход к их изучению, предполагающий учет особенностей бытования

и поэтики. Фонд трудовых благопожеланий подвижен: на основе существующей традиции возникают новые тексты, исчезают или трансформируются ранее существовавшие. Наследуемой и в меньшей степени подвластной модификациям оказывается структура указанных текстов. Варьированию в большей степени подвержено содержание трудовых благопожеланий, аккумулирующее знания и опыт исполнителей.

Сопоставление традиционных благопожеланий с новейшими делает возможным получение картины современного бытования этого феномена народного творчества. С одной стороны, наблюдает-

ся сохранение традиционного функционирования трудовых благопожеланий (остаются константными и ситуация, в которой текст воспроизводится, и адресат благопожеланий); с другой стороны, имеются изменения в бытовании, к числу которых следует отнести переход из профессиональных/трудовых в универсальные благопожелания, и наоборот, смену адресата некоторых текстов, «запрет» на произнесение отдельных пожеланий. Каждый вариант трудовых и профессиональных благопожеланий, возникающих сегодня, — свидетельство единства традиции и модификации этого жанра фольклора.

### Список литературы

1. Агапкина, Т. А. Благопожелание: ритуал и текст / Т. А. Агапкина, Л. Н. Виноградова // Славянский и балканский фольклор. — М., 1994. — С. 168—203.
2. Балакай, А. Г. Словарь русского речевого этикета / А. Г. Балакай. — М., 2001.
3. Даль В. И. Пословицы русского народа : сборник : в 2 т. Т. 2 / В. И. Даль. — М., 1984.
4. Зорина, Л. Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры : монография / Л. Ю. Зорина. — Вологда, 2012.
5. Зорина, Л. Ю. О степени сохранности традиционных народных формул благопожеланий / Л. Ю. Зорина // Севернорусские говоры. Вып. 13. — СПб., 2014. — С. 64—69.
6. Кремшокалова, М. Ч. Когнитивно-дискурсивная парадигма благопожеланий и проклятий как малых жанров устной речи (на материале кабардино-черкесского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М. Ч. Кремшокалова. — Нальчик, 2015. — 40 с.
7. Мешкова, О. В. Благопожелания в сборнике В. Даля «Пословицы русского народа»: особенности публикации и классификации / О. В. Мешкова // Шестые Лазаревские чтения: Лики традиционной культуры в начале XXI столетия. Ч. 1: материалы междунар. науч. конф. — Челябинск, 2013. — С. 56—59.
8. Плешакова, В. В. Русские традиционные благопожелания: (К вопросу о традиционных высказываниях) / В. В. Плешакова // Филол. науки. — 2006. — № 4. — С. 51—60.
9. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. — М., 2002.
10. Формановская, Н. И. Благопожелание как концепт в основе речевого этикета / Н. И. Формановская // Речевое общение : специализир. вестн. — 2011. — Вып. 12 (20). — С. 69—76.

### Сведения об авторе

**Мешкова Ольга Владимировна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. ru-tochka@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 113—118.*

## LABOR AND PROFESSIONAL GOOD-WISHES: THE PECULIARITIES OF THE POETICS AND MODERN EXISTENCE

*O. V. Meshkova*

*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. ru-tochka@mail.ru*

The article gives a detailed description of labor and professional good-wishes: the peculiarities of an oral folk art phenomenon like the content, poetics and functioning are taken into account. The materials of the research are the texts extracted from the collection “Proverbs of the Russian people” by V.I. Dal, “Dictionary of Russian speech etiquette” by A.G. Balakai and the notes made by the author. The used folkloristic approach allows to reveal the specificity of variation of labor and professional good-wishes nowadays and to note the changes taking place both with the verbal component of good-wishes and with their functional connections. As a result of the conducted

research the author comes to the conclusion that the structure of good-wishes is inheritable and is less subject to the modifications while the contents of texts and their existence are subject to variation.

**Keywords:** *labor good-wishes, professional good-wishes, variation, genre, ritual.*

### References

1. Agapkina T.A., Vinogradov L.N. Blagopozhelaniye: ritual i tekst [The good-wish: ritual and text]. *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor* [Slavic and Balkan Folklore]. Moscow, 1994. Pp. 168—203. (In Russ.).
2. Balakay A.G. *Slovar' russkogo rechevogo etiketa* [The Dictionary of Russian Speech Etiquette]. Moscow, 2001. (In Russ.).
3. Dal' V.I. *Poslovitsy russkogo naroda v 2 t. T. 2* [The proverbs of Russian folk in 2 vol. Vol. 2]. Moscow, 1984. (In Russ.).
4. Zorina L.Yu. *Vologodskiye dialektnye blagopozhelaniya v kontekste traditsionnoy narodnoy kul'tury* [Vologda dialect good-wishes in the context of traditional folk culture]. Vologda, 2012. (In Russ.).
5. Zorina L.Yu. O stepeni sokhrannosti traditsionnykh narodnykh formul blagopozhelaniy [On degree of traditional folk good-wishing formulas preservation]. *Severnorrusskiye govory. Vyp. 13* [Northern Russian Dialects. Iss. 13]. St. Petersburg, 2014. Pp. 64—69. (In Russ.).
6. Kremshokalova M.Ch. *Kognitivno-diskursivnaya paradigma blagopozhelaniy i proklyatiy kak malykh zhanrov ustnoy rechi (na materiale kabardino-cherkesskogo yazyka* [Cognitive-discursive paradigm of good-wishes and curses as small genres of spoken language (on Karbandian-Circassian language materials). Abstract of thesis]. Nalchik, 2015. (In Russ.).
7. Meshkova O.V. Blagopozhelaniya v sbornike V. Dal'ya "Poslovitsy russkogo naroda": osobennosti publikatsii i klassifikatsii [Good-wishes in digest by V. Dal' "Russia folk proverbs": the peculiarities of publication and classification"]. *Shestyte Lazarevskiy chteniya: Liki traditsionnoy kul'tury v nachale XXI stoletiya. Ch. 1* [The Sixth Lazarev Literary Meetings: The views of traditional Russian culture of XXI century. Pt. 1]. Chelyabinsk, 2013. Pp. 56—59 (In Russ.).
8. Pleshakova V.V. Russkiye traditsionnye blagopozhelaniya (K voprosu o traditsionnykh vyskazyvaniyakh) [Russian traditional good-wishes (The question of traditional expressions)]. *Filologicheskiye nauki* [Philological Sciences], 2006, no. 4, pp. 51—60. (In Russ.).
9. *Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic mythology]. Moscow, 2002. (In Russ.).
10. Formanovskaya N.I. Blagopozhelaniya kak kontsept v osnove rechevogo etiketa [Good-wishes as the concept in the base of speech etiquette]. *Rechevoye obshcheniye: spetsializirovanny vestnik* [Verbal communication: Specialized bulletin], 2011, no. 12 (20), pp. 69—76. (In Russ.).

УДК 811.161.1  
ББК 81

## ХАРАКТЕРОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СИНОНИМИЧЕСКИХ РЯДОВ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

*Нгуен Мань Хай*

*Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия*

Описана способность синонимических рядов имен прилагательных выполнять характерологическую функцию в художественном тексте. С помощью синонимических рядов имен прилагательных писатели характеризуют как качества своих героев, так и объекты природы, культурные явления, время и др. Градуальное значение, гранд-оттенки, заложенные в семантику имени прилагательного, способствуют выполнению ими характерологической функции, делают характеристику более точной, яркой, контрастной, эстетичной.

**Ключевые слова:** синоним, синонимический ряд, имя прилагательное, характерологическая функция, градуальная функция, гранд-оттенок, язык художественной литературы.

Синонимы и синонимические ряды являются одним из ярких средств, с помощью которых создается богатство и разнообразие русского языка. В каждой из сфер использования языка синонимы выполняют особые функции, служа реализации намерений говорящего. Их использование чаще всего связано с формированием эмоционально-оценочного фона текста, воздействием на чувства адресата информации, выражением коннотаций, созданием образов. Именуя одни и те же явления действительности, синонимы призваны выделить в них мельчайшие смысловые, оценочные, эмоциональные нюансы, сконцентрировать внимание читателя или слушателя на дифференциальных признаках явления, оттенить которые важно в данном конкретном сегменте текста.

Проблема функций синонимов достаточно хорошо раскрыта исследователями. Г. Н. Коротенко в кандидатской диссертации анализирует функции стилистических синонимов в художественном тексте и выделяет функции противопоставления стилистическому однообразию, стилевой организации текста, оценочного уточнения и др. [4]. Лафта Халид Рахим рассматривает стилистические функции синонимов в публицистике и называет среди них функции замещения, оценочную, экспрессивную, уточнительную, информативную и текстообразующую [8]. Кроме того, выделяются эвфемистическая функция синонимов [12], характерологическая [11], дифференцирующая [6] и др. Мы считаем важным сконцентрировать внимание на функциях, которые выполняют имена прилагательные — компоненты синонимических рядов в художественной литературе, где они нацелены на реализацию художественных интенций автора, оказание наиболее эффективного воздействия на читателя.

Цель статьи — рассмотреть использование синонимических рядов имен прилагательных в характерологической функции в современном русском художественном тексте. Материалом для исследования стали тексты, зафиксированные в Национальном корпусе русского языка [9].

Для художественного текста характерологическая функция языковых средств является одной из важнейших, так как писатель стремится дать точную, детальную эмоциональную характеристику своим персонажам, а также описываемым в произведении событиям, предметам, явлениям природы. В характерологической функции в художественном тексте могут выступать глаголы [1], лексика с семантикой одежды, костюма [10], фразеологические обороты [7] и другие единицы. По нашим наблюдениям, синонимичные имена прилагательные в данной функции используются весьма часто.

Для писателя очень важным является создание портрета персонажей, описание их внешности. С этой целью нередко используются синонимические ряды с компонентами — именами прилагательными. Например: «Я груба иногда, как мужик, но прекрасно знаю, о да, я прекрасно знаю, что мне это идет: внешность **тонкая, изящная, в девичестве вообще херувимская**» (Е. Белкина. «От любви до ненависти»). В данном контексте имена прилагательные имеют семантику: *тонкий* — «худой, узкий в кости», *изящный* — «изысканно красивый, грациозный» [2]; *херувимский* — переносное значение «такой, как у херувима; отличающийся внешней красотой» [13]. Данные имена прилагательные, употребленные в сочетании, призваны подчеркнуть характеристику внешней привлекательности девушки, ее

утонченности, воздушности, прозрачности, которая контрастирует в описании с упоминанием о ее грубости. Мы видим здесь градуальное расположение имен прилагательных, в каждом из последующих компонентов синонимического ряда значение гранд-признака «красивый, изысканный, тонкий» (термин С. М. Колесниковой [3]) становится все более интенсивным.

Наличие оттенков в семантике синонимичных имен прилагательных позволяет писателям использовать их не как синонимичные, а как антонимичные компоненты характеристики внешности персонажей. Например: «*Я не тощая, я стройная и изящная, а ты сам тощий!*» (Д. Сабитова. «Цирк в шкатулке»). Все три лексемы обозначают отличительную особенность внешнего сложения девушки — ее худобу, однако имя прилагательное *тощий* («очень истощенный, худой (о человеке)» [Там же]) выражает негативную оценку данного внешнего признака, а лексемы *стройный* («красиво и пропорционально сложенный, имеющий хорошее телосложение (о человеке или животном)» [Там же]) и *изящный* («изысканно красивый, грациозный» [Там же]) выражают положительную оценку. Писатель демонстрирует возможность различного взгляда на внешность своей героини, неоднозначное восприятие ее внешнего облика окружающими. Использованные имена прилагательные расположены в порядке уменьшения интенсивности их значения, силы гранд-оттенка.

Имена прилагательные служат характеристике не только внешних, но и внутренних качеств героев произведения, помогают писателю более точно изобразить характер персонажа. Например: «*Управление автомобилем выявляло его сходство с итальянской церковью — скромный и сдержанный внешне, внутри он бушевал красками и картинами Страшного Суда*» (А. Снегирев. «Вера»). Выделенные лексемы имеют значения: *скромный* — «не имеющий обыкновения подчеркивать свои достоинства, хвастать своими заслугами; обладающий умеренностью во всем»; *сдержанный* — «умеющий владеть собою, не обнаруживающий своих чувств» [Там же]. Употребление их в тексте, причем связанных соединительным союзом *и*, позволяет подчеркнуть их гранд-оттенок «умеренный». Данные синонимичные имена прилагательные участвуют в создании антитезы, так как внешняя скромность и сдержанность героя противопоставляется автором «*краскам и картинам Страшного Суда*», которые бушуют внутри него. Парное использование синонимов помогает писателю усилить антитезу и представить характер героя как в высшей степени контрастный.

Характеризующая функция может выполняться именами прилагательными не только в речи повествователя, но и в диалоге: «*Вы совсем не такой, вы славный, хороший*» (С. Носов. «Фигурные скобки»). С помощью синонимического ряда героиня Нинель пытается воздействовать на Капитонова и пробудить в нем лучшие чувства, вызвать сомнение в собственной порочности и желание совершить добрый поступок. Имена прилагательные имеют семантику: *славный* — «располагающий к себе, симпатичный», *хороший* — «тот, кто отличается достоинством, приличием» [Там же]; во втором из них признак выражен более интенсивно, гранд-оттенок «высокая степень» по отношению к семантике положительного внутреннего качества проявляется более интенсивно. Такое градуальное расположение синонимов очень точно характеризует специфику реплики персонажа — уговора, убеждения. Героиня находится в поиске наиболее веского слова, и каждое последующее в реплике является более эффективным.

Чаще всего синонимы, выполняющие характерологическую функцию, выступают в художественном тексте парами, связанными как запятой, так и союзом *и*. Например: «*Вера огляделась, перед ее взглядом предстали мужчины всех сортов: взрывной тихоня и флегматичный баламут, благообразный пенсионер, эксцентрик со стрижкой и тихий, неприметный псих*» (А. Снегирев. «Вера»). Лексемы имеют в предложении семантику: *тихий* — «кроткий, смиренный, спокойный», *неприметный* — «ничем не выдающийся, не отличающийся от других» [Там же], причем оба значения переносные. С помощью синонимического ряда характеризуется один из персонажей произведения, являющийся объектом наблюдения героини. Синонимы служат уточнению того впечатления, которое производит описываемый субъект на героиню. Эту характеристику можно назвать удачной, точной; однако нельзя — очень яркой (особенно в сопоставлении с характеристикой других четырех персонажей, для создания которой использовались антитеза, оценочная лексика, эпитеты и др.). Гораздо более яркое впечатление на читателя оказывают те контексты, в которых синонимичные имена прилагательные используются в количестве большем, чем два.

Уточнению характеристики с помощью синонимов (в том числе контекстуальных) служит в художественном тексте прием нанизывания синонимов друг на друга, в ходе которого первое имя прилагательное дает общую характеристику персонажа, а каждый последующий — все более конкретную и точную. Например: «*Умная, риско-*

**вая, наученная этим миром по самое не могу**, — она была его женщиной; женщиной его жизни» (Д. Рубина. «Русская канарейка»). Общее значение в этом предложении выражает имя прилагательное *умный* — «тот, кто обладает хорошим, ясным умом; достаточно толковый человек» [Там же]. Второе прилагательное — *рисковый* — имеет семантику «готовый на всякий риск, очень смелый» [13]. Это неполный синоним для прилагательного *умный*, но он способствует конкретизации семантики данного имени прилагательного: для писателя важна способность персонажа разумно рисковать, использовать ум для организации рискованных действий, операций. Третий компонент синонимического ряда «наученная этим миром по самое не могу» максимально уточняет характеристику героини, и мы понимаем, что ее ум является следствием жизненного опыта. Мы видим расположение синонимов в тексте в порядке усиления их гранд-семантики, создается градация, способствующая эффектной и яркой характеристике.

Чем больше компонентов в синонимическом ряду, выстраиваемом писателем в художественном тексте, тем больше возможностей у такого употребления в выполнении характерологической функции, однако и двухкомпонентные синонимические ряды могут быть весьма выразительными. Например: «*Не могу сказать, что люблю этот странный, не имеющий аналогов в мире клочок земли площадью в квадратный километр, но бездонный, неохватный, многоуровневый и многоутробный, уходящий ввысь на те самые восемнадцать миль, где он сливается с Иерусалимом небесным*» (Д. Рубина. «Медная катушка»). Первый из выделенных в этом ярком примере рядов — двухкомпонентный, в его состав входит имя прилагательное *странный* («необычный, вызывающий недоумение» [3]) и его контекстуальный синоним — причастный оборот «*не имеющий аналогов в мире*», который уточняет и интенсифицирует семантику имени прилагательного. В результате создается достаточно яркая характеристика описываемого писательницей объекта — Старгорода в Иерусалиме. Однако второй синонимический ряд — пятикомпонентный — гораздо более выразителен. В его составе синонимичные имена прилагательные, употребленные преимущественно в переносных значениях: *бездонный* — «беспредельный (о небе, дали, пространстве)», *неохватный* — «очень большой; необъятный», *многоуровневый* — «состоящий из большого числа уровней» [Там же], а также авторский, окказиональный элемент *многоутробный*, с помощью которого писательница подчеркивает величие описываемого объекта, и контекстуальный сино-

ним — причастный оборот «*уходящий ввысь на те самые восемнадцать миль*», распространенный, кроме того, придаточным предложением. Автором создается исключительно сильная по выразительности характеристика, передающая ее интенсивные чувства по отношению к характеризруемому объекту. Причина выразительности данного употребления синонимов состоит не только в многокомпонентности синонимического ряда, но и в искусном использовании писательницей их возможностей в выражении градуальности. В каждом из последующих элементов ряда гранд-семантика «большой размер, значение» выражается все более интенсивно.

Имена прилагательные — синонимы служат характеристике не только персонажей произведений художественной литературы, но и других объектов. В примере, проанализированном выше, мы увидели характеристику культурного объекта. Кроме того, могут характеризоваться природные объекты: «*На небе акварелью прорисовалась тонкая и изящная луна*» (Д. А. Емец. «Таня Гроттер и колодец Посейдона»). Выделенные имена прилагательные, служащие характеристике человека в художественном тексте, уже рассматривались нами выше. В данном контексте их семантика схожа с той, которая демонстрируется в описаниях людей: имена прилагательные указывают на размер новорожденной луны, ее тонкость, а их синонимичное использование призвано интенсифицировать признак. Мы видим, что природа в данном описании олицетворена, наделена свойствами человека.

Охарактеризовать с помощью синонимичных имен прилагательных можно также время: «*Девятьсот / Тринадцатого года... год заката, / Последний светлый, беззаботный год*» (Вадим Крейд. «Георгий Иванов в Йере»). Семантика обоих имен прилагательных нацелена на передачу позитивной информации об упоминаемом времени: *светлый* — «ничем не омраченный; радостный, счастливый», *беззаботный* — «свободный от житейских забот и хлопот (о каком-либо периоде жизни)» [Там же]. Как видим, второе имя прилагательное имеет более конкретное значение: если первое дает общую позитивную характеристику времени (отсутствие любых проблем), то второе — более определенную (отсутствие именно житейских забот). Поэту удастся создать «портрет времени» — последнего предвоенного года XX в. — так, чтобы читатель испытал сильное чувство сожаления о том времени. Благодаря конкретизации значения в семантику второго компонента синонимического ряда входит гранд-признак «высокая степень» (по отношению к характеристике уровня свободы и счастья).

Характеристика явления становится более яркой, если синонимический ряд парцеллируется, выделяется в отдельное предложение, а также интенсифицируется с помощью других средств выразительного синтаксиса. Например: «*Это был свет. Теплый и ласковый свет. Ему обещали — свет будет с ним до конца и станет последним, что Ке увидит в жизни*» (В. Пелевин. «Любовь к трем цукербринам»). В данном примере для интенсификации характеристики используется не только парцелляция, но и троекратный повтор слова *свет*, определению которого служат синонимы. Лексемы имеют в тексте переносные значения: *теплый* — «дающий ощущение доброты, ласки», *ласковый* — «полный ласки, проникнутый нежностью» [3]. У второго из имен прилагательных более интенсивное значение, более ярко выраженный гранд-признак. Оба синонима сливаются в единую яркую характеристику благодаря связывающему их сочинительному союзу. Однако именно наблюдаемое в предложении «смысловое, стилис-

тическое использование единиц синтаксического уровня языка» [5. С. 145] — парцелляции и повтора — является средством, делающим данную характеристику наиболее яркой и экспрессивной.

Таким образом, можно отметить значительные возможности синонимических рядов качественных имен прилагательных как средств авторской характеристики чего-либо в современном художественном тексте. С их помощью мастерами слова создаются описания внешности персонажей, а также их внутренних качеств. Кроме того, характеризуются объекты из сферы культуры, времени, природы и т. п. Характеристика на уровне семантики усиливается за счет использования синтаксических средств — антитезы (особенно часто), парцелляции, повторов. Во многом выполнению синонимами — именами прилагательными характерологической функции в художественном тексте способствует свойственная им градуальная семантика, заложенная в их значение возможность выражать гранд-оттенки.

### Список литературы

1. Дмитриева, Е. Г. Характерологическая функция эмотивной глагольной лексики в житийном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Г. Дмитриева. — Волгоград, 2005.
2. Ефремова, Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. — М., 2000. — URL: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm>.
3. Колесникова, С. М. Категория градуальности в современном русском языке : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С. М. Колесникова. — М., 1999.
4. Коротенко, Г. Н. Типы и функции стилистических синонимов в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. Н. Коротенко. — Бишкек, 2002.
5. Крылова, М. Н. Синтаксическая стилистика прозы Б. Акунина / М. Н. Крылова // Наука сегодня: факты, тенденции, прогнозы. — Вологда, 2016. — С. 145—146.
6. Кудрявцева, А. А. Использование апеллятивизированных единиц в функции семантико-стилистических синонимов / А. А. Кудрявцева // Изв. ВГПУ. — 2013. — № 6 (81). — С. 73—78.
7. Кыштымова, Т. В. Характерологическая функция фразеологических оборотов в романе Д. Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» / Т. В. Кыштымова // Филол. науки. Вопр. теории и практики. — 2014. — № 12-3 (42). — С. 109—111.
8. Лафта Халид Рахим. Стилистические функции синонимов в современной русской и арабской публицистике (1995—1999 гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Лафта Халид Рахим. — М., 2000.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
10. Попова, Ю. С. «Язык одежды» в творчестве И. А. Бунина: характерологические и сюжетобразующие функции : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. С. Попова. — Воронеж, 2012.
11. Солоненко, Е. Н. Характерологическая функция глагольных синонимов в старорусских житийных текстах / Е. Н. Солоненко // Новое слово: актуальные проблемы языкознания, литературоведения и методики преподавания филологических дисциплин. — Киров, 2015. — С. 53—56.
12. Талалакина, Е. В. Эвфемистическая функция синонимов и антонимов в русском и английском языках / Е. В. Талалакина // Альм. соврем. науки и образования. — 2007. — № 3-1. — С. 229—230.
13. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М., 2000. — URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>.

## Сведения об авторе

**Нгуен Мань Хай** — аспирант кафедры русского языка, Московский педагогический государственный университет. Москва, Россия. nmhaihn213@gmail.com

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 119—124.*

## CHARACTEROLOGICAL FUNCTION OF SYNONYMOUS SERIES OF ADJECTIVES IN MODERN RUSSIAN FICTION

*Nguen Man Hai*

*Moscow Pedagogical State University. nmhaihn213@gmail.com*

The article describes such ability of synonymous series of adjectives, as the performance of a characterological function in an artistic text. Using the example of the language of contemporary fiction, it is shown that with the help of synonymous series of adjectives, writers characterize both the external and internal qualities of their heroes, as well as objects of nature, cultural phenomena, time, etc. The gradual meaning, grand-hues, which are embedded in the semantics of the adjective, contribute to the performance of their characterological function, make the characteristic more accurate, vivid, detailed, contrasting, aesthetic.

**Keywords:** *synonym, synonymic series, adjective, characterological function, gradual function, grand-hue, language of fiction.*

### References

1. Dmitrieva Ye.G. *Kharakterologicheskaya funktsiya emotivnoy glagol'noy leksiki v zhitiynom tekste* [Characterological function of the emotional verbal lexicon in the hagiographical text. Abstract of thesis]. Volgograd, 2005. (In Russ.).
2. Yefremova T.F. *Novyy tolkovo-slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka* [New explanatory and word-building dictionary of Russian language]. Moscow, 2000. Available at: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova.htm> (In Russ.).
3. Kolesnikova S.M. *Kategoriya gradual'nosti v sovremennom russkom yazyke* [The category of graduation in modern Russian language. Abstract of thesis]. Moscow, 1999. (In Russ.).
4. Korotenko G.N. *Tipy i funktsii stilisticheskikh sinonimov v russkom yazyke* [Types and functions of stylistic synonyms in Russian language. Abstract of thesis]. Bishkek, 2002. (In Russ.).
5. Krylova M.N. *Sintaksicheskaya stilistika prozy B. Akunina* [Syntactic style of B. Akunin's prose]. *Nauka segodnya: fakty, tendentsii, prognozy* [Science today: facts, tendencies, forecasts]. Vologda, 2016. Pp. 145—146. (In Russ.).
6. Kudryavtseva A.A. *Ispol'zovanie apellyativizirovannykh edinit v funktsii semantiko-stilisticheskikh sinonimov* [Use of appellativized units in the function of semantic-stylistic synonyms]. *Izvestiya VGPU* [News of Voronezh State Pedagogical University], 2013, no. 6 (81), pp. 73—78. (In Russ.).
7. Kyshtymova T.V. *Kharakterologicheskaya funktsiya frazeologicheskikh oborotov v romane D.N. Mamina-Sibiryaka "Privalovskiye milliony"* [Characterological function of phraseological turns in D.N. Mamin-Sibiryak's novel "Privalov's millions"]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2014, no. 12-3 (42), pp. 109—111. (In Russ.).
8. Lafta Khalid Rakhim. *Stilisticheskiye funktsii sinonimov v sovremennoy russkoy i arabskoy publitsistike (1995—1999 gg.)* [Stylistic functions of synonyms in modern Russian and Arabic journalism (1995—1999). Abstract of thesis]. Moscow, 2000. (In Russ.).
9. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [The National Corpus of Russian Language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (In Russ.).
10. Popova Yu.S. *"Yazyk odezhdy" v tvorchestve I.A. Bunina: kharakterologicheskiye i syuzhetoobrazuyushchiye funktsii* ["The language of clothing" in I.A. Bunin's works: characterological and plot-forming functions. Abstract of thesis]. Voronezh, 2012. (In Russ.).
11. Solonenko Ye.N. *Kharakterologicheskaya funktsiya glagol'nykh sinonimov v staroruskikh zhitiynykh tekstakh* [Characterological function of verbal synonyms in old Russian hagiographical texts]. *Novoye slovo:*

*aktual'ye problemy yazykoznaniya, literaturovedeniya i metodiki prepodavaniya filologicheskikh distsiplin* [A new word: actual problems of linguistics, literature studies and methods of teaching philological disciplines]. Kirov, 2015. Pp. 53—56. (In Russ.).

12. Talalakina Ye.V. Evfemisticheskaya funktsiya sinonimov i antonimov v russkom i angliyskom yazykakh [The euphemistic function of synonyms and antonyms in Russian and English]. *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], 2007, no. 3-1, pp. 229—230. (In Russ.).

13. Ushakov D.N. (ed.). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka v 4 t.* [Explanatory Russian dictionary in 4 vol.]. Moscow, 2000. Available at: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (In Russ.).

УДК 398.22 (=512.157)

## ОБ ИСТОРИИ ПЕРЕВОДА ЯКУТСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА ОЛОНХО НА ЯЗЫКИ НАРОДОВ МИРА<sup>1</sup>

*Н. А. Николаева*

*Научно-исследовательский институт Олонхо Северо-Восточного федерального университета  
им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия*

Предпринята попытка провести краткий обзор переводов и первых попыток перевода якутского героического эпоса олонхо на языки народов мира. В работе рассмотрены переводы начиная с 1844 г. по настоящее время. В 2005 г. якутский героический эпос олонхо признан ЮНЕСКО шедевром устного нематериального наследия человечества.

**Ключевые слова:** якутский эпос олонхо, олонхосуты, первые публикации, исследователи, переводы, переводчики олонхо, классификация, экспедиционный материал.

Якутский героический эпос олонхо упоминается в литературе с 1844 г.: во время путешествия по Восточной Сибири (1842—1845) академик А. Ф. Миддендорф обратил внимание на пение неизвестного олонхосута-импровизатора, которое его очень заинтересовало. Тогда он записал начало олонхо «Эриэдэл Бэргэн» латинским алфавитом на языке оригинала, а затем основное содержание в сжатой форме изложил на русском языке. Это произведение вошло в сборник «Образцы народной литературы якутов» в 1911 г. В 1851 г. О. Н. Бётлингком был предпринят подстрочный перевод на немецкий язык олонхо «Эрэйдээх-Буруйдаах Эр-Соготох» А. Я. Уваровского. Уместно напомнить, что именно О. Н. Бётлингк впервые ввел в научный оборот термины олонхо и олонхосуты.

В 1884 г. в «Известиях Восточно-Сибирского отделения Императорского Русского географического общества» был опубликован перевод на русский язык олонхо Н. С. Горохова «Юрюнг Уолан», передающий наиболее полное и верное представление о якутском олонхо [1].

Большое значение имел «Верхоянский сборник» известного русского ученого-этнографа, фольклориста и политического ссыльного И. А. Худякова, сосланного за революционную деятельность в Верхоянск. Его «Верхоянский сборник» (1890) представляет собой русский перевод собранного им полевого материала, он был издан после смерти ученого в Иркутске. В сборник вошли подстрочный перевод известного олонхо «Хаан Джаргыстай» и неполные записи трех олонхо «Басымнилаах Баатыр», «Огоннёрдоох эмээхсин»

(Старик со старухой), героями которых являются Эр Соготох и Бэрт Хара — излюбленные герои эпических произведений Якутии [8]. «Верхоянский сборник» имел большое значение для более достоверного ознакомления русскоязычных читателей с якутским олонхо.

Плодотворной была работа другого политического ссыльного, С. В. Ястремского, побывавшего в якутской ссылке в 1887—1896 гг. В 1895 г. он записал и в 1900 г. перевел отрывки из трех олонхо на русский язык. Итоги работы Ястремского по якутскому фольклору были опубликованы в Ленинграде под названием «Образцы народной литературы якутов» в 1929 г. В разделе «Былины (олонхо)» в переводе на русский язык были опубликованы тексты пяти олонхо: «Эр Соготох» Г. Н. Саввинова (Мегинский улус), «Кулун Куллустур» Н. А. Каприна (Дюпсюнский улус), «Грозный Разящий» С. Н. Стрекаловского (Дюпсюнский), а также «Бессмертный витязь» и «Шаманки Уолумар и Айгыр», изданные Э. К. Пекарским в «Образцах народной литературы якутов» [14]. С. В. Ястремскому существенную помощь при переводе оказал знаток устного народного творчества якутов А. П. Афанасьев. Предисловие к книге написал член-корреспондент АН СССР С. Е. Малов. После «Верхоянского сборника» И. А. Худякова это одно из серьезных изданий, способствующих углубленному изучению якутского олонхо на русском языке.

Э. К. Пекарский с помощью друзей-единомышленников смог собрать вокруг себя знатоков родного языка, народных мудрецов и талантливых олонхосутов. Он организовал сбор образцов фольклора. Большое значение он придавал языку олонхо. В Ботурусском улусе в то время проживали известные олонхосуты, сказочники и певцы-тойуксуты; например, олонхосут I-го Игидейского

<sup>1</sup> Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта СВФУ «Героические эпосы тюркомонгольских народов Евразии: проблемы и перспективы сравнительного изучения».

наслега Ботурусского улуса И. Я. Слепцов мог продиктовать ему следующие олонхо: «Тойон Нюргун», «Кюн Эрилик», «Баһымни Батыр», «Тойон Кулут», «Агыс сала кутуруктах айдарыкы сизэр аттаах Кулантая Куллугур» и т. д.

Следует отметить большой вклад Э. К. Пекарского как составителя и редактора академического издания серии «Образцы народной литературы якутов» в 3 томах, 8 выпусках. Подготовка к печати и редактирование малограмотных записей олонхо при отсутствии общепринятой тогда для якутских текстов транскрипции представляли огромные трудности. Благодаря выработанной на протяжении многих лет соответствующей методике текстологической работы Э. К. Пекарскому удалось добиться точности и научной достоверности в передаче оригинала текстов. В первом томе содержатся 15 текстов героического эпоса олонхо, из них семь представлены в наиболее полном виде, остальные являются сокращенными и фрагментарными записями. Первый том в пяти выпусках (1907—1911) включает олонхо, записанные самим Пекарским и другими лицами под его руководством.

Если Э. К. Пекарский обогатил фольклористику большим количеством текстов олонхо, то заслуга С. В. Ястремского заключается в том, что он осуществил первые переводы олонхо устных произведений. Эта работа была подготовлена еще в XIX в. и долго оставалась в рукописи.

Переводы С. В. Ястремского производят очень хорошее впечатление, но, как отметил Г. У. Эргис, в деталях можно все же заметить некоторые упрощения. Переводы напечатаны под редакцией Э. К. Пекарского в прозе, хотя в авторской рукописи С. В. Ястремский разбил текст перевода оригинала на строки.

Интересен и плодотворен был метод работы участников издания «Якутский фольклор», состоявшего в основном из ранее не публиковавшихся материалов, собранных А. А. Поповым и студентом якутом Г. А. Неустроевым [13]. В книгу вошли якутские эпические произведения «Эр Соготох» и «Две шаманки» на русском языке. Фольклорист А. А. Попов, в совершенстве владевший якутским языком, автор части записей подлинных текстов, осуществил точный и максимально близкий к подлиннику подстрочный перевод и ознакомил поэтессу Е. М. Тагер с этими текстами путем многократного чтения вслух. Чтение это сопровождалось более точной разметкой ударных и неударных долгих и кратких слогов, в результате чего возникла точная ритмическая запись, передавшая своеобразие напева якутской речи. Е. М. Тагер на основе ритмической записи и под-

строчника сделала художественный перевод. При этом она старалась передать образы и сравнения, учесть синтаксические особенности оригинала. Подготовленные таким образом переводы еще раз рассматривались А. А. Поповым и передавались для окончательной редакции литературоведу М. А. Сертееву. Усилиями многих лиц перевод получился действительно точным и вместе с тем литературно-художественным. Таким образом, была совершена первая попытка художественного перевода олонхо, ставшая образцом при подготовке серьезных фольклорных изданий.

Спустя 15 лет А. А. Попов взялся за перевод одного из лучших олонхо «Куруубай Хааннаах Кулун Куллустуур» олонхосута И. Г. Теплоухова-Тимофеева, записанного в 1906 г. В. Н. Васильевым и опубликованным Э. К. Пекарским в «Образцах народной литературы якутов». Перевод, выполненный на высоком уровне, полностью передает идейно-художественное содержание олонхо, особенности стиля и поэтического языка, отягощенного архаическими выражениями и сложными синтаксическими переводами. Перевод вместе с якутским текстом подготовлен к печати И. В. Пуховым и Г. Г. Окорочковым и включен в серию «Эпос народов СССР», издан в 1985 г. [9].

Первой научной публикацией Института языка, литературы и истории ЯФАН СССР совместно с Институтом мировой литературы АН СССР на двух языках стал текст олонхо К. Г. Оросина «Нюргун Боотур Стремительный». Перевод, комментарии и вступительную статью к этой книге написал Г. У. Эргис [5]. Это издание положило начало двуязычному изданию памятников якутского героического эпоса олонхо.

Таким образом, благодаря переводу Г. У. Эргиса русскоязычный читатель впервые смог получить представление о якутском героическом эпосе — олонхо, особенностях якутского поэтического слова и иметь возможность сравнить уникальный эпос якутов с эпосами других народов мира. Надо признать, что первые переводы якутского героического эпоса олонхо на русский язык, выполненные Н. С. Гороховым, И. А. Худяковым, С. В. Ястремским, являются довольно качественными, переводчики стремились приблизиться к духу оригинала, передать уникальные поэтические особенности языка.

Самым объемным переводом олонхо на русский язык является «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского, осуществленный в 1975 г. многоопытным переводчиком В. В. Державиным. Перевод был признан специалистами в качестве одного из максимально приближенных к тексту оригинала, раскрывающим языковой и духовный

потенциал якутского эпоса. Перевод олонхо до сих пор пользуется огромным заинтересованным вниманием со стороны специалистов и общественности. В. В. Державин за этот перевод был удостоен престижной республиканской государственной премии им. П. А. Ойунского.

Также текст олонхо «Могучий Дьагарыма» якутского народного поэта В. М. Новикова (Кюннюк Урастыров) [2], воссозданный на основе ранее им услышанного олонхо знаменитого амгинского олонхосута Т. В. Захарова (Чээбия), в 1984 г. был переведен на русский язык А. Романовым. В адрес переводчика было сказано, что он сумел постичь дух олонхо, войти в его своеобразный мир и передать все это мастерски на русском языке.

В 1993 г. в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» на якутском и русском языках было издано олонхо «Кыыс Дэбиллий» Н. П. Бурнашева [11], а в 1996 г. в той же серии — «Могучий Эр Соготох» В. О. Каратаева [12]. Переводы осуществлены Н. В. Емельяновым, П. Е. Ефремовым, С. П. Ойунской. Оба издания сопровождаются грампластинками с фрагментами олонхо.

В последнее время переводом олонхо на русский язык занимался востоковед Е. С. Сидоров. Он перевел на русский язык тексты олонхо верхоянской сказительницы Д. А. Томской «Ючюгэй Юдюгюэн, Кусаган Ходжугур» и олонхо нюрбинского сказителя Н. Г. Тагрова «Уол Эр Соготох», которые были изданы в 2015—2016 гг. профессором В. В. Илларионовым.

В 2011 г. Научно-исследовательский институт Олонхо при СВФУ им. М. К. Аммосова издал олонхо П. П. Ядрихинского-Бэдьээлэ «Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта» с переводом на русский язык [10]. Перевод осуществила группа переводчиков, состоящая из числа преподавателей и студентов кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода Института языка и культуры народов Северо-Востока РФ СВФУ под общей редакцией профессора Т. И. Петровой.

В 2016 году вышел в свет текст олонхо Д. А. Томской-Чайки «Кыыс Кылаабынай Бухатыыр», подготовленный профессором СВФУ В. В. Илларионовым в переводе на русский и английский языки [7]. Русский перевод осуществила А. Е. Шапошникова, на английский язык перевела ассистент кафедры перевода СВФУ им. М. К. Аммосова В. К. Алексеева. Книга была приурочена к Ысыаху олонхо в Верхоянском районе.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что перевод олонхо на русский язык имеет довольно интересную историю и благодаря этим перево-

дам якутский эпос приобрел русскоязычного читателя не только среди научных сотрудников, но и среди широкой общественности. Отметим еще раз, какой востребованностью пользуется перевод В. В. Державина главного эпоса якутского народа «Нюргун Боотур Стремительный».

Особый интерес представляют первые переводы олонхо на *иностранные языки*, это прежде всего перевод олонхо А. Я. Уваровского «Эрэй-дээх-буруйдаах Эр Соготох» на *английский язык*, который был осуществлен доцентом хирургической травматологии медколледжа университета Аризоны Дугласом Линдсеем и был опубликован в ежеквартальном издании университета Аризоны в 1971 г. [12]. В 1984 г. в Братиславе издательство «Татран» выпустило перевод Милоса Крно на словацкий язык олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» с текста перевода В. В. Державина.

В 1990 г. Янкель (Жак) Карро, сотрудник Национальной библиотеки Парижа, открыл для европейского читателя удивительный мир древнего якутского эпоса, осуществив перевод на французский язык олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К. Г. Оросина.

Уникальное своеобразие, великолепная образность и богатство языка олонхо по-прежнему привлекают внимание зарубежных исследователей. Известно, что предпринималась попытка перевода I песни (а их всего 9) олонхо П. А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный» японским переводчиком Ямасита Мунэхиса. В настоящее время он ведет работу по переводу «Модун Эр Соготох» и «Кыыс Дэбиллий». Японское издательство «Хэйбонся» собирается опубликовать перевод этих двух олонхо.

В нашей республике попытки переводить олонхо на иностранные языки предприняты в последние десятилетия XX в. Известны переводы текстов олонхо на иностранные языки: перевод фрагмента олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского для детей — «Освобождение Нюргун Боотуром Хан Дьаргыстая» на французский язык (пер. Я. Карро, Л. М. Сабарайкина), переводы I песни олонхо П. А. Ойунского на английский язык (пер. А. А. Скрыбина, 1993, и Р. Ю. Скрыбыкин, 1995), а также мультилингвальный проект по переводу олонхо «Элэс Боотур» П. В. Оготовева на английский язык (пер. А. А. Скрыбина, 2002). В 2012 г. вышла книга П. В. Оготовева «Элэс Боотур» на французском языке. Перевод осуществлен с якутского на французский язык доцентом ИЗФиР СВФУ им. М. К. Аммосова В. И. Шапошниковой. Олонхо П. В. Оготовева также переведено на немецкий, турецкий и корейский языки. Олонхо на корейский

язык перевел профессор Канг Дук Су, и он был опубликован в 2005 г. в Южной Корее.

В 2010 г. благодаря организации «Тюркской» (Турция) вышло в прекрасном оформлении олонхо К. Г. Оросина «Дьурулуйар Ньургун Боотур» на турецком языке. Перевод осуществил доктор Мурат Эрзос [15].

В последние годы переводы олонхо на русский и другие европейские языки вышли на качественно иной уровень, появились новые переводы якутского героического эпоса олонхо. В этом ведущую роль играют преподаватели СВФУ им. М. К. Аммосова. В 2014 г. вышел в свет перевод полного текста олонхо П. А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный» [16]. Книга была выпущена в издательском доме Renaissance Books под редакцией Пола Норберри в Великобритании. Стоит упомянуть, что работа над переводом началась в 2007 г. в Институте зарубежной филологии и регионоведения СВФУ им. М. К. Аммосова. Огромную ответственность столь кропотливой работы, как перевод уникального текста олонхо П. А. Ойунского, владевшего искусством эпического языка, взяли на себя преподаватели, аспиранты и выпускники кафедры перевода ИЗФир под руководством доцента А. А. Находкиной. В работе группы принимали участие известные в республике переводчики: А. А. Скрябина, С. В. Холмогорова, В. К. Алексеева, Л. А. Шадрин и З. Е. Тарасова. Переводчикам помогали профессор Кембриджского университета, известный якутянам этнограф Пиерс Витебский и Женевьер Пьерро из Канады. Исключительно важно, что перевод осуществлен с языка оригинала, то есть с якутского языка, что давало большое преимущество в понимании исторических особенностей культуры народа саха, сохраняющихся в героическом эпосе олонхо.

В 2014 г. завершен и издан перевод олонхо П. А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремитель-

ный» на кыргызский язык. Текст перевода осуществлен с русского перевода В. В. Державина народным поэтом Республики Кыргызстан Бексултаном Жакиевым [4].

В планы работы НИИ Олонхо входит осуществление перевода текстов олонхо Т. В. Захаровой-Чээбий «Ала-Булкун» на *турецкий язык* (по тексту, опубликованному Э. К. Пекарским) и олонхо В. О. Каратаева «Могучий Эр Соготох» на *английский и французский языки*. Институт намерен осуществить перевод текстов якутского эпоса на испанский, немецкий, китайский, корейский, японский и другие языки. Вдохновляет тот факт, что эпос финского народа Калевала переведен на 65 языков мира! Здесь есть один интересный аспект: при отборе материала институт отдает предпочтение переводу текстов ранних записей олонхо, в которых сохранились стиль и язык олонхо того времени.

Безусловно, перевод олонхо на языки народов мира непростая задача. Это работа не одного человека, и, имея уже ранее выполненные переводы отдельных текстов олонхо, привлекая опытных переводчиков, редакторов и студентов, НИИ Олонхо вносит весомый вклад в то, чтобы якутский героический эпос олонхо стал достоянием всей мировой общественности как общепризнанный шедевр устного нематериального наследия человечества. И мы должны принять во внимание все возрастающий интерес представителей многих стран мира к нашему эпосу. И должны учесть, что публикация переводов на иностранные языки будет способствовать культурному обмену, сотрудничеству в гуманитарных областях, укреплению имиджа народа — творца эпоса на международном уровне. В целом предстоит огромная работа по глубокому научному раскрытию общечеловеческого потенциала ценностей олонхо в целях расширения понимания вклада народа саха в мировую культуру.

### Список литературы

1. Горохов, Н. С. Юрюнг Уолан: якутская сказка. Ч. I / Н. С. Горохов // Изв. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. — 1884. — Т. XV, № 5—6. — С. 43—60.
2. Кюннюк Урастыров (Новиков В. М.). Могучий Дьагарыма / Кюннюк Урастыров. — Новосибирск, 1984.
3. Миддендорф, А. Ф. Путешествие на север и восток Сибири. Ч. II, отд. VI // Коренные жители Сибири. — СПб., 1878.
4. Ньургун Баатыр. Саха элинин баатырдык эпосу Олонхо / котор. Ш. Абдылаев. — Бишкек, 2014.
5. Оросин, К. Г. Нюргун Боотур Стремительный / К. Г. Оросин. — Якутск, 1947.
6. Сидорова, М. Б. Способы достижения эквивалентности при переводе якутского олонхо «Эр Соготох» на английский язык : диплом. работа / М. Б. Сидорова. — 1998.
7. Томская-Чайка, Д. А. Богатырка Кыыс Кылаабынай / Д. А. Томская-Чайка. — Якутск, 2016.
8. Худяков, И. А. Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе / И. А. Худяков. — Иркутск, 1890.

9. Эпос народов СССР. Вып.8. — М., 1985.
10. Ядрихинский-Бэдьээлэ, П. П. Девушка-богатырь Джырыбына Джырылыатта / П. П. Ядрихинский-Бэдьээлэ. — Якутск, 2011.
11. Якутский героический эпос «Кыыс Дэбилэй». — Новосибирск, 1993.
12. Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох». — Новосибирск, 1996.
13. Якутский фольклор. Тексты и переводы А. А. Попова / литератур. обраб. Е. М. Тагер. — М. ; Л., 1936.
14. Ястремский, С. В. Образцы народной литературы якутов / С. В. Ястремский. — Л., 1929.
15. Ersoz, M. Culuruyar Nurgun Bootur / M. Ersoz. — Ankara, 2010.
16. Olonkho: Nurgun Bootur the Swift By Platon Oyunsky. — UK, 2014.

#### Сведения об авторе

**Николаева Наталия Алексеевна** — заведующая сектором «Перевод олонхо на языки народов мира», Научно-исследовательский институт Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия. onatalia@inbox.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 125—130.

## THE HISTORY OF TRANSLATION OF THE YAKUT HEROIC EPOS OLONKHO INTO LANGUAGES OF THE PEOPLES OF THE WORLD

*N.A. Nikolaeva*

*Olonkho Research Institute of M. K. Ammosov North-Eastern Federal University,  
Yakutsk, Russia. onatalia@inbox.ru*

The article makes an attempt to conduct a brief review of the translations and the first attempts to translate the Yakut heroic epos of olonkho into the languages of the peoples of the world. The work deals with translations from 1844 to the present. The Yakut heroic epic Olonkho in 2005 was recognized by UNESCO as a masterpiece of the oral intangible heritage.

**Keywords:** *epic, epic text, community, original culture, traditions, classification, unique self-expression, folklore, expeditionary materials, original culture, traditions, classification, unique self-expression, folklore, expeditionary materials.*

#### References

1. Gorokhov N.S. Yuryung Uolan: yakutskaya skazka. Ch. I [Yuryung Wolan: Yakut fairy tale. Pt. I]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of East Siberian Department of the Russian Geographical Society], 1884, no. 5—6, pp. 43—60. (In Russ.).
2. Kyunnyuk Urastyrov (V.M. Novikov). *Moguchiy D'agaryma* [Mighty Diaghuryma]. Novosibirsk, 1984. (In Russ.).
3. Middendorf A.F. Puteshestviye na sever i vostok Sibiri. Ch. II, otd. VI [Journey to the North and East Siberia. Pt. II, dep. VI]. *Korennyye zhiteli Sibiri* [Indigenous people of Siberia]. St. Petersburg, 1878. Pp. 808—819. (In Russ.).
4. Nurgun Baatar. *Sakha elinin baatyrdyk eposu Olonkho* [Sakha elinin baatyrdyk eposu Olonkho], translation by Sh. Abdylayev. Bishkek, 2014. (In Kyrgyz).
5. Orosin K.G. *Nyurgun Bootur Stremitel'nyy* [Nyurgun Bootur the Swift]. Yakutsk, 1947. (In Russ.).
6. Sidorova M.B. *Sposoby dostizheniya ekvivalentnosti pri perevode yakutskogo olonkho "Er Sogotokh" na angliyskiy yazyk: diplomnaya rabota* [Ways to achieve equivalence when translating the Yakut olonkho "Er Sogotokh" into English: diploma work]. 1998. (In Russ.).
7. Tomskaya-Chayka D.A. *Bogatyrka Kyys Kylaabynay* [The hero girl Kyys Kylaabynay]. Yakutsk, 2016. (In Russ.).
8. Khudyakov I.A. *Verkhoyanskiy sbornik. Yakutskiye skazki, pesni, zagadki i poslovitsy, a takzhe russkiye skazki i pesni, zapisannyye v Verkhoyanskom okruge* [Verkhoyansk collection. Yakut fairy tales, songs, riddles and proverbs, as well as Russian fairy tales and songs recorded in the Verkhoyansk district]. Irkutsk, 1890. (In Russ.).

9. *Epos narodov SSSR. Vyp. 8* [Epos of the peoples of the USSR. Iss. 8]. Moscow, 1985. (In Russ.).
10. Yadrikhinskyy-Bed'eele P.P. *Devushka-bogatyr' Dzhyrybyna Dzhyrylyatta* [The hero-girl Dzhyrybyna Dzhyrylyatta]. Yakutsk, 2011. (In Russ.).
11. *Yakutskiy geroicheskiy epos "Kyys Debiliye"* [Yakut heroic epic "Kyys Debiliye"]. Novosibirsk, 1993. (In Russ.).
12. *Yakutskiy geroicheskiy epos "Moguchiy Er Sogotokh"* [Yakut heroic epic "Mighty Er Sogotokh"]. Novosibirsk, 1996. (In Russ.).
13. *Yakutskiy fol'klor. Teksty i perevody A.A. Popova* [Yakut folklore. Texts and translations by A.A. Popov]. Moscow, Leningrad, 1936. (In Russ.).
14. Yastremsky S.V. *Obraztsy narodnoy literatury yakutov* [Samples of folk literature of the Yakuts]. Leningrad, 1929. (In Russ.).
15. *Ersoz Murat Culuruyar Nurgun Bootur*. Ankara, 2010. (In Turkish).
16. *Olonkho: Nurgun Bootur the Swift By Platon Oyunsky*. UK, 2014.

УДК 821.111

ББК 6/8.80/84.83.3(4Вел)

## ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИЕМА ОСТРАНЕНИЯ В «РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ПЕСНИ В ПРОЗЕ» Ч. ДИККЕНСА

*Н. В. Норина*

*Соликамский государственный педагогический институт,  
филиал Пермского государственного национально-исследовательского университета,  
Соликамск, Россия*

Исследуется специфика приема остранения как особого приема сюжетосложения и организации системы образов в повести Ч. Диккенса «Рождественская песнь в прозе». Обладающее диссонансом заглавие привлекает внимание удивленного читателя и сообщает ему способ восприятия всей структуры произведения как гармонического единства противоречивых, разнонаправленных начал.

**Ключевые слова:** остранение, прием торможения, разгадка тайны, эффект неожиданности, противоречие, сдвиг.

Первоначально как стилистический прием обновления показа явлений термин «остранение» был предложен ведущим представителем формальной школы в теории поэтики Виктором Шкловским в статье «Искусство как прием», опубликованной в 1917 г. Однако впоследствии В. Шкловский отказался от чисто стилистического толкования этого термина и в своих последних работах рассматривал его как «удивление миру», «обостренное восприятие» мира. Другими словами, этот термин, по мнению осознавшего свою первоначальную ошибку исследователя, предполагает существование *содержания*, суть которого — «задержанное внимательное рассматривание мира» [15. С. 136].

Прием остранения, один из универсальных приемов построения художественного текста, присущ творчеству разных писателей, в том числе и творчеству английского писателя Чарльза Диккенса (1812—1870). Мастером сложной организации тайн в романах называет Диккенса В. Шкловский, отмечающий противоречивость искусства писателя: демонстрирующий собой пример зрелого реализма, Диккенс удивительно фантастичен. Мир Диккенса, по словам В. Шкловского, — «это джазовый оркестр, с подчеркиванием множества как бы неслиянных партий разных инструментов» [13. С. 206].

Проблема продуктивности приема остранения в многоплановом творчестве Диккенса до сих пор не была предметом специального изучения. За редким исключением, выбор данного понятия в качестве методологической основы исследования не являлся определяющим [2]. Между тем без ясного понимания механизма остранения у Диккенса невозможен полноценный анализ худо-

жественного сознания писателя, тяготеющего к усложненной форме подобно своему предшественнику Стерну, через спор о человеке приближившемуся к познанию сущности *противоречий* человеческой души. В русской литературе открытия Стерна и Диккенса оказали влияние на становление метода Л. Н. Толстого. «Непосредственным образом» связанный с манерой Диккенса прием остранения позволял Толстому воспринимать и «разоблачать “дурную условность” мира, его противоестественность» [8]. В русле традиции Диккенса — стилистические приемы Толстого: избыточные повторы, нарочитое многословие, обилие подробностей — недостаток, по мнению многих критиков, затрудняющий чтение. В подобном же ключе воспринимались в России аналогичные особенности диккенсовского письма: первые переводчики видели в них «утомительные и странные длинноты» и не заботились об их сохранении в переводах на русский язык. Позднее происходит постепенная переориентация переводческих стратегий на сохранение и точное воссоздание особенностей стиля Диккенса, связанных с умением писателя видеть обыденные, привычные вещи «под острающим, необычным и потому поэтичным углом» [5. С. 196]. Ощущение читателем экспериментальных произведений Диккенса углубляется благодаря соотношению в них разных явлений бытия, противоречий, создающих напряженность событийной структуры.

Ярким примером *удивляющего* нас «единого» как комплекса неких противоречий выступает у Диккенса «Рождественская песнь в прозе» (1843) (наиболее репрезентативный текст в ряду других рождественских рассказов писателя, предмет пристального изучения литературоведов). Специфика

использования здесь приема остранения как особого приема сюжетосложения и организации системы образов явилась *целью* нашего исследования.

«Остраняющим» эффектом обладает построенное на диссонансе заглавие («Рождественский гимн» «в прозе»), прибавляющее «к общему ликованию нотку иронии» [5. С. 101]. Атмосферой игры, «где возможно почти невозможное», объясняет Н. Л. Потанина скрытую от понимания связь «смысла заглавия» повести с «дальнейшим развитием событий» в ней [9. С. 14].

С самого начала автор убеждает своего читателя в «необычайном» содержании «той истории», которую он намерен ему рассказать. *Мотив смерти* и одновременно *мотив сомнения в смерти* открывают повествование и *парадоксальным* образом соседствуют друг с другом. Речь идет о смерти компаньона Скруджа Марли: «Знали об этом Скрудж? Разумеется. ...Скрудж был *единственным* доверенным лицом Марли, его *единственным* уполномоченным во всех делах, его *единственным* душеприказчиком, его *единственным* законным наследником, его *единственным* другом и *единственным* человеком, который проводил его на кладбище» [курсив наш. — Н. Н.] [4. С. 8]. Многократное повторение эпитета «единственный» в этом фрагменте не случайно, как не случайно и четырехкратное повторение (с разными вариациями) фразы «Марли был мертв» [Там же. С. 7—8]. Автор использует здесь прием «затрудненной формы, увеличивающей трудность и долготу восприятия» [13. С. 15], с целью подтолкнуть читателя задуматься над символическим значением фраз, акцентированных многократным повтором. Фактически Марли «был мертв» уже при жизни, будучи *призраком* среди живых людей и составляя единое целое только со Скруджем, «единственным человеком, который проводил его на кладбище» [4. С. 8]. Но парадокс в том, что Скрудж, как *единственный* свидетель жизни и смерти своего компаньона, даже не заметил его исчезновения, во всяком случае, он не был подавлен этим «печальным событием» и день похорон своего друга отметил «заключением весьма выгодной сделки» [Там же]. Призрачность существования одного из компаньонов как в *зеркале* отражается в призрачности существования другого.

Диккенсу важно чувство иронии, создающей эффект *остранения*. Именно в этом смысл использования рассказчиком народного изречения «мертв, как гвоздь в притолоке». Рассказчик, опираясь на народную мудрость, стремится убедить читателя в том, что «старик Марли был мертв» и

неподвижен, словно гвоздь, *намертво* вколоченный в притолоку. Последующие чудеса, происходящие в сочельник со Скруджем (*зеркальным двойником* Марли), как и появление весьма *подвижного* призрака Марли, явно противоречат смыслу данного высказывания.

Настойчивым желанием рассказчика убедить читателей в смерти Марли обусловлено и выглядящее *странным*, неуместным комическое отождествление таинственной завязки излагаемой им истории с сюжетной ситуацией шекспировской трагедии о принце Датском. Ситуация появления в пьесе Шекспира inferнального героя — Призрака отца Гамлета — пародийно переосмысливается и преломляется в композиционном построении сюжета повести Диккенса. В экспозиционной части произведения шекспировский образ Призрака предстает перед нами увиденным в неожиданно ином свете: в комически сниженном образе лишенного всякой inferнальной сущности типичного пожилого джентльмена, «которому пришла блажь прогуляться в полночь в каком-либо не защищенном от ветра месте, ну, скажем, по кладбищу св. Павла, преследуя при этом единственную цель — поразить и без того расстроенное воображение сына» [Там же]. Знаменитый литературный образ, помещенный в *иной ряд* воображением диккенсовского рассказчика, подается заново и выглядит комически нелепо. Смысл такого применения приема — обострить материал и «остранить» понятие смерти (ключевое и у Шекспира, и у Диккенса).

Благодаря вмешательству пришельцев из мира потустороннего и Гамлет, и Скрудж постигают на личном опыте, что перед смертью равны все. Тревожащие героев Призраки побуждают их «на очной ставке» со своей «виной» (с прошлым) «свидетельствовать» (держать ответ) [12. С. 226]. Однако в отличие от стремящегося к нравственному идеалу Гамлета Скрудж — нарочито сниженная версия «философски» мыслящего шекспировского персонажа, преломленная в зеркале пародии. Это рациональный субъект, проповедующий философию пошлого меркантилизма.

Рассказ ведется от лица рассказчика или эксплицитно изображенного *нарратора*, для которого характерны самопрезентация (употребление местоимений «я» и форм глагола первого лица) и прямое обращение к читателю. События, герои «остранены» «призматическим» восприятием рассказчика. Последний воспринимается читателем как инстанция с высоким уровнем компетентности, как субъект, прекрасно осведомленный о предмете своего повествования и занимающий

определенную оценочную позицию. Автору важна эта эмоциональная опосредованность с целью дать читателю особое видение явления, к которому он относится отрицательно.

Максимально исчерпывающая и крайне негативная характеристика Скруджа сформулирована одним емким словом «сквалыга»: «Вот уж кто умел выжимать соки, вытягивать жилы, вкочлачивать в гроб, загребать, захватывать, заграбастывать, вымогать...» [4. С. 8]. Это беззаконник, безбожник, причастный греху нечестивец, «заблудшая овца» в глазах Бога.

Портрет Скруджа-мертвеца становится в тексте еще одним приемом «остранения» персонажа. Рассказчик стремится передать нам физическое ощущение всепоглощающего «холода», идущего изнутри этого персонажа и фантастическим образом запечатлевшегося в комически-уродливых чертах его внешнего облика. В действительности нет ничего, что могло бы физически или эмоционально противостоять этому чрезвычайно чудовищному, мертвящему холоду. Как существо, находящееся «по ту сторону» «живой» жизни, Скрудж непроницаем для тепла природного мира или же тепла человеческих эмоций. Рассказчик завершает экспозиционную часть своего рассказа выводом-обобщением: «А вы думаете, это огорчало Скруджа? Да нисколько. Он совершал свой жизненный путь, сторонясь всех...» [Там же. С. 9].

Композиционная роль этого развернутого вступления в произведении (момент экспозиции характера главного героя) — торможение, мотивированно подготавливающее читателя к восприятию «необычайного», удивительным образом способствующего перерождению падшего грешника.

В основе сюжета «Рождественской песни в прозе» Диккенса лежит так называемая притча о заблудшей овце. Смысл этой притчи: добрый Пастырь спасает погибающего в грехах человека и возвращает ему утраченные невинность, святость и блаженство. Вот почему действие рождественской истории о старике Скрудже приурочено к «самому сочельнику» накануне праздника Рождества Христова — одного из тех дней, когда люди с наибольшей радостью переживают встречу с Богом.

Вечер святок начинается с появления в конторе Скруджа различных посетителей, функция присутствия и речей которых дидактическая. Прежде всего это молодой племянник Скруджа и два джентльмена «приятной наружности», а также уличный мальчишка — исполнитель святочного гимна, прильнувший на мгновение к замочной скважине конторы Скруджа. Все эти персонажи резко контрастны отрицательному образу старо-

го скряги, в их уста автор вкладывает суждения морального толка.

Жизнерадостный племянник Скруджа говорит о духовно-нравственном значении рождественских праздников. Молодой человек, для которого важен священный смысл Рождества и связанные с ним нравственные понятия милосердия, доброты, всепрощения, безуспешно пытается донести до своего всецело преданного стяжательству дядюшки христианскую истину о естественном равенстве всех людей.

О необходимости проявления заботы о «сырых и обездоленных» напоминают другие два посетителя — два джентльмена, занимающиеся общественной благотворительностью. Однако и их призыв не возымел результата: *благой деятельностью* английских властей в отношении бедняков Скрудж называет остроги, работные дома и принудительные работы. Судьба нуждающихся мало заботит Скруджа, в конечном итоге их смерть для него гораздо более предпочтительна, ибо она сокращает «излишек населения». Цинизм такой позиции персонажа — прямое следствие господствующего в викторианском обществе убеждения, что бедность является продуктом взаимодействия лени и греха. Отсюда проистекают: *во-первых*, обвинения несчастных лондонских отщепенцев, часто несправедливые, в симуляции своего нищенства («Богатые и средний класс не давали им ничего, полагая, что все попрошайки — обманщики» [1]); и, *во-вторых*, принятие в 1834 г. с целью борьбы с нищетой Закона о бедных, учредившего так называемые работные дома, являвшие собой нечто среднее между фабрикой и тюрьмой с крайне опасными и бесчеловечными условиями содержания там бедняков. Вредность благотворительности доказывала также весьма популярная в викторианскую эпоху теория, унаследованная еще от пуритан XVII в. и обновленная Т. Мальтусом. В своей работе «Опыт о законе народонаселения в связи с будущим совершенствованием общества», опубликованной в 1798 г. анонимно, автор писал: «Никакое пожертвование со стороны богатых, в особенности денежное, не может устранить среди низших классов нищету» [7], ибо чем лучше население будет обеспечено под влиянием благоприятных общественных условий, тем быстрее оно будет возрастать и лишать себя средств к существованию, производимых землей.

Как сторонник вышеуказанных убеждений, Скрудж демонстрирует полное равнодушие к людям — даже добрые намерения ребенка, желающего прославить Рождество сквозь замочную скважину, не могут тронуть это холодное бездушное существо. Праздничное настроение

радующихся «веселым святкам» людей раздражает Скруджа, он сыплет ругательствами, сердится и богохульствует. Упоминание Скруджем самого сатаны вкупе с деталями зловещего пейзажа создает напряженную атмосферу и предвещает появление потусторонних сил.

Густая пелена, плотная завеса, клубы тумана делают воздух Лондона непрозрачным, скрывая от глаз все предметы, превращая их в *призраки*, сливаясь с ними и растворяя их в себе.

Развернутое сравнение густого тумана с Природой, варящей себе пиво к празднику, обладает эффектом остранения, ибо заключает в себе ироническую двусмысленность. Первый смысл связан с тем, что издавна в английских деревнях большинство народных празднеств, связанных с общими церковными праздниками, «а равно и чисто местных праздников, всегда сопровождалось непременно варкой пива (эля), откуда в эпоху Шекспира эль вообще стал синонимом праздничного веселья» [З. С. 103]. Второй — с тем, что в процессе праздничного веселья по случаю церковного праздника принимает участие Природа, окутанная дьявольскими клубами густого темного тумана.

Мы видим пространство конторы, города, квартиры Скруджа. На всем этом пространстве лежит отпечаток его личности.

Став дельцом, посвятив себя всецело служению «золотому тельцу», Скрудж оказался вне человеческого мира, за рамками норм человеческой морали. Этот персонаж ведет *странный* образ жизни. В этом смысле столкновение со *сверхъестественным* — логичное продолжение его самого. Жизненное пространство героя невероятно сужено. Деспотичный и жестокий, истязаяющий ближнего своего, умерщвляющий и *автоматизирующий* окружающую его действительность, Скрудж буквально живет во мраке, он замкнут в привычном круге своей мертвенной, автоматической жизни.

Первый симптом изменения мироощущения, основанного на трезвом расчете, возникает у героя под влиянием чувства ужаса перед элементами необъяснимого, сверхъестественного. Как известно, «ужас» — необходимое качество готической прозы.

*Остраняющая* функция рассказчика — показать опосредованность прежнего «непосредственного» восприятия мира героя, сделать более выпуклым чудо, происшедшее со старым грешником, убедить читателя в возможности невозможного. Разумеется, нам трудно представить, чтобы такой душевно холодный человек, с «каменным сердцем», мог измениться в реальности. Поэтому-

то и понадобилась фантастическая ситуация — столкновение Скруджа с Потусторонним миром, миром Духов — то есть такая необычная ситуация, которая позволила бы вывести застывшее сознание героя из характерного для него «автоматизма» восприятия. Необходимость *фантастического* объясняется еще и тем, что тема единения мира живых и мертвых является сквозной для философии Рождества.

В качестве посредника между двумя мирами выступает дух умершего компаньона Джейкоба Марли, по ходатайству которого Скрудж должен встретиться с другими духами, чтобы измениться. Призрак Марли подобно герою готического романа настолько ослепил себя эгоизмом при жизни, что попрание им человеческих и божьих законов предопределило неминуемость низвержения его души в адскую бездну. В этом смысле крайне важной для Диккенса является унаследованная от эпохи Просвещения дидактическая тенденция готической прозы, согласно которой порок непременно бывает наказан. Скруджу в отличие от его зеркального двойника еще предстоит осознать свои преступления. Тайна смерти Скруджа (смерть как расплата за грехи) раскрывается в финале, когда герой прозревает, что грехи сделали его существование порочным и пустым.

На фоне предшествующей искаженности человеческих взаимоотношений как «вновь» обретаемая способность видеть мир выглядит последовательная серия встреч Скруджа с персонажами, выражающими дистанцированный, остраненный, критический взгляд на общество. Духи заставляют Скруджа увидеть виденное им когда-то в прошлом и в настоящем как бы в новом свете, а следовательно, и переосмыслить уже виденное как вновь увиденное другими глазами. Скрудж не просто узнает сцены из прошлого, но он начинает их «видеть» — понимать их смысл, по-другому их воспринимать.

В повести Диккенса мы наблюдаем видения трех Духов, явившихся герою в течение одной ночи. Структура сюжета повести Диккенса восходит к жанру видения, превратившемуся в зрелой средневековой литературе в жанр особого воображаемого путешествия, где открываются и мир души героя, и познанные им законы жизни человека и мира. Отсюда связанные с жанром видения и аллегорические образы, и мотив «откровения во сне». За одну ночь происходят преобразование души героя и полная трансформация его сознания благодаря прежде всего назидательной (дидактической) функции видений. Призраки заставляют Скруджа переживать привычный ему мир (вещи, ситуации, людей) в новом, прежде неведомом опыте, таким

образом «возвращая ощущение жизни», давая новую возможность «почувствовать вещи».

Первым посещает Скруджа *Святочный Дух Прошлых Лет*, явившийся как живой свет души — яркий источник божественного света, скрытый от мира и людей под непроницаемым «колпаком» накопленных Скруджем пороков и страстей. Дух подобен мерцающему пламени свечи: он помогает воскресить в памяти героя тени живших когда-то людей, оживить картины далекого детства, благодаря чему «в груди старого Скруджа» просыпаются уже давно забытые чувства. Цель Духа — растопить холодное сердце Скруджа. Перед глазами героя одна за другой проходят его собственные ипостаси: *Скрудж-ребенок*, *Скрудж-подросток*, *Скрудж-юноша*, *Скрудж — зрелый человек*.

Дух Прошлых Лет — своеобразный оптический прибор, приближающий или шаг за шагом отдаляющий давно знакомые Скруджу объекты, видимые им одновременно изнутри и со стороны, следовательно, требующие от него *узнавания* и нового осмысления и сливающиеся в итоге в одно объемное (стереоскопическое) изображение всей жизни персонажа: «Скрудж увидел перед собой очень *странное* существо, похожее на ребенка, но еще более на старичка, видимого словно в какую-то *сверхъестественную подзорную трубу*, которая *отдаляла* его на такое расстояние, что он уменьшился до размеров ребенка» [курсив наш. — Н. Н.] [4. С. 31].

Скрудж вдруг *увидел* и осознал то, как он смотрел на мир, будучи маленьким ребенком. В сознании героя происходит актуализация детского опыта видения мира, сформированного кругом детского чтения. Скрудж понимает и *открывает* глаза на то, как торжествующие в сказке добро и справедливость находили горячий отклик в его сочувствующем детском сердце. Скрудж заново проживает свой детский душевный опыт, когда он словно бы наяву видит своих любимых сказочных и литературных героев: старого честного Али-Бабу, разлученных близнецов Валентина и его лесного брата Орсона, Робинзона Крузо и Пятницу. Он смотрит глазами одинокого, но читающего ребенка с живым воображением. Мотив одиночества этого ребенка — автобиографический мотив (Ч. Диккенс вспоминает болезненную страницу своего детства, когда он, отлученный временно от семьи, работал на фабрике ваксы Уоррена). Сцена, в которой мрачная холодная школа, похожая на сырой склеп, поглощает всеми забытую, «одинокую фигурку мальчика», читающего книгу «при скудном огоньке камина», как в зеркале, отражается в сценах, связанных с мотивом мертвящего холода и одиночества героя. Таковы: сцена,

рисующая «весьма старый» и «весьма мрачный» дом Скруджа с напоминающей парламент «просторной старой лестницей», по которой «могло бы пройти целое погребальное шествие», а также сцены, где герой в полном одиночестве корпит у себя в конторе над счетными книгами при тускло тлеющих угольках в холодном камине. Мотив мертвящего холода характеризует ту безжалостную систему, на всех общественных институтах которой — от школы до парламента и контор буржуазных дельцов — лежит печать социального отчуждения.

В «Рождественской песни» холодному миру социального зла Диккенс противопоставляет тепло уютного домашнего очага, крепость семейных уз, семейные традиции, доброту, милосердие и любовь.

Двойники Скруджа дают ему моральные уроки.

Встреча со *Скруджем-ребенком* пробудила в герое чувство жалости и сострадания к ближнему, и особенно — к ребенку. Сначала Скрудж заплакал, узнав в «бедном, всеми забытом ребенке самого себя, каким он был когда-то» [Там же. С. 35]. Потом чувство проснувшейся жалости заставило его вспомнить другого бедного ребенка, запевшего святочную песню у дверей его конторы. Грех (злоба и равнодушие) уступает место раскаянию (жалости, желанию помочь).

Встреча со *Скруджем-подростком* помогла герою осознать ценность родственных, семейных связей. После видения своей сестры, «малютки Фэн» («хрупкого создания» с «большим сердцем» [Там же. С. 38]) пристыженный Духом Скрудж вспоминает свою недавнюю недостойную и грешную отповедь племяннику.

Встреча со *Скруджем-юношей* помогла герою ощутить всеобщую радость встречи Рождества и противопоставить себя как хозяина конторы старому Физзиуигу — хозяину лавки. В символическом смысле контрастная пара «Скрудж — Физзиуиг» — это Злой Дух непогоды (проекция личности самого Скруджа) и Добрый Дух Рождества (проекция личности Физзиуига). Контрастны также пространство конторы Скруджа и пространство лавки Физзиуига. Нарисованная крупным планом сцена домашнего бала — один из эмоциональных центров повести, эпизод ритмически организованный и обладающий относительной самостоятельностью и законченностью. Его цель — усилить впечатление, раскрепостить, закружить в вихре эмоций.

И, наконец, встреча с *повзрослевшим Скруджем* — «в расцвете лет» — позволила герою проникнуться чувством высокой ценности любви. Скрудж вновь видит свою прежнюю

возлюбленную — «прелестную молодую девушку в трауре» [4. С. 42]. Она глубоко скорбит о духовной смерти Скруджа, о гибели всех его благородных стремлений, надежд и мечтаний. Она видит перед собой новое, изменившееся духовно и физически существо, каждый шаг которого продиктован исключительно алчностью, страстью к наживе, корыстью. Итог этой чудовищной деградации предрешен: когда «черная тень» болезненной страсти к богатству целиком поглотит грешную душу, она будет низринута в адскую бездну.

Вторым по счету посещает Скруджа *Дух Нынешних Святых*, с которым герой путешествует уже не во времени, а в пространстве.

В этот раз он по собственной воле шаг за шагом движется к выходу из замкнутого пространства своего заброшенного дома: сначала — отбрасывает «обе половинки полога» кровати, потом — просовывает «голову в дверь соседней комнаты», а позже — видит исчезновение и самой комнаты. При этом прежняя комната кажется Скруджу необычной, странной: «Это была его собственная комната. Сомнений быть не могло. Но она странно изменилась» [Там же. С. 49].

До встречи с Духом комната Скруджа являла собой тоже странный — в смысле *уродливости* — феномен, в котором отразились доведенные до гротеска скупость и холодная расчетливость ее хозяина. Парадоксально, но квартира богатого ростовщика напоминает скорее убогое жилище бедняка. «Я не балую себя на праздниках и не имею средств баловать бездельников», — заключает Скрудж, у коего в камине тлеет «скупой огонек», а на полочке в очаге стоит «кастрюлька с жидкой овсянкой» [Там же. С. 14]. Образ *жидкой овсянки* здесь далеко не случаен. Он связывает причину и следствие в процессе анализа современной автору английской действительности. Выступая сатирической деталью, характеризующей сквалыжничество Скруджа в «Рождественской песни в прозе», образ жидкой овсяной кашицы — символ работного дома в романе «Приключения Оливера Твиста» (1838). В знаменитом романе о судьбе девятилетнего мальчика-сироты Ч. Диккенс описывает безрадостную жизнь беспризорных детей, медленно умирающих от недоедания в невольничьих стенах приходского работного дома.

Низменной алчности и другим темным порокам Лондона — этого всепожирающего города-исполины, высасывающего соки даже из детей, противостоит в повести другой фантастический великан: добрый и веселый Дух Нынешних Святых — персонифицированное представление о благодати, щедрости и дарах Бога. Он чудесным образом преобразует пространство вокруг себя

с помощью «волшебного рога изобилия». При существовании этого светлого Духа в доме Скруджа оживает его пустую и безжизненную комнату, превращая ее в цветущую и ароматную рощу.

Скрудж тем самым *видит* пространство комнаты в новом ракурсе, так же как позже он увидит пространство городских улиц и города в целом — сквозь призму праздничных настроений «бодрости и веселья».

Объекты *нового видения*, выведенные из автоматизма восприятия героя: камин, в котором вместо «жалкой горстки» тлеющих углей гудит жаркое пламя; удивительное изобилие всякой снеди на полу в виде «огромной груды, напоминающей трон», — взамен прежней «кастрюльки с жидкой овсянкой» [Там же. С. 49]. Благодаря Духу Скрудж прозревает: общечеловеческие идеалы, лежащие в основании жизни — тепло домашнего очага и щедрость души, — завладевая сердцем Скруджа, постепенно одерживают победу над ложной «ценностью» его безжизненных искусственных идеалов — холодного эгоизма и скупердяйства.

Невидимые для окружающих, Скрудж и его фантастический спутник быстро перемещаются — переносятся из одного пространства в другое. И где бы ни лежал их путь, повсюду Скрудж видит множество самых разных людей, радостных и окрыленных надеждой, веселой песней встречающих Рождество — великий праздник, обещающий всем перемены к лучшему. «В тюрьмах, больницах и богадельнях, в убогих приютах нищеты — всюду, где суетность и жалкая земная гордыня не закрывают сердца человека перед благодатным духом праздника», — Дух давал людям «свое благословение и учил Скруджа заповедям милосердия» [Там же. С. 73].

Христианские заповеди любви и милосердия (сострадания, готовности помочь ближнему), находящие свое конкретное воплощение в добрых делах, Диккенс устами Духа противопоставляет негуманным доктринам, лежащим в основе «несправедливо и жестоко устроенного общества, где человек — только экономическая единица» [11. С. 191]. Прибегнув, таким образом, к приему *остранения*, писатель-гуманист предостерегает представителей правящих классов от их ошибочного стремления воспринимать несправедливое устройство общества как само собой разумеющееся и потому освобождающее этих господ от любой моральной ответственности за судьбу тех людей, за счет труда которых обеспечивается их материальный достаток. Диккенс был прекрасно осведомлен о поистине «чудовищных условиях труда фабричных рабочих и, в частности, фактах

об эксплуатации детей на промышленных предприятиях» [6].

По просьбе ученого экономиста С. Смита, члена правительственной комиссии по вопросам детского труда, в феврале 1843 г. Ч. Диккенс намеревался выступить в печати за проведение закона об ограничении рабочего дня на заводах и фабриках и написать памфлет «К английскому народу, в защиту ребенка-бедняка». Но вскоре он отказался от идеи памфлета и решил выступить с протестом против эксплуатации не как публицист, а как писатель [Там же]. Так появилась «Рождественская песнь в прозе», а затем и другие «Рождественские повести».

«Молот» художника, по мнению Диккенса, был «в двадцать тысяч раз» эффективнее, нежели гораздо менее скромные возможности памфлетиста, балансирующего на грани литературы и публицистики (исключительно в высших своих проявлениях перерастающей в литературу). Потенциал же творческого самовыражения художника, не скованный узкими рамками журналистской сферы, позволил Диккенсу-писателю максимально обострить социально-рецептивную действенность образов его «Рождественской песни в прозе».

Диккенс не разоблачает напрямую, он вкладывает обвинительные речи в уста самих героев — эксплуатируемых бедняков, более того, писатель дает слово и «ребенку-бедняку» — умирающему калеке Малютке Тиму. Ребенок не обвиняет, но, как существо, чистое сердцем, он обращается к окружающим от лица Бога. Вот почему для своего отца, Боба Кретчита, Тим — «чистое золото» (а не «излишек населения», каковым считает его злобный сквалыга Скрудж). «В первый день Рождества» ребенок-калека напоминает людям о всемогуществе того, «кто заставил хромы ходить и слепых сделал зрячими». Эти христианские истины в устах ребенка призваны, по замыслу автора, освежить их восприятие у читателей повести. Как писатель-моралист, Диккенс, с одной стороны, связывает мотив детского страдания с социальными последствиями хищнической буржуазной «морали», а с другой — проводит христианские аналогии: страдания ребенка он уподобляет страданиям Сына Божьего, принесенного в жертву во имя любви и спасения погибающего в грехах человечества.

Духи очищают Скруджа огнем детского страдания. Сначала Скрудж переживает собственное детство, затем видит детство Малютки Тима, и, наконец, в ужасных призраках Нищеты и Невежества он прозревает общее детство. Но всякий раз в своих видениях Скрудж стоит «на пороге конца»: «...его детство скоро кончается и сердце

грубеет; ему видится смерть Малютки Тима, и другие дети — Невежество и Нищета — выступают вестниками чего-то даже более страшного» [11. С. 192]. Являя собой зрелище чрезвычайно извращения и унижения природы человека, эти уродливые несчастные дети — не что иное, как символические образы принявшего поистине катастрофические размеры народного бедствия, всеобщего помрачения и духовного обнищания: «Имя мальчика — Невежество. Имя девочки — Нищета. Остерегайся обоих и всего, что им сродни, но пуще всего берегись мальчишки, ибо на лбу у него начертано “Гибель” и гибель он несет с собой, если эта надпись не будет стерта» [4. С. 74]. По словам Рождественского Духа, предвещающего гибельный конец мира, на краю адской бездны окажутся все те, кто продолжит умножать и использовать нищету и невежество в «своих нечистых, своекорыстных целях» и не впустит в свое сердце свет христианской истины: «Если не будете как дети, не войдете в Царство Небесное».

Слова Духа достигли цели: терзаемый раскаянием и печалью Скрудж смог увидеть *новым зрением* пошлость своих прежних, лживых буржуазных «аксиом». Если бы в повести разрешение конфликта между *добром и злом (светлым миром* бескорыстных бедняков и *темным миром* буржуазии, сконцентрированном в образе богатого злодея-ростовщика) осталось в рамках реальных буржуазных отношений, конфликт был бы принципиально неразрешим, судьба «ребенка-бедняка» оказалась бы неизбежно трагичной. Но Диккенс переносит разрешение конфликта в область сказки, фантастики, и таким образом он выражает писательский протест против действительной неразрешимости противоречий современного ему буржуазного мира.

Темный мир буржуазии — олицетворение грубого животного начала с присущими ему элементарными инстинктами, главный из которых — борьба за существование (в буржуазной терминологии: конкурентная борьба «всех против всех»). Здесь нет единения *любви* — духовной сущности человеческих отношений. Прямую аналогию с животным миром Диккенс проводит и при создании образа Скруджа, используя при этом способ оценки героя другим действующим лицом. Разоблачающе-*остраняющий* характер, в частности, носит юмористическая загадка, придуманная в процессе игры племянником Скруджа. Его корыстолюбивый дядюшка предстает в загадке персонажем исключительно животного плана. А поскольку Скрудж является невидимым для всех «земных смертных» участником игры, то он должен, во-первых, узнать самого себя и

правду о самом себе и, во-вторых, увидеть *видение себя* другими людьми. Облаченный в игровую форму загадки рассказ о животной форме существования злодея-Скруджа, высвечивающий крайнюю степень деградации его человеческой личности, — это окончательный приговор призраков и всех других персонажей светлого мира повести — носителей общечеловеческих ценностей. С точки зрения развития фантастического сюжета повести, это главная мотивировка художником последующего исполнения приговора персонажу.

Третьим посещает Скруджа *Дух Будущих Святых*. Больше похожий на черную безмолвную тень, он символизирует черную бездну *смерти*.

Жизнерадостный флёр Рождества исчезает в четвертой строфе: здесь все окутано мрачной и таинственной атмосферой смерти. В этой строфе, как и в предыдущей, Скрудж продолжает разгадывать загадку о себе: на этот раз — загадку своей физической смерти. Он ожидает появления своего *двойника* в сценах будущего, чтобы в конечном итоге разгадать эту загадку.

Ища разгадку тайны мертвеца, Скрудж *видит* себя не глазами бедных героев, представителей *светлого* мира повести (которые способны на прощение), а глазами социально и «морально» близких ему представителей *темного* мира — мира зла. Их реакция и поведение ужасают Скруджа.

Вначале это «страшные, окарикатуренные, но все же весьма реальные чудовища лондонской биржи» [10. С. 221] — биржевые дельцы. Диккенс характеризует их через детали внешности, жесты, речь, поступки. Резче всего он обозначает детали, говорящие об их материальном достатке и животной сущности. Так, например, намеренно преувеличенными и одновременно вполне реальными предстают «массивные золотые брелоки», огромные табакерки с изрядными понюшками табака и непрерывное позвякивание монетами. Один из дельцов — «огромный, тучный» с «чудовищным тройным подбородком», другой — с наростом, «как у индюка». Разговор о смерти двойника Скруджа не вызывает у них иной реакции, кроме постоянного зевания и смеха. Деловые «приятели» равнодушны к смерти кого-либо из их круга, ибо они деловые конкуренты, а значит, не в их интересах сочувствовать друг другу. Смерть конкурента — не скорбь, но радость и возможность извлечь из похорон кое-какую выгоду, к примеру, поест на поминках. В мире бездушных коммерсантов нет и намека на человечность.

Из центра Лондона с его Биржей Призрак переносит Скруджа в глухой район трущоб, смердящий «пороком, преступлениями, нищетой». Это место, где обитают «самые преступные и низкие слои лондонского населения» [4. С. 79].

Контрастные картины богатства и нищеты составляют вместе темный «фон» повести. Два мира — мир богатых дельцов и мир нищих преступников — лишь внешне контрастны, с точки зрения внутреннего смысла, их роднит буржуазная идеология «борьбы за существование». Лавка старьевщика с ее трухлявой мелочью и различными отбросами (предметы «купли-продажи») — уродливая пародия на Биржу с ее крупными коммерческими сделками. И здесь и там живут по принципу «каждый из нас прибирает к рукам что может». Ничем не ограниченное стремление не упустить свою выгоду ведет к ограблению чего угодно, даже если это тело покойника. Негодование и омерзение испытывает Скрудж, слыша высшую похвалу старьевщика в адрес поденщицы, дерзнувшей ограбить умершего двойника Скруджа: «— Ну, голубушка, тебе на роду написано нажить капитал. ...И ты его наживешь» [Там же. С. 82]. Богатые дельцы и нищие преступники — герои низкого животного плана, ибо и те и другие в равной степени корыстолюбивы и всегда готовы переступить этические нормы и правила, составляющие нравственный кодекс духовно развитого человека. Все они *хищные животные*, одни — крупные, другие — мелкие. Как и в животном мире, крупное животное после смерти становится добычей мелких животных. Ужаснувшее Скруджа зрелище того, «как свора непотребных демонов торгуется из-за трупа», лежащего одиноко на кровати, «обездоленного, необмытого, неоплаканного, покинутого всеми» [Там же. С. 83], довершает процесс духовного преображения героя.

Представив себя на месте увиденного мертвеца, Скрудж услышал свой внутренний голос, но не себя прежнего, а *другого* — переродившегося к новой жизни, нравственного — существа: только добрые деяния того, в чьих жилах «текла кровь человека, а не зверя» — «семена жизни вечной» — «переживут того, кто их творил» [Там же. С. 84]. Нравственное *прозрение* героя освобождает его из-под власти злых сил.

Окончательной разгадки своего будущего Скрудж добивается лишь на кладбище, когда он наконец «прочел на заросшей травой каменной плите свое собственное имя: ЭБИНИЗЕР СКРУДЖ» [Там же. С. 92]. Но данная разгадка (разгадка тайны мертвеца) является «ложной разгадкой» в контексте развития сюжета повести. Технически Ч. Диккенс использует здесь прием *инверсии*. Сначала загадка двойника в четвертой строфе поддерживается тем, что Скрудж принимает мертвеца за кого-то другого, но не за себя самого. Затем Скрудж, увидевший надгробие с собственным именем, воспринимает свою смерть

как бесповоротный итог, разрешающий тайну всех трех «видений». «Истинная разгадка» (разгадка разрешения тайны снов или видений) наступит позднее, когда Скрудж проснется.

Композиционная роль обозначенной выше разгадки тайны мертвеца — «торможение» (по выражению В. Шкловского). Иначе, «ложная разгадка» — «прием замедления» приближения к «истинной разгадке». Ее цель — продлить последние мгновения осмысления окончательного финала. На пороге смерти Скрудж дает клятву: «Я искуплю свое Прошлое Настоящим и Будущим, и воспоминание о трех Духах всегда будет живо во мне. Я не забуду их памятных уроков, не затворю своего сердца для них. О, скажи, что я могу стереть надпись с этой могильной плиты!» Это кульминационный момент «беспредельной муки», отчаяния, мольбы героя [Там же].

В начале пятой строфы (заключительной) Скрудж постигает *истинную разгадку* своего Будущего, которое он может еще изменить. Как пишет В. Шкловский, «ложная разгадка — истинная разгадка и составляет технику организации тайны;

момент перехода от одной разгадки к другой есть момент развязки» [14. С. 150]. После всех перипетий Скрудж словно бы рождается заново: «Я как *новорожденное дитя*, — восклицает обновленный Скрудж. — ... Оно и лучше — *быть младенцем*» [курсив наш. — Н. Н.] [Там же. С. 94].

Итак, гармоническое единство созданной автором модели мира предполагает сопоставление противоречивых, «несходных» начал. Неуклонное движение к смерти сменяется неожиданной счастливой развязкой — спасением, преодолением *прозы* жизни. Утро Рождества рассеивает *туман* прошлого, душа героя воскресает, перерождается для новой жизни. Намек на мифологического Лаокоона в пятой строфе прочитывается как *удивительная* победа Скруджа над самим собой, над душающими его многочисленными грехами.

Благодаря остранению как приему критического анализа автор создает объемное (стереоскопическое) *видение* явления, укрупняет и выводит образ социального зла из автоматизма восприятия читателей, актуализирует их мыслительную активность.

### Список литературы

1. Акройд, П. Биография Лондона. Фрагменты книги [Электронный ресурс] / П. Акройд ; пер. с англ. и вступ. Л. Мотылева // Иностран. лит. — 2002. — № 10. — URL: <http://www.magazines.russ.ru/inostran/2002/10/akr.html> (дата обращения 25.02.2018).
2. Бабук, А. В. Автобиографические мотивы в свете приема остранения (на материале творчества Ч. Диккенса и Ф. М. Достоевского) / А. В. Бабук // Вестн. Новгород. гос. ун-та. — 2015. — № 84. — С. 24—27.
3. Булгаков, А. С. Театр и театральная общественность Лондона эпохи расцвета торгового капитализма / А. С. Булгаков. — Л., 1929. — 261 с.
4. Диккенс, Ч. Рождественские повести // Ч. Диккенс. Собр. соч. : в 30 т. Т. 12 / пер. с англ. под ред. О. Холмской. — М., 1959. — 499 с.
5. Костионова, М. В. Литературная репутация писателя в России: перевод как отражение и фактор формирования (русские переводы романа Ч. Диккенса «Записки Пиквикского клуба») : дис. ... канд. филол. наук / М. В. Костионова. — М., 2015. — 523 с.
6. Лорие, М. Комментарии / М. Лорие // Ч. Диккенс. Собр. соч. : в 30 т. Т. 12 / пер. с англ. под ред. О. Холмской. — М., 1959.
7. Мальтус, Т. Опыт о законе народонаселения в связи с будущим совершенствованием общества [Электронный ресурс] / Т. Мальтус. — URL: <http://www.knigogid.ru/books/764261-opyt-o-zakone-narodonaseleniya/toread/page-7> (дата обращения 25.02.2018).
8. Мураткина, Е. Л. Лев Толстой и Чарльз Диккенс: духовные интенции художественных открытий [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Е. Л. Мураткина. — СПб., 2007. — URL: <http://cheloveknauka.com/lev-tolstoy-i-charlz-dikkens-duhovnyie-intentsii-hudozhestvennyh-otkrytiy> (дата обращения 3.03.2018).
9. Потанина, Н. Л. «Рождественская песнь в прозе»: игра и жизнь / Н. Л. Потанина // «Рождественская философия» Чарльза Диккенса в контексте мировой культуры : альм. Рус. дома Диккенса. Вып. 1. — Тамбов, 2006. — С. 12—23.
10. Сильман, Т. И. Диккенс. Очерки творчества / Т. И. Сильман. — М., 1958. — 408 с.
11. Уилсон, Э. Мир Чарльза Диккенса / Э. Уилсон. — М., 1975. — 320 с.
12. Шекспир, В. Трагедии : пер. с англ. / В. Шекспир. — СПб., 1993. — 670 с.
13. Шкловский, В. Б. О теории прозы / В. Б. Шкловский. — М., 1983. — 384 с.

14. Шкловский, В. Б. О теории прозы / В. Б. Шкловский. — М., 1929. — 266 с.  
 15. Шкловский, В. Б. Тетива. О несходстве сходного / В. Б. Шкловский. — М., 1970. — 251 с.

#### Сведения об авторе

**Норина Наталья Викторовна** — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры социальных и гуманитарных дисциплин, Соликамский государственный педагогический институт, филиал Пермского государственного национально-исследовательского университета. Соликамск, Россия. nvn00@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 131—141.*

## PECULIARITIES OF THE FUNCTIONING OF THE RECEPTION “THE ALIENATION” IN THE “CHRISTMAS CAROL IN PROSE” OF CHARLES DIKKENS

*N.V. Norina*

*Solikamsk State Pedagogical Institute, branch of Perm State National Research University,  
 Solikamsk, Russia. nvn00@mail.ru*

The article explores the specifics of the reception of alienation as a special method for plotting and organizing the system of images in Charles Dickens's novel *The Christmas Carol in Prose*. The dissonant title captures the attention of the astonished reader and informs him of the way of perception of the whole structure of a work as a harmonious unity of conflicting, divergent beginnings. The artist seeks to make the usual as unusual, to enlarge the phenomenon of social evil in the image of the main character, to bring out the image of this evil from automatism of perception readers. Analysis of text poetics led to the conclusion about the presence in the text of a stereoscopic vision of the phenomenon: inside and outside. The author creates a shift in space and time, in the consciousness of the carrier of evil.

**Keywords:** *alienation, reception of inhibition, unraveling of mystery, surprise effect, contradiction, shift.*

#### References

1. Akroyd P. Biografiya Londona. Fragmenty knigi [Biography of London. Fragments of the book]. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 2002, no. 10. Available at: <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/10/akr.html>, accessed 25.02.2018. (In Russ.).
2. Babuk A.V. Avtobiograficheskiye motivy v svete priyoma ostraneniya (na materiale tvorchestva Ch. Dikkensa i F.M. Dostoyevskogo) [Autobiographical motives in the context of literary device “estrangement” in Ch. Dickens' and F.M. Dostoevsky' works]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Novgorod State University], 2015, no. 84, pp. 24—27. (In Russ.).
3. Bulgakov A.S. *Teatr i teatral'naya obshchestvennost' Londona epokhi rastsveta torgovogo kapitalizma* [The theater and the theatrical community of London era of the heyday of commercial capitalism]. Leningrad, 1929. 261 p. (In Russ.).
4. Dickens Ch. Rozhdestvenskiye povesti [Christmas stories]. *Kholm'skaya O. (ed.). Ch. Dikkens. Sobraniye sochineniy v 30 t. T. 12* [Ch. Dickens. Collected works in 30 vol. Vol. 12]. Moscow, 1959. 499 p. (In Russ.).
5. Kostionova M.V. *Literaturnaya reputatsiya pisatelya v Rossii: perevod kak otrazheniye i faktor formirovaniya (russkiye perevody romana Ch. Dikkensa “Zapiski Pikvickskogo kluba”)* [Literary reputation of the writer in Russia: translation as a reflection and factor of formation (Russian translations of the novel by Charles Dickens “Notes of the Pickwick Club”. Thesis)]. Moscow, 2015. 523 p. (In Russ.).
6. Loriye M. Kommentarii [Comments]. *Kholm'skaya O. (ed.). Ch. Dikkens. Sobraniye sochineniy v 30 t. T. 12* [Ch. Dickens. Collected works of in 30 vol. Vol. 12]. Moscow, 1959. (In Russ.).
7. Mal'tus T. *Opyt o zakone narodonaseleniya v svyazi s budushchim sovershenstvovaniyem obshchestva* [Experience on the Law of Population in Connection with the Future Improvement of the Society]. Available at: <http://www.knigogid.ru/books/764261-opyt-o-zakone-narodonaseleniya/toread/page-7>, accessed 25.02.2018. (In Russ.).
8. Muratkina Ye.L. *Lev Tolstoy i Charl'z Dikkens: dukhovnye intentsii khudozhestvennykh otkrytiy* [Leo Tolstoy and Charles Dickens: spiritual intentions of artistic discoveries. Abstract of thesis]. Available at:

<http://cheloveknauka.com/lev-tolstoy-i-charlz-dickens-duhovnye-intentsii-hudozhestvennyh-otkrytiy>, accessed 3.03.2018. (In Russ.).

9. Potanina N.L. “Rozhdestvenskaya pesn’ v proze”: igra i zhizn’ [“Christmas carol in prose”: game and life]. “*Rozhdestvenskaya filosofiya*” *Charl’za Dikkensa v kontekste mirovoy kul’tury: al’manakh Russkogo doma Dikkensa. Vyp. 1* [Charles Dickens’s “Christmas Philosophy” in the context of the world culture: Almanac of the Russian House of Dickens. Iss. 1]. Tambov, 2006. Pp. 12—23. (In Russ.).

10. Sil’man T.I. *Dikkens. Ocherki tvorchestva* [Dickens. Essays on creativity]. Moscow, 1958. 408 p. (In Russ.).

11. Uilson E. *Mir Charl’za Dikkensa* [The World of Charles Dickens]. Moscow, 1975. 320 p. (In Russ.).

12. Shekspir V. *Tragedii* [Tragedies]. St. Petersburg, 1993. 670 p. (In Russ.).

13. Shklovskiy V.B. *O teorii prozy* [On the Theory of Prose]. Moscow, 1983. 384 p. (In Russ.).

14. Shklovskiy V.B. *O teorii prozy* [On the Theory of Prose]. Moscow, 1929. 266 p. (In Russ.).

15. Shklovskiy V.B. *Tetiva. O neskhodstve skhodnogo* [Bowstring. On the dissimilarity of the similar]. Moscow, 1970. 251 p. (In Russ.).

УДК 81-119  
ББК 81.2

## АМБИВАЛЕНТНАЯ ПРИРОДА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОЛЯ САКРАЛЬНОЕ В КОНЦЕПТОСФЕРЕ НАРОДНОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ НА ПРИМЕРЕ МЕТАКОНЦЕПТА ВЕРА

К. З. Островская

Донской государственный аграрный университет, Персиановский, Россия

Статья посвящена проблеме амбивалентной природы сакрального, составляющего стержневое концептуальное поле концептосферы народной волшебной сказки. Рассматривается один из метаконцептов, входящих в его состав, на основе русского, немецкого и английского сказочных дискурсов — метаконцепт ВЕРА. Представлена упрощенная схематическая модель концептов и антиконцептов, образующих метаконцепт ВЕРА.

**Ключевые слова:** концептосфера, концептуальное поле, концепт, антиконцепт, метаконцепт, волшебная сказка, сакральное, вера, религия, магия.

Феномен сакрального многие исследователи относят к одной из фундаментальных проблем культуры. Сакральное как понятие и концепт занимает важное место в философии, социологии, лингвистике, когнитивистике и многих других отраслях антропологического знания, что связано, во-первых, с его присутствием в целом ряде фундаментальных проблем культуры, а во-вторых, со сложностью и неоднозначностью самого понятия сакрального.

Следует отметить, что даже в самых ранних исследованиях феномен сакрального рассматривается не как единое и неделимое целое, а через призму бинарных оппозиций. С одной стороны, сакральное противопоставляется профанному, с другой — подчеркивается амбивалентная суть самого понятия. Так, Эмиль Бенвенист разделяет сакральное на *sacer* и *sanctus* — две полярности священного, несущие благо и гибель [См.: 6. С. 23]. Классическое определение сакрального, предложенное Робертсоном-Смитом, подразумевает разделение сакрального на «святое» и «нечистое». Это разделение поддержал Э. Дюркгейм, который выделял позитивную и негативную стороны сакрального, видя в первой источник жизни, здоровья и всех ценных людьми добродетелей», а во второй — «зло и нечистые силы, источники беспорядка, причины смертей и болезней, зачинщики кощунства» [4. С. 412]. Рудольф Отто, чьи труды признаны классикой феноменологии религии, выделяет чувства (или, по определению самого Отто, «моменты») *Mysterium Tremendum* (ужасающего) и *Mysterium Fascinans* (чарующего) как базовую дихотомию или фундаментальную противоположность, символизирующую предельную открытость существования

и представляющую собой источник всех прочих дихотомий, самую суть амбивалентности сакрального [9. С. 3].

Амбивалентность сакрального как часть наивной картины мира не могла не найти свое отражение в языке: у многих народов понятие «сакральное» сохраняет двойственное значение, актуализируясь одновременно через концепты и антиконцепты, составляющие единое понятийное целое. Так, например, во всех трех языках, сказки на которых послужили материалом для настоящего исследования (русском, немецком и английском), имеются слова для обозначения таких концептов, как *святой* (нем. *heilig*, англ. *saint*) и *грешный, греховный* (нем. *sündhaft*, англ. *sinful*), *благословение* (нем. *Segen*, англ. *blessing*) и *проклятие* (нем. *Verdammnis*, англ. *curse*) и т. п.

Парадигма модернизма, определившая развитие культуры на рубеже XIX—XX вв., возвышала мощь человеческого разума и науки, что естественным образом привело к систематической критике понятия сакрального: из социальной реальности сакральное превратилось в совокупность смыслов, значимых для определенных социальных групп или отдельных индивидуумов [7. С. 55].

В конце XX в., когда на смену модернизму приходит постмодернизм, интерес к феномену сакрального возвращается. Появляются новые исследования, в которых понятие сакрального рассматривается в разных смыслах: в его противопоставленности профанному, в его отношении к человеку, рассматривается связь сакрального с символикой и сферой мистического. Однако смысл этого феномена в ряде случаев претерпевает принципиальные изменения, причем чаще

в психологической, чем в классической формулировке. Например, некоторые исследователи в области социологии религии (см., напр., Р. Скотт Эпплби) рассматривают амбивалентность сакрального с точки зрения выбора человека в ситуации конфликта между религиозным насилием и религиозным пацифизмом [Там же. С. 58].

Такое довольно радикальное переосмысление феномена сакрального, несомненно, представляет интерес с точки зрения изучения современной антропологии, однако лишь отчасти связано с изучением природы национального сознания в рамках отражения закрепленных в нем базовых, в какой-то степени общечеловеческих понятий.

В связи с этим несомненную важность представляет изучение феномена сакрального с лингвистической точки зрения.

Антропоцентрическая парадигма лингвистических дисциплин ставит на центральное место изучение языка и языковых единиц в контексте их роли и места в сознании и жизни человека. При этом одним из значимых направлений исследований является изучение языка как средства выражения менталитета народа. Языковая, или «наивная» [1. С. 38] картина мира, являющаяся отражением зафиксированного в культурном коде нации менталитета, служит для выражения образа мира, существующего в сознании человека и народа, или, другими словами, для концептуализации мира. Таким образом, создаваемая на основе языковой картины мира национальная концептосфера является базовой категорией антропоцентрической парадигмы в лингвистике.

На формирование национальной концептосферы на протяжении всей истории оказывали влияние донаучные представления об окружающей действительности, нашедшие отражение в фольклоре во всем его многообразии. Понятие божественного, непознаваемого, потустороннего и т. п., та область бытия и состояния сущего, которая воспринимается сознанием как нечто принципиально отличное от обыденной реальности [5], то есть сакральное, составляет основу такого пласта национального фольклора, как народная волшебная сказка, является ее стержнем. Именно понятие сакрального, отражающие его концепты разных уровней и воплощающие их номинации чудесного становятся опорой для реализации других концептов, как общечеловеческих, так и национально-специфических.

До сих пор этот компонент народной волшебной сказки если и изучался, то исключительно как отдельный самостоятельный концепт, его особому месту в концептосфере волшебной сказки и, соответственно, национальной концептосфере не

уделялось достаточно внимания. Возможно, это связано с тем, что, как сказано выше, сама природа сакрального отличается сложностью. Однако именно амбивалентность сакрального позволяет говорить о нем не просто как о концепте или метаконцепте, а как о более сложном образовании — концептуальном поле.

В основу идеи комплексного описания лексических множеств, связанных общим смыслом (поля), легло осознание континуумного характера семантического пространства языка и отсутствия четких границ лексического значения. В теории поля языковые единицы объединяются на основе, во-первых, общности значения — лексико-семантическое поле (см., напр., Ю. Н. Караулов, И. В. Сентенберг, Э. Косериу, Г. С. Щур), во-вторых, общности выполняемых функций — функционально-семантическое поле (см., напр., И. В. Архипова, А. В. Бондарко, Н. А. Слюсарева), и, в-третьих, сочетания обоих признаков — лексико-грамматическое поле (см., напр., Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс, А. В. Бондарко).

А. Н. Приходько предлагает рассматривать полевое устройство концептосферы в терминах иерархических структур, содержащихся в памяти носителей языка в виде прототипических ядер / эталонов и подчиненных им элементов [10. С. 177]. Выделяя концептуальные поля микро- и макроуровня, вслед за С. А. Кошарной, которая определяет концептуальное поле как «ментально и семиотически разработанную область этнокультурного «пространства», объединяющую концепты... как факты культуры, а не языка» [8. С. 54], Приходько дает следующее определение концептуальному полю (или концептополю, как она его называет): «Концептополе является определенным фрагментом (участком) концептосферы, представляющим собой устойчивую группировку типологически и семантически однородных и иерархически упорядоченных концептов, специализированных на организации когнитивно-семантических пространств» [10. С. 182].

Такой подход как нельзя лучше позволяет воспроизвести сложную природу феномена сакрального, включающего в себя не просто однородные концепт-объекты, объединенные одной логико-смысловой линией, но и структурные взаимосвязи между ними, отражающие как амбивалентность сакрального (связи между концептами и антиконцептами), так и иерархию концептов, образующих его.

Однако следует отметить, что концепты и антиконцепты, составляющие концептуальное поле САКРАЛЬНОЕ в концептосфере народной волшебной сказки, не представляют собой исключительно бинарные оппозиции, внутри которых

концепт и антиконцепт маркируются полюсами «+» и «-». Во многих случаях противопоставление основано на разнонаправленности векторов ценностных доминант, обуславливая смысловую корреляцию концепта и антиконцепта. Однако в любом случае концепт и антиконцепт находятся в тесной взаимосвязи, совместно образуя метаконцепт в составе концептуального поля. Вслед за Г. Г. Слышкиным под метаконцептом мы понимаем «результат вторичной концептуализации, объектом которого становятся продукты предшествующего концептуализированного опыта человечества» [12. С. 100].

Проблема концептуальных коррелятов, образующих метаконцепты в составе концептуального поля САКРАЛЬНОЕ в концептосфере волшебной сказки, заслуживает особого анализа. В рамках же настоящей статьи мы ограничимся тем, что рассмотрим структурные взаимосвязи между концептами и антиконцептами на примере метаконцепта **вера** и составляющих его концепта *религия* и антиконцепта *магия*.

Метаконцепт **вера** является общим для народных волшебных сказок на русском, немецком и английском языках. В немецком языке мы обнаруживаем метаконцепт **Glaube**, в английском — метаконцепт **faith**. Аналогичным образом наличествуют также выделенные концепт и антиконцепт в немецком и английском сказочных дискурсах (нем.: *Religion* и *Magie*, англ.: *religion* и *magic*). Далее в тексте мы будем называть концепты русской волшебной сказки и приводить в скобках аналогичные концепты немецкой и английской сказок соответственно.

Религия и магия — это две формы верования, основанные на коренных отличиях диалога с миром. Если религия — это «взгляд снизу», упование на милость внешних сил и готовность довериться им, то магия — это волевое намерение воздействовать на внешние силы природы, обращение с объектами и преобразование их с опорой на доступные (магические) техники [3. С. 180]. Магия является одной из древнейших форм религиозных верований. Она представляет собой ритуалы, направленные на использование тайных потусторонних сверхъестественных сил для достижения конкретной цели.

Особые отношения с окружающим миром, выступающие в форме религиозного и магического мышления, находят свое отражение в языке сказочного дискурса как выражения наивной картины мира и в своей совокупности образуют фантастический хронотоп, являющийся основополагающим признаком волшебной сказки. Можно сказать, что концептуальное поле САКРАЛЬНОЕ

наиболее полно отражает все характеристики фантастического хронотопа как реальности, которая чужда человеку и наполнена «нереальными с научной точки зрения и точки зрения обыденного сознания существами и событиями» [2. С. 174].

Концепты *религия* (*Religion, religion*) и *магия* (*Magie, magic*) в составе метаконцепта **вера** (**Glaube, faith**), в свою очередь, сами выступают в роли метаконцептов, объединяя в себе концепты и антиконцепты. В дальнейшем для различения уровней разделения метаконцептов приставки *мета-* и *микро-* мы будем брать в скобки.

Так, (мета)концепт *религия* (**Religion, religion**) разделяется на (микро)концепт *божественное* (*göttlich, divine*) и (микро)антиконцепт *дьявольское* (*teuflich, devilish*). Структура (мета)концепта *магия* (**Magie, magic**) сложнее и может быть проанализирована на основе различных классификаций волшебных сказок (см. В. Я. Пропп, А. Аарне, Н. П. Андреев, С. Томпсон, Г.-Й. Утер, Б. Кербелите). В первую очередь этот (мета)концепт объединяет разные категории магического, среди которых можно выделить *магические существа* (*magische Wesen, magic creatures*), *магические предметы* (*magische Dinge, magic objects*) и *магические действия* (*magische Aktionen, magic activities*). Эти концепты также разделяются и также по-разному. Так, (мета)концепт *магические существа* (**magische Wesen, magic creatures**) можно разделить на (микро)концепт *добро* (*Gutes, good*) и (микро)антиконцепт *зло* (*Böses, evil*). Следует отметить, что эти концепты довольно тесно переплетаются друг с другом, так как в разных сказках одно и то же магическое существо (например, Баба-Яга в русских сказках) может как вредить главному герою, так и помогать ему. *Магические предметы* (**magische Dinge, magic objects**) могут представлять *оружие* (*Gewehr, weapon*), *талисман* (*Amulett, talisman*), *артефакт* (*Artefakt, artefact*) и др. *Магические действия* (**magische Aktionen, magic activities**) разделяются на собственно *действия* (*Aktionen, activities*) и *заклинания* (*Sprüche, spells*).

Все эти концепты могут взаимодействовать и переплетаться друг с другом. Так, например, концепт *божественное* (*göttlich, divine*) в сочетании с концептом *заклинание* (*Spruch, spell*) образует сакральные формулы, нередко используемые персонажами народных волшебных сказок для сотворения чуда или облегчения каких-либо действий.

В измененном виде сочетание концептов *божественное* (*göttlich, divine*) и *заклинание* (*Spruch, spell*) образует отдельный концепт *молитва* (*Gebet, pray*), выполняющий аналогичную функцию.

Можно сделать вывод, что комбинация концептов *божественное* (*göttlich, divine*) и *заклинание* (*Spruch, spell*) несет однозначно положительную коннотацию: используемые персонажами сказок сакральные формулы призваны помочь им в нужде или обеспечить положительный результат какого-либо действия.

Помимо использования в сакральных формулах концепт *божественное* (*göttlich, divine*) может выражаться в форме субъекта действия: бог или святой спускается на землю и коммуницирует с людьми. Как правило, подобная коммуникация выполняет функцию испытания, по результатам которого человека ждет либо вознаграждение, либо возмездие. Таким образом концепт *божественное* (*göttlich, divine*) образует связь с другим концептом — *испытание* (*Prüfen, test*). Этот концепт не рассматривается в рамках настоящей статьи, однако упоминается в целях демонстрации того, как метаконцепты в составе концептуального поля САКРАЛЬНОЕ взаимодействуют друг с другом, образуя прочную ткань концептосферы народной волшебной сказки.

В отличие от концепта *божественное* (*göttlich, divine*) концепт *дьявольское* (*teuflich, devilish*), как правило, выражается исключительно в форме субъекта действия: черта, беса (*Teufel, devil*). Характер взаимодействия персонажей сказки с чертом также имеет черты концепта *испытание* (*Prüfen, test*), но немного в другой коннотации. Если при коммуникации с богом или святым человек должен был показать свои положительные качества (доброту, щедрость, смекалку), то столкновение с чертом обязательно выигрывается за счет хитрости. Этот мотив прослеживается во всех трех исследуемых сказочных дискурсах: и в русском, и в немецком, и в английском. Кроме того, концепт *божественное* (*göttlich, divine*) чаще включается в ткань сказки в форме обращения к высшим силам, выражая трансцендентную сторону феномена сакрального, в то время как концепт *дьявольское* (*teuflich, devilish*) актуализируется более приземленно, приближаясь к метаконцепту **магия** (**Magie, magic**), а точнее, к одной из его составляющих — концепту *магические существа* (*magische Wesen, magic creatures*).

Что касается (мета)концепта *магические существа* (*magische Wesen, magic creatures*), помимо уже упоминавшегося деления на (микро)концепт *добро* (*Gutes, good*) и (микро)антиконцепт *зло* (*Böses, evil*), этот концепт можно разделить на категории: *люди, обладающие магическими способностями* (*Menschen mit magischen Fähigkeiten, people with magic ability*), *сверхъестественные существа* (*übernatürliche Wesen,*

*supernatural creatures*), *очеловеченные животные* (*vermenschlichte Tiere, humanized animals*) и *одушевленные предметы* (*lebende Dinge, animate objects*). Следует отметить, что строгое разделение на (микро)концепт *добро* (*Gutes, good*) и (микро)антиконцепт *зло* (*Böses, evil*) наблюдается только у первых двух категорий. Так, обладающие магическими способностями люди могут иметь как положительные, так и отрицательные качества, а сверхъестественные существа — как помогать, так и вредить герою сказки.

Следует различать концепты *сверхъестественные существа* (*übernatürliche Wesen, supernatural creatures*), *очеловеченные животные* (*vermenschlichte Tiere, humanized animals*) и *одушевленные предметы* (*lebende Dinge, animate objects*).

Первый концепт охватывает существа, сама суть которых выходит за рамки обыденного. Как правило, эти существа являются олицетворением мифологических архетипов, которые лежат в основе базовых религиозных представлений. Например, в русском сказочном дискурсе: Баба-Яга, Кощей (Кашей) Бессмертный; в немецком сказочном дискурсе: змеиный царь (Schlangenkönig), гном (Zwerg); в английском сказочном дискурсе: феири (fairy), брауни (brownie). Концепт *сверхъестественные существа* (*übernatürliche Wesen, supernatural creatures*) характеризуется огромным разнообразием и большей степенью национально обусловленной специфики, чем, наверное, любой другой концепт, входящий в состав концептуального поля САКРАЛЬНОЕ.

Концепт *очеловеченные животные* (*vermenschlichte Tiere, humanized animals*) хотя и перекликается с концептом *сверхъестественные существа* (*übernatürliche Wesen, supernatural creatures*), но выполняет совершенно другую функцию. Если сверхъестественные существа выступают в роли независимых субъектов, то очеловеченные животные — в роли помощников либо антагониста, либо других персонажей волшебной сказки.

*Одушевленные предметы* (*lebende Dinge, animate objects*) выделены в отдельную категорию, так как они могут как выступать в роли волшебного помощника, так и действовать независимо, встречаясь на пути персонажей сказки и, как правило, помогая им.

В этом контексте концепт *одушевленные предметы* (*lebende Dinge, animate objects*) довольно близко подходит к другому концепту, стоящему уровнем выше в иерархической структуре концептов — *магические предметы* (*magische Dinge, magic objects*). Однако хотя эти концепты и обладают некоторыми общими признаками (волшебные свойства предметов), объединению их

в один концепт препятствует коренное отличие: магические предметы не имеют антропоморфических черт. Это просто вещи, наделенные волшебными свойствами либо в силу своей природы, либо в результате магического действия человека, наделенного магическими способностями, или сверхъестественного существа.

В целом структуру метаконцепта **вера** можно представить в виде схемы (см. рисунок).

Эту схему можно считать упрощенной моделью метаконцепта **вера (Glaube, faith)** в составе концептуального поля САКРАЛЬНОЕ в концептосфере народной волшебной сказки.

Таким образом, мы видим, что метаконцепт **вера (Glaube, faith)**, занимающий одно из ключевых мест в концептуальном поле САКРАЛЬНОЕ, представляет собой сложную систему, элементы которой имеют различные типы связей, как иерархических, так и парадигматических. Моделирование этого метаконцепта в частности и всего концептуального поля САКРАЛЬНОЕ в более глобальном смысле позволит составить комплексное представление о том, как наивная картина мира и, следовательно, национальная концептосфера отражаются в концептосфере народной волшебной сказки.



Схема метаконцепта «вера» в составе концептуального поля «сакральное» в концептосфере народной волшебной сказки

### Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Образ человека по данным языка / Ю. Д. Апресян // *Вопр. языкознания*. — 1995. — № 1. — С. 37—68.
2. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. — Свердловск, 1989.
3. Домников, С. Д. Сакральное мирское / С. Д. Домников // *Проблемы философии культуры*. — 2014. — Вып. 2. — С. 165—205.
4. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни / Э. Дюркгейм ; пер. с франц. А. Б. Гофмана // *Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения* / под общ. ред. А. Н. Красникова. — М., 1998.
5. Забияко, А. П. Сакральное / А. П. Забияко // *Культурология. XX век. Энциклопедия* : в 2 т. Т. 2. — СПб., 1998. — С. 145.
6. Зенкин, С. Н. Небожественное сакральное: Теория и художественная практика / С. Н. Зенкин. — М., 2012.

7. Зыгмонт, А. И. Амбивалентность сакрального: краткая история забвения концепта / А. И. Зыгмонт // Становление классического зарубежного теоретического религиоведения в XIX — первой половине XX века : сб. материалов науч. конф. с междунар. участием. — М., 2015. — С. 54—58.
8. Кошарная, С. А. Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира / С. А. Кошарная. — Белгород, 2002.
9. Отто, Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Р. Отто. — СПб., 2008.
10. Приходько, А. Н. Концепты и концептосистемы / А. Н. Приходько. — Днепропетровск, 2013.
11. Робертсон-Смит, У. Лекции о религии семитов / У. Робертсон-Смит // Классики мирового религиоведения. — М., 1996. — С. 305—308.
12. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты / Г. Г. Слышкин. — Волгоград, 2004.

### Сведения об авторе

**Островская Ксения Зурабовна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Донской государственной аграрной университет. Персиановский, Россия. ya.xenija555@yandex.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 142—148.*

## AMBIVALENT NATURE OF THE SACRAL CONCEPTUAL FIELD IN THE FOLK FAIRY TALE'S SPHERE OF CONCEPTS (Evidence from the *Faith* Metaconcept)

**K.Z. Ostrovskaya**

*Don State Agrarian University, Persianovskij, Russia. ya.xenija555@yandex.ru*

Many researchers designate phenomenon of Sacral as one of the fundamental problems of the culture. Sacral as idea and concept holds a prominent place in philosophy, sociology, linguistics, cognitive science and many other anthropological disciplines which is due to its presence in many fundamental problems of the culture on the one hand and complexity and ambiguousness of the sacral itself on the other hand. Sacral is one of the major ideas in the naive world view representing pre-scientific beliefs of a nation. From the first researches, the problem of sacral has been analyzed in view of binary oppositions. This article is devoted to the problem of the ambivalent nature of Sacral which is a root conceptual field in the folk fairy tale's sphere of concepts. One of the metaconcepts which the Sacral conceptual field is comprised of is considered i.e. the Faith metaconcept. Based on the material from the Russian, German and English fairy-tale discourses, a simplified scheme of concepts and anticoncepts establishing the Faith metaconcept is proposed.

**Keywords:** *sphere of concepts, conceptual field, concept, anticoncept, metaconcept, fairy tale, sacral, faith, religion, magic.*

### References

1. Apresyan Yu.D. Obraz cheloveka po dannym yazyka [The figure of human according to the language data]. *Voprosy yazykoznaniya* [The Issues of Linguistics], 1995, no. 1, pp. 37—68. (In Russ.).
2. Babenko L.G. *Leksicheskiye sredstva oboznacheniya emotsii v russkom yazyke* [Lexical means of indicating emotions in Russian]. Sverdlovsk, 1989. (In Russ.).
3. Domnikov S.D. Sakral'noye mirskoye [Sacral carnal]. *Problemy filosofii kul'tury* [The Problems of Philosophy of Culture], 2014, iss. 2, pp. 165—205. (In Russ.).
4. Dyurkgeym E. Elementarnye formy religioznoy zhizni [Elementary forms of religious life]. *Mistika. Religiya. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniya* [Mysticism. Religion. Science. Classics of world religion]. Moscow, 1998. (In Russ.).
5. Zabayako A.P. Sakral'noye [Sacral]. *Kul'turologiya. XX vek. Entsiklopediya v 2 t. T. 2* [Encyclopaedia of Culturology of the XX century in 2 vol. Vol. 2]. St. Petersburg, 1998. P. 145. (In Russ.).
6. Zenkin S.N. *Nebozhestvennoye sakral'noye: Teoriya i khudozhestvennaya praktika* [Non-deified sacral: theory and artistic practice]. Moscow, 2012. (In Russ.).
7. Zygmunt A.I. Ambivalentnost' sakral'nogo: kratkaya istoriya zabveniya kontsepta [Ambivalence of the

sacral: short review of neglecting the concept]. *Stanovleniye klassicheskogo zarubezhnogo teoreticheskogo religiovedeniya v XIX — pervoy polovine XX veka* [Establishment of the classic foreign theoretic religious studies in the XIX and the first half of the XX century]. Moscow, 2015. Pp. 54—58. (In Russ.).

8. Kosharnaya S.A. *Mif i yazyk: opyt lingvokul'turologicheskoy rekonstruktsii russkoy mifologicheskoy kartiny mira* [Myth and language: attempt of linguocultural reconstruction of Russian mythological world view]. Belgorod, 2002. (In Russ.).

9. Otto R. *Svyashchennoye. Ob irratsional'nom v idee bozhestvennogo i ego sootnoshenii s ratsional'nym* [Sacred. About irrational in the idea of Divine and its relation to rational]. St. Petersburg, 2008. (In Russ.).

10. Prikhod'ko A.N. *Kontsepty i kontseptosistemy* [Concepts and systems of concepts]. Dnepropetrovsk, 2013. (In Russ.).

11. Robertson-Smit U. *Leksii o religii semitov* [The Religion of the Semites]. *Klassiki mirovogo religiovedeniya* [Classics of world religious studies]. Moscow, 1996. Pp. 305—308. (In Russ.).

12. Slyshkin G.G. *Lingvokul'turnye kontsepty i metakontsepty* [Linguocultural concepts and metaconcepts]. Volgograd, 2004. (In Russ.).

УДК 8; 1751  
ББК 80

## ТИПЫ И ФУНКЦИИ СРАВНЕНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

М. М. Паршукова

Ханты-Мансийская государственная медицинская академия, Ханты-Мансийск, Россия

Речь идет о сравнении как средстве образности и выразительности в русском и английском языках. Рассматриваются виды сравнений (образные и предметно-логические), их структура и основные функции в разножанровых текстах. Анализируются сравнительные конструкции из классических произведений англоязычных авторов и сравнения, употребляемые в повседневной речи.

**Ключевые слова:** сравнение, предметно-логический, образный, функция, жанр, текст.

Сравнения как средство образности и выразительности в русском и английском языках делятся на предметно-логические (comparison) и образные (simile). Различия между ними заключаются в том, что первые имеют дело с логически сравниваемыми предметами, в то время как вторые заключают в себе незначительный вымысел. Предметно-логические, или реальные сравнения являются отражением ситуации в повседневном мире. Однако, по словам С. Н. Должниковой, «формы реальных сравнений могут функционировать в рамках образного с целью воздействия на адресата» [Цит. по: 1. С. 91].

Simile, то есть образное сравнение, — это явное высказывание частичной схожести (сходства, похожести, подобия) двух объектов. Образное сравнение строится на базе реального или предметно-логического сравнения, но в отличие от него соотносит непохожие явления или предметы. Образное сравнение возникает на базе ассоциативного сходства у говорящего [Там же]. Стилистическими функциями обладают только образные сравнения — простые или развернутые, предметно-логические же соотносят предметы, опираясь на их категориальные признаки, и не несут в себе эстетико-познавательную информацию [Там же].

Образные сравнения (simile) — это яркие сравнения, и чем они ярче, тем очевиднее несоответствия между двумя объектами. Еще со времен Р. О. Якобсона известно, что секрет стилистического приема заключается в его неожиданности; реципиент готов на все, кроме того, что он готов увидеть [4. С. 193].

Не всегда есть возможность создать образное сравнение (simile) из логического (comparison). Иногда два сравниваемых предмета относятся к одному семантическому уровню, и поэтому результатом будет сравнение (simile), образованное благодаря сопровождаемому его стилистическому

приему. Чтобы сказать *Oh, John could do this forty times better than I (О, Джон мог бы это сделать в сорок раз лучше, чем я)*, используется образное сравнение (simile). В данном примере акцентируется качество действия двух людей, при помощи преувеличения (гиперболы) создается образное высказывание — сравнение [Там же. С. 195].

Образное сравнение может сочетаться или сопровождаться другими стилистическими приемами или достигать разных стилистических эффектов. Так, оно часто базируется на преувеличении описываемых черт. Например сравнение с гиперболическими чертами: *She heaved away from the table like a pregnant elephant (Она старалась подняться из-за стола как беременная слониха)*.

Следующее сравнение, являясь литотой, содержит в себе отрицание: *His eyes were no warmer than an iceberg (McBain). (Его глаза были не теплее айсберга)*. По словам Х. Бредина, сопоставление предметов может иметь как утвердительную, так и отрицательную форму: утвердительная форма подтверждает сходство между субъектами сравнения (*Солнце как апельсин*), а отрицательная отрицает это сходство (*Солнце не как апельсин*) [9. Р. 26].

Сравнение, содержащее иронию: *Brandon liked me as much as Hiroshima liked the atomic bomb (McBain) (Брэндон любил меня так, как Хиросима могла бы любить атомную бомбу)*.

Сопоставление в сравнениях может выражаться по-разному, и поэтому нет смысла пытаться описывать и классифицировать даже основные типы уподобления двух воображаемых предметов, создающих образ, так как число типов может быть бесконечно [Ibid. Р. 34]. Впрочем, ряд достаточно подробных классификаций образных сравнений находим в трудах лингвистов С. М. Мезенина, Л. В. Разуваевой и ряда других ученых. Достаточно отметить, что во многих случаях сопостав-

ление сравниваемых предметов выражается лексически: посредством глаголов, глагольных фраз, или она всего лишь подразумевается, поскольку есть якобы два параллельных утверждения в высказывании.

1. *He reminded James, as he said after wards, of a hungry cat (Galsworthy) (Это напомнило Джеймсу, как он потом сказал, голодного кота).*
2. *Mr. Witte's method of paying of debts would be a form of feeding a dog with bits of its own tail (Nesfield). (Способ мистера Уитта платить долги был похож на попытку накормить собаку кусочками ее собственного хвоста) [4. С. 195].*

Образные сравнения имеют следующие стилистические функции: 1) функция создания образности; 2) оценочная (интеллектуальной и эмоциональной оценки); 3) экспрессивная (экспрессивно-эмоциональная и экспрессивно-усилительная); 4) сверхорганизующая.

Оценочная функция реализуется двояко: как функция эмоциональной оценки и как функция интеллектуальной оценки. Первая оценивает объект с точки зрения эмоции (радость, огорчение, удовольствие, тревога), вторая — с точки зрения чувств (любовь, ненависть, уважение), а сама оценка выражает одобрение или осуждение. Например:

1. *She went on to say that she wanted all her children absorb the meaning of the words they sang, not just mouth them, like silly-billy parrots (D. Salinger).*
2. *His mind went round and round like a squirrel in a cage, going over the past (A. Christie).*

Из примеров видно, что оценочная функция, как правило, свойственна таким сравнениям, в которых реализуются оппозиции между объектом, обозначающим человека, и эталоном, обозначающим животных. Оценочная функция сравнения показывает также субъективное авторское отношение к персонажам, его симпатию или антипатию.

Экспрессивная функция сравнения выражается в двух ее разновидностях: экспрессивно-усилительной и экспрессивно-эмоциональной. Например, экспрессивно-усилительная:

*Every tree and every branch was encrusted with bright and delicate hoarfrost, white and pure as snow (Mitford). (Каждое дерево и каждая ветка были покрыты ярким и нежным инеем, белым и чистым, как снег).*

Экспрессивно-эмоциональная функция сравнения выражается в произведении Ч. Дикенса «Записки Пиквикского клуба»: *<...> and a pale,*

*sharp-nosed, half-fed, shabbily-clad clerk of middle age entered the room; <...> with a bird-like habit; <...> smiled as if he had made one of the strangest discoveries <...>; <...> a snuff-coloured surtout, <...>. Цель этих сравнений — раскрытие характера и внутреннего мира героев — состоятельных и почитаемых собственников, чьи интересы ограничивались лишь деньгами и положением в обществе.*

Сверхорганизующая функция сравнения берет свои истоки из организующей функции. Обладая ею, сравнение имеет способность создавать текст, сверхорганизующая функция реализуется при помощи конвергенции — сочетания сравнения с другими стилистическими приемами. Она ярко выражена в произведении О. Уайльда «Портрет Дориана Грея». Для описания главного героя автор использует как оригинальные сравнения, так и сравнения с конвергенцией; например: разговор с молодым человеком сравнивается с игрой на скрипке (*Talking to him was like playing upon an exquisite violin*); его влияние на других окружающих людей — с нежным приятным напитком и необычным запахом (*<...> to convey one's temperament into another as though it were a subtle fluid or a strange perfume*); его привлекательность и красота сопоставляются с древнегреческими статуями (*Grace was his, and the white purity of boyhood, and beauty such as old Greek marbles kept for us*). Конвергенция также выражается при помощи эпитетов (*charming, startled eyes, frightened pleasure, marvelous type, white purity*); лексических повторов слов (*age, grossly*); параллельной конструкции (*to project one's soul into some gracious form, and <...>; to hear one's own intellectual views echoed back to one with all the added music of passion and youth; to convey one's temperament into another as though it were a subtle fluid or a strange perfume*) [Там же].

Сравнения также могут выполнять и другие задачи в зависимости от жанра произведения, в котором они функционируют. В научных текстах сравнения и аналогичные средства играют важную роль, они могут употребляться двумя способами:

1. Как разъясняющий элемент с целью уточнить и объяснить что-то: *The Direct Method differed from the Natural Method only in its attempts to find a scientific rationale for its procedures. Like the Natural Method the Direct Method aimed at presenting language to the pupil without making him resort to grammatical analysis (Прямой метод отличается от естественного метода только в его попытках найти научное обоснование для*

своих действий. Как и естественный метод, прямой метод направлен на познание языка без привлечения грамматического анализа).

2. В качестве средства для развития образования новых теоретических концепций: *Like genes, memes are replicators* (Подобно генам мемы являются репликаторами).

В научно-популярном жанре сравнения служат для установления прямой связи с общими знаниями читателя, чтобы сделать текст доступнее. Например, описание таинственного моллюска, наблюдаемого на глубине: *A ghostly creature resembling across between a megaphone and Thing, the Adams Family pet hand, floats on the screen* (Призрачное создание, напоминающее громкоговоритель и персонажа в форме кисти руки из сериала «Семейка Аддамсов», плавает на экране).

В учебниках сравнения употребляются в педагогических целях, чтобы объяснить абстрактные и незнакомые термины, используя уже известные понятия: *An atom is like a miniature solar system* (Атом как миниатюрная солнечная система) [5; 6; 8].

В журналистике сравнения используются для риторической орнаментации, но в большинстве случаев они описывают поведение или личные переживания: *It was, she says, like belonging to a very exclusive, exciting club* (По ее словам, это похоже на то, как если бы ты принадлежал к очень эксклюзивному и интересному клубу).

Авторы текстов часто прибегают к использованию сравнений для того, чтобы описать предмет в более привлекательном виде, чем он есть на самом деле, с целью вызвать больший интерес у читателя. Так, например, в описании тропического пляжа автор использует следующее сравнение: *the shallow water is as clear as a paper weight embedded with shells and pebbles* (вода на мелководье прозрачна, как пресс-папье с вкраплением из ракушек и гальки) [9. P. 24].

В рекламных текстах можно увидеть гиперболическое утверждение: *Colour like no other. BRAVIA New LCD Television* (Цвет как никакой другой. Новые ЖК-телевизоры BRAVIA), которое отрицает сходство между продвигаемым товаром и каким-то другим.

В разножанровых литературных текстах сравнения выполняют эстетическую функцию, они, как правило, индивидуально-авторские и выражены в необычной форме:

*Let us go then, you and I,  
When the evening is spread against the sky  
Like a patient etherised upon a table.  
(Давай пойдём, ты и я,  
Когда вечер будет распростерт по небу  
Как пациент, уснувший от эфира на столе).*

В литературных текстах можно столкнуться с необычным использованием стандартных сравнений: *Just like little dogs* (Такие же, как собачки) — это название рассказа, где двое молодых людей сравниваются с собачками, которые ведут безрасудный образ жизни, развлекаются и не догадываются о последствиях своих действий [7; 9; 10].

Сравниваемые предметы не могут быть полностью одинаковыми, понятие «идентичность» для сопоставления предметов можно применить не всегда, а только к их определенным чертам. Данное понятие отражает полную схожесть, а предметы могут быть схожи друг с другом лишь благодаря общим чертам, которые должны быть достаточно далекими, чтобы их сопоставление было неожиданным, а черты различия оттеняли их сходство.

Сложные связи объективного мира часто глубоко скрыты и не могут быть охвачены одним чувственным созерцанием, и только образное мышление помогает их увидеть. Мысли, заключенные в словах, отражают объективную действительность, человеческие реакции и жизненный опыт, поэтому в сравнениях отражаются не только объективные предметы, но и индивидуальное отношение говорящего к предмету.

Любое сравнение — как образное, так и предметно-логическое — использует два имени двух отдельных предметов. Кроме того, и это важно отметить, сравнение содержит, по крайней мере, один или более компонентов — слово или группы слов, сигнализирующих о сопоставлении. Такие сигналы выражают союзы *like* и *as* (*as if, as though*), *than* в английском языке и *как, словно, будто, если бы* — в русском. Также могут употребляться и глаголы, такие как *to resemble, to remind one of*, или глагольные фразы *to bear of resemblance to, to have a look of*, — в английском и *походить, уподобляться* — в русском языке.

Следовательно, общая формула построения сравнения включает в себя символы названного объекта, имя объекта, которое используется, а также элемент, выражающий сравнительное сходство их обоих: слова *like, as* и их эквиваленты.

$N_1$  is like  $N_2$ , где  $N_1$  в латинском языке *primum comparationis*, а  $N_2$  — *secundum comparationis*, то есть первый и второй члены сравнения. Причина, почему два предмета сравниваются, — это их общая составляющая черта, так называемая *tertium comparationis* (третий член сравнения). *Tertium comparationis* — это либо явное указание (а), либо интерпретация читателя (б).

А. “*He is as beautiful as a weather-cock*” (Wilde).  
Общая черта для сравнения ‘*tertium comparationis*’ явно обозначена: это красота, которая объединяет его и флюгер.

В. “*My heart is like a singing bird*” (Rossetti). Здесь вероятной причиной схожести сердца человека с пением птицы могут быть чувства счастья: сердце поэта так же радостно, как птица, которая наслаждается жизнью [4. С. 194].

Многочисленные уподобления становятся более распространенными в повседневной жизни, превращаются в идиоматические фразы: *As bright as a button*; *As cool as a cucumber*; *As proud as a peacock*. Иногда уподобление скрывает истинный смысл фразы. Так, слово *bright* во фразе используется метафорически, обозначая либо «чистенький; нарядный; с иголки» либо «умный», «с высокой умственной способностью», «имеющий неординарный склад ума». Прилагательное *cool* также используется образно: оно не имеет ничего общего с температурой, только с темпераментом человека (*cool* = хладнокровный) [Там же].

Безусловно, среди готовых идиоматических сравнений есть много содержащих прямое уподобление:

*To smoke like a chimney*;  
*As fat as a pig*;  
*As drunk as a lord*.

Последняя фраза может показаться достаточно оскорбительной, но для данного сравнения были свои причины: соревнуясь с джентльменами своего круга, благородные лорды обычно сильно напивались.

Новое сравнение, особенно если оно хорошо продумано, обнаруживает неожиданные и поразительные сходства и является одним из лучших образных средств.

Сравнение имеет многообразные формы, семантические черты и экспрессивные цели. Оно может быть представлено простым предложением: *She was like a tigress ready to jump at me* — Она была похожа на тигрицу, готовую прыгнуть на меня; придаточным сравнительным в составе сложного предложения: *She looked at him as uncomprehendingly as a mouse might look at a grave stone* (O’Grain) — Она посмотрела на него так непонимающе, как мышь может смотреть на могильную плиту; часто мы можем

встретить отдельные сложные слова: *dog-like*, *hungry-looking*.

В современном русском языке выделяют особый тип сравнений — это сравнения-метафоры, в которых устанавливаются нетривиальные отношения между двумя понятиями. Такие сравнения трудно отличить от образных сравнений, так как они оторваны от реалии и держат читателя во власти автора, но в то же время предоставляют свободу для творчества и фантазии: «Сердце, как яблоня, плачет» (А. Блок). Они способны вызывать смысловые и экспрессивные приращения. Например, в стихотворении О. Мандельштама «Век» век сравнивается со зверем, которому перебили хребет. И хотя жизнь еще будет продолжаться, исход ее предreshen [2; 3].

Таким образом, сравнения в тексте художественной литературы выполняют различные стилистические функции, основными из которых являются: функция создания образности, функция эмоциональной и интеллектуальной оценки, экспрессивная и сверхорганизующая функции. Эти функции сравнения связаны со стилистической информацией, передаваемой через стилистический прием сравнение. Но все же главной функцией сравнений остается функция создания образности, которая состоит в уподоблении темы сравнения и образа сравнения на основе нетождественных категориальных сем. Сравнение также может использоваться в текстах не только как самостоятельный стилистический прием, но и в сочетании с другими стилистическими приемами, образуя конвергенцию или компаративные комплексы, тем самым обеспечивая образы еще большей стилистической выразительностью. По структуре и семантике сравнения делят на несколько типов: простые и развернутые, предметно-логические и образные, сравнения-метафоры. Но, несмотря на это, каждый тип выполняет свою основную функцию — создание образа. При переводе сравнений на другой язык важно знать культуру и традиции страны и народа, так как сравнения прежде всего связаны с ассоциативным восприятием, и порой сложно понять, что хотел сказать автор — носитель другого языка.

### Список литературы

1. Буглак, С. И. Соотношение сравнения и метафоры в английском языке / С. И. Буглак // Вестн. Адыгейс. гос. ун-та. Сер. 2: Филология и искусствоведение. — 2001. — № 4. — С. 90—94.
2. Кузнец, М. Д. Стилистика английского языка / М. Д. Кузнец, Ю. М. Скребнев. — Л., 1960.
3. Кузнецова, Н. В. Русский язык и культура речи : учебник / Н. В. Кузнецова. — 3-е изд. — М., 2010.
4. Скребнев, Ю. М. Основы стилистики английского языка : учебник / Ю. М. Скребнев. — 2-е изд., испр. — М., 2003.
5. Bredin, H. Comparisons and similes / H. Bredin. — Lingua. — 1998. — No. 105 (1—2). — P. 67—78.
6. Fromilhague, Ch. Les figures de style / Ch. Fromilhague. — Paris, 1995.

7. Galperin, I. R. *Stylistics* / I. R. Galperin. — Moscow, 1981.
8. Ortony, A. *The role of similarity in similes and metaphors* / A. Ortony. — Cambridge, 1979. — P. 342—356.
9. Pierini, P. *Simile in English: from description to translation* / P. Pierini. — Università di Roma Tre, 2007.
10. *The translation studies reader* / ed. by L. Venuti. — London ; New York, 2004.

### Сведения об авторе

**Паршукова Мария Михайловна** — старший преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Ханты-Мансийская государственная медицинская академия. Ханты-Мансийск, Россия. [pmm1987@mail.ru](mailto:pmm1987@mail.ru)

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 149—153.*

## TYPES AND FUNCTIONS OF COMPARISONS IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

**M.M. Parshukova**

*Khanty-Mansiysk State Medical Academy, Khanty-Mansiysk, Russia. [pmm1987@mail.ru](mailto:pmm1987@mail.ru)*

The article is devoted to a simile as an imaginative-expressive and logical device in Russian and English languages. The author compares the similes and comparisons and analyses their characteristic features. We consider comparative structures and their main functions, analyse the ways of comparisons usage in texts. The classification of comparison functioning according to the speaking aim in different genres by Ch. Fromilhague is presented. We describe comparative constructions from classical novels by Charles Dickens and Oscar Wilde and comparisons used in speech, give examples of unusual comparisons in the English language, explanation of their derivation and their translation into Russian.

**Keywords:** *comparison, simile, logical, imaginative, function, genre, text.*

### References

1. Buglak S.I. *Sootnosheniye sravneniya i metafory v angliyskom yazyke* [Comparison of metaphor and metaphor in English]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedeniye* [Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art History], 2001, no. 4, pp. 90—94. (In Russ.).
2. Kuznets M.D., Skrebnev Yu.M. *Stilistika angliyskogo yazyka* [Stylistics of English]. Leningrad, 1960. 175 p. (In Russ.).
3. Kuznetsova N.V. *Russkiy yazyk i kul'tura rechi* [Russian language and culture of speech]. Moscow, 2010. (In Russ.).
4. Skrebnev Yu.M. *Osnovy stilistiki angliyskogo yazyka* [Fundamentals of English stylistics]. Moscow, 2003. (In Russ.).
5. Bredin H. Comparisons and similes. *Lingua*, 1998, no. 105 (1—2), pp. 67—78.
6. Fromilhague Ch. *Les figures de style*. Paris, 1995. (In French).
7. Galperin, I.R. *Stylistics*. Moscow, 1981.
8. Ortony A. *The role of similarity in similes and metaphors*. Cambridge, 1979. Pp. 342—356.
9. Pierini P. *Simile in English: from description to translation*. Università di Roma Tre, 2007.
10. Venuti L. (ed.). *The translation studies reader*. London, New York, 2004.

УДК 130.121.4  
ВВК 81

## ИССЛЕДОВАНИЕ СКОРОСТИ РАСПАДА СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА *SCIP* В ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

С. А. Песина<sup>1</sup>, Е. А. Карамышев<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,  
Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

<sup>2</sup> Магнитогорский государственный университет, Магнитогорск, Россия

Представлен глоттохронологический метод определения коэффициента диахронической скорости выпадения лексических единиц *scip/ship* из древнеанглийского синонимического ряда в ранний среднеанглийский период с использованием уравнений распада. В зависимости от степени сохранения семантического потенциала у сохранившихся лексем вычисление коэффициента скорости распада осуществляется как на лексическом уровне (как сохранение единиц в лексической системе языка), так и на семантическом (как сохранение или погашение семы *ship* в семантической структуре сохранившихся лексем).

**Ключевые слова:** диахрония, лексическая система, синонимический ряд, теория глоттохронологии, уравнение распада.

Глоттохронология (от греч. *glotta* — язык, *chronos* — время, *logos* — учение) представляет собой область языкознания, занимающуюся выявлением скорости лингвистических процессов с определением времени разделения родственных языков и степени близости между ними, а также статистическим исследованием лексической системы в целом.

Теория глоттохронологии, разработанная в 1948—1952 гг. М. Сводешом и дополненная С. А. Старостиным, базируется на следующих постулатах [13]:

- в словаре каждого языка можно выделить специальный фрагмент лексической системы, называемый основной стабильной частью словаря;
- имеется список значений, которые в любом языке обязательно выражаются словами из основной части словарного фонда. Эти слова формируют так называемый основной список (условное обозначается —  $N_0$ );
- доля  $p$  слов из основного списка, которые сохраняются на протяжении интервала времени  $\Delta t$ , постоянна (то есть зависит только от величины выбранного промежутка, но не от того, как он выбран или какие слова каждого языка рассматриваются);
- все лексические единицы, составляющие основной список, имеют одинаковые шансы сохраниться на протяжении этого интервала времени;
- вероятность для слова из основного списка праязыка сохраниться в основном списке од-

ного языка-потомка не зависит от его вероятности сохраниться в аналогичном списке другого языка-потомка.

Из совокупности приведенных постулатов выводится основная математическая зависимость глоттохронологии, представляющая собой, собственно, формулу полураспада радиоактивного углерода:

$$N(t) = N_0 e^{-\lambda t},$$

где  $t$  — время, прошедшее от начального момента развития до некоторого последующего момента (измеряется в тысячелетиях; в настоящей работе данная величина измеряется в столетиях);  $N_0$  — исходный основной список (здесь: исходный состав синонимического ряда);  $\lambda$  — скорость выпадения слов из  $N_0$ ;  $N(t)$  — количество слов исходного ряда, сохранившихся к моменту  $t$  [2].

Лингвистическим материалом в предлагаемой работе является древнеанглийский синонимический ряд *ship* и его скорость распада в начальной фазе среднеанглийского периода. Природа синонимических отношений между лексическими единицами издавна привлекала внимание лингвистов, так как решение ряда вопросов, касающихся явления синонимии, связано с проблемами полисемии, лексикографии и другими смежными областями языкознания [4—6].

Методом сплошной выборки, предложенным на основе академических и учебных англосаксонских/древнеанглийских словарей Босворта-

Толлера, Холла, Скита, Суита, Л. С. Алексеевой и А. И. Смирницкого, мы получили следующий синонимический ряд с общим понятийным значением *ship*: *scip*, *ceol*, *flota*, *merehengest* (поэт./кеннинг), *nasa* (поэт.), *sæbat* (поэт.), *þeofscip*, *bat*, *bundenstefna* (поэт.), *hringnasa* (поэт.), *sægenga* (поэт./кеннинг), *fær*, *bord* (поэт.), *cuopel*, *ac*, *brenting* (поэт.), *hringedstefna*, *lid* (поэт.), *cræft*, *fleot*, *flotscip*, *flyte*, *sæflota* (поэт.), *sæliðend* (поэт./кеннинг), *sæhengest* (поэт./кеннинг), *sæpnasa* (поэт.), *sundhengest* (поэт./кеннинг), *sundwudu* (поэт./кеннинг), *wudu* (поэт.), *wægflota* (поэт./кеннинг), *wundenstefna* (поэт.) *sæwudu* (поэт./кеннинг), *уðlida* (поэт.), *уðlid* (поэт.), *flodwudu* (поэт./кеннинг), *beam*, *æsc*, *scipincel*, *sæmearh* (поэт./кеннинг), *wæghengest* (поэт./кеннинг), *wægdæl* (поэт.), *уðbord* (поэт./кеннинг), *уðhof* (поэт./кеннинг), *уðmearh* (поэт./кеннинг), *уðnasa* (поэт.), *wæterþisa* (поэт./кеннинг), *merebat* (поэт.), *mereþyssa*, *wudubat* (поэт.), *wægbord* (поэт./кеннинг), *wudufæsten* (поэт./кеннинг), *wundenheals* (поэт.), *ceolþelu* (поэт.), *brimhengest* (поэт./кеннинг), *brimþisa*, *brimwudu* (поэт./кеннинг), *sundreced* (поэт./кеннинг), *barda*, *barþ*, *sciphlæst*, *hlæstscip*, *holmærn* (поэт./кеннинг), *farof-hengest* (поэт./кеннинг).

Как можно видеть, в древнеанглийском языке существовало в общей сложности 63 лексемы-синонима, формирующих семантико-стилистический синонимический ряд *ship*. Такое разнообразие синонимического ряда говорит, как о лексическом богатстве английского языка древнего периода, так и об особом положении данного концепта в англосаксонском языковом пространстве, предполагающем наличие разнообразных конструкций и типов кораблей.

Например, в древнеанглийской эпической поэме «Беовульф» (по рукописи X в.) синонимический ряд состоит из 17 лексем-синонимов [4]. Наличие большого количества синонимов в лексической системе древнеанглийского периода ярко иллюстрирует два семантических закона. Во-первых, так называемый семантический закон Шпербера, который позволяет объяснить тот лингвистический факт, что предметы и явления действительности, играющие важную роль в жизни языкового коллектива, обозначаются большим количеством синонимических единиц (закон синонимического напряжения). Во-вторых, как известно, в языке не может существовать синонимический ряд, состоящий из большого количества синонимов-дублетов. Для устранения синонимов-дублетов начинает действовать закон распределения Бреая, согласно которому лексемы, некогда синонимичные, постепенно расходятся по значению, стилистической окраске или каким-либо способом.

Следовательно, закон распределения Бреая выступает как обратная реакция лексической системы на усиление синонимического напряжения. Согласно переводному англо-древнеанглийскому словарю У. Скита, современная английская лексема *ship* соответствует в древнеанглийском языке следующим эквивалентам: *scip* — «корабль»; *ceol* — «корабль»; *æsc* — «корабль, сделанный из ясеня»; *lid* — «корабль» (поэт.); *merehengest* — букв. «морской конь», «корабль» (поэт.), — где только две первые единицы можно рассматривать в качестве синонимов-дублетов. Следует также обратить внимание на то, что лексема *ceol* — *ship* исчезает из словарного фонда в среднеанглийский период в соответствии с принципом устранения синонимов-дублетов.

В исследовании данного синонимического ряда следует обратить внимание на удельный вес поэтических единиц, которые можно рассматривать в качестве стилистического критерия Холла — Суита. Этот критерий определяет стилистическую долю поэтизмов с помощью формулы

$$H = \omega / Z,$$

где  $H$  — стилистический удельный вес поэтических единиц ряда;  $\omega$  — количество поэтических единиц;  $Z$  — длина синонимического ряда.

Следовательно,

$$H = \omega / Z = 20 / 63 = 32 \%.$$

Особое внимание при исследовании стилистической составляющей данного синонимического ряда заслуживает вопрос о так называемых кеннингах, представляющих собой троп для замены собственных или нарицательных существительных метафорическим описательным оборотом. Кеннинги получили широкое распространение в древнеанглийском и древнескандинавском культурном пространстве. Для обозначения понятия «корабль» в древнеанглийском языке использовались следующие обороты-кеннинги: *merehengest* — букв. «морской конь», *sæwudu* — букв. «морское дерево», *уrþhof* — букв. «дом на волнах» и т. д.

Синонимический ряд, который будет исследован в этой статье, включает 26 кеннингов, которые могут быть исследованы с помощью количественного метода на основе критерия стилистического удельного веса (или К-критерий) по формуле

$$K = Mk / Z,$$

где  $K$  — стилистический удельный вес кеннингов,  $Mk$  — количество оборотов-кеннингов,  $Z$  — длина синонимического ряда.

Следовательно,  $K = Mk / Z = 26 / 63 = 42 \%$ .

Как можно видеть, удельный вес оборотов-кеннингов составляет 42 %, а удельный вес поэтических синонимических единиц — 32 %.

Представленные квантитативные критерии ярко демонстрируют соотношение между поэтическими единицами и метафорическими оборотами-кеннингами, где удельный вес последних преобладает над поэтизмами и семантическими синонимами в пределах ряда. Таким образом, лексическое богатство синонимического ряда в древнеанглийском языке создается за счет оборотов-кеннингов, представляющих собой авторские (индивидуальные) метафорические единицы.

Следующим этапом настоящего исследования является определение коэффициента скорости распада данного синонимического ряда в истории английского языка. Зная время  $t$  и долю сохранившихся слов  $p$  синонимического ряда, мы можем вычислить скорость распада по соответствующей формуле [1]:

$$\lambda = -\ln p / \Delta t,$$

где  $\lambda$  — скорость распада;  $p$  — доля сохранившихся слов;  $\Delta t$  — период времени для вычисления скорости распада; отрицательный знак указывает на убывание лексических единиц из исходного списка. Доля сохранившихся лексем  $p$  определяется по формуле

$$p = N(t) / N_0,$$

где  $p$  — доля сохранившихся лексических единиц;  $N(t)$  — количество сохранившихся лексем;  $N_0$  — исходное количество лексем. Данная формула также применяется для расчета доли распавшихся лексем:

$$q = N(T) / N_0,$$

где  $q$  — доля распавшихся лексем;  $N(T)$  — количество распавшихся лексем;  $N_0$  — исходное количество лексем.

В данной работе за параметр  $\Delta t$  мы принимаем время, соответствующее периоду конца древнеанглийского и начала среднеанглийского периодов в истории английского языка (1100—1300 гг.). Этот период не является произвольным, так как новые понятия и реалии, по всей видимости, связаны с развитием кораблестроения и усовершенствованием технологических процессов начиная с этого времени.

Для подтверждения этого лингвистического факта можно выделить следующие лексические

единицы, составляющие синонимический ряд в современном английском языке: vessel (XIV в.; заимствование из французского языка), pavy (XIV в.; заимствование из французского языка, в современном английском языке значение number of ships; ships or shipping считается устаревшим), shipping (XIV в.; дериват I степени от существительного ship), keel (1) — a flat-bottomed vessel (XIV в.; заимствование из нидерландского языка, в современном английском языке употребляется в качестве эквивалента для обозначения понятия «англосаксонский корабль — *ceol*»), keel (2) (XIV в.; заимствование из скандинавских языков; значение a ship, vessel появляется в XVI в.; в современном английском языке употребляется в качестве поэтизма).

Следует отметить, что омонимы keel (1) и keel (2) возникли в данном ряду в результате омонимического столкновения на основе фонетического совпадения и восходят, следовательно, к разным этимонам, cog (XIV в.; заимствование из скандинавских языков; в современном английском языке является устаревшим), man of war (XV в.), merchant ship (XV в.), hoy (XV в.; заимствование из нидерландского языка, в современном английском языке является южноанглийским диалектизмом), wherry (XV в.; возможно, заимствование из скандинавских языков, но в настоящее время считается диалектизмом), ark (XV в.; заимствование из латыни; в современном английском языке в значении ship употребляется только в разговорной речи), bark (XV в.; заимствование из французского языка, в современном английском языке употребляется в качестве поэтизма в значении any sailing vessel; ship), warship (XVI в.), sailer (XVI в.; дериват I степени от глагола sail), water-craft (XVII в.), steamboat (XVIII в.), grow (XVIII в.; заимствование из французского языка; в современном английском языке считается поэтизмом), steamer (XIX в.), steamship (XIX в.), liner (XIX в.).

Необходимо отметить лексико-семантическую природу протекания распада древнеанглийского синонимического ряда по степени сохранения значения ship. В результате действия общего лексического распада ( $\gamma$ -распада) древнеанглийского синонимического ряда в современном английском языке сохранились следующие лексические единицы: ash, beam, boat, board, craft, fare, fleet, float, oak, ship, wood. Данные лексические единицы представляют собой остаточное явление в результате лексико-семантического распада древнеанглийского синонимического ряда ship. Некоторые лексемы (ship, boat, craft) сохранили данную сему, другие утратили ее, но все же

сохранились в семантическом поле *ship* (*board*, *float*, *fleet*, *beam*), а такие лексемы, как *fare*, *wood*, *ash*, *oak*, полностью утратили сему *ship* и вышли за пределы семантического поля *ship*. Таким образом, в диахронической плоскости из 63 членов синонимического ряда сохранилось 11 лексических единиц.

На семантическом уровне распад синонимического ряда протекал следующим образом. Под лексемами **α-распада (α-глоссем)** мы понимаем лексические единицы, дошедшие до периода, соответствующего современному английскому языку и сохранившие значение *ship*. Иллюстрацией процесса α-распада послужат лексемы *ship*, *craft*, *boat*. Важно отметить, что представленные лексические единицы составляют историческое ядро синонимического ряда *ship* в современном английском языке. Лексические единицы β-полураспада (β-глоссем) существуют в современном английском языке, утратив значение *ship* в процессе генезиса, но сохранились в пределах семантического поля *ship*: *board*, *beam*, *fleet*, *float*.

В результате действия процесса β-распада лексические единицы полностью утрачивают значение *ship* и покидают пределы данного семантического поля. К этому типу процесса β-распада можно отнести лексемы (β-глоссем): *fare*, *ash*, *wood*, *oak*.

Важно отметить, что в процессе действия гамма-распада за пределами лексической системы оказалось подавляющее число древнеанглийских лексем, иллюстрирующих явление лексического затухания. К ним относятся следующие древнеанглийские лексические единицы: *ceol*, *merehengest*, *naca*, *sæbat*, *þeofscip*, *bundenstefna*, *hringnaca*, *sægenga*, *brenting*, *hringedstefna*, *lid*, *flotscip*, *flyte*, *sæflota*, *sæliðend*, *sæhengest*, *sænaca*, *sundhengest*, *sundwudu*, *wægflota*, *wundenstefna*, *sæwudu*, *yðlida*, *yðlid*, *flodwudu*, *scipincel*, *sæmearh*, *wæghengest*, *wægdæl*, *yðbord*, *yðhof*, *yðmearh*, *yðnaca*, *wæterþisa*, *merehus*, *merebat*, *mereþyssa*, *wudubat*, *wægbord*, *wudufæsten*, *wundenheals*, *ceolþelu*, *brimhengest*, *brimþisa*, *brimwudu*, *sundreced*, *flothere*, *barda*, *barþ*, *mereciast*, *sciphære*, *sciphlæst*, *hlæstscip*, *holmærn*.

Следует указать, что целью данного исследования является не только полная констатация лингвистических фактов, но также научное обоснование причин сохранения этих лексических единиц в современном английском языке. По нашему мнению, основным параметром в сохранении лексем в словарном составе языка считается частотно-ранговая характеристика. Именно частотность употребления играет решающую роль

в сохранении в языковой системе той или иной лингвистической единицы [3].

Несмотря на отсутствие частотных словарей древнеанглийского периода, можно заключить, что данные лексические единицы обладали высокой частотностью и принадлежали к нейтральному стилю. Следовательно, стилистическая природа лексемы положительно или отрицательно отражается на степени сохранения в словарном фонде и на лексико-семантическом потенциале в целом.

Таким образом, генезис лексической единицы может зависеть от частотности ее употребления, ее стилистической маркированности. В качестве примера можно привести лексему *wood* (*the substance of which trees are made*), которая в древнеанглийском периоде обладала значением *a wooden ship* и употреблялась в качестве поэтизма для понятия *ship*. С развитием кораблестроения из семантической структуры *ship* исчезает значение *a wooden ship*. Наряду с этим лексема теряет *ship* для поэтического обозначения корабля в силу низкой частотности.

Обращает на себя внимание тот факт, что все сохранившиеся лексемы (*oak*, *ship*, *boat*, *craft*, *beam*, *fleet*, *float*, *board*, *wood*, *ash*, *fare*) обладают сравнительно одинаковыми небольшими массами фонетико-графических оболочек, простой словообразовательной моделью, стилистической нейтральностью, относительно высокой частотностью и принадлежат к древнейшему этимологическому слою (исконная лексика). Примечательно, что сохранившиеся лексические единицы, подтверждают лингвостатистическую теорию Дж. Ципфа [Там же], согласно которой существует определенная зависимость между возрастом лексемы и ее частотности употребления. Следовательно, наиболее частотные лексические единицы являются наиболее древними по происхождению.

Результаты вычисления коэффициента скорости лексико-семантического распада синонимического ряда *ship* в истории английского языка представлены в табл. 1.

Процесс затухания древнеанглийского синонимического ряда *scip* в истории английского языка представлен в табл. 2.

Итак, на основе полученных глоттохронологических данных относительно распада проанализированного синонимического ряда можно сделать следующие выводы. Во-первых, возникает определенная зависимость между скоростью распада и долей сохранившихся лексических единиц: чем меньше доля сохранившихся слов, тем больше скорость распада исходного словарного состава. Во-вторых, к выпадению из словарного состава

Таблица 1

**Данные по лексико-семантическому распаду  
древнеанглийского синонимического ряда *scip*  
в ранний среднеанглийский период**

№ п/п	Исходный ряд, <i>No</i>	Количество сохранившихся лексем, <i>N(t)</i>	Доля сохранившихся лексем, <i>p</i>	Период, $\Delta t$ , годы	Коэффициент скорости распада, $\lambda$ , %	Природа протекания распада
1	63	11	0,18	1100—1300	0,88	$\gamma$ -распад
2	63	3	0,05	1100—1300	1,53	$\alpha$ -распад
3	63	4	0,07	1100—1300	1,38	$\beta$ -полураспад
4	63	4	0,07	1100—1300	1,38	$\beta$ -распад

Таблица 2

**Данные по процессу затухания древнеанглийского  
синонимического ряда *scip* в истории английского языка**

Исходный ряд, <i>No</i>	Количество распавшихся лексем, <i>N(T)</i>	Доля распавшихся лексем и сила затухания, <i>q(e)</i> %, <i>q</i> %
63	52	83 %

языка склонны лексемы с низкой частотностью, такие как поэтизмы или единицы, связанные с архаизацией тех понятий или реалий, которые они обозначают. В качестве иллюстрации этого положения можно привести следующие древнеанглийские лексемы: *æsc* (boat made of ash-wood, small ship, war-ship), *barda* (beaked ship), *barþ* (small ship), которые обозначали определенные технические и функциональные характеристики корабля англосаксов.

Необходимо отметить, что величину скорости распада  $\lambda$  можно трактовать как вероятность распада, связанного с частотно-ранговой характеристикой лексемы [7—10]. Отсюда следует, что чем больше порядковый номер лексической единицы (ранг) и чем меньше частота лексемы, тем больше скорость распада. Также существует

зависимость между частотностью и происхождением лексемы, которая выражается в следующем: наиболее устойчивыми к распаду являются лексемы древнего происхождения, так как именно они составляют ядро всей лексической системы и обладают относительно высокой частотностью употребления и стилистической нейтральностью, то есть входят в так называемый активный словарный запас языка [11—13].

В целом лексикостатистический метод глоттохронологии позволяет более глубоко понять не только внешнюю сторону историко-лингвистического процесса, связанного с возникновением и функционированием какого-либо лексического явления, но и внутреннюю природу протекания этого лингвистического процесса в диахроническом аспекте.

### Список литературы

1. Арапов, М. В. Математические методы в исторической лингвистике / М. В. Арапов, М. М. Херц. — М., 1974.
2. Бурлак, С. А. Сравнительно-историческое языкознание : учебник / С. А. Бурлак, С. А. Старостин. — М., 2005.
3. Карамышев, Е. А. Определение F-частотности синонимического ряда «*scip*/корабль» по формуле Ципфа-Мандельброта в древнеанглийской поэме «Беовульф» / Е. А. Карамышев // Язык и культура : сб. материалов XVII Междунар. науч.-практ. конф. — Новосибирск, 2015.
4. Песина, С. А. Диахроническая скорость распада древнеанглийского синонимического ряда «*scip*/корабль» в раннесреднеанглийский период / С. А. Песина, Е. А. Карамышев // Актуал. проблемы соврем. науки, техники и образования. — 2016. — Т. 2, № 1. — С. 240—243.
5. Песина, С. А. Лексический прототип как содержательное ядро многозначного слова (на материале английских существительных лексико-семантической группы «Тело человека») : учеб. пособие / С. А. Песина. — Магнитогорск, 2003.
6. Песина, С. А. Методика определения содержательного ядра многозначного существительного современного английского языка / С. А. Песина // Изв. РГПУ им. А. И. Герцена: Обществ. и гуманитар. науки. — 2005. — № 5 (11). — С. 51—59.

7. Песина, С. А. От инварианта многозначного слова к лексическому прототипу / С. А. Песина // *Вопр. когнитив. лингвистики*. — 2006. — № 2. — С. 53—61.
8. Песина, С. А. Функционирование полисемантов в механизмах речепроизводства / С. А. Песина // *Фразеологические чтения памяти профессора В. А. Лебединской*. Вып. 4. — Курган, 2008. — С. 113—115.
9. Песина, С. А. Функционирование слова в процессах мышления и коммуникации / С. А. Песина // *Когнитивные исследования языка*. Вып. VIII. Проблемы языкового сознания : материалы междунар. науч. конф. — М. ; Тамбов, 2011. — С. 79—81.
10. Песина, С. А. Когнитивные механизмы профилирования профессионального знания: формирование понятий / С. А. Песина // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. — 2011. — № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. — С. 43—45.
11. Песина, С. А. Инвариантность в когнитивной лингвистике и философии языка : учеб. пособие / С. А. Песина. — М., 2014.
12. Песина, С. А. Философия языка : учеб. пособие / С. А. Песина. — М., 2014.
13. Сводеш, М. К вопросу о повышении точности в лексикостатистическом датировании / М. Сводеш // *Новое в лингвистике*. — 1960. — Вып. 1. — С. 27—45.

### Сведения об авторах

**Песина Светлана Андреевна** — доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой английского языка, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, профессор кафедры английской филологии и лингвокультурологии, Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия. [spesina@bk.ru](mailto:spesina@bk.ru)

**Карамышев Евгений Александрович** — старший преподаватель кафедры английского языка, Магнитогорский государственный университет. Магнитогорск, Россия. [ya.joni77@yandex.ru](mailto:ya.joni77@yandex.ru)

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 154—160.*

## INVESTIGATION OF DECOMPOSITION RATE OF SINONYMIC RANGE “SCIP” IN THE HISTORY OF ENGLISH LANGUAGE

**S.A. Pesina**

*Saint-Petersburg University of the Humanity and Social Sciences, Saint-Petersburg State University,  
Saint Petersburg, Russia. [spesina@bk.ru](mailto:spesina@bk.ru)*

**Ye.A. Karamyshev**

*Magnitogorsk State University, Magnitogorsk, Russia. [ya.joni77@yandex.ru](mailto:ya.joni77@yandex.ru)*

The article presents a glottochronological method for determining the coefficient of diachronic speed of decomposition of the Old English synonymic set “scip”. Lexical units of the synonymic set “scip” in the early Middle English period are analyzed on the basis of decomposition equations. Depending on the degree of preservation of the word semantic potential, the decomposition rates for the preserved words are calculated both on the lexical and semantic level. In general, the lexicostatistical method of glottochronology allows us to understand more deeply not only the external side of historical and linguistic processes associated with the emergence and functioning of lexical phenomena, but also the internal nature of the linguistic process in the diachronic aspect.

**Keywords:** *diachrony, lexical system, synonymic range, theory of glottochronology, equation of decomposition.*

### References

1. Arapov M.V., Herts M.M. *Matematicheskiye metody v istoricheskoy lingvistike* [Mathematical Methods in Historical Linguistics]. Moscow, 1974. (In Russ.).
2. Burlak S.A., Starostin S.A. *Sravnitel'no-istoricheskoye yazykoznanie* [Comparative-historical linguistics]. Moscow, 2005. (In Russ.).
3. Karamyshev Ye.A. Opredeleniye F-chastotnosti sinonimicheskogo ryada “scip/korabl'” po formule Tspifa-Mandel'brotа v drevneangliyskoy poeme “Beovul'f” [Determination of the F-frequency of the syno-

nymic series “scip/ship” according to the Zipf-Mandelbrot formula in the Old English poem “Beowulf”]. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. Novosibirsk, 2015. (In Russ.).

4. Pesina S.A., Karamyshev Ye.A. Diakhronicheskaya skorost' raspada drevneangliyskogo sinonimicheskogo ryada “scip/korabl'” v rannesredneangliyskiy period [The diachronic decay rate of the Old English synonym series “scip/ship” in the early Middle English period]. *Aktual'nye problemy sovremennoy nauki, tekhniki i obrazovaniya* [Actual Problems of Modern Science, Engineering and Education], 2016, vol. 2, no. 1, pp. 240—243. (In Russ.).

5. Pesina S.A. *Leksicheskiy prototip kak sodержatel'noye yadro mnogoznachnogo slova (na materiale angliyskikh sushchestvitel'nykh leksiko-semanticheskoy gruppy “Telo cheloveka”)* [Lexical prototype as the content core of a multi-valued word (on the material of English nouns of the lexico-semantic group “The Human Body”)]. Magnitogorsk, 2003. (In Russ.).

6. Pesina S.A. Metodika opredeleniya sodержatel'nogo yadra mnogoznachnogo sushchestvitel'nogo sovremennogo angliyskogo yazyka [The method of determining the content kernel of the multivalued noun of modern English]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki* [News of Herzen State Pedagogical University of Russia: Social and Human Sciences], 2005, no. 5 (11), pp. 51—59. (In Russ.).

7. Pesina S.A. Ot invarianta mnogoznachnogo slova k leksicheskomu prototipu [From the invariant of a multivalued word to a lexical prototype]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Questions of Cognitive Linguistics], 2006, no. 2, pp. 53—61. (In Russ.).

8. Pesina S.A. Funktsionirovaniye polisemantov v mekhanizmaxh recheproizvodstva [The functioning of the polysemantic in the mechanisms of speech production]. *Frazeologicheskiye chteniya pamyati professora V.A. Lebedinskoy. Vyp. 4* [Phraseological readings in memory of Professor V.A. Lebedinskaya. Iss. 4]. Kurgan, 2008. Pp. 113—115. (In Russ.).

9. Pesina, S.A. Funktsionirovaniye slova v protsessakh myshleniya i kommunikatsii [Word functioning in the processes of thinking and communication]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. VIII. Problemy yazykovogo soznaniya* [Cognitive language research. Iss. VIII. The problems of the language of consciousness]. Moscow, Tambov, 2011. Pp. 79—81. (In Russ.).

10. Pesina S.A. Kognitivnye mekhanizmy profilirovaniya professional'nogo znaniya: formirovaniye ponyatiy [Cognitive mechanisms for profiling professional knowledge: the formation of concepts]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2011, no. 24 (239), pp. 43—45. (In Russ.).

11. Pesina S.A. *Invariantnost' v kognitivnoy lingvistike i filosofii yazyka* [Invariance in Cognitive Linguistics and the Philosophy of Language]. Moscow, 2014. (In Russ.).

12. Pesina S.A. *Filosofiya yazyka* [Philosophy of language]. Moscow, 2014. (In Russ.).

13. Svodesh M. K voprosu o povyshenii tochnosti v leksikostatisticheskom datirovaniy [To the question of increasing the accuracy in lexicostatistical dating]. *Novoye v lingvistike* [New in Linguistics], 1960, iss. 1, pp. 27—45. (In Russ.).

УДК 811.112.2  
ББК Ш 143.24

## ПРОЦЕССЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ НЕОЛОГИЗАЦИИ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

*А. Н. Рахматуллина*

*Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия. alfija.rakhmatullina@yandex.ru*

Рассматриваются процессы неологизации, происходящие в результате семантического сдвига в значении слова. В поле зрения исследования входят относительные прилагательные, изначально грамматически не предполагающие процессов семантической деривации. Анализу подвергаются относительные прилагательные, представленные в немецкоязычном публицистическом дискурсе, как результат процессов семантической неологизации под влиянием различных дискурсивных факторов.

**Ключевые слова:** *семантическая неологизация, оценочность, относительные прилагательные, семантический сдвиг, публицистический дискурс.*

В современной лингвистике по-прежнему остается актуальным направление, изучающее семантические изменения языковых единиц. В условиях постоянных социокультурных изменений, непрерывного политического и экономического роста возникает необходимость в качественных изменениях языковых единиц путем не только возникновения новых слов, но и иных значений уже имеющихся языковых единиц. Поскольку новое значение слова закрепляет в языковом сознании новое отображение объекта действительности, происходит переосмысление картины мира.

Так, в последнее десятилетие большое внимание лингвистами уделяется вопросам семантической неологизации как процессу, отражающему постоянное изменение, развитие языка (В. Вундт, Г. Пауль, Е. В. Розен, М. В. Никитин и др.). В настоящем исследовании мы опираемся на определение «семантического неологизма», данное О. А. Никитиной: «новый лексико-семантический вариант известной прежде лексической единицы, который находится в отношениях семантической связи с другим(и) ЛСВ данного слова» [6. С. 20].

Изменения в семантической структуре слова являются результатом противоречия между необходимостью номинации и существующим лексическим потенциалом, между новыми достижениями в процессе познания и ограниченностью лексической системы.

«Появление новых значений обусловлено неустанной креативной работой человеческого сознания, бесконечным познавательным процессом, детерминированным предметно-практической и интеллектуальной деятельностью человека» [3. С. 9]. В нашем исследовании мы отталкива-

емся от точки зрения, что неологизмы характеризуются особенностями национальной культуры.

При описании семантики и его языковых связей необходимо опираться прежде всего на контекст, в котором оно употреблено, и на данные различных лингвистических словарей, фиксирующих употребление исследуемого слова в аналогичных, подобных или других контекстах. Обращение к словарям помогает выявить типичность/нетипичность/оказиональность и регулярность/нерегулярность употребления слова в тексте (контексте). Это является важным для выявления постоянных и закономерных, а также спорадических и случайных употреблений слова в определенный период развития языка [5. С. 169].

В структуре нового лексического значения слова часто лежит субъективная оценка человека. Оценочность, содержащаяся в новом значении слова, «выражается прежде всего оценочными неологическими метафорами, которые призваны организовать общественное мнение, создать у адресата нужный адресанту яркий, зримый образ, также суггестивно (внушая, вызывая собою какие-либо представления), влияющий на восприятие под заданным углом зрения. ...Мощным механизмом формирования оценочности у неониминации является дискурс. Эксплицитная оценка закладывается не в семантическую структуру неологизма, а эксплицируется в ее когнитивно-словесном окружении. Происходит дополнительная дискурсивная интерпретация при помощи контекстуальных средств» [4. С. 47—48].

Так, С. А. Прищепчук характеризует дискурс как речь, вписанную в коммуникативную ситуацию и, следовательно, являющуюся категорией с более выраженным социальным содержанием по сравнению с речевой деятельностью [9. С. 142].

Благодатной почвой для развития процессов неологизации является публицистический дискурс. «Для публицистического дискурса свойственна быстрая реакция на какие-либо тенденции в развитии значениями слов» [8].

Публицистический дискурс отражает различные способы когнитивного представления действительности в целом, что позволяет говорить о национальной принадлежности того или иного публицистического дискурса [7. С. 58].

Благодаря высокой динамичности публицистического дискурса очень многие слова подвергаются процессам семантической неологизации. Так, изучению данных процессов подвергались имена существительные, глаголы (Е. В. Розен, М. М. Розина, Е. Ю. Верещагина и др.). В настоящей работе хотелось бы обратить внимание на имена прилагательные, поскольку в отличие от существительных и глаголов они, как часть речи, обозначающая свойства и качества человека, более подвержены процессам субъективной оценки при семантических сдвигах.

В данной статье особое внимание уделяется классу относительных прилагательных, которые, как известно, грамматически не предполагают процессы семантической деривации, но в переносном значении способны перейти в класс качественных прилагательных [8. С. 26].

Проанализируем несколько примеров, в частности, *gläsern*. Согласно лексико-графическим источникам системно закрепленное значение данного прилагательного в немецком языке: aus Glas bestehend, glasartig, durchsichtig, glasklar (состоящий из стекла, стеклоподобный, прозрачный) [13]. Однако в публицистическом дискурсе зачастую происходит изменение семантической сферы данного прилагательного за счет метафорического или метонимического переноса:

Die wirkliche Gefahr, die vom Internet ausgeht, ist also die immer stärkere Präsenz des Staates im Netz. Vergessen wir nie: Der *gläserne Bürger* war schon immer das Ziel jeder Form von Totalitarismus. Aber schuld daran ist nicht der technologische Fortschritt [15].

Схематически процесс перехода значения можно представить следующим образом: *gläserne* Wand (физич.) → *gläserner* Mensch (соц.). Перенос в социальную сферу дает специфическое значение: durchsichtig für die Regierung, Gesellschaft (прозрачный для государства, общества).

Можно предположить, что прилагательное *gläsern* с системным значением durchsichtig (прозрачный) используется для антропологической характеристики.

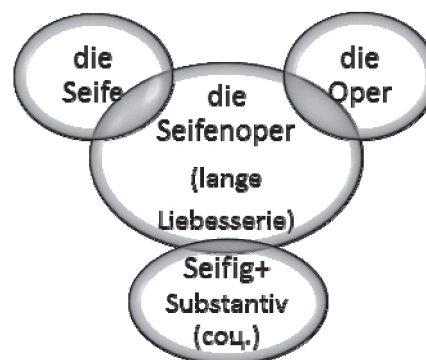
В свете современных событий неудивительно, что прилагательное *gläsern* все чаще используется для антропологической характеристики. Так, встречаются примеры с употреблением данного прилагательного в дополнительном значении: *gläserner* Mensch/Bürger (человек, находящийся под чьим-либо наблюдением). Следовательно, субъект речевого акта делает акцент на том, что гражданин подобно стеклу не может иметь каких-либо темных пятен. Он абсолютно «прозрачен», иначе говоря, о нем известно все. Данное толкование мотивировано тем, что в век интернет-технологий любая информация о человеке может стать достоянием обществу.

Аналогичным способом мы наблюдаем процесс семантической неологизации с прилагательным *seifig*. Первоначальное значение voller Seife; Seife enthaltend; wie Seife geartet [13] (мыльный, содержащий мыло, в виде мыла) приобретает в нижеперечисленных примерах из публицистического дискурса иную характеристику:

- Es war gewiss der schlimmste Auftritt, seit die Berliner Philharmoniker bei der Expo in Hannover gemeinsam mit den Scorpions «Wind of Change» aufgeführt haben. Der Streicherbombast, *der seifige Mädchenchor*, Grönemeyers lila Pullover unterm offenen Wintermantel — alles sehr bedenklich. Obwohl doch die erste Strophe der Hymne lautet [15].
- «Sieh nur das, was du fühlst»: Gesungen von einer aufgebrezelten Vortänzerin des globalen Pop, wäre so ein Satz ja bestenfalls Begleitung *seifigen* Chart-Gedudels. Aber was, wenn es einer singt wie Beck? [Ibid.].

В результате возникает дополнительное значение (*übersüß, zuckersüß*), которое передает субъективное отношение человека к событиям.

Схематически процесс перехода значения можно представить следующим образом:

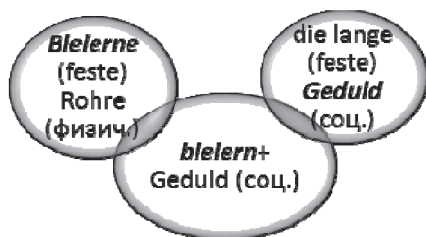


Проанализируем еще один пример семантической неологизации, которой подвергается прилагательное *bleiern* в современном немецком публицистическом дискурсе. Системное значение: aus

Blei bestehend (состоящий из свинца) [13]. Известно, что данное прилагательное ранее употреблялось в переносном значении *schwer* (тяжелый) в сочетаниях: *bleierne Jahre/Zeiten* (тяжелые годы/времена), *bleierne Schwere/Müdigkeit* (свинцовая тяжесть/усталость):

Wo andere Politiker Wärme ausstrahlen, erscheint sie oft kalt. Ihre Reden sind häufig unlocker, ja bleiern. Wo Spontaneität gefragt ist, verkrampft Clinton [15].

В примере ниже семантический сдвиг происходит благодаря иной дополнительной характеристике: *fest* (прочный).



Der Junge Victor, von Einbrechern erschossen, zieht bei einer Ärztin ein. Es ist das Verstörendste, das Tragische und Beste an diesen acht, in bleierner Geduld erzählten Folgen, die man seit wenigen Tagen exklusiv auf dem Filmportal Watchever anschauen kann: Die Toten kehren heim, nicht als faulige Monster, sondern als die, die sie waren und beanspruchen den Platz in der Gemeinschaft, den sie einst besaßen [Ibid.].

Аналогичные процессы наблюдаются и у многих других прилагательных, что свидетельствует

о том, что именно дискурсивные характеристики определяют тип семантической неологизации у конкретной части речи. Яркая образность и эмоциональность свойственна публицистическому дискурсу.

Анализ примеров показывает, что основой процессов семантической неологизации является антропоцентрический фактор, который влияет на возникновение новых значений тех или иных языковых знаков.

Рассмотрев процессы неологизации на примерах относительных прилагательных, мы пришли к выводу, что семантический сдвиг, как правило, мотивирован исходным значением. Но при этом процессы неологизации имен прилагательных вторичны, то есть являются следствием семантических сдвигов у имен существительных.

Таким образом, возникают основания предполагать, что относительные прилагательные подвергаются процессам семантической неологизации под влиянием существительных, значение которых делает возможным семантический сдвиг в значении имени прилагательного. Было также отмечено, что данные процессы происходят среди относительных прилагательных, характеризующих имя вещественное. Данные семантические сдвиги нуждаются в описании роли антропоцентрического фактора в процессе неологизации.

### Список литературы

1. Верещагина, Е. Ю. Метонимизация в сфере немецких интерперсональных глаголов / Е. Ю. Верещагина // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира : сб. науч. тр. Вып. 6 / отв. ред. Т. В. Симашко. — М. ; Архангельск, 2013.
2. Жукова, Г. П. Семантическая деривация в терминологии общелингвистического характера (белорусского, русского, английского и немецкого языков) [Электронный ресурс] / Г. П. Жукова // Русский язык: система и функционирование (к 70-летию филологического факультета) : сб. материалов IV Междунар. науч. конф., Минск, 5—6 мая 2009 г. : в 2 ч. Ч. 1. — Минск, 2009. — С. 153—156. — URL: <http://elib.bsui.by/handle/123456789/24814> (дата обращения 18.01.2018).
3. Касьянова, Л. Ю. Когнитивно-дискурсивные механизмы неологизации : монография / Л. Ю. Касьянова ; под ред. Н. Ф. Алефиренко. — Астрахань, 2009.
4. Касьянова, Л. Ю. Оценочная семантика нового слова [Электронный ресурс] / Л. Ю. Касьянова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2008. — № 9. — С. 45—51. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/otsenochnaaya-semantika-novogo-slova> (дата обращения 18.01.2018).
5. Некипелова, И. М. Метонимическая деривация как результат утраты семантического синкретизма в истории русского языка [Электронный ресурс] / И. М. Некипелова // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. — 2012. — № 3 (20). — URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/metonimicheskaya-derivatsiya-kak-rezultat-utratty-semanticheskogo-sinkretizma-v-istorii-russkogo-yazyka> (дата обращения 18.01.2018).
6. Никитина, О. А. Взаимодействие процессов неосемантизма с процессами заимствования в словарном составе (на материале семантических неологизмов немецкого языка новейшего периода в области компьютерных и информационных технологий) / О. А. Никитина // Вестн. Томс. гос. ун-та. — 2009. — № 328. — С. 20—26.

7. Менджерицкая, Е. О. Особенности национального публицистического дискурса / Е. О. Менджерицкая // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. Вып. 9 / под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. — М., 1999.
8. Михалева, К. И. Специфика газетно-публицистического стиля (на материале газет) [Электронный ресурс] / К. И. Михалева // Культура и образование. — 2014. — № 12 (16). — URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/12/2770>.
9. Прищепчук, С. А. Дискурс и перевод [Электронный ресурс] / С. А. Прищепчук // Актуал. вопр. соврем. науки. — 2009. — № 10. — С. 138—143. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20339324> (дата обращения 18.01.2018).
10. Розен, Е. В. На пороге 21 века. Новые слова и словосочетания в немецком языке / Е. В. Розен. — М., 2000.
11. Розина, М. М. Категория суперлативности в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. М. Розина. — Н. Новгород, 1998.
12. Trost, I. Das deutsche Adjektiv / I. Trost // Untersuchungen zur Semantik, Komparation, Wortbildung und Syntax. — Buske Verlag, 2006.
13. Das Deutsche Referenzkorpus (DeReKo) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2>.
14. DUDEN [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Bedeutung>.
15. Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.dwds.de>.

### Сведения об авторе

**Рахматуллина Альфия Наримановна** — ассистент кафедры немецкой филологии, Институт социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета. Тюмень, Россия. [alfja.rakhmatullina@yandex.ru](mailto:alfja.rakhmatullina@yandex.ru)

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 161—165.*

## THE PROCESSES OF SEMANTIC NEOLOGIZATION OF ADJECTIVES IN THE GERMAN LANGUAGE

*A.N. Rakhmatullina*

*Tyumen State University, Tyumen, Russia. [alfja.rakhmatullina@yandex.ru](mailto:alfja.rakhmatullina@yandex.ru)*

The article dwells upon the processes of neologism caused by the semantic shift in a word meaning. The research is mainly focused on relative adjectives, which are not initially prone to the processes of semantic derivation. The analyzed material is comprised of examples extracted from publicist discourse in which evaluative adjectives are frequently traced. It appears that a new word meaning inevitably creates a new concept of the object in the human mind and causes reconsideration of the world view. It should be noted that nouns acquire new characteristics due to their relatedness to adjectives. It is presumed that relative adjectives are subject to neologism processes under the influence of nouns, the meaning of which allows for the semantic shift of adjectives. Such phenomena are most common among relative adjectives, describing material nouns.

**Keywords:** *derivation, evaluativity, relative adjectives, semantic neologization, semantic shift, publicist discourse.*

### References

1. Vereshchagina Ye.Yu. Metonimizatsiya v sfere nemetskikh interpersonal'nykh glagolov [Metonymization in the sphere of German interpersonal verbs]. *Problemy kontseptualizatsii deystvitel'nosti i modelirovaniya yazykovoy kartiny mira* [The problems of conceptualizing reality and modeling the world's linguistic picture]. Moscow, Arkhangelsk, 2013. (In Russ.).
2. Zhukova G.P. Semanticheskaya derivatsiya v terminologii obshchelingvisticheskogo kharaktera (belorusskogo, russkogo, angliyskogo i nemetskogo yazykov) [Semantic derivation in terminology of general linguistic character (Belarusian, Russian, English and German)]. *Russkiy yazyk: sistema i funktsionirovaniye (k 70-letiyu filologicheskogo fakul'teta) in 2 pt. Pt. 1* [Russian language: system and functioning

(to the 70<sup>th</sup> anniversary of the philological faculty)]. Minsk, 2009. Pp. 153—156. Available at: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/24814>, accessed 18.01.2018. (In Russ.).

3. Kas'yanova L.Yu., Alefirenko N.F. (ed.). *Kognitivno-diskursivnye mekhanizmy neologizatsii* [Cognitive-discursive mechanisms of neologization]. Astrakhan, 2009. (In Russ.).

4. Kas'yanova, L.Yu. *Otsenochnaya semantika novogo slova* [Evaluation semantics of a new word]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/otsenochnaya-semantika-novogo-slova>, accessed 18.01.2018. (In Russ.).

5. Nekipelova I.M. Metonimicheskaya derivatsiya kak rezul'tat utraty semanticheskogo sinkretizma v istorii russkogo yazyka [Metonymic derivation as a result of the loss of semantic syncretism in the history of the Russian language]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Bulletin of Irkutsk State Linguistic University], 2012, no. 3 (20). Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/metonimicheskaya-derivatsiya-kak-rezultat-utraty-semanticheskogo-sinkretizma-v-istorii-russkogo-yazyka>, accessed 18.01.2018. (In Russ.).

6. Nikitina O.A. Vzaimodeystviye protsessov neosemantizma s protsessami zaimstvovaniya v slovarnom sostave (na materiale semanticheskikh neologizmov nemetskogo yazyka noveyshego perioda v oblasti komp'yuternykh i informatsionnykh tekhnologiy) [Interaction of the processes of neo-semanticism with the processes of borrowing in the vocabulary (on the basis of the semantic neologisms of the German language of the newest period in the field of computer and information technology)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2009, no. 328, pp. 20—26. (In Russ.).

7. Mendzheritskaya Ye.O. Osobennosti natsional'nogo publitsisticheskogo diskursa [Features of national publicist discourse]. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya. Vyp. 9* [Language, consciousness, communication. Iss. 9]. Moscow, 1999. (In Russ.).

8. Mikhaleva K.I. Spetsifika gazetno-publitsisticheskogo stilya (na materiale gazet) [Specificity of the newspaper-journalistic style (on the material of newspapers)]. *Kul'tura i obrazovaniye* [Culture and Education], 2014, no. 12 (16). Available at: <http://vestnik-rzi.ru/2014/12/2770>, accessed 18.01.2018. (In Russ.).

9. Prishchepchuk S.A. Diskurs i perevod [Discourse and Translation]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy nauki* [Actual problems of modern science], 2009, no. 10, pp. 138—143. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20339324>, accessed 18.01.2018. (In Russ.).

10. Rozen Ye.V. *Na poroge 21 veka. Novye slova i slovosochetaniya v nemetskom yazyke* [On the threshold of the 21st century. New words and phrases in German]. Moscow, 2000. (In Russ.).

11. Rozina, M.M. *Kategoriya superlativnosti v sovremennom nemetskom yazyke* [Category of superlativity in modern German. Abstract of thesis]. N. Novgorod, 1998.

12. Trost I. *Das deutsche Adjektiv. Untersuchungen zur Semantik, Komparation, Wortbildung und Syntax*. Buske Verlag, 2006. Pp. 216. (In German).

13. *Das Deutsche Referenzkorpus (DeReKo)*. Available at: <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2> (In German).

14. *DUDEN*. Available at: <http://www.duden.de/rechtschreibung/Bedeutung> (In German).

15. *Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS)*. Available at: <https://www.dwds.de> (In German).

## ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ХРОНОЛОГИИ ВАРИАНТОВ ПЕСЕН ЦИКЛА «ВЗЯТИЕ КАЗАНИ»

*М. С. Родионов*

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*

Рассматривается проблема хронологического выстраивания русских исторических песен, входящих в цикл «Взятие Казани». Определяется круг текстов, максимально близких по времени возникновения к отраженному историческому событию, выделяются их информационное ядро и сюжетообразующие элементы и на этой основе моделируется возможный вариант изначального песенного текста.

**Ключевые слова:** *традиционный фольклор, историческая песня, лиро-эпический жанр, песенный цикл, первичный текст, текст, вариант, информационное ядро, вставной эпизод, историческая хронология.*

При изучении вариантов фольклорного произведения сразу встает задача их хронологического упорядочения. Причин тому несколько. Во-первых, это позволяет если и не реконструировать оригинал, то по крайней мере очертить круг текстов, максимально к нему приближенных. Во-вторых, мы получаем наглядное представление о векторе и особенностях эволюции как конкретного произведения, так и общих механизмов и закономерностей этого процесса в масштабах конкретного жанра или всей художественной системы фольклора. В-третьих, что тоже немало важно, мы можем ощутить так называемый «дух эпохи» и получить информацию об историческом событии, отраженном в произведении. Последнее имеет особое значение, поскольку дает возможность сформировать более объективную картину произошедшего. Не секрет, что многие исторические события, особенно это касается событий эпохальных, знаковых, диаметрально противоположно оцениваются официальной историографией и «мнением народным», более того, иногда представленная фольклором картина оказывалась даже более точной, чем нарисованная ангажированными властью авторами. К этому еще следует добавить, что некоторые события нашей истории вообще не были зафиксированы письменными источниками и нашли свое отражение лишь в произведениях устного народного творчества.

Сама по себе проблема хронологического упорядочения вариантов устно-поэтического произведения для отечественной фольклористики не является чем-то новым. В свое время ей было посвящено фундаментальное исследование В. П. Аникина, на примерах былинных сюжетов «Добрыня и Змей» и «Ставр Годинович» продемонстрировавшего возможности разработанного им метода выяснения исторической хронологии

вариантов, включающего анализ времени и места записи текста, сопоставление со «смежными» жанрами, анализ особенностей отражения истории, в том числе идеологии, событий, быта [1]. По сути, выбранный исследователем путь анализа отраженных исторических реалий и удаления наслоений последующих эпох очень близок к тому, как подходит к решению данной проблемы современная фольклористика, все более активно использующая базовые положения теории информации. В первую очередь здесь следует обозначить те возможности, что предоставляет анализ информационного поля фольклорного текста, особенно в тех случаях, когда произведение возникало как непосредственное отражение (осмысление) каких-то исторических событий или было ориентировано на их фиксацию. Как уже неоднократно отмечалось [7; 8], фольклорное произведение включает в себя информационное ядро, окруженное информационным полем. При этом первое демонстрирует достаточно высокую устойчивость и сохраняется практически при любых трансформациях сюжета. Иначе говоря, все варианты данного текста сохраняют изначальное информационное ядро, каким бы искажениям ни подвергался их «исходник». А вот информационное поле, наоборот, достаточно быстро деформируется, размывается, меняет свое наполнение. И здесь уже начинает действовать другая закономерность: чем дольше живет произведение, чем дальше вариант от оригинального текста, тем выше потери изначальной заложенной в него информации. Исходя из этого, можно выстроить вариативный ряд по принципу убывания первоначальной информации и таким образом очертить круг текстов, ближе всего стоящих к оригиналу, а это уже, в свою очередь, дает нам возможность реконструкции и самого исходного текста.

В этом контексте особый интерес представляет цикл исторических песен «Взятие Казани» (Казанский цикл), вводящий в отечественный фольклор образ Ивана Грозного и, по сути, являющийся точкой отсчета наших представлений о классической русской исторической песне и ее эволюционном механизме. Более ранние исторические песни «Авдотья Рязаночка» (XIII в.) и «Щелкан Дюдентьевич» (XIV в.) являются лишь случайно сохранившимися осколками раннего песенного репертуара, не имеют ни вариантов, ни «ближайших соседей» в виде песен той же эпохи и поэтому не позволяют выстроить последовательную картину развития жанра. Нужно также отметить, что вопросом хронологического расположения вариантов песен о взятии Казани исследователи специально не интересовались. Фольклористы традиционно фокусировали свое внимание на поэтике текстов, использованных в них традиционных и новаторских приемах, особенностях отражения исторических событий, народной оценке Грозного царя. В то же время представляется, что выявление круга вариантов, максимально приближенных к первоначальному тексту, позволит не только получить представление о творческом механизме создания исторической песни, появления нового сюжета, но и пролить дополнительный свет и на традиционные аспекты изучения историко-песенного фольклора.

В настоящее время учтен 51 вариант песни «Взятие Казани». При этом хронологический разлет записей составляет около двухсот лет: первая фиксация текста датируется концом 70-х гг. XVIII в., а последние записи были сделаны в 60-е гг. XX столетия. Сохранность текстов разная: от глубоко проработанных, логически выстроенных до полуразрушенных, понимание которых возможно лишь при условии знания всего контекста. Данный песенный корпус можно разделить на группы.

*Песни первой группы* отличаются последовательностью и связностью изложения и включают в себя следующие эпизоды: поход (в некоторых вариантах ему предшествуют сведения о подготовительных мероприятиях, например о времени, затраченном на подготовку похода, или о строительстве Свияжской крепости, ставшей опорным пунктом для русского войска и во многом обеспечившей успех предприятия), осада Казани, подкопы под городские стены, насмешки татар, гнев Ивана Грозного на пушкарей, взрыв крепостных стен и захват города, признание царем своей неправоты перед пушкарями и их награждение.

В *песнях второй группы* отсутствует эпизод с царским гневом. Во всем остальном они повторяют сюжетную схему текстов первой группы.

*Третья группа* представлена песнями, состоящими из двух слабо связанных или практически изолированных друг от друга эпизодов — взрыва заминированных подкопов и царского гнева.

К *четвертой группе* можно отнести песни, состоящие из одного эпизода — взрыва стен и взятия города.

*Пятую группу* составляют также одноэпизодные песни, рассказывающие о царском гнев.

Количественное распределение текстов следующее: первая группа — 19 вариантов, вторая — 10, третья — 13, четвертая — 4, пятая — 5. При этом последние три группы явно представляют собой полуразрушенные песни или вообще их «осколки», механически воспроизведенные исполнителями в общем наборе всех текстов, сохранившихся в памяти. На то, что это именно механическое воспроизведение, указывает полное отсутствие какой-либо логики сюжета и мотивировки гнева Ивана Грозного, который очень часто просто обозначен как факт даже без указания его адресата. А в тех песнях, где адресат все же присутствует, происходит его подмена: вместо пушкарей (саперов) появляются некие «мастерочки» или «работнички». Примером такого разрушенного текста, смысл которого был непонятен даже самому исполнителю, может служить запись из архива Саратовского краеведческого музея, опубликованная в сборнике Т. М. Акимовой [14. С. 443]:

Грозен-грозен наш Иван Васильевич,  
Семь лет с силушкой стоял  
Под матушкой Казанью-рекой,  
Три подкопа царек подкопал,  
Туда много бочек с порохом накатал.  
Не такие бочки, не простые,  
С порохом, с зеленым вином.  
Рассердился царь на своих главных мастеров:  
«Мастера, вы, мои мастерочки,  
Всех порежу, в яму покладу,  
Всех известкой я вас залью,  
Вечну память я вам отпою».

Такое разнообразие вариантов неизбежно приводит к вопросу о том, песни какой группы полнее всего сохранили первоначальный текст. Понять это очень важно по двум причинам: во-первых, как сказано выше, это позволит пролить дополнительный свет на наши представления о процессе эволюции жанра русской исторической песни, а во-вторых, даст возможность уточнить механизм непосредственной реакции народа на знаковые

исторические события. В качестве отправной точки наших рассуждений следует остановиться на той роли, что была отведена исторической песне в художественной системе фольклора. Как и любой лиро-эпический жанр, она позволяла моментально отреагировать на свершившийся исторический факт. Причем эта реакция включала как сам рассказ о произошедшем, так и его эмоциональную оценку. В тех случаях, когда дело касалось каких-то знаковых, долгожданных событий, судьбоносный характер которых осознавался с самого начала, эмоциональная составляющая становилась доминирующей, перекрывая собой фактический материал. Теоретические аспекты этого процесса сформулированы в трудах французского фольклориста Г. Париса (теория кантилен) [16] и существенно уточнены А. Н. Веселовским [2], подчеркнувшим, что в лиро-эпической песне эмоциональная составляющая является первичной, поскольку именно она и запускает процесс народного творчества. Действительно, важное событие в любой, позитивной или негативной, окраске прежде всего затрагивает нашу эмоционально-чувственную сферу, и только потом наступает черед анализа и спокойной оценки его возможных последствий. Народные певцы в такой ситуации выступают своеобразным резонатором общественного фона, аккумулирующим доминирующие настроения, выражающим, говоря словами А. С. Пушкина, «мнение народное». Что же касается фактической стороны события, то на этом этапе происходит, по сути, его зеркальное, исторически достоверное отражение. У создателей песни в этот момент нет мотивации использовать вымысел, поскольку их аудитория в курсе события и искажение фактов воспримет как ложное сообщение. Кроме того, важно учитывать и фактор времени: стремление как можно скорее откликнуться на событие просто не оставляет творцу простора для художественного творчества, поэтому ему остается лишь фиксировать факт, делая упор на своем эмоциональном к нему отношении.

Отражение такого творческого механизма сохранили дошедшие до нас песни Смутного времени. В этот переломный для отечественной истории период, характеризующийся многократным ускорением исторического процесса, быстрой сменой событий и активным вовлечением народа в идеологическую борьбу, творческие возможности народных поэтов оказались чрезвычайно ограничены. По сути, перед ними встала дилемма: реагировать на каждый значимый факт в ущерб художественной стороне своих произведений или ограничиться разработкой нескольких сюжетов с высоким драматическим потенциалом, но

при этом «отстать от жизни». В итоге народные творцы пошли по первому пути, что и обусловило особенности историко-песенного наследия эпохи Смуты: в своем абсолютном большинстве это песни с примитивным сюжетом, нацеленным на простое информирование о событии, но при этом дающие чрезвычайно точную характеристику связанной с их появлением общественно-политической обстановки и народного отношения к отраженному факту. Примером тому может служить песня об отравлении князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, записанная для английского путешественника Ричарда Джемса [12]. Перед нами именно непосредственный отклик на событие, возникший, возможно, через несколько часов после происшедшего и потому лишенный сюжетной стройности, но при этом верно фиксирующий сам исторический факт и точно передающий реакцию на него со стороны разных социальных групп, прямо называющий потенциальных виновников отравления воеводы. Характерно, что народные поэты совершенно не используют возможности возникающей при этом драматической ситуации: на противопоставлении Скопина-Шуйского и его недругов можно было бы выстроить остродраматический сюжет, как это постоянно делали создатели песен XVI в. Но такая попытка, судя по всему, в данном случае даже и не предпринималась, иначе как объяснить тот факт, что народная память сохранила песню с минимальными художественными достоинствами и почему-то утратила более совершенный текст.

Нужно отметить, что подобная «художественная бедность» отличает практически все исторические песни Смутного времени, создатели которых из-за быстрой смены событий находились в творческом цейтноте и просто не успевали расширять художественное поле своих творений. Это и объясняет тот факт, что песни рубежа XVI и XVII вв., за редким исключением, дошли до нас не циклами, а отдельными текстами, случайно сохранившимися в народной памяти. Зато можно сказать, что благодаря песням эпохи Смуты мы получили возможность увидеть историческую песню в момент ее возникновения, в ее первоначальном, изначальном виде.

С учетом этой информации можно по-новому взглянуть на интересующий нас цикл о взятии Казани. Драматическое ядро входящих в него песен связано с эпизодом гнева Ивана Грозного на пушкарей (саперов). По сюжету, в заминированных подкопах зажгли свечу, которая, догорев, должна была запалить фитиль и инициировать взрыв, а чтобы наступающие русские войска могли точно знать время, когда крепостные стены

взлетят на воздух и через образовавшийся пролом можно будет ворваться в город, одновременно с этим зажгли такую же свечу перед царем. Но свеча перед Иваном Грозным догорела, а взрыва не последовало: не учли, что в замкнутом пространстве подкопа свеча горит медленнее, чем на открытом воздухе (в некоторых вариантах песни об этом говорят сами саперы). Разгневанный царь чуть было не казнил своих пушкарей за измену, но в этот момент раздался взрыв, и Иван, признав свою неправоту, наградил верных слуг. Как видим, перед нами остродраматический эпизод, являющийся кульминацией всей песни. Но все дело в том, что ни один из исторических источников, ни один из историков ничего о нем не знают. Нет таких сведений ни в подробнейшей «Казанской истории» [3], создававшейся по горячим следам события, ни в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина [4. С. 506—510], ни в исследовании С. М. Соловьева [13. С. 453—456], хотя о минировании подкопов и последовавшем затем взрыве они сообщают очень детально.

Вывод напрашивается сам собой: перед нами пример художественного вымысла — так называемый вставной эпизод, не имеющий ничего общего с действительностью. При этом важно понять, на каком этапе истории существования песни он появился: в момент создания или уже в процессе последующего исполнения? Для ответа на данный вопрос прежде всего надо разобраться, чем была эта победа для Московского царства, для русского общества. Разгром Казанского ханства по своему значению для дальнейшей судьбы Руси, по характеру влияния на общественное сознание может быть соотнесен с победой на Куликовом поле. Ликвидация постоянного очага внешней угрозы, реализовывавшейся в многочисленных набегах и разорениях, десятках тысяч полоненных людей, огромных финансовых потерях, ощущении постоянной опасности и неуверенности в завтрашнем дне, должна была вызвать не просто чувство радости или облегчения, но состояние безграничного восторга, эйфории, соединенных с надеждой на улучшение жизни, на близкий мир и счастье на родной земле, подобные тому, как это было в 1380 г., о чем свидетельствуют памятники Куликовского цикла. Причем эмоциональный взрыв, вызванный этим событием, был такой силы, что стал своего рода катализатором, не только многократно ускорившим процесс формирования экспрессивно-эмоционального стиля, но и обеспечившим его быстрое становление в качестве основного стиля древнерусской литературы. Очевидно, что сила эмоциональной реакции общества на Казанское взятие была не меньшей.

Утверждать это дают основание как исторические источники, хронологически примыкающие к событию (например, уже упомянутая «Казанская история»), так и фольклорное наследие второй половины XVI в. Таким образом, первым песням, рассказывающим о Казанской победе, не требовался вставной эпизод. Его появление, несомненно, связано уже со следующим этапом их бытования, когда эмоциональная волна прошла, страсти утихли, и этот фактор уже не мог поддерживать интерес к песне. Следовательно, возможность ее сохранения в народной памяти и дальнейшего исполнения мог обеспечить лишь остродраматический сюжет. Конечно, в первых песнях Казанского цикла определенный драматизм присутствовал, но связан он был с трудностями самой войны: долгой подготовкой к походу, тяжелой осадой, насмешками и оскорблениями со стороны татар, не верящих, что их город можно взять, наконец, самой картиной штурма. Но всего этого было недостаточно, чтобы песня прочно закрепилась в народной памяти, чтобы новые войны и осады не вытеснили ее из активного фольклорного репертуара, чтобы сохранялся интерес народа к этому знаковому историческому событию. Вот тогда-то и появился вставной эпизод о гневе Ивана Грозного на пушкарей. Привнесенная в сюжет песни острая, предельно драматическая конфликтная ситуация со счастливым исходом позволила не только решить все эти задачи, но и показать сложный, противоречивый, вспыльчивый характер Ивана IV, способного мгновенно разгневаться и казнить, но умеющего также миловать и признавать свою неправоту.

Таким образом, приведенные выше аргументы дают основание рассматривать песни первой, третьей и пятой групп как исторически более поздние варианты. Следовательно, ближе всего к историческому событию оказываются тексты, входящие во вторую и четвертую группы. Но последняя представлена разрушенными и полуразрушенными песнями, поэтому ключевую роль в решении вопроса о концепции первичного текста могут сыграть именно песни второй группы, входящие в сборники В. Ф. Павловой [11], А. П. Анисимовой [6], П. В. Шейна [10], В. Ф. Миллера [5], а также имеющиеся в архиве ИРЛИ. География их записи — нынешние Татарстан, Пензенская и Самарская области, бывшая Вятская губерния. Эту же географию отражают и песни, отнесенные нами к четвертой группе. Таким образом, данная группа текстов охватывает территории или непосредственно связанные с событиями 1552 г., или примыкающие к ним, а значит, в свое время в первую очередь страдавшие от казанских на-

бегов. А раз так, то и помнить произошедшее здесь должны были дольше и крепче, чем в землях, отстоящих от этих мест на многие сотни или тысячи верст и не сталкивавшихся напрямую с агрессивными соседями. Поэтому и необходимость во вставном эпизоде здесь возникла позже, а непреходящая значимость события позволила не забыть ранние песни и оставить их в активном репертуаре.

Для решения вопроса о наиболее раннем виде песен цикла «Взятие Казани» разложим тексты, формирующие вторую группу, на составляющие элементы. Во всех без исключения произведениях в качестве информационного ядра выступает известие о минированных подкопах (в некоторых случаях оно осложнено рассказом о том, что эта идея была предложена Ивану Грозному его «мастерочками», то есть саперами) и их подрыве. В том, что именно этот факт стал центром повествования, ничего удивительного нет. Более того, именно он может рассматриваться как доказательство раннего происхождения данных вариантов. Действительно, решающего перелома в длительной Казанской войне удалось добиться именно потому, что русские войска применили новейшие для того времени достижения военно-инженерной мысли, в том числе и минированные подкопы. Создатели первых песен прекрасно понимали значение этой новинки и, сделав на ней акцент, решили сразу две идейно-художественные задачи: выделили фактор успеха (ключевая информация) и выразили свое эмоциональное отношение к произошедшему.

Что касается других элементов, то в текстах данной группы они варьируются. Так, в четырех песнях присутствует зачин, в двух кратко говорится о длительной осаде, предшествовавшей решающему штурму, в четырех вариантах подчеркиваются оскорбительные насмешки татар, которыми они ответили на предложение сдаться, шесть текстов выделяют сам момент взрыва и его последствия [5]:

Тут и матушка Казань  
Да разорвало,  
Всех татарушек из крепости  
Повыкидало,  
Где рука, где нога,  
Где буйная голова.

Еще в трех вариантах отражен факт капитуляции казанского хана и признание им власти Москвы [11. С. 23]:

А татарский хан Махметан  
На коленочки упал,

На коленочки упал,  
Золоты ключи отдал.

Важно отметить, что процитированная выше песня не только исторически правдиво отразила финальную фазу Казанской войны, но и почти правильно передала имя хана — в 1552 г. в Казани правил Ядыгар-Мухаммед. Трансформация Мухаммеда в Махметана — обычное для фольклора явление, когда в результате устного многовекового бытования произведения происходит искажение упоминаемых в нем иноязычных имен, уже мало что говорящих следующим поколениям исполнителей. Именно таким образом, например, золотоордынский баскак Чолхан стал Щелканом (историческая песня «Щелкан Дюдентьевич», XIV в.), а Мамстрюк Темрюкович Черкасский — Кострюком (песня «Кострюк», XVI в.). Можно предположить, что в «оригинале» их звучание было правильным или же подвергалось минимальным искажениям. В нашем случае сам факт включения второстепенного исторического имени в текст говорит в пользу того, что создавался он по горячим следам события. Что же касается вариативности элементов, формирующих песни второй группы, то их появление или исчезновение связано как с механизмом формирования текста, так и с личностью конкретного исполнителя, уровнем его таланта и художественного мастерства, характером интереса к событию, степени информированности и целого ряда других факторов, определяющих композицию произведения.

Особо следует остановиться на зачине. Судя по всему, появление этого композиционного элемента связано именно с песнями Казанского цикла: сохранившиеся более ранние исторические песни зачина не знают, да и в произведениях рассматриваемого цикла он еще не устоялся ни по форме, ни по функционалу, тогда как для следующих по времени песен зачин становится уже традиционным элементом. В продолжение темы следует отметить, что более-менее проработанный зачин с установкой на длительное изложение или подчеркивающий особый, знаковый характер описываемого появляется лишь в песнях, отнесенных нами к первой группе, то есть значительно отстоящих по времени от самого события. Поэтому есть все основания полагать, что зачин в песнях второй группы — результат позднего добавления. В пользу этого говорит и употребляемое в нем слово «побасенка» [11. С. 23]:

Уж вы, гости мои, гостечки,  
Погостите у меня,  
Уж я вам ли, гостечки,  
Побасеночку скажу.

В данном контексте это вовсе не ложь, вымысел или сказка. В «Этимологическом словаре славянских языков» О. Н. Трубачева приводятся и другие, более ранние значения этого слова: небольшой нравоучительный рассказ, предание, рассказ [15. С. 162—163]. Таким образом, в устах исполнителя песни это слово означало, что хотя он и не сомневается в правдивости сво-

его рассказа, но при этом сам свидетелем описываемых событий не является, говорит с чужих слов.

Итак, наиболее вероятная структура первичного текста песни «Взятие Казани» включала в себя следующие элементы: осада — минированные подкопы (центральный эпизод) — насмешки осажденных — взрыв — капитуляция города.

### Список литературы

1. Аникин, В. П. Былины. Метод выяснения исторической хронологии вариантов / В. П. Аникин. — М., 1984.
2. Веселовский, А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. — М., 1989.
3. Казанская история // Памятники литературы Древней Руси. — М., 1985. — С. 300—565.
4. Карамзин, Н. М. История государства Российского. Т. 8 / Н. М. Карамзин. — Калуга, 1993.
5. Миллер, В. Ф. Исторические песни русского народа XVI—XVII вв. / В. Ф. Миллер. — Петроград, 1915.
6. Песни и сказки Поимского района / сост. А. П. Анисимова. — Пенза, 1948.
7. Песни и сказки Пензенской области / сост. А. П. Анисимова. — Пенза, 1953.
8. Родионов, М. С. Информационный код русских богатырских былин / М. С. Родионов. — Челябинск, 2007.
9. Родионов, М. С. Факторы обеспечения стабильности информационного поля фольклора / М. С. Родионов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2008. — № 20. — С. 95—100.
10. Русские народные песни, собранные П. В. Шейном. Песни былевые. — М., 1877.
11. Русское народнопоэтическое творчество Татарской АССР / сост. В. Ф. Павлова ; ред. В. И. Чичеров. — Казань, 1955.
12. Симони, П. К. Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса на Крайнем Севере Московского царства / П. К. Симони. — СПб., 1907.
13. Соловьев, С. М. Соч. Кн. III / С. М. Соловьев. — М., 1989.
14. Фольклор Саратовской области. Кн. 1 / сост. Т. М. Акимова. — Саратов, 1946.
15. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1. — М., 1974.
16. Paris, G. Histoire poétique de Charlemagne / G. Paris. — Paris, 1905.

### Сведения об авторе

**Родионов Михаил Сергеевич** — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы историко-филологического факультета, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. 210536010@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 166—172.*

## THE PROBLEM OF THE HISTORICAL CHRONOLOGY OF OPTIONS THE SONG OF THE KAZAN CYCLE

*M.S. Rodionov*

*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. 210536010@mail.ru*

The problem of chronological alignment of Russian historical songs entering the cycle “Taking Kazan” is considered. A range of texts that are as close as possible to the reflected historical event are identified, their information nucleus and plot-forming elements are highlighted, and on this basis the possible variant of the original song text is modeled.

**Keywords:** *traditional folklore, historical song, lyro-epic genre, song cycle, primary text, text, variant, information core, plug-in episode, historical chronology.*

## References

1. Anikin V.P. *Byliny. Metod vyyasneniya istoricheskoy khronologii variantov* [The Bylins. The method of clarifying the historical chronology of options]. Moscow, 1984. (In Russ.).
2. Veselovskiy A.N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow, 1989. (In Russ.).
3. Kazanskaya istoriya [Kazan history]. *Pamyatniki literatury Drevney Rusi* [Monuments of Ancient Rus literature]. Moscow, 1985. Pp. 300—365. (In Russ.).
4. Karamzin N.M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. T. 8* [History of Russian State. Vol. 8]. Kaluga, 1993. (In Russ.).
5. Miller V.F. *Istoricheskiye pesny russkogo naroda XVI—XVII vv.* [Historical songs of the Russian people of the 16<sup>th</sup>—17<sup>th</sup> centuries]. Petrograd, 1915. (In Russ.).
6. Anisimova A.P. (ed.). *Pesny i skazky Poimskogo rayona* [Songs and tales of Poim region. Penza, 1948.
7. Anisimova A.P. (ed.). *Pesny i skazky Penzenskoy oblasti* [Songs and tales of the Penza region]. Penza, 1953. (In Russ.).
8. Rodionov M.S. *Informatsionnyy kod russkikh bogatyrskikh bylin* [Information code of Russian heroic bylina]. Chelyabinsk, 2007. (In Russ.).
9. Rodionov M.S. Faktory obespecheniya stabil'nosti informatsionnogo polya fol'klora [Factors ensuring the stability of the information field of folklore]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2008, no. 20, pp. 95—100. (In Russ.).
10. *Russkiye narodnye pesni, sobrannye P.V. Sheynom. Pesny bylevye* [Russian folk songs collected by P.V. Shein. The epic songs]. Moscow, 1877. (In Russ.).
11. Pavlova V.F. (ed.). *Russkoye narodnopoeticheskoye tvorchestvo Tatarskoy ASSR* [Russian folk-poetic creativity of the Tatar ASSR]. Kazan, 1955. (In Russ.).
12. Simony P.K. *Velikorusskiye pesny, zapisannyye v 1619—1620 gg. dlya Richarda Dzheimsa na Kraynem Severe Moskovskogo tsarstva* [Great Russian songs wrote down in 1619—1620 for Richard James in the Far North of the Tsardom of Muscovy]. St. Petersburg, 1907. (In Russ.).
13. Solov'yov S.M. *Sochineniya. Kn. III* [Compositions. Book III]. Moscow, 1989. (In Russ.).
14. Akimova T.M. (ed.). *Fol'klor Saratovskoy oblasti. Kn. 1* [Folklore of the Saratov region. Book 1]. Saratov, 1946. (In Russ.).
15. *Etimologicheskiy slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond. Vyp. 1* [Etymological dictionary of Slavic languages. The pre-Slavic lexical fund. Iss. 1]. Moscow, 1974. (In Russ.).
16. Paris G. *Histoire poétique de Charlemagne*. Paris, 1905. (In French).

УДК 494.3

## ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АТРИБУТИВНОГО АФФИКСА *-ЛЫ//ЛИ* В КАРАКАЛПАКСКОМ ЯЗЫКЕ

*Д. Б. Сейткасымов*

*Каракалпакский государственный университет им. Бердаха, Нукус, Узбекистан*

Аффикс каракалпакского языка *-лы//ли* характеризуется обширной полисемией. В теоретическом плане лексико-словообразовательный разряд дериватов *-лы//ли* с атрибутивным значением в каракалпакском языке недостаточно изучен и классифицирован. В ходе исследования мы в современном каракалпакском языке обнаружили 23 группы лексем с *-лы//ли*, образованных от разных частей речи. Функционирование атрибутивного аффикса *-лы//ли* в литературном языке, разговоре, научной и профессиональной терминологии демонстрирует его активный продуктивный потенциал в современном каракалпакском языке.

**Ключевые слова:** каракалпакский язык, аффикс *-лы//ли*, словообразование, функционирование.

Прилагательные с аффиксом *-лы//ли* часто употребляются не только в каракалпакском языке, но и в других тюркских языках. Однако их значение и функционирование, а также сфера употребления не являются одинаковыми. Несмотря на то что в трудах востоковедов имеются данные, связанные с историей, этимологией, а также с использованием аффикса *-лы//ли* в древнетюркских письменных памятниках, до сегодняшнего дня нет единой точки зрения о роли и функции аффикса *-лы//ли*.

Н. А. Баскаков относит аффикс *-лы//ли* в каракалпакском языке к группе, образующей определительные формы прилагательных, и он указывает, что этот аффикс образует две формы: 1) имя обладания данным предметом: *тавлы* «таўлы» (горный), *бағлы* (садовый), *шырайлы* (красивый), *тисли* (зубастый), *ақыллы* (умный) и др.; 2) имя, указывающее на происхождение данного лица: *шымбайлы* (чимбайский), *қашғарлы* (кашгарский) и др. Он отмечает, что аффикс *-лы//ли* с фонетической точки зрения является краткой формой аффикса *-лығ//лиғ*, и показывает, что в современных узбекском и уйгурском языках продолжает использоваться в форме *-лығ//лиғ* [1. С. 193].

По данным К. Шариповой, в языке древних памятников аффикс *-лық//лик* широко использовался в образовании существительных: *суўлық*, *тузлуқ* и др., а аффикс *-лығ //лиғ* — в образовании прилагательных: *уқушлуғ ер* (образованный мужчина), *очағлығ жау* (разгневанный враг) и др. Но эта особенность была неустойчива, так как она использовалась в смешанных функционально-дифференцированных случаях, то есть *-лық//лик* образует прилагательные, а *-лығ//лиғ* — существительные: *биликлик киси* (образованный человек), (прилагательное), *атлығ*, «атлы» (всадник), (существительное) [11. С. 172]. Если в современ-

ном каракалпакском языке аффикс *-лы//ли* образует только прилагательное, то аффикс *-лық//лик* широко используется в образовании как существительного, так и прилагательного. Во многих случаях их трудно отличать друг от друга. Это можно определить в контексте. Если производное слово, образованное с помощью аффикса *-лық//лик*, обозначает предметное понятие и имеет формы падежа, то оно является существительным: *жаслығым* ядыма түсти (я вспомнил свое детство). Если слово, образованное аффиксом, обозначает признак предмета, то оно является прилагательным: *қалалық* китапхана (городская библиотека), *республикалық* емлеўхана (республиканская больница), *докторлық* диссертация (докторская диссертация). Такие слова, как *қалалық* (городской), *республикалық* (республиканский), *докторлық* (докторский), не принимают падежные формы существительного непосредственно.

При разборе слов, образованных с помощью аффикса *-лы//ли* в каракалпакском языке, мы определили 23 группы. А в учебнике для вузов приведены только две значимые группы: 1) понятия, связанные с состоянием человека: *ақыллы* (умный), *ойлы* (задумчивый), *гайратлы* (старательный), *қуўанышлы* (радостный); 2) понятия, обозначающие внешний вид объекта: *қасалы* (человек с палкой), *қалпақлы* (с шапкой) [12. С. 55]. Это показывает актуальность исследования данной темы в современной каракалпакской лингвистике.

Ниже мы рассмотрим основные группы, образованные с помощью аффикса *-лы//ли*:

1) С существительными *-лы//ли* обозначает признак: *кийимли* адам (одетый человек), *миўёели* ағаш (фруктовое дерево), *жаралы* кийик (раненый олень), *бахытлы* адам (счастливый человек),

*атақлы* илимпаз (знаменитый ученый) и др. Бирак мына *муртлы* жигит Садықтан да басымырақ шықты (Ә. Қарлыбаев) = Этот *усатый* парень оказался спокойнее даже Садыка. Бала-шағасын бурыў жол менен *батпақлы, қамыслы* шөллердің жалғыз өткелине бағдар алған еди (Қ. Досанов) = С семьей направился по одинокой тропинке через *болотистые* и *камышовые* заросли пустыни. Аффикс *-лы//ли* может образовать тождественные прилагательные как из конкретных, так и из абстрактных существительных. Ученые указали, что этот признак характерен для всех тюркских языков и употребляется во многих случаях.

2) Присоединяясь к существительному, *-лы//ли* обозначает действие: Өйткени жаңа техниканы жаслар ғана *өнімлі* пайдалана алады («Жеткиншек» газетасы) = Потому что только молодежь может *продуктивно* воспользоваться новой техникой. Ол хәр күни 6—8 гектар жерди *сапалы* культивациялайды («Еркин Қарақалпақстан» газетасы) = Он каждый день *качественно* культивирует 6—8 гектаров земли. Жумыс *нәтийжелі* тамамланды (А. Бекимбетов) = Работа *результативно* окончена. Что немаловажно, эти факты показывают активизацию аффикса *-лы//ли* в дальнейших периодах.

3) Присоединяясь к существительным, *-лы//ли* показывает какие-либо физиологические качества: *денели, жоталы, тулгалы* (крупного телосложения), *еңсели, жаўырынлы, омыраўлы* (грудастый), *енли* (широкий), *суўлы* (водянистый) и др. Ишке узын бойлы, ақ куба, қара көзлі, *жоталы* жигит кирип келди (А. Бекимбетов) = Вошел высокий, светлый, черноглазый парень *крупного телосложения*. Аңшылар жүдә батыр, *гайратлы* адамлар болады (Ө. Өтеұлиев) = Охотники очень смелые, *сильные* люди. Дәўдей ири *геўделі* кемпир хасаны есикке шыңғытты (К. Султанов) = *Крупная*, как великан, старуха кинула палку в сторону двери. Киятырған атлы жигит оннан да *күшли* келди (Ө. Шамуратов) = Шедший всадник оказался гораздо *сильнее* его. Сөйтп, мен Турымбеттиң *жаўырынлы* екенін жаңа ғана сездим (Т. Қайыпбергенов) = Я только заметил, что Турымбет *плечистый*. Лексема с тождественным значением «омыраўлы» (плечистый), присоединяясь таким словам, как «жигит, ақсақал» (джигит, старейшина), в контексте используется в значении «знаменитый», «авторитетный», «знающий свои права». Например: Қарақалпақта не бир *омыраўлы жигитлер* бар-аў! (Ш. Сейтов) = У каракалпаков есть свои *авторитетные джигиты*.

4) Присоединяясь к существительным, *-лы//ли* передает значение множества [7. С. 55]: *миўёели* (фруктовый), *қумлы* (песчаный), *дузлы* (соленый) и др.

5) Присоединяясь к абстрактным существительным, *-лы//ли* обозначает место и значение предмета или лица в обществе: *абыройлы* (авторитетный), *айбатлы* (громадный), *ардақлы* (уважаемый), *қәдирлі* (дорогой), *атақлы* (знаменитый), *даңқлы* (известный), *қунлы* (ценный) и др. Мүйештеги орынлықта қайғыға батып отырған *атақлы* қосықшының алдына қарай жүрди (А. Ақназаров) = Он направился в сторону *великого* певца, который сидел в углу, печально задумавшись. Ол бир жағынан адамлардың мүтәжин питкеретуғын *қәдирлі, қәсийетлі* орын болса, екиншиден, аўыл адамларының күнде ямаса күн ара, хәптесине хал-аўхал сорасатуғын дийдарласыў төбеси (Ө. Атажанов) = С одной стороны, этот холм является необычайным священным местом, в котором люди находят утешение, а с другой — это место, где люди собираются, чтобы поговорить друг с другом по душам.

6) Присоединяясь к существительным, *-лы//ли* обозначает социальное происхождение человека: *дәстүрханлы, дәўлетлі, қалталы* (состоятельный) и др. Бизиң үй усы аўылдағы *аўқатлы* хожалық, аўылдағы малы жайлаўды майыстырған, өли дүньясы ириген-шириген еки байдың бири еди (Ө. Атажанов) = Наш дом был один из самых состоятельных, хлебосольных домов этого аула, у него было несчитанное количество богатства и скота на пастбищах. Этот признак используется только относительно человека.

7) *-лы//ли*, присоединяясь к существительным, обозначает особенности характера человека: *ақыллы* (умный), *билимлі* (грамотный), *еплі* (ловкий), *зейинлі* (смышленный), *ықласлы* (прилежный), *тәжирийбелі* (опытный), *уқыплы* (способный) и др. Например: *Саўатлы, билимлі* инсанлардың қәдирина жетпейтуғын, елди саўатсызлар-ақ баскара береді (Ө. Қарлыбаев) = Страной, которая не ценит *умных* и *образованных* людей, могут управлять и неграмотные.

8) *-лы//ли* обозначает состояние души, настроение, эмоции человека: *қуўанышлы* (радостный), *қайғылы* (печальный), *қапалы* (горестный) и др. Тәжимурат бир түрлі *қуўанышлы*, айрықша сезим менен алдынан кеткен жаңағы ғаррының келбетин көз алдына келтирди (Ө. Айжанов) = Таджимурат со своеобразным *радостным* чувством представил перед глазами лицо ушедшего с особым волнением старика. Сәўле бойын тиклеп *кекли* кисидей, көкирегін керип сөйледи (С. Хожаниязов) = Сауле, гордо выпрямившись, говорила как *обиженная*.

9) Присоединяясь к существительным, *-лы//ли* обозначает вкусовые качества, относительно не только человека: *мазалы* (вкусный), *зәхәрлі, уўлы* (ядовитый), *татлы* (сладкий) и др.

10) Присоединяясь к существительным, -лы//-ли обозначает особенности возраста и семейное положение человека: *бала-шагалы* (семейный), *балалы* (имеет ребенка или детей), *ақлықлы* (имеет внука или внуков), *шаўлықлы* (имеет правнука или правнуков) и др. Ең болмаса бир күн *бала-шагалы* кисидей руўзыгершиликтен сөйлеп отырсаң-а! (К. Султанов) = Хотя бы один день поговори о хозяйстве как *семейный* человек.

11) -лы//-ли, присоединяясь к существительным, обозначает образ действия и события: *аҳмийетли* (важный), *байланыслы* (связанный), *себепли* (причинный), *гаўгалы*, *жәнжелли*, *даўлы* (спорный), *жумбақлы* (загадочный), *қызықлы* (интересный), *күлкили* (смешной), *шаўқымлы* (шумный) и др. Например: ...бизиң мектебимиздиң хәўескерлери тамашагөйлерге *қызықлы* ойындар көрсетип берди (газетадан) — ...самодеятельные артисты нашей школы показали зрителям очень *интересные* выступления.

12) Присоединяясь к существительным, -лы//-ли описывает природные явления и прогнозирования погоды: *аязлы* (морозный), *жаўын-шашынлы* (дождливый), *қарлы* (снежный) и др. Например: Арқа беттен *ығаллы*, салқын самал есип тур (А. Бекимбетов) = С севера дует *влажный* прохладный ветер. Қызғын саўаштың қайнаўы менен *қарлы* қыстың суўығында қызарған Комэстиң еки бети шоқтай жанып, қуўанышлы көзлери жер көрмей кетти (А. Бекимбетов) = В самый разгар битвы румяные от зимнего холода щеки Комэса разгорелись как огонь, и его радостные глаза закрылись навеки.

13) Когда аффикс -лы//-ли присоединяется к некоторым существительным, теряет значение прилагательного и образует наименования местностей, племен, а также собственные имена. Эти слова являются существительными: *Кегейли*, *Қаллы*, *тарақлы*, *қайшылы*, *тийекли* и др. *Кегейли* районының *Тарақлы* аўылына суў келипти (Ә. Пахратдинов) = В аул *Тарақлы Кегейлинского* района дали воду. *Қаллыбек* өзине жақын тутқан адамлар оннан жәрдем сорамас еди (Е. Өтепбергенли) = Близкие к *Каллибеку* люди никогда не просили у него помощи.

14) Аффикс -лы//-ли, присоединяясь к существительным, обозначает принадлежность к какой-либо местности или географической среде. И здесь аффикс -лы//-ли образует существительные: *қалалы* (городской), *жабанлы* (деревенский), *шымбайлы* (чимбайский), *хийўалы* (хивинский), *нөкисли* (нукусский), *москвалы* (московский), *ташкентли* (ташкентский) и др. Например: Хәй сен, *қоңыратлы* қыз, жаным Арыўхан (И. Юсупов) = Эй ты, *кунградская* девушка, душа моя Арыухан.

Как отмечает А. Н. Кононов, эти значение аффикса -лы//-ли образуют существительные: *чинли* «кытайлы» (китаец), *европалы* (европеец) и др. [3]. Действительно, в некоторых контекстах встречаются случаи, когда слова с тождественными значениями принимают категорию множественного числа существительного. Например: Кеше бизиң үйге *шымбайлылар* қыдырып келди = Вчера у нас погостили *чимбайские*. По нашему мнению, переход приведенных выше аффиксов в состав существительных связан с их частым употреблением в просторечии в упрощенном виде, в результате чего произошел процесс субстантивизации.

15) Присоединяясь к некоторым существительным, -лы//-ли образует эвфемизмы: *көзли* (слепой), *жүкли* (беременная) и др.

16) Аффикс -лы//-ли, присоединяясь к слову *қара* (черный), теряет свое основное значение цвета и образует слово «қаралы» со значением «бедный», «скупой», «несчастный».

17) Аффикс -лы//-ли, присоединяясь к некоторым прилагательным, получает признаки субморфа: *қызық китап* — *қызықлы китап* (интересная книга), *ерси ўақыя* — *ерсили ўақыя* (странный случай), *ылайық ис* — *ылайықлы ис* (достойная работа), *шад заман* — *шадлы заман* (счастливое время), *денсаўлыққа зыян шөп* — *денсаўлыққа зыянлы шөп* (вредная для здоровья трава) и др. [6. С. 83]. В основном прилагательные употребляются для передачи эмоционально-экспрессивной оценки. Чтобы точно и ясно передать свои мысли, говорящий пытается усилить значение прилагательных, которые он постоянно употребляет в речи. Эта особенность относится и к модальным словам. Но в этом случае аффикс -лы//-ли выполняет не словообразовательную функцию, а употребляется как субморф, который придает экспрессивные оттенки.

18) Присоединяясь к числительному *бес* (пять), -лы//-ли образует единицу *бесли*. Это связанный со скотоводством лексический термин, обозначающий возраст лошади [8. С. 14]. В грамматике современного каракалпакского языка тоже указывается, что аффикс -лы//-ли образует такие прилагательные [10. С. 46]. Это слово часто употребляется в разговорной речи, среди скотоводов, а не в литературном языке.

19) Присоединяясь к модальным словам, -лы//-ли образует прилагательные: *керекли*, *зәрүрли* (необходимый). Например: Ертеңине күн көрис ушын *керекли*, үй руўзыгершилигине жүдә кәжет буйым-затларды дүканға салады (Ә. Атажанов) = Завтра в магазин привезут *необходимые* для хозяйства вещи. В казахском языке они рассматриваются как субморфы [5. С. 164].

Действительно, при сравнении модальных слов с аффиксом *-лы//ли* и без него разница незначительная: *керек буйым* — *керекли буйым* (нужная вещь), *зәрүр жумыс* — *зәрүрли жумыс* (необходимая работа), *тийис жагдай* — *тийисли жагдай* (необходимый случай) и др. В самом деле аффикс *-лы//ли*, присоединяясь к модальным словам, не влияет на значение слов, а лишь усиливает основную мысль.

20) Присоединяясь к глаголу, *-лы//ли* приводит к изменениям в корне. Этот аффикс, не может присоединяться к глаголу прямо, а соединяется после субморфа *-ым*, который выполняет функцию соединения двух морфем: *жаг-ым-лы* (приятный), *жуғ-ым-лы* (заразный), *жара-м-лы* (годный), *уна-м-лы* (положительный) и др. Этот случай можно заметить и в парных словах, образованных от глаголов: *Үйи де келим-кетимли*, күнине төрт-бес жан бир дәстурханнан аўқат жейди (Ш. Уснатдинов) = Дом его был гостеприимным, каждый день за обеденный стол садились четыре-пять человек. В. А. Костенко [4] тоже говорила, о том, что аффикс *-лы//ли* не может присоединиться к глаголу непосредственно. Но она не указала на причину этого явления. М. Кудайбергенов, который изучил морфонологические процессы каракалпакского языка, считает, что в результате образуются интерфонемы или комплекс фонем. Образование морфоном *Ө-ым*, *Ө-м*, *Ө-им* в составе производных прилагательных он связывает с тем, что основа этих слов является глаголом [6. С. 102].

21) Присоединяясь к формам *-ыў//иў*, *-ў* отыменного глагола, *-лы//ли* образует прилагательные, обозначающие вид, состояние предмета в результате действий: *арқанлаўлы*, *байлаўлы* (привязанный), *бастырыўлы* (прикрытый), *бүклеўлы* (согнутый) и др. Таких прилагательных мало в каракалпакском языке.

22) *-лы//ли* присоединяется к первой части сложных терминов и является определяющим компонентом: *болымлы* фейил (глагол совершенного вида), *меншикли* атлық (собственное существительное), *даўсылы* сес (гласный звук) и др. От

этого аффикса в языкознании образованы более 50 терминов [9. С. 59].

23) *-лы//ли*, присоединяясь к одному компоненту сложных слов, образует прилагательные в значении фразеологических идиом: *аўыр аяқлы* (беременная), *хақ кеўилли* (добродушный), *арыслан билекли* (сильный как лев) и др. Например:

*Алма көзли* эреби атлар астында,

Мэрт ғошшақ жигитлер карақалпақта  
(А. Муўсаев).

= На большеглазых арабских конях

Скачут сильные джигиты каракалпаков.

24) *-лы//ли* может присоединяться к обеим частям парных слов: *қоллы-аяқлы* (с руками и ногами), *убирли-шүбирли* (многодетный), *ақыллы-если* (умный) и др. Например: Он бес жасар шамасындағы бойлы-сынлы қыз үйинен шықты да, жигитлерди көрип қыялап бир қарады (К. Султанов) = Высокая пятнадцатилетняя девушка вышла из дома и, увидев парней, посмотрела искоса. Некоторые слова с такой формой не употребляются без аффикса. Аффикс *-лы//ли*, когда образует такие слова, как *ерли-зайыплы* (муж с женой), *аталы-балалы* (отец с сыном), *апалы-сиңли* (сестры), обозначающие наименования родства, имеет значение множественного числа. Как указывают ученые (Г. И. Рамстедт, Б. А. Серебренников), в древнетюркском языке аффикс *-лы//ли* в вышеуказанных парных словах выполняет функцию союза «и»: *аталы-балалы* «атасы хэм баласы» (отец и сын), *ерли-зайыплы* «ери хэм хаялы» (муж и жена) [2. С. 54]. Существенно: союз «и» соединяет не только слова со значением родства, но и слова в значении прилагательных *қоллы-аяқлы* «қолы хэм аяғы бар» (с руками и ногами), *ақыллы-если* «ақылы хэм еси бар» (умный и рассудительный).

Можем сделать вывод, что такие особенности аффикса *-лы//ли*, образующие прилагательные в каракалпакском языке, говорят об обогащении его значения. Если в каракалпакском языке аффикс *-лы//ли* продолжает употребляться, то будут появляться новые его значения. Это требует углубленного исследования аффикса *-лы//ли*.

### Список литературы

1. Баскаков, Н. А. Каракалпакский язык. II. Фонетика и морфология. Часть первая: Части речи и словообразование / Н. А. Баскаков. — М., 1952.
2. Кононов, А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка / А. Н. Кононов. — М.; Л., 1956.
3. Костенко, В. А. Имена прилагательные в современном татарском литературном языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. А. Костенко. — Казань, 2002.
4. Пахратдинов, К. Животноводческая лексика в каракалпакском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. Пахратдинов. — Нукус, 1992.

5. Есенқұлов, А. Көне түркі жазба ескерткіштеріндегі қосымшалар / А. Есенқұлов. — Алматы, 1976.
6. Қазақ грамматикасы. Фонетика, сөзжасам, морфология, синтаксис. — Астана, 2002.
7. Қудайбергенов, М. Қарақалпақ тилинің морфонологиясы / М. Қудайбергенов. — Ташкент, 2006.
8. Насыров, Д. С. Қарақалпақ тилинде көплик категориясы / Д. С. Насыров. — Нөкис, 1961.
9. Пирниязов, Қ. Қарақалпақ тилинің лингвистикалық терминологиясы / Қ. Пирниязов. — Нөкис, 1987.
10. Ҳазирги қарақалпақ әдебий тилинің грамматикасы. Сөз жасалыў хәм морфология. — Нөкис, 1994.
11. Шарипова, К. -Ли сифат ясовчи аффиксининг фонетик ривожланиши ва функционал хусусиятлари. «Ўзбек тили ва адабиёти масалалари» (Илмий асарлар тўплами) / К. Шарипова. — Тошкент, 1973. — С. 172—176.
12. Hazirgi qaraqalpaq adebiy tili. Morfemika, morfonologiya, soz jasaliw, morfologiya. — Nokis, 2010.

### Сведения об авторе

**Сейткасымов Даулетназар Бекназарович** — преподаватель кафедры каракалпакского языкознания, Каракалпакский государственный университет им. Бердаха. Нукус, Узбекистан. dawlet8080@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 173—178.*

## ABOUT SOME SIGNIFICANCE OF -LI//LI AFFIXES THAT FORMS ADJECTIVES IN KARAKALPAK LANGUAGE

*D.B. Seytkasimov*

*Karakalpak State University named after Berdakh, Nukus, Uzbekistan. dawlet8080@mail.ru*

The affixes -ly//li in the Karakalpak language difler from other affixes in its significance. The functioning of the affix group -ly//li has not been studied in the Karakalpak linguistics. In the course of scientific research, it has been determined that in the modern Karakalpak language the affixes -ly//li, joining different roots, form more than 20 groups. The article deals with 23 major groups of the affixes -ly//li.

**Keywords:** *the Karakalpak language, affix -ly//li, compound words.*

### References

1. Baskakov N.A. *Karakalpakskiy yazik. II. Fonetika i morfologiya. Chast' pervaya: Chasti rechi i slovoobrazovaniye* [Karakalpak language. II. Phonetics and morphology. Part one: Parts of speech and word formation]. Moscow, 1952. (In Russ.).
2. Kononov A.N. *Grammatika sovremennogo turetskogo literaturnogo yazika* [The grammar of modern Turkish literary language]. Moscow, Leningrad, 1956. (In Russ.).
3. Kostenko V.A. *Imena prilagatelnye v sovremennom tatarskom yazike*: [The adjective in modern Tatar literary language. Abstract of thesis]. Kazan, 2002. (In Russ.).
4. Pakhratdinov K. *Zhivotnovodcheskaya leksika v karakalpakskom yazike* [Livestock vocabulary in the Karakalpak language. Abstract of thesis]. Nukus, 1992. (In Russ.).
5. Esenkulov A. *Affiksy drevnetyurkskikh pis'mennykh pamyatnikov* [Old Turkic affixes according to memorial writings]. Almaty, 1976. (In Kazakh).
6. *Kazakhskaya grammatika. Fonetika, slovoobrazovanie, morfologiya, sintaksis* [Kazakh grammar. Phonetics, word formation, morphology, syntax]. Astana, 2002. (In Kazakh).
7. Kудайbergenov M. *Morfologiya karakalpakskogo yazika* [Morphology of the Karakalpak language]. Tashkent, 2006. (In Karakalpak).
8. Nasirov D.S. *Kategoriya mnozhestvennosti v karakalpakskom yazike* [The category of plurality in the Karakalpak language]. Nukus, 1961. (In Karakalpak).
9. Pirniyazov K. *Lingvisticheskaya terminologiya v karakalpakskom yazike* [Linguistic terminology in the Karakalpak language]. Nukus, 1987. (In Karakalpak).

10. *Grammatika sovremennogo karakalpakskogo literaturnogo yazika. Slovoobrazovaniye i morfologiya* [The grammar of modern Karakalpak literary language. Word formation and morphology]. Nukus, 1994. (In Karakalpak).
11. Sharipova K. *Foneticheskoye razvitiye i funktsional'noye lichnost prilagatelnoobrazuyushiy affiks li* [Phonetic development and functional features of affix *-li* forming adjective]. Tashkent, 1973. Pp. 172—176. (In Uzbek.).
12. *Sovremenniy karakalpakskiy literaturny yazik. Morfemika, morfonologiya, slovoobrazovanie, morfologiya* [Modern Karakalpak literary language. Morphemics, morphonology, word formation, morphology]. Nukus, 2010. (In Karakalpak).

УДК 81'37(=512.36)  
ББК 81.2

## ТЕНИ УЛЫБКИ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ<sup>1</sup>

Е. В. Сундуева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия

Статья посвящена анализу глаголов со значением «улыбаться» в монгольских языках. Выявлено, что они имеют звуко-мимическое происхождение. Рассмотрены наречия, сочетающиеся с данными глаголами. Полученные результаты способствуют более глубокому пониманию сути такого ментального образования, как улыбка, представляя интерес для исследований в области культурологии, когнитивной лингвистики, психолингвистики, лексикографии и др.

**Ключевые слова:** монгольские языки, вербализация, этимология, образительные слова, образ, мимика, эмоция.

В любом языке мира слова, обозначающие улыбку, обладают светлой экспрессией. В данной статье мы попытаемся выявить внутреннюю форму образных глаголов со значением «улыбаться» с целью установления специфики вербализации этой базовой человеческой эмоции средствами монгольских языков.

Для обозначения улыбки наиболее часто используемым в бурятском языке словом является существительное *энеэбхилэл*, образованное от глагола *энеэбхилхэ* (улыбаться, усмехаться) [12. С. 666]: *Цэнгуев хабданхай нюураа уршылган, хамараа харналзуулан, энеэбхилэн байна* (Ц.-Ж. Жимбиев) [2] [Цэнгуев улыбается, морща опухшее лицо и раздувая ноздри (здесь и далее перевод наш. — Е. С.)]. Так, в Бурятском корпусе, включающем образцы литературно-художественного, общественно-публицистического и учебно-научного стилей, представлено 780 употреблений данного глагола [2]. Глагольные формы с формантом *-бхил* обозначают «неполное или ослабленно-повторяющееся действие: бур.<sup>2</sup> зуубхил- (покусывать) от зуу- (взять в зубы, кусать)» [4. С. 113—114]. Также встречается аналитическая форма *энеэбхилэд гэхэ* (чуть улыбнуться): *Хойнохоонь мүн сагаан хубсаһатай, нюдэндөө шэлтэй, үбгэншээг наһанай хүн баяртайхан энеэбхилэд гэнээр оробо* (Ц. Дон) (Следом, радостно улыбнувшись, вошел пожилой человек в белой одежде и в очках) [2].

В халха-монгольском языке также представлен глагол *инээвхийлэх* (улыбаться, смеяться)

<sup>1</sup> Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.193.1.5. Ментальность монгольских народов в зеркале языка, № АААА-А17-117021310266-8).

<sup>2</sup> Используемые в статье сокращения представлены в приложении.

[1. С. 277]: *Болд шамшигар амаа мурийлган инээвхийлээд, шингэн хөх халимагаа илбэн туршлагатай илтгэгчийн маягаар ийн өгүүлэв* [8] (Болд улыбнулся, скривив беззубый рот, и, поглаживая свои жидкие волосы, заговорил, как опытный докладчик). Следует отметить, что данный глагол редко используем, о чем свидетельствует количество словоупотреблений на сайте Монгольского корпуса: 17 против 585 употреблений глагола *инээмсэглэх*. Относящийся к литературно-художественному стилю, он не используется в разговорной речи.

П.-монг. *iniyemsüglekü* (улыбаться, смеяться, шутить) [15. С. 278], *inijemsygle-* (улыбаться) [16. С. 412], монг. *инээмсэглэх* (улыбаться, усмехаться) [1. С. 277]: *Данзан өмдний халаасандаа өрөөсөн гараа хийж Эрдэнийг ширтэн байснаа хүйтэн инээмсэглэв* [8] (Данзан, засунув одну руку в карман штанов, пристально глядел на Эрдэнэ, затем холодно улыбнулся) — образован от формы *инээмсэг* (улыбчивый; улыбка), которая, в свою очередь, также восходит к глаголу *инээ-* (смеяться). В калмыцком языке также *inēmsəgl̥χə* [18. С. 208], *инэмсглх* (улыбаться) [5. С. 270], орд. *epētsegle-* (улыбаться) [17. С. 240]. В средневековом словаре «Мукаддимат ал-Адаб» зафиксирован глагол *inēmsibe* в значении «усмехнулся» [9. С. 197].

Наиболее прозрачной образной семантикой обладает образный глагол бур. *аамалзаха* (улыбаться, открывая рот, широко улыбаться) от *аамайха* (приоткрывать, разевать рот) [12. С. 22], *хүхюунээр аамалзаха* (весело улыбаться) [11. С. 848]. Здесь долгий гласный *ā* обозначает широкое и сравнительно продолжительное открытие рта, согласный *m* передает закрытие рта, а точнее, смыкание губ, которое происходит при артикуляции данного согласного. Базовый соматический

ческий термин: ср.-монг. *aman* [9. С. 99], п.-монг. *ata(n)* (рот, уста; нос птичий; рыло) [15. С. 95], монг. *ам(ан)*, бур. *ама(н)*, калм. *амн*, орд. *ата*, мог. *атап*, *атип*, дагур. *ата*, дунс. *атап*, бао. *атап*, ж.-уйг. *атап*, монгол. *ата* [14. С. 296] (рот, уста; пасть, зев) — также представляется мимемой, воплощающей зрительнообразное представление закрывающегося рта.

Также в бурятском языке функционирует почти «зеркальный» вариант *маһайха* (расплываться в улыбке, улыбаться, радоваться) [12. С. 524], в котором согласный *m* занимает позицию в начале слова (*ām* ↔ *mās*), и вариант с кратким гласным *маһайха* (расплываться в улыбке, улыбаться во весь рот, радоваться), *маһагаишаха* (осклабляться широкой улыбкой) [Там же. С. 545]. Полностью «зеркальный» вариант *һаамайха* (*sām* ↔ *mās*) обладает схожей семантикой «смотреть с открытым ртом» [13. С. 533].

В другом глаголе: монг. *жуумалзах* (улыбаться, усмехаться): *Айкумис яльгүй жуумалзахад түүний гунигтай царайнд нь баясал төрөх мэт* [8] (Когда Айкумис слегка улыбнулся, на его грустном лице появилась тень радости), *жуумганах* (слегка улыбнуться), *жуумайх* (усмехаться) [1. С. 187], бур. *жуумалзах* (улыбаться), *хоротойгоор жуумалзах* (зло улыбаться) [11. С. 848] — присутствует оттенок «усмешка». Долгий огубленный гласный *ī* передает насмешливое движение рта, согласный *m* указывает на то, что действие, как правило, происходит немо, одним движением губ.

В монгольских языках представлен ряд глаголов рассматриваемого семантического поля с инициальным согласным *m*. П.-монг. *misige-*, *misije-* (улыбаться) [16. С. 540], монг. *мишээх* (улыбаться) [1. С. 333], бур. *мэшиээхэ* (высок. улыбаться) [12. С. 578], калм. *миšēхэ* (улыбаться) [18. С. 263], *мишээх* (высок. смеяться, улыбаться) [5. С. 353], орд. *mišē-*, *miš'ē-* (улыбаться) [17. С. 466]. Примечательно, что в словаре Ф. Лессинга с пометой *высок.* даны формы *misijemcyg* (улыбка), *misijem-sylje-* (улыбаться) [16. С. 540], образованные по той же словообразовательной модели, что и *инэ-эмсэг*, *инээмсэглэх*.

Корень *mis-* обладает высокой продуктивностью: монг. *мишвэлзэх*, п.-монг. *misigelčeki* (улыбаться) [15. С. 2024], монг. *мишгэлзэх* (слегка улыбаться), калм. *миšgəlz'хэ* [18. С. 263], монг. *мишилзэх* (улыбаться) [1. С. 333], а также *мишээсхийх*, бур. *миһэрхэ*, *миһэрхэ маһарха* (улыбаться), *миһэлзэхэ* (улыбаться), *миһэд гэхэ* (чуть улыбаться). В «Бурятско-русском словаре» также представлен диалектный твердорядный вариант *миһалзалга* (улыбка): *һаймһарһан миһалзалга* (заискивающая улыбка) [12. С. 551]. В баргузинском

говоре зафиксированы производные «зеркального» образного корня *sim-*: *һумаг-һумаг гэхэ*, *һумаганаха* (сдержанно улыбаться, ухмыляться): *Юу һумаганажа һуугааби?* (Что сидишь ухмыляешься?) Здесь, на наш взгляд, *s* передает выдох, *m* — сомкнутые в улыбке/ухмылке губы, а гласный *i* — выдох при более высоком подъеме уголков губ. Фонетически форма *һумаг* близка рус. *хмы-к*, где *хм* — междометие, выражающее удивление, сомнение, недоверие или иронию. В связи с этим небезынтересно отметить участие согласных *s*, *m* в рус. *смех*, англ. *smile*.

Авторы «Этимологического словаря алтайских языков» сопоставляют протомонгольскую форму *\*misije-* (смеяться, улыбаться) с прототунгус. *\*musim-* (улыбаться, усмехаться) [19. С. 937]: эвен. *мусьм-* (усмехаться, улыбаться), нег., орок. *муси-муси* (улыбаясь), маньчж. *м'осири* ~ *м'ошири* (усмешка, улыбка) [10. С. 561]. Следует отметить, что в монгольских языках также есть формы с огубленными гласными: монг. *мушилзах* (кривить рот в улыбке, усмехаться) [1. С. 363], калм. *мосх'лз'хр* (улыбаться; забавляться, шутить) [18. С. 264], *мусхлзх* (ухмыляться, усмехаться) [5. С. 362].

В словаре О. М. Ковалевского зафиксирована любопытная форма п.-монг. *inibejleki* (улыбаться) [15. С. 278], которая морфологически схожа с п.-монг. *anibajlaqu* (мигать, часто шевелить ресницами) [15. С. 11], где гласный *a* передает открытие глаза, согласный *n'* — его закрытие благодаря такому артикуляционному признаку, как смычка передней части спинки языка с альвеолами. В связи с этим представляется, что глагол п.-монг. *inijekü* (смеяться) имеет скорее образное, нежели звукоподражательное происхождение. В образцах бурятской художественной литературы, представленных на сайте Бурятского корпуса, нами были выявлены такие звукоподражания смеха, как *һэг-һэг*, *һяг-һяг*, *хур-хур*, *хэр-хэр*, *һул-һул*, *хон-хон*, *хэн-хэн*, *нас-нас*, *наас-наас*, *лаас-лаас*, *хас-хас*, *хос-хос*, *хус-хус* и др. Можно предположить, что в протомонгольской форме *\*(h)in(iye)-*, первоначально обозначавшей улыбку, а не смех, также гласный *i* передавал растянутость губ, согласный *n'* — их смычку. В частности, в бурятском языке, предложение «Доржо сидит и улыбается» часто переводится *Доржо энэжэ һууна*, что в зависимости от ситуации может иметь значение «Доржо сидит и смеется».

В южно-монгольских языках представлены формы с инициальным согласным *š*: дагур. *šinē*, *šinēde-*, дунс. *šinie-*, бао. *šine-*, монгол. *šanē-* [19. С. 588], которые условно можно назвать «зеркальными отражениями» глагола *misije-* (*šin* ↔ *miš*). В «Этимологическом словаре алтайских язы-

ков» протомонг. \*(h)iniye- даются такие изоглоссы, как прототунг. \*iñe- (смеяться) и протокор. \*iñ- (смеяться) [19. С. 588].

Несколько особняком стоят формы с согласным *r*. В «Мукаддимат ал-Адаб» глагол *irjaiba* имеет значение «улыбнулся» [9. С. 198], п.-монг. *irjas* — «улыбка», *irjaskikü*, *irjalčaqu* — «улыбаться, оскаливаться» [15. С. 326]. В словаре Kalmückisches Wörterbuch: *irzāḫə*, *irzłzḫḧ*, *irzvs keḫe* — «улыбаться, ухмыляться» [18. С. 210]. В баргузинском говоре бурятского языка *ир-зайха* имеет значение «улыбаться во весь рот», *ирбаганаха* — «улыбаться, ухмыляться». В литературном бурятском языке представлена более «мягкая» форма — *мирзайха* (осклатиться, расплыться в улыбке) [12. С. 551]. В дагурском языке привлекает внимание *ирмэ-гэлжгу* (улыбаться, усмехаться) [7. С. 82].

Данные глаголы отсылают к образу зубов, обнажаемых во время улыбки или смеха. В свою очередь данный образ развился на основе образа торчащих зубов диких животных, большое количество корней с согласным *r* семантически связано с референтом «клыки; зубы»: п.-монг. *arjayı-* (оскалывать зубы) [15. С. 163], монг. *арзгар*, бур. *арзагар*, калм. *арзһр* (оскаленный); п.-монг. *orsuyur*, монг. *орсгор* (выдающийся вперед, торчащий; кривой — о зубах); п.-монг. *irtayı-* (разинуть, полурастворить рот) [15. С. 324], монг. *яртгар* (высокомерный, надменный, с кислой миной), калм. *иртң* (несмыкающийся — о рте, губах).

В тюркских языках *ыржай-* (ослабиться; выступать; улыбаться) рассматривается Э. В. Севортяном как производный глагол, образованный с помощью словообразовательного аф. -жай от основы \*ыр ~ \*ар в образно-подражательном значении. Эти основы являются, по утверждению автора, общими для тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. В последних отмечаются следующие формы: эвен. *ирзарга-* (скалить зубы — о собаке), нан. *ирза-ирза би* (лязг зубов волка) [14. С. 664].

Рассмотренные глаголы со значением «смеяться» также используются в паре: *Эзэн эхэнэр*, *Нина Аркадьевна*, *миһэлзэн энеэбхилээд*, *бишыхан долёбор хургаараа занахадаба* (Ч. Цыдендамбаев) (Хозяйка Нина Аркадьевна, улыбнувшись, погрозила указательным пальчиком); *Мантаг Эржэнэй эжыдэл тон адляар миһэрэн энеэбхилнэ* (М. Осодоев) (Мантаг улыбается так же, как мать Эржэн); *Энэ саархан дээрэн Ленин багшын түрэл дулаахан нюур шарай мшизээн энеэбхилжэ байба* (Ц. Шагжин) (С этого листа улыбалось родное лицо учителя Ленина); *Ухалууриһаа ерэхэдэнь*, *Намсарай маһайтараа энеэбхилжэ*,

*унаган нүхэрэйнгөө хүбүүе магтажа байбал даа* (М. Осодоев) (Когда он вернулся с водооя, Намсарай, улыбаясь во весь рот, расхваливал сына его друга) [2]. При этом первый глагол оформлен формантами слитного (-н) либо предельного (-тар) деепричастия.

Выявлению оттенков улыбки также могут способствовать лексические коллокации, под которыми понимаются «языковые сочетания знаков, отражающих наиболее важные и ценные для того или иного этноса элементы мировидения» [6. С. 162]. На материале бурятской художественной литературы рассмотрим средства, характеризующие улыбку, то есть сочетающиеся с глаголами *энеэбхилхэ*, *миһэлзэхэ*, *миһэрхэ*. В первую очередь яркой образностью отличаются описания рта, глаз, лица улыбающегося человека, поскольку, как известно, в улыбке задействованы не только губы:

- зубы: *арзайса энеэбхилхэ*, *шүдэнүүдээ ир-зайлган энеэбхилхэ*, *ирбайн энеэбхилхэ*, *ир-майса миһэлзэхэ* (улыбаться, обнажая зубы); *жэрбэгэр сагаан шүдэнүүдээ харуулан энеэбхилхэ* (улыбаться, показывая ровные белые зубы); *саһан һайхан шүдээ сайбалзуулан энеэбхэлхэ* (улыбаться, сверкая белоснежными зубами);
- рот: *амхайтараа энеэбхилхэ*, *амаа амхагад гүүлэн энеэбхилхэ* (улыбаться, разевая рот); *дээдэ уралаа ирбайлган энеэбхилхэ* (улыбаться, искривляя верхнюю губу);
- глаза: *нюдээ мэлмэлзүүлэн энеэбхилхэ* (улыбаться, поблескивая глазами); *нюдээ ехэ болгон энеэбхилхэ* (улыбаться, расширяя глаза); *нюдээ онилгон энеэбхилхэ* (улыбаться, прищуривая глаза); *нюдээ анилдашатар энеэбхилхэ* (улыбаться так, что глаз не видно);
- нос: *хамараа һарналзуулан энеэбхилхэ* (улыбаться, раздувая ноздри);
- лицо: *нюураа уришылган энеэбхилхэ* (улыбаться, морща лицо).

Наречия, сочетающиеся с глаголами со значением «смеяться», можно условно разделить на две группы, представленные в таблице (с. 182).

Как видно, многие наречия, обозначающие положительные эмоции, оформлены уменьшительным-ласкательным суффиксом *-хан/-хэн/-хон*, что свидетельствует о значимости улыбки для собеседника. Наличие же наречий с отрицательным или условно отрицательным значением А. А. Габриелян объясняет такими факторами: «С одной стороны, растущая популярность улыбки как атрибута делового общения и преуспеяния, с другой — стремление намеренно скрыть эмоции от собеседника» [3. С. 71]. Также встречаются

### Эмоции, сопровождающие улыбку

Отрицательные	Положительные
hүртэйгөөр (угрожающе)	жаргалтайгаар (счастливо)
хоротойгоор (ядовито)	баяртайгаар, хүхюунээр (радостно)
баһамгай янзаар (презрительно)	энэрхы уриханаар, налархай найртайгаар (ласково)
хүйтөөр (холодно)	илдамханаар, илдам зохидоор, урялгыгаар (приветливо)
хуурайгаар (сухо)	энхэргээр (нежно)
худалаар, хуурмагаар (фальшиво)	мээхэй дулааханаар (тепло)
убайгүйгөөр (нагло)	зулгыгаар (вежливо)
шогтойгоор, наада барин (насмешливо)	номгохоноор (кротко)
енгүүтэйгээр (ехидно)	дарууханаар (скромно)
мэхэтэйгээр (хитро)	хашагүйгөөр (непринужденно)
жэгтэйхэнээр (странно)	һаруулханаар (светло)
гашуудалтайгаар (горько)	согтойгоор (с огоньком)
һанаа зоборитойгоор (тревожно)	урмагтайгаар (воодушевленно)
уйтайшагаар (грустно)	аляагаар (шаловливо)
абиртуугаар (слабо)	һабяһагүйгөөр (кокотливо)
гэмшэлтэйгээр (виновато)	омогхоноор (горделиво)
аягүйрхэнгээр (смущенно)	ханангяар (удовлетворенно)
эшэнгээр (стыдливо)	

наречия с нейтральной семантикой: *халта* (слегка), *үлэ мэдэг* (незаметно), *эзэлүүдгүй* (невольно), *бүтүүхэн* (молча) и др.

В результате исследования можно прийти к выводу, что в вербализации улыбки в монгольских языках активно участвуют согласный *m*, передающий движение губ, согласный *s*, связанный с дыханием, согласный *r*, отсылающий к образу оскаленных зубов. Ширина раскрытия рта во время улыбки или смеха диктует использование гласной

в корне. Этническая специфичность улыбки проявляется в образных описаниях внешнего облика смеющегося человека, тонко передающих ее оттенки. Выявленная на материале бурятской художественной литературы богатая палитра наречий как с положительной, так и с отрицательной семантикой, сочетающихся с глаголами со значением «смеяться», безусловно, свидетельствует о важности рассматриваемого ментального образования для монгольских народов.

### Список литературы

1. Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 2 / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. — М., 2001.
2. Бурятский корпус [Электронный ресурс]. — URL: [http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface\\_language=ru](http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru) (дата обращения 14.03.2018).
3. Габриелян, А. А. Лексико-семантическое поле эмоциональных концептов *smile*, *laugh* в английском языке / А. А. Габриелян // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. — 2015. — № 5. — С. 68—78.
4. Дондуков, У.-Ж. Ш. Словообразование монгольских языков / У.-Ж. Ш. Дондуков. — Улан-Удэ, 1993.
5. Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. — М., 1977.
6. Красавский, Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. А. Красавский. — М., 2008.
7. Краткий дагурско-русский словарь / сост. Г. Тумурдэй, Б. Д. Цыбенков. — Улан-Удэ, 2014.
8. Монгольский корпус [Электронный ресурс]. — URL: [http://web-corpora.net/MongolianCorpus/search/?interface\\_language=ru](http://web-corpora.net/MongolianCorpus/search/?interface_language=ru) (дата обращения 14.03.2018).

9. Поппе, Н. Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. Ч. I—II : тр. Ин-та востоковедения [АН СССР]. XIV / Н. Н. Поппе. — М. ; Л., 1938.
10. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1. — Л., 1975.
11. Шагдаров, Л. Д. Русско-бурятский словарь / Л. Д. Шагдаров, Н. А. Очиров. — Улан-Удэ, 2008.
12. Шагдаров, Л. Д. Бурятско-русский словарь : в 2 т. Т. 1 / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. — Улан-Удэ, 2006.
13. Шагдаров, Л. Д. Бурятско-русский словарь : в 2 т. Т. 2 / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. — Улан-Удэ, 2008.
14. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на гласные / авт. словарь. ст. Э. В. Севортян. — М., 1974.
15. Kowalewski, J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. Vol. 1—3 / J. E. Kowalewski. — Kazan, 1849.
16. Lessing, F. D. Mongolian-English dictionary / F. D. Lessing. — Berkeley ; Los Angeles, 1960.
17. Mostaert, A. Dictionnaire Ordos / A. Mostaert. — Ulaanbaatar, 2009.
18. Ramstedt, G. J. Kalmückisches Wörterbuch / G. J. Ramstedt. — Helsinki, 1935.
19. Starostin, S. Etymological Dictionary of the Altaic Languages / S. Starostin, A. Dybo, A. Mudrak. — Leiden ; Boston, 2003.

### Сведения об авторе

**Сундеева Екатерина Владимировна** — доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела языкознания, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Улан-Удэ, Россия. [sundueva@mail.ru](mailto:sundueva@mail.ru)

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 179—184.*

## SHADOWS OF SMILE IN THE MONGOLIC LANGUAGES

*Ye. V. Sundueva*

*The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS.*

*Ulan-Ude, Russia. [sundueva@mail.ru](mailto:sundueva@mail.ru)*

The paper is devoted to the analysis of verbs with the meaning “to smile” in the Mongolic languages. It is revealed that they have sound-mimic origin. The adverbs which are combined with these verbs are considered. The samples of the Buryat literature presented on the website of the Buryat corpus including more than 2 million 200 thousand word usage were used. The received results contribute deeper understanding an essence of smile, being of interest to researchers in the field of cultural science, cognitive linguistics, psycholinguistics, lexicography, etc.

**Keywords:** *Mongolic languages, verbalization, etymology, figurative words, image, facial expression, emotion.*

### References

1. Pyurbеev G.C. (ed.). *Bol'shoy akademicheskiy mongol'sko-russkiy slovar'*. T. 2 [Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. Vol. 2]. Moscow, 2001. (In Russ., in Mongolian).
2. *Buryatskiy korpus* [Buryat Corpus]. Available at: URL: [http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface\\_language=ru](http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru), accessed 14.03.2018. (In Russ.).
3. Gabrielyan A.A. Leksiko-semanticheskoye pole emotsional'nykh kontseptov ‘smile’, ‘laugh’ v angliyskom yazyke [Semantic field of the emotional concepts ‘smile’, ‘laugh’ in the English language]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Lingvistika* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2015, no. 5, pp. 68—78. (In Russ.).
4. Dondukov U.-Zh Sh. *Slovoobrazovaniye mongol'skikh yazykov* [Word-building of Mongolic languages]. Ulan-Ude, 1993. (In Russ.).
5. Muniyev B.D. (ed.). *Kalmytsko-russkiy slovar'* [Kalmyk-Russian Dictionary]. Moscow, 1977. (In Kalmyk, in Russ.).
6. Krasavskiy N.A. *Emotsional'nye kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh* [Emotional concepts in German and Russian linguocultures]. Moscow, 2008. (In Russ.).
7. *Kratkiy dagursko-russkiy slovar'* [Concise Daur-Russian Dictionary]. Ulan-Ude, 2014. (In Daur, in Russ.).

8. *Mongol'skiy korpus* [Mongolian Corpus]. Available at: URL: [http://web-corpora.net/MongolianCorpus/search/?interface\\_language=ru](http://web-corpora.net/MongolianCorpus/search/?interface_language=ru), accessed 14.03.2018. (In Russ.).
9. Poppe N.N. *Mongol'skiy slovar' Mukaddimat al-Adab. Ch. I—II. Trudy Instituta vostokovedeniya [AN SSSR]. XIV* [Mongolian Dictionary Mukaddimat al-Adab. Pt. I—II Proceedings of the Institute of Oriental studies (USSR Academy of Sciences). XIV]. Moscow, Leningrad, 1938. (In Russ.).
10. *Sravnitel'nyy slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov. T. 1* [Comparative Dictionary of Manchu-Tungus Languages. Vol. 1]. Leningrad, 1975. (In Russ.).
11. Shagdarov L.D., Ochirov N.A. *Russko-buryatskiy slovar'* [Russian-Buryat Dictionary]. Ulan-Ude, 2008. (In Russ., in Buryat).
12. Shagdarov L.D., Cheremisov K.M. *Buryatsko-russkiy slovar'. T. 1* [Buryat-Russian Dictionary. Vol. 1]. Ulan-Ude, 2006. (In Buryat, in Russ.).
13. Shagdarov L.D., Cheremisov K.M. *Buryatsko-russkiy slovar'. T. 2* [Buryat-Russian Dictionary. Vol. 2]. Ulan-Ude, 2008. (In Buryat, in Russ.).
14. Sevortyan E.V. *Etimologicheskiy slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskiye i mezhtyurkskiye osnovy na glasnye* [Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common Turck and Interturck stems starting with vowels]. Moscow, 1974. (In Russ.).
15. Kowalewski J.E. *Dictionnaire mongol-russe-français, vol. 1—3*. Imprimerie de l'Université. Kazan, 1849. (In Mongolian, in Russ., in French).
16. Lessing F.D. *Mongolian-English dictionary*. University of California Press, Berkeley, Los Angeles, 1960. (In Mongolian, in English).
17. Mostaert A. *Dictionnaire Ordos*. New Polygraph Co., Ltd., Ulaanbaatar, 2009. (In Ordos, In Russ.).
18. Ramstedt G.J. *Kalmückisches Wörterbuch*. Suomalais-Ugrilainen Seura, Helsinki, 1935. (In Kalmyk, in Russ.).
19. Starostin S., Dybo A., Mudrak A. *Etymological Dictionary of the Altaic Languages*. Brill, Leiden, Boston, 2003. (In Russ.).

Приложение

## Список сокращений

англ. — английский	монгор. — монгорский
бао. — баоаньский	нег. — негидальский
бур. — бурятский	орд. — ордосский
дагур. — дагурский	орок. — орокский
дунс. — дунсянский	п.-монг. — старописьменный монгольский
ж.-уйг. — желто-уйгурский	протокор. — протокорейский
калм. — калмыцкий	прототунг. — прототунгусо-маньчжурские языки
маньчж. — маньчжурский	рус. — русский
мог. — могольский	ср.-монг. — среднемонгольский
монг. — халха-монгольский	эвен. — эвенский

УДК 81'23  
ББК 81

## ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА СФЕРЫ ПОЛИТИКИ И ИХ ПОНИМАНИЕ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО ЯЗЫКА (на примере слова «импичмент»)

Тань Ин

Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия

На примере слова «импичмент» рассматривается понимание заимствованных слов сферы политики носителями русского языка. Работа освещает результаты психолингвистического эксперимента по наивному толкованию слова «импичмент» носителями языка с разными социальными характеристиками. Цель эксперимента — выявление особенностей понимания англоязычных заимствований и выявление социальных факторов, влияющих на это понимание.

**Ключевые слова:** заимствованные слова, политика, понимание, значение, русский язык, психолингвистический эксперимент, социальные группы, факторы.

Важность проблем изучения политического языка в современной России послужила основанием для формирования в русистике в последнее десятилетие XX в. нового научного направления — политической лингвистики [10], в рамках которой в настоящее время развивается целая группа частных научных направлений, в том числе ориентированных на изучение отдельных уровней политического языка: фонетического, лексического, синтаксического. Как отмечает А. П. Чудинов в своей работе, «каждый новый поворот в историческом развитии государства приводит к языковой “перестройке”, создает свой лексико-фразеологический тезаурус, включающий также концептуальные метафоры и символы. Поэтому вполне закономерно множество исследований по проблемам политического лексикона постсоветского периода» [Там же. С. 20].

В современной лингвистической литературе представлены научные работы, ориентированные на описание современного русского политического языка в различных аспектах: тематическом и номинативно-оценочном [6]; функционально-стилистическом и структурно-семантическом [5]; концептуальном [11]. По мнению О. В. Загорской, имеется несколько научных работ, в которых представлены попытки описания русского политического лексикона в последнее десятилетие XX в. в разных аспектах. Тем не менее до сих пор не существует обобщающих исследований, раскрывающих особенности русской политической лексики конца XX — начала XXI в. При этом многие вопросы, касающиеся названной проблемы, остаются недостаточно изученными. Сказанное в значительной мере относится к вопросам об ино-

язычных заимствованиях в русской политической лексике, их роли в формировании соответствующей подсистемы русского языка и времени вхождения в русский язык [3. С. 74].

Заимствование слов — естественный процесс, который отражает отношения (политические, военные, экономические, культурные) между народами в разные периоды истории [9. С. 92].

Предметом исследования в настоящей статье является понимание заимствованных слов сферы политики в зависимости от таких параметров носителей языка, как возраст, пол и уровень владения английским языком. С целью изучения данной проблемы был проведен психолингвистический эксперимент по наивному толкованию иноязычного слова политической тематики [о методе наивного толкования см. подробнее: 1. С. 76; 7. С. 91]. Его участниками стали 40 русскоязычных информантов: 20 студентов (10 гуманитариев и 10 негуманитариев, возраст которых 18—27 лет) и 20 носителей языка старшего поколения (от 40 до 55 лет). Кроме того, старшая группа носителей языка делилась еще по фактору образования (10 информантов с высшим образованием и 10 — со средним). Участникам эксперимента было предложено для толкования слово *импичмент*, которое довольно часто используются в текстах СМИ. Согласно Национальному корпусу русского языка, это слово не слишком частотно, но и не является редким (в корпусе отмечено 191 вхождение данного слова, 92 документа).

Задание для информантов состояло из двух частей: сначала участники писали, что, по их мнению, значит предложенное заимствованное слово (то есть давали ему толкование), а затем отмечали,

употребляют ли они его в речи. В результате эксперимента было получено 80 реакций: 40 наивных толкований и 40 оценок употребления слова *импичмент* в речи. Наивные толкования анализировались путем компонентного семантического анализа. Выделенные в толкованиях информантов семантические компоненты значений соотносились с компонентами значений исследуемого слова согласно его словарному определению. Мы ориентировались на следующие словарные определения:

*Импичмент* (англ. *impeachment*) — в некоторых государствах (например, в США, Великобритании, Японии) особый порядок привлечения к ответственности и судебного рассмотрения дел о преступлениях высших должностных лиц. При импичменте привлечение к ответственности и предание суду, как правило, осуществляет нижняя палата парламента, а рассмотрение дела — верхняя палата [2].

*Импичмент* (англ. *impeachment* — порицание, обвинение) — юр., полит. 1) особый порядок привлечения к ответственности и судебному рассмотрению дел о преступлениях высших должностных лиц; 2) лишение полномочий лиц, избранных в орган законодательной, государственной или местной власти, за грубые нарушения законов. Первоначально — в отношении президента страны в Конгрессе США [4].

*Импичмент* (англ. *impeachment* — порицание, обвинение) — 1) правовая процедура привлечения к суду парламента высших должностных лиц государства; 2) процесс отрешения от должности и привлечения к судебной ответственности высших должностных лиц [8].

Сравнивая определения данного слова в словарях, можно выделить следующие важные компоненты его значения: «порядок», «привлечение», «суд», «высшее должностное лицо», «лишение полномочий».

Приведем примеры толкований слова «импичмент», полученных от информантов: *выражение недоверия президенту парламентом; процедура отставки президента страны; против президента; отречение президента от должности; вынесение вотума недоверия, отстранение от выборной должности* и т. п.

Анализ полученного материала показывает, что предложенное англоязычное заимствование было понятно не всем информантам. Правильными мы считали такие толкования, в которых были отражены все важные компоненты значения слова; частично правильными — такие, в которых были отражены не все, а только некоторые из важных семантических компонентов значения; неправильными — те толкования, в которых содержались

неверные компоненты значения. Общая статистика ответов информантов приведена в табл. 1.

Как видим, из 40 реакций на толкование слова 18 — это отказы, что составляет 45 %. Таким образом, информанты в целом плохо знакомы с этим заимствованием. Наибольшее количество отказов было получено в группах «женщины» и «студенты». Плохое понимание слова подтверждается и тем, что в ответах информантов зафиксировано всего 5 правильных толкований слова, при этом правильными считались толкования, в которых присутствовали такие компоненты значения, как «высшее должностное лицо», «лишение полномочий», и не учитывались компоненты, связанные с процедурой лишения полномочий. Приведем примеры толкований, которые считались правильными: *отстранение президента от должности; отставка президента; вынесение вотума недоверия, отстранение от выборной должности* и др.

Совсем неправильных ответов было 10, при этом представители старшей возрастной группы хуже знают слово «импичмент», чем студенты. Среди неправильных толкований преобладали такие, которые трактовали *импичмент* либо как *недоверие*, либо как *отречение, недоверие; переворот, недоверие, обвинение; недоверие к кому-либо; отречение от власти* и др.

Остальные полученные ответы (7) — это частично правильные толкования, отражающие некоторые аспекты понятия «импичмент»: *недоверие какому-либо политику (президенту); отречение президента от должности; отстранение от должности* и др.

Для информантов старшей возрастной группы был проведен анализ понимания слова *импичмент* в зависимости от уровня образования: среднее или высшее (см. табл. 1). Результаты показали, что в ответах людей старшей возрастной группы с высшим образованием встретилось больше правильных и частично правильных ответов, чем в ответах информантов со средним образованием. При этом по сравнению с людьми со средним образованием у людей с высшим встретилось меньше неправильных ответов и отказов.

Приведем семантические компоненты толкований, полученных от информантов, и их частотность (см. табл. 2).

Обращает на себя внимание тот факт, что ядерные компоненты словарных толкований данного слова («порядок», «привлечение», «суд», «высшее должностное лицо», «лишение полномочий») встречаются в наивных толкованиях весьма редко и представлены не такими формулировками, как в словарных определениях слова. Реализацией компонента «лишение полномочий» можно считать компоненты

Таблица 1

**Общая статистика ответов информантов на задание по толкованию слов**

Ответ	Группа информантов					
	Возраст		Пол		Образование	
	студент	старшая группа	мужчина	женщина	среднее	высшее
Правильный	3	2	4	1	0	2
Частично правильный	3	4	5	2	0	4
Неправильный	0	10	5	5	6	4
Отказ	14	4	6	12	6	10

Таблица 2

**Семантические компоненты наивных толкований слова «импичмент»**

Семантический компонент	Частота
Недоверие	11
Президент	9
Отстранение, отставка	7
Должность	5
Отречение	3
Выражение	3
Обвинение	2
Переворот	1
Политик	1
Парламент	1
Против	1
Власть	1
Выборный	1

наивного толкования «отстранение, отставка» и «должность», которые встретились соответственно 7 и 5 раз, при этом компонент «должность» почти всегда встречается вместе с компонентом «отстранение, отставка». Компонент определения «высшее должностное лицо» реализуется в наивных толкованиях через называние конкретного высшего должностного лица — «президент» (9).

Как видно из табл. 2, наиболее частотным в толкованиях информантов является компонент «недоверие» (11), который не является компонентом словарного определения слова. Компоненты словарных определений, не вошедшие в ядро, — «выразить/выражение» и «обвинение», дали 3 и 2 информанта соответственно, а компонент «процедура» дал только 1 информант. Такие компоненты словарного определения, как «порядок», «привлечение», «суд», вообще не встретились в толкованиях информантов.

Компоненты «политик», «парламент», «против», «власть», «вотум» встретились в единичных толкованиях. Данные характеристики не принадлежат толкованию, но по своей сути являются верными и важны для функционирования слова.

Подробно рассмотрим частотность каждого компонента в толкованиях разных социальных групп (табл. 3).

Отметим, что, давая наивное толкование слова «импичмент», представители старшей возрастной группы отмечают больше семантических компонентов, чем студенты, а мужчины отмечают больше семантических компонентов, чем женщины. Кроме того, среди информантов старшей возрастной группы люди с высшим образованием отмечают больше семантических компонентов, чем люди со средним образованием.

Компонент «недоверие» был представлен только в ответах старшей возрастной группы информантов, при этом разницы по полу в отношении данного компонента не отмечается. Компонент «президент» чаще встретился в наивных толкованиях у студентов и мужчин (он отмечен в ответах только у двух девушек). Компоненты «выражение», «обвинение», «переворот», «политик», «парламент», «власть», «выборный» вообще не отмечены в ответах у студентов. Компоненты «отречение», «парламент», «против», «власть», «выборный» не встретились в ответах у женщин.

Студенты в наивных толкованиях слова *импичмент* обращают внимание на компоненты «президент», «отстранение, отставка», «должность», «отречение» и «против». Приведем примеры

Таблица 3

**Распределение семантических компонентов наивных толкований  
слова «импичмент» в разных группах**

Семантический компонент	Частота в разных группах					
	студент	старшая группа	мужчина	женщина	среднее	высшее
Недоверие	0	11	6	5	6	5
Президент	5	4	7	2	0	4
Отстранение, отставка	4	3	5	2	0	3
Должность	2	3	4	1	0	3
Отречение	1	2	3	0	0	2
Выражение	0	3	1	2	1	2
Обвинение	0	2	0	2	0	2
Переворот	0	1	0	1	0	1
Политик	0	1	0	1	0	1
Парламент	0	1	1	0	0	1
Против	1	0	1	0	0	1
Власть	0	1	1	0	0	1
Выборный	0	1	1	0	0	1
Всего	13	33	30	16	7	27

толкований студентов: *отставка президента*; *отречение президента от должности* и т. д.

В ответах женщин чаще других встретились компоненты «недоверие», «президент», «отстранение, отставка», «должность», «выражение», «обвинение», «переворот», «политик».

В ответах людей с высшим образованием встретились все компоненты, а в ответах людей со средним образованием были только два компонента — «недоверие» и «выражение» (см. табл. 3), то есть информанты со средним образованием понимают слово однотипно и неправильно.

Данные об употреблении слова «импичмент», согласно интроспекции информантов, представлены в табл. 4. Как показывает эта таблица, информанты старшего возраста значительно чаще употребляют слово «импичмент» по сравнению со студентами, а мужчины — чаще по сравнению с женщинами. В старшей возрастной группе употребление слова зависит и от уровня образования: информанты с высшим образованием чаще употребляют данное слово, чем информанты со средним образованием.

Помимо обсужденных уже социальных характеристик — возраста, пола и образования, мы получали у наших информантов данные о степени владения английским языком. Оказалось, что

невладение английским языком связано с неправильными ответами: информанты с разным уровнем владения английским могут давать отказы, правильные или частично правильные ответы, но неправильные ответы дают либо информанты, не владеющие языком вообще, либо информанты, владеющие им на самом начальном уровне.

Таким образом, можно сделать общий вывод о том, что понимание и употребление слова импичмент, которое относится к заимствованным словам политической сферы, зависит от социальных характеристик носителей языка. В целом люди старшей возрастной группы лучше понимают и чаще употребляют это слово, чем студенты; мужчины понимают слово лучше женщин, а также употребляют его чаще. Это можно объяснить тем, что, возможно, представители более старшего поколения и мужчины внимательнее относятся к политической сфере в целом по сравнению с более молодыми людьми и женщинами. Кроме того, люди старшей возрастной группы чаще пытаются определить слово, точно не зная его значения, что нередко приводит к ошибочным толкованиям. Молодые люди предпочитают в таком случае ответить отказом. Образование оказывает существенное влияние на понимание слова: люди со средним образованием не дали ни одного правильного ответа.

Таблица 4

**Употребление слова «импичмент» в разных группах**

Слово	Частота употребления в разных группах					
	студент	старшая группа	мужчина	женщина	среднее образование	высшее образование
Импичмент	4	10	10	4	3	7

### Список литературы

1. Балашова, Е. А. Фрагменты наивной картины мира русских и словенцев по данным обыденных толкований слов : дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Балашова. — Пермь, 2005.
2. Большой энциклопедический словарь: А — Я / гл. ред. А. М. Прохоров. — М. ; СПб., 2000. — 1452 с.
3. Загоровская, О. В. Об иноязычных заимствованиях в политической лексике русского языка / О. В. Загоровская, С. А. Есмаеел // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультур. коммуникация. — 2008. — № 3. — С. 74—82.
4. Комлев, Н. Г. Словарь иностранных слов / Н. Г. Комлев. — М., 2006. — 669 с.
5. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. — СПб., 1999. — 320 с.
6. Крючкова, Т. Б. Особенности функционирования и развития общественно-политической лексики и терминологии / Т. Б. Крючкова. — М., 1989. — 151 с.
7. Низгулов, Т. С. Гибридизация юридических понятий в сознании носителей английского и русского языков: экспериментальное исследование : дис. ... канд. филол. наук / Т. С. Низгулов. — Пермь, 2015.
8. Политическая наука : слов.-справ. [Электронный источник] / авт. и сост. И. И. Санжаревский. — Тамбов, 2015. — URL: <http://glos.virmk.ru> (дата обращения 13.03.2018).
9. Рахманов, Л. И. Современный русский язык / Л. И. Рахманов, В. Н. Суздальцева. — М., 1997. — 480 с.
10. Чудинов, А. П. Российская политическая лингвистика: этапы становления и ведущие направления / А. П. Чудинов // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультур. коммуникация. — 2003. — № 1. — С. 17—29.
11. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Волгоград, 2000. — 368 с.

### Сведения об авторе

**Тань Ин** — аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия. [masha.tan23@mail.ru](mailto:masha.tan23@mail.ru)

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 185—190.*

## BORROWED WORDS IN THE FIELD OF POLITICS AND THEIR UNDERSTANDING BY THE NATIVE RUSSIAN SPEAKERS (on the example of the word “impeachment”)

*Tan Ying*

*Perm State University, Perm, Russia. [masha.tan23@mail.ru](mailto:masha.tan23@mail.ru)*

This article is devoted to understanding the borrowed words of the sphere of politics. Borrowed words play an important role in the development of language, as they represent one of the most important ways of enriching the lexical composition of the language. At present, borrowings are quite often used in media texts, in our work we will take one of those words “impeachment” in this field as an example. Understanding of borrowed words reflects the characteristics of different social groups. The article examines the results of the psycholinguistic experiment on the naive interpretation of borrowed words by native speakers with different social characteristics. The purpose of the experiment is to identify the features of understanding English-language borrowings and to identify the social factors that affect this understanding. As a result of the analysis of the experimental material, it is concluded that “age” and “gender” are the significant social factors affecting the process of understanding borrowed words. People of the older age group better understand and more likely to use this word than students; men understand the word, better than women, and also use it more often. In addition, people of the older age group often try to define a word, when not knowing its meaning, which often leads to erroneous interpretations. Younger people prefer to refuse in this case. Education has a significant impact on the understanding of the word: no one from the people with secondary education gives correct answer.

**Keywords:** *borrowings, politics, understanding, meaning, Russian language, psycholinguistic experiment, social groups, factors.*

## References

1. Balashova Ye.A. *Fragmenty naivnoy kartiny mira russkikh i sloventsev po dannym obydennykh tolkovaniy* [Fragments of a naive picture of the worlds of Russians and Slovenes according to everyday interpretations of words. Thesis]. Perm, 2005. (In Russ.).
2. *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [The Big Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, St. Petersburg, 2000. 1452 p. (In Russ.).
3. Zagorovskaya O.V., Yesmayeel S.A. Ob inoyazchnykh zaimstvovaniyakh v politicheskoy leksike russkogo yazyka [On foreign borrowing in the political vocabulary of the Russian language]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'urnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2008, no. 3, pp. 74—82. (In Russ.).
4. Kostomarov V.G. *Yazykovoy vkus epokhi. Iz nablyudeniye nad rechevoy praktikoy mass-media* [Language taste of the era. From observations on the speech practice of the mass media]. St. Petersburg, 1999. (In Russ.).
5. Komlev N.G. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of foreign words]. Moscow, 2006. (In Russ.).
6. Kryuchkova T.B. *Osobennosti funktsionirovaniya i razvitiya obshchestvenno-politicheskoy leksiki i terminologii* [Features of functioning and development of social and political vocabulary and terminology] Moscow, 1989. (In Russ.).
7. Nizgulov T.S. *Gibridizatsiya yuridicheskikh ponyatiy v soznanii nositeley angliyskogo i russkogo yazykov: eksperimental'noye issledovaniye* [Hybridization of legal concepts in the minds of native speakers of English and Russian: experimental research. Thesis]. Perm, 2015. (In Russ.).
8. *Politicheskaya nauka: Slovar'-spravochnik* [Political science: Dictionary-reference]. Tambov, 2015. Available at: <http://glos.virmk.ru>, accessed 13.03.2018 (In Russ.).
9. Rakhmanov L.I., Suzdal'tseva V.N. *Sovremennyy russkiy yazyk* [The modern Russian language]. Moscow, 1997. (In Russ.).
10. Chudinov A.P. Rossiyskaya politicheskaya lingvistika: etapy stanovleniya i vedushchiye napravleniya [Russian political linguistics: stages of formation and leading directions]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'urnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2003, no. 1, pp. 17—29. (In Russ.).
11. Sheygal Ye.I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd, 2000. (In Russ.).

УДК 81-11+81'42  
ББК 81

## ФРАКТАЛЬНАЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ СОЗНАНИЯ КАК ОСНОВА КОММУНИКАЦИИ

*Л. О. Тимошенко*

*Башкирский государственный университет, Уфа, Россия*

Раскрывается фрактальная природа сознания человека как основа коммуникации, анализируются связи ключевых понятий статьи между собой в рамках общего направления работы. Прослеживаются взаимные семантические переходы понятий друг в друга в разных контекстах и синонимических связях. Автор статьи обращается не только к лингвистическим, но и к философским и психологическим терминам.

**Ключевые слова:** *фрактал, интенциональность, коммуникация, сознание, прайминг, «осевое время».*

*Считается, что в основе любого акта научного мышления лежит индивидуальное мышление ученого.*

**Е. О. Труфанова**

**(Человеческая субъективность в свете  
современных вызовов когнитивной науки  
и информационно-когнитивных технологий.  
Материалы круглого стола)**

Цель статьи: представить и проанализировать фрактальную природу сознания человека как основу любого вида коммуникации.

Задачи статьи: 1) представить понятия фрактала, интенциональности, интересубъективности в их связях, переходах и взаимозависимостях, 2) выразить условия реализуемой интенциональности, 3) проанализировать язык как диалог «Я» и «Другого».

Методы исследования: сравнительно-диалектический, метод ассоциативных связей, описательный.

Актуальность статьи заключается в злободневности проблемы выработки цельного, а не фрактального сознания в условиях многополярного мира. Проблема, рассматриваемая на стыке таких наук, как лингвистика, философия и психология, стимулирует новое научное видение типичной для современного человека проблемы фрактального сознания и требует индивидуального осмысления. Поиск точек соприкосновения разных дисциплин в свете общей задачи представляет собой спектр ракурсов исследования данного вопроса.

Новизна работы определяется многоаспектностью привлекаемых к рассмотрению данной проблемы наук, ассоциативными семантическими переходами понятий интенциональности, фрактальности, интересубъективности, прайминга и других, употребляемых в данной статье.

Изучение лингвистики в ее теоретических основах немислимо без привлечения филосо-

фии, и логики. Так, с подачи Ю. С. Степанова в лингвистику вошел термин «диффузность», или «недискретность системы языка» как принцип организации информации в языке [23]. Термин «диффузность» ассимилировался в лингвистике из физики, означая размытость и незаконченность. Это состояние можно применить к языку в трактовке философа М. М. Бахтина, то есть к толкованию языка как диалога, «открытой» системы реплик, как не только самовыражение, но и наличие собеседника (реального или мнимого) [4]. Диффузность языка можно понимать как вынужденность размытости, что характеризует практически любой диалог.

С темой диффузности тесно связана тема интенциональности, или модальности: неясность осознаваемого и выражаемого намерения приводит к размытости. Отсюда смешение модальных временных планов выражения — то ли действие происходит в настоящем, прошедшем или будущем, то ли оно вообще нереально или проблематично. Для выражения размытости интенциональности как неточной осмысленности введен в лингвистике термин «мир дискурса», отражающий любую модальность.

«Мир дискурса» как мир диалога, обозначающий любую модальность речи — действие происходит или не происходит в действительности, возможно или невозможно, потому что это не релевантно в отношении испытываемых субъектом эмоций к наличию объекта эмоций «здесь

и сейчас» или вообще, приводит нас к принципу изофункционализма систем А. Тьюринга. Как отмечает А. М. Олива, «существование и несуществование объекта безразлично для акта сознания: все, что нужно феноменологии, это существование интенционального, а не реального объекта» [17. С. 150—151].

Принцип изофункционализма как продолжение интенциональности систем является теоретической основой недискретности систем, синонимом к словам «диалог», «бесконечность», «континуальность». «Запускающая» функция языка как диалога, по М. М. Бахтину, является одной из основных его функций [4], поэтому здесь не обойти стороной понятий *интенциональности*, *субъективности*, *динамизма*, *атомарности* как сознания через призму эмоций. Мир в свете интенции становится осмысленным и предполагает диалог. Представляя мир в единстве противоположностей, в подтверждение теории истинности, разрабатываемой Р. И. Павилёнисом [18], Н. Д. Аругюновой [2] и др., рассмотрим семантическую цепочку «фрактальность сознания — диффузность», начав с определения понятия фрактала. Ассимилировавшись в лингвистике из математики, термин «фрактал» означает «сильно изрезанный геометрический объект, занимающий промежуточное положение между точкой и линией, между линией и плоскостью, плоскостью и геометрическим телом. Это нечто среднее между объектом с нулевой размерностью и одномерным объектом, одномерным и двумерным объектом или объектом двумерным и трехмерным. Фрактал обладает свойством самоподобия, то есть любой мелкий фрагмент, извлеченный из фрактала, подобен всему фракталу и обладает теми же свойствами» [11. С. 94].

Я. И. Свирский вводит понятие «фрактальный рост», отмечая стремление фрактала к незавершенности и бесконечности [22. С. 99]. Фрактал имеет междисциплинарный характер. Это отвечает функции языка как диалога, по М. М. Бахтину. Обратимся к трактовке интенциональности как динамизма, без которого невозможно любое общение. Понимая интенциональность как движение мысли и чувства, намерения, то есть интенции, отметим особую природу движения в ряду философских понятий. Еще Аристотель считал, что движение — это особое бытие, которое ни с чем нельзя сравнить: «Движение нельзя отнести ни к возможности сущего, ни к действительности сущего, так что ему только и остается быть осуществлением» [1. С. 26—27].

Интенциональность можно представить как атомарность намерения, его дискретность как

отдельность, стремящуюся к бесконечности. На лицо фрактальный характер интенциональности: будучи похож на ДНК, когда в одной клетке есть информация обо всем организме, фрактал — основа интенции. Переходя от одномерного объекта к двумерному, по образному определению выше, мы интенсифицируем намерение, уделяя ему больше времени — мысли, эмоции. Интенция разрастается, как дерево, в объект с большей мерностью. И здесь важна целостность интенции как стремление к Богу.

Понимая целостность интенции как осмысленность и продуманность, от изрезанного фрактала приходим к большей размерности и результативности, то есть к выходу семантики в прагматику языка.

Фрактальное сознание предполагает опосредованность через ментальный или физический уровень. Еще большая мерность той же интенции требует более сильной мотивации, обусловленной субъективными факторами. С точки зрения фатки, воспринимается только эмоционально окрашенная и осознанная информация, несущая личное отношение. «В языке выделяют только те признаки, которые наделены смысло-различительной функцией, опуская, после того, как они определены, те явления, которые представляют собой лишь варианты. Благодаря этому достигается большое упрощение и становится возможным обнаружить внутреннюю организацию и законы взаимодействия этих формальных элементов» [5. С. 36].

Выделение смысло-различительной функции языка, закрепление и сохранение отличий в значениях пересекается с теорией истинности значений, развиваемой Н. Д. Аругюновой, согласно которой именно различия в значениях и подходах к трактовке составляют ядро концепта и теорию истинности [2], тем не менее исповедующей Бога как целостность.

Философ К. Ясперс пишет об «осевом времени» — понятии, перекликающемся с универсалией диффузности, или континуальности, а в широком смысле — панкоммуникации, которое можно приложить к любому явлению, поставив, по Дж. Спенсеру-Брауну, знак различия (*mark of distinction*) на идеях коммуникантов. Акцент на знаке различия как способе связывания, а не разобщения коммуникантов является главным условием понимания. И здесь нельзя обойти стороной проблему интерпретации. Интерпретация знака или текста как диффузность, фрактальность и потенциальность определяется в своей многоплановости актуальностью и глубиной текста-источника. Интерпретация текста как разгадка

замысла автора в идеальном и более глубоком аспекте теории истинности вызывает, помимо этого, собственную интерпретацию проблемы реципиентом. В конечном итоге в этом цель коммуникационной информации. Стимул собственного творчества, углубленность в проблему изнутри, через свои ассоциации, идеи и ощущения с видением реципиента потенциально и ориентацией на собственные суждения — путь научного познания и условие заинтересованности собеседника. Язык существует и развивается благодаря внутреннему балансу, складывающемуся из разных концепций языка и тенденций его развития. Нам представляется, что баланс языковой системы поддерживается именно в силу ее диффузности как размытости значений, которую можно сравнить с облаком атмосферы, окутывающим землю, или с бампером, нейтрализующим удары, в автомобиле.

Что касается диффузности как универсалии, «теперь уже не поддаются так легко, как прежде, соблазну возвести особенности какого-либо языка или типа языков в универсальные свойства языка вообще. Это объясняется тем, что горизонты лингвистики раздвинулись» [5. С. 36].

Диффузность как неоформленная интенциональность тесно связана с понятием прайминга. Прайминг (от англ. *to prime* — предшествовать, управлять) в психологии, психолингвистике и когнитивной лингвистике понимается как процесс, в результате которого недавний опыт усиливает доступность тех или иных воспоминаний и повышает вероятность актуализации определенных качеств личности. «Прайминг, фиксирование установки (эффект предшествования) — это явление имплицитной памяти, при котором обработка воздействия заданного стимула определяется предшествующим действием того же самого или подобного стимула» [27]. Таким образом, прайминг предшествующей интенции определяет «мир дискурса» и дальнейшее языковое поведение субъекта, «переплавляясь» через обработку сознанием в прагматику.

На «оси времени» К. Ясперса в единой модальности интенциональность можно представить как направленность вперед, а прайминг — как направленность назад. Анализ понятий с учетом уже введенных в научный обиход реалий позволяет полнее их раскрыть и осознать. Единство понятий на «оси времени» показывает их преемственность и непрерывность. Добавим еще, что любой опыт на «оси времени» можно актуализировать воспоминанием или действием. Таким образом, прайминг становится модифицируемым и управляемым понятием, своего рода, приемом. Можно развивать свою личность с определенной ин-

тенциональностью путем прайминга, задавшись некоей целью. Прайминг как актуализация опыта сродни контекстуальному прояснению значений. Прайминг даже можно назвать узким контекстом, тесно связанным с антропоцентричностью, и выделяющим определенные черты личности — то есть определяющим языковое поведение человека. Акцент на выведении отношения между контекстуальным значением употребляемого слова и недавним опытом человека ставится на всей личности человека как языкового субъекта. Связь языкового поведения с характером человека задает и определяет контекст употребления лексемы и языковую ситуацию. Моделирование внешней ситуации общения, ее заданность принципом антропоцентричности, характером и поведением самого языкового субъекта — еще один ракурс исследований развития значения лексем. При фатическом общении коннотативный план коммуникативно-стилистического характера способен выступить как абсолютная ценность. Разброс коммуникативных ролей приобретает особое влияние в прояснении смысла высказывания, согласно мнению Н. Д. Арутюновой [2].

Размытость и диффузность смысла слова и высказывания как мощный источник моделирования значения проявляются в неоконченном назначении информативного речевого действия, имеющего служебное значение и способного быть замененным неречевым действием. Быть правильно понятым и услышанным — вот задача фатического общения. Фатическая речь, как насыщенная эмоциональным посылом, размыта по природе своей, как все чувства и эмоции. Еще Р. Якобсон писал о том, что «высказывание не может выполнять какую-либо одну функцию» [26].

Выделяя понятие интенциональности, философы говорят также и об экстенциональности, рассматривая их в семантической цепочке. Еще одной трактовкой интенциональности в данном случае будет направленность намерения на свой внутренний мир, своего рода интравертированность сознания — видение мира сквозь свое «внутреннее зрение», «внутреннее Я» или «самость», как пишут психологи, например А. Некрасов [16]. Это мир «с перспективы первого лица» — мир «от себя» и «для себя». Экстенциональность сознания — это нацеленность сознания на внешний мир, это «Я глазами “Другого”», мир «с перспективы третьего лица». Гармоничный диалог обеих перспектив способствует динамичному и здоровому развитию личности. Крайность впадения в одну из перспектив, а именно в экстенциональность, описана современным ученым, философом И. Ф. Михайловым за круглым столом философов

так: «Если мы говорим, что Я не существует, что есть только социальные отношения, которые меня формируют и в которых мы растворяемся, то мы теряем не только себя, но и Другого» [24. С. 19].

Мы живем во фрактальной действительности — на границе между порядком и хаосом, созидая порядок в себе и вокруг себя своими мыслями и действиями. Таким образом, фрактальной можно назвать саму личность человека, преобразующего своим мышлением хаос в космос, исходя, как из аксиомы, из стремления разума к порядку, к Богу. Но если социум представляет собой сообщество разумных личностей (фрактальных личностей), откуда же тогда берется хаос? Множество разумных фрактальных личностей, учитывая их эволюцию или просто рассматривая их диахронически в истории, давно бы должны были преобразовать в порядок окружающее пространство, не оставив нам как потомкам и поля для деятельности?

Нам представляется, что не все так просто во фрактальном сознании как отдельного человека, так и социума людей. Не говоря уже о социуме людей, имеющих разное представление о порядке в своем фрактальном сознании, даже отдельному человеку свойственно эволюционировать со временем и принимать за хаос то, что он когда-то считал космосом. Таким образом, человек как отдельная целостная субъективность уже сам по себе самодостаточен с точки зрения фрактального сознания, будучи помещен в окружающую среду, будь то природная или социальная.

Проводя параллель с предыдущими рассуждениями и терминологией философов, психологов и лингвистов, обратимся к понятию «знак различия» (*mark of distinction*), упоминавшемуся выше. Фрактальность представляется нам построенной на поиске знаков различия, которые являются в то же время и знаками связывания (как общая сторона, ребро объемной фигуры в пространстве). Переходность, общность, принадлежность двум мирам и диффузный характер знаков различия/связывания как принципа фрактальности — вот творческая основа для преобразования хаотичности окружения в космос и порядок, в богоискательство. Потенциальный характер фрактальности осмысливается как творческая основа деятельности только при субъективном рефлексировании о проблеме, ее эмоциональной расцветности, актуальной для исследователя. Ассоциативный терапевтический метод Джо Витале [8], заключающийся в движении, решении и преодолении негативных личных ассоциаций в себе самим индивидом, ассоциаций, возникающих в ответ на внешние раздражители и проблемы, представ-

ляется нам истинным в своей автономности. Задействуя «другого», «перспективу третьего лица» лишь как фон, опосредованно, интенциональный субъект двигается, разрешая в уме затруднения ассоциаций. Принцип инсайта, опирающийся скорее на внутреннее ощущение от происходящего, чем на внешний, экстенциональный фон, условия и окружение, отвечает более продуктивной субъективной модели сознания, о которой мы писали выше [Там же].

Социальную среду можно рассматривать как надстройку, усложнение, многомерность субъективности, но в силу природной ограниченности разового охвата реальности умом и чувством, как и охвата проблем индивидуального сознания, эта многократно (в зависимости от числа участвующих мыслящих людей) усиливающаяся сложность фрактала никак не может повлиять на индивидуальное сознание и затормозить его функционирование. Принцип последовательности восприятия сложной реальности отвечает работе фрактального сознания индивида. Парадоксом фрактального сознания в данном случае будет одновременная космичность и хаотичность мышления как индивида, так и, тем более, социума. Каждый человек имеет свое представление о порядке, космосе. И то, что одному кажется космосом как порядком, другому представляется хаосом. Отсюда извечность проблемы фрактала. Но значит ли это, что мы навсегда обречены на хаос в социуме как на непонимание друг друга? Конечно, есть точки соприкосновения индивидуального сознания в социуме, но и здесь парадоксом фрактальности будет необходимость труда индивидуального сознания для становления на точку зрения другого и поиск общих моментов, для совместного преобразования реальности в порядок, космос. Атомистичность, понимаемая как дискретность и индивидуальность, «заиграет красками» в отношениях, давая простор интерпретации.

В заключение можно сделать вывод о том, что акцент на фатическом как на эмоциональном переживании, интерпретации, в новом свете представляет проблему восприятия сознания. Интенциональность, понимаемая как движение мысли и эмоций, как диалог с «Другим», составляет особое состояние человека, о котором упоминал Аристотель, и служит основой коммуникации. Поиск баланса между внутренними эмоциями и интенциями и внешней социальной средой задает движение фрактального индивидуального сознания.

Обилие связанных с проблемой терминов свидетельствует о разработанности, актуальности

и перспективности, но не полной изученности проблемы фрактального сознания и его интенциональной основы. В условиях панкоммуникации всеобщность и актуальность идеи определяется степенью ее прочувствованности и актуальности для отдельной личности.

### Список литературы

1. Аристотель. Соч. : в 4 т. Т. 2 / Аристотель. — М., 1978.
2. Арутюнова, Н. Д. Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке / Н. Д. Арутюнова. — М., 1995.
3. Балл, Г. А. Психологические принципы современного гуманизма / Г. А. Балл // *Вопр. психологии.* — 2009. — № 6. — С. 3—13.
4. Бахтин, М. М. Работы 1920-х гг. / М. М. Бахтин. — Киев, 1994.
5. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. — М., 2002.
6. Боровских, А. В. Категория деятельности и деятельностные принципы в педагогике / А. В. Боровских, Н. Х. Розов // *Вопр. философии.* — 2012. — № 5. — С. 90—103.
7. Василюк, Ф. Е. Структура и специфика теории понимающей психотерапии / Ф. Е. Василюк // *Моск. психотерапевт. журн.* — 2008. — № 1. — С. 5—33.
8. Витале, Д. Жизнь без ограничений / Д. Витале. — М., 2008.
9. Методология психологии: проблемы и перспективы / В. П. Зинченко [и др.]. — М. ; СПб., 2011.
10. Иомдин, Б. Л. Многозначные слова в контексте и вне контекста / Б. Л. Иомдин // *Вопр. языкознания.* — 2014. — № 4.
11. Корчажкина, О. М. Фрактальная модель процесса познания / О. М. Корчажкина // *Вопр. философии.* — 2016. — № 5. — С. 94—103.
12. Кустова, Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. — М., 2004.
13. Лекторский, В. А. Рациональность как ценность культуры / В. А. Лекторский // *Вопр. философии.* — 2012. — № 5. — С. 26—35.
14. Малахов, В. С. Неудобства с идентичностью / В. С. Малахов // *Вопр. философии.* — 1998. — № 2. — С. 43—53.
15. Морен, Э. Метод. Природа природы / Э. Морен. — М., 2013.
16. Некрасов, А. Живые мысли. Таблетка на каждый день / А. Некрасов. — М., 2017.
17. Олива, А. М. Влияние идей феноменологии на понятие «дискурсивного взаимодействия» бахтинского диалогического кружка / А. М. Олива // *Вопр. философии.* — 2012. — № 1. — С. 144—161.
18. Павлиненис, Р. И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павлиненис. — М., 1983.
19. Розин, В. М. Обсуждение феномена трансдисциплинарности — событие новой научной революции / В. М. Розин // *Вопр. философии.* — 2016. — № 5. — С. 106—117.
20. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — СПб., 2008.
21. Сафина, З. М. Фрактальная структура пространства в лингвистике / З. М. Сафина // *Вестн. Башк. гос. ун-та. Сер.: Филология и искусствоведение.* — 2017. — Т. 22, № 4. — С. 1122—1126.
22. Свирский, Я. И. Самоорганизация смысла (Опыт синергетической онтологии) / Я. И. Свирский. — М., 2001.
23. Степанов, Ю. С. В трехмерном пространстве языка / Ю. С. Степанов — М., 1985.
24. Человеческая субъективность в свете современных вызовов когнитивной науки и информационно-когнитивных технологий. Материалы «круглого стола». Участники: В. А. Лекторский, Д. И. Дубровский, Д. В. Иванов, А. В. Катунин, И. Ф. Михайлов и др. // *Вопр. философии.* — 2016. — № 10. — С. 5—36.
25. Яголковский, С. Р. Системно-структурный подход и его использование в анализе мыслительной деятельности субъекта / С. Р. Яголковский // *Вопр. психологии.* — 2009. — № 6. — С. 43—52.
26. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон. — М., 1975.
27. URL: [http://www.wikipedia.org/wiki/фиксирование\\_установки](http://www.wikipedia.org/wiki/фиксирование_установки).

### Сведения об авторе

**Тимошенко Людмила Олеговна** — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов, Башкирский государственный университет. Уфа, Россия. timoshenkolo@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 191—197.*

## FRACTAL INTENTIONALITY OF CONSCIOUSNESS AS THE BASIS FOR COMMUNICATION

**L.O. Timoshenko**

*Bashkir State University, Ufa, Russia. timoshenkolo@mail.ru*

In the presented article the author divulges the fractal nature of human consciousness as the basis of intersubjectivity, analyzes the relations of key notions of the article mutually and in the framework of the general trend of the paper. The interchangeable semantic transitions of notions are investigated in different contexts and synonymic relations. The author of the article turns not only to linguistic, but also to philosophical and psychological methodological body of terms. The mathematical notion of fractal is in the line of philosophical- linguistic studies in diffusion and non-discretion of sense. The purport of communication is explored within the framework of the verity theory. The psychological notion of priming entered linguistics, and the author of the article projects it on “the time axis”, placing on it vectors of intentionality, fractality, priming and other key notions of semantics.

**Keywords:** *fractal, intentionality, communication, consciousness, priming, “axis time”.*

### References

1. Aristotel'. *Sochineniya v 4 t. T. 2* [Compositions in 4 vol. Vol. 2]. Moscow, 1978. (In Russ.).
2. Arutyunova N.D. *Logicheskiy analiz yazyka. Istina i istinnost' v kul'ture i yazyke* [Logical analysis of the language. The truth and verity in culture and language]. Moscow, 1995. (In Russ.).
3. Ball G.A. *Psyhologicheskiye printsypy sovremennogo gumanizma* [Psychological principles of modern humanism]. *Voprosy psyhologii* [The Issues of Psychology], 2009, no. 6, pp. 3—13. (In Russ.).
4. Bakhtin M.M. *Raboty 1920-kh godov* [Works of the 1920s]. Kiev, 1994. (In Russ.).
5. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow, 2002. (In Russ.).
6. Borovskikh A.V., Rozov N.Kh. *Kategoriya deyatelnosti i deyatelnostnye printsypy v pedagogike* [The category of activity and activity principles in pedagogy]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 2012, no. 5, pp. 90—103. (In Russ.).
7. Vasilyuk F.Ye. *Struktura i spetsifika teorii ponimayushchey psyhoterapii* [The structure and specifics of the understanding psychotherapy]. *Moskovskiy psyhoterapevticheskiy zhurnal* [Moscow Psychotherapeutic Journal], 2008, no. 1, pp. 5—33. (In Russ.).
8. Vitale D. *Zhizn' bez ogranicheniy* [Life without limitations]. Moscow, 2010. (In Russ.).
9. Zinchenko V.P., Vasilyuk F.Ye., Meshcheryakov B.G., Petrovskiy V.A., Pruzhinin B.I., Shchedrina T.G. *Metodologiya psyhologii: problemy i perspektivy* [The methodology of psychology: problems and prospects]. Moscow, St. Petersburg, 2011. (In Russ.).
10. Iomdin B.L. *Mnogoznachnye slova v kontekste i vne konteksta* [Polysemantic words in the context and out of the context]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues of Linguistics], 2014, no. 4, pp. 87—103. (In Russ.).
11. Korchazhkina O.M. *Fraktal'naya model' protsessa poznaniya* [Fractal model of conceiving process]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 2016, no. 5, pp. 94—103. (In Russ.).
12. Kustova G.I. *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derivative meanings and mechanisms of language broadening]. Moscow, 2004. (In Russ.).
13. Lektorskiy V.A. *Ratsional'nost' kak tsennost' kul'tury* [Rationality as the value of culture]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 2012, no. 5, pp. 26—35. (In Russ.).
14. Malakhov V.S. *Neudobstva s identichnost'yu* [Inconveniences with identity]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 1998, no. 2, pp. 43—53. (In Russ.).
15. Moren E. *Metod. Priroda prirody* [Method. The nature of nature]. Moscow, 2013. (In Russ.).
16. Nekrasov A.A. *Zhivye mysli. Tabletki na kazhdy den'* [Live thoughts. An everyday pill]. Moscow, 2017. (In Russ.).

17. Olive A.M. Vliyaniye idey fenomenologii na ponyatiye “diskursivnogo vzaimodeistviya” bakhtinskogo dialogicheskogo kruzha [The influence of phenomenology ideas on the notion of “discursive interaction” of Bakhtin’s dialogical circle]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 2012, no. 1, pp. 144—161. (In Russ.).
18. Pavilyonis R.I. *Problema smysla. Sovremennyy logiko-filosofskiy analiz yazyka* [The problem of sense. Modern logic-philosophical analysis of the language]. Moscow, 1983. (In Russ.).
19. Rozin V.M. Obsuzhdeniye fenomena transdistsiplinarnosti — sobytiye novoy nauchnoy revolyutsii [The discussion on the phenomenon of transdiscipline character is an event in scientific revolution]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 2016, no. 5, pp. 106—117. (In Russ.).
20. Rubinshtein S.L. *Osnovy obshchey psikhologii* [The basics of general psychology]. St. Petersburg, 2008. (In Russ.).
21. Safina Z.M. Fraktal’naya struktura prostranstva v lingvistike [Fractal structure of space in linguistics]. *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya i iskusstvovedeniye* [Bulletin of Bashkir State University. Series: Philology and Art Criticism], 2017, vol. 22, no. 4, pp. 1122—1126.
22. Svirskyy Ya.I. *Samoorganizatsiya smysla (Opyt sinergeticheskoy ontologii)* [Self-organization of the sense. The experience of synergetic ontology]. Moscow, 2001. (In Russ.).
23. Stepanov Yu.S. *V trekhmernom prostranstve yazyka* [In the three-dimensional space of the language]. Moscow, 1985. (In Russ.).
24. Chelovecheskaya sub’ektivnost’ v svete sovremennykh vyzovov kognitivnoy nauki i informatsionno-kognitivnykh tekhnologiy. Materialy “kruglogo stola”. Uchastniki: V.A. Lektorsky, D.I. Dubrovsky, D.V. Ivanov, A.V. Katunin, I.F. Mikhaylov [Human subjectivity in the light of modern challenges of cognitive science and information-cognitive technologies. Materials of the “round table”. Participants: V.A. Lecture, D.I. Dubrovsky, D.V. Ivanov, A.V. Katunin, I.F. Mikhailov, etc.]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 2016, no. 10, pp. 5—36. (In Russ.).
25. Yagolkovsky S.R. Sistemno-strukturnyy podkhod i yego ispol’zovaniye v analize myslitel’noy deyatel’nosti sub’ekta. *Voprosy psikhologii* [Issues of Psychology], 2009, no. 6, pp. 43—52. (In Russ.).
26. Yakobson R. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and poetics]. Moscow, 1975. (In Russ.).
27. URL: [http://www.wikipedia.org/wiki/фиксирование\\_установки](http://www.wikipedia.org/wiki/фиксирование_установки), accessed 16.04.2018. (In Russ.).

УДК 81.1751  
ББК 81.2

## О СПЕЦИФИКЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ И ЛЕКСИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Э. Р. Хасанов

*Джизакский государственный педагогический институт имени А. Кадыри, Джизак, Узбекистан*

Статья посвящена вопросам семантической и лексической деривации, то есть в широком смысле — процессу образования новых слов. Осуществляются данные процессы по строгим правилам с помощью имеющихся в языке формальных средств, так называемых формантов. Принцип деривации в языке не является самостоятельным, и диалектически его следует сопоставлять с принципом актуализации уже готовых языковых единиц.

**Ключевые слова:** лексическая деривация, семантическая деривация, слово, контаминация, интродукция, номинация, словообразование, компрессия, транспозиция, формант.

*Деривация* (аффиксальное словообразование) (англ. derivation) — образование новых слов при помощи аффиксов (или посредством деаффиксации) согласно словообразовательным моделям, свойственным данному языку [2. С. 130].

Деривация — категория онтологическая и гносеологическая одновременно. О деривационной сущности языка упоминалось еще в грамматиках Панини и Пор-Рояля. Этот факт позволяет нам говорить о том, что интерес к изменению значения того или иного слова исследователи проявляли задолго до появления самого термина «деривация». В современной лингвистике под деривацией понимается процесс образования слов, их новых значений, предложений, грамматических форм слова, то есть всех возможных единиц, начиная с фонемы и заканчивая текстом.

Все это дает нам основание говорить об универсальности принципа деривации, охватывающего разные пласты лингвистического объекта, что, в свою очередь, повышает объяснительный потенциал принципа деривации, как гносеологической категории и позволяет считать его основой для общей дериватологии или деривационной грамматики [10. С. 41].

Проблемы деривации остаются в центре внимания современных лингвистических исследований. Что касается семантических деривационных процессов, то по сути они являются постсемантическими процессами, иначе говоря преобразовывают уже имеющееся денотативное содержание лексических единиц. Преобразование заключается в семантической интерпретации денотата, в особом способе его языкового представления в поверхностной структуре предложения, где он получает вторичное выражение. Когда мы, видя

перед собой ворону, называем ее птицей, или летчика — соколом, мы пользуемся вторичными выражениями. Эти выражения являются результатом семантической деривации. В отличие от соответствующих первичных вторичные выражения несут некоторый дополнительный смысл, связанный не с символизацией обозначаемого объекта, а с отношением к нему говорящего, с той или иной его оценкой. Иначе говоря, результатом семантической деривации является не только преобразование формы языкового выражения, но и семантическое приращение прагматического характера.

Мы выделяем три основных типа семантической деривации: смещение, метонимию и метафоризацию. Каждый из них имеет аналог в типах семантической деривации.

Смещение можно назвать семантической конверсией. Подобно конверсии оно сводится к синтаксическому переоформлению семантических компонентов предложения. Однако если конверсия имеет своим оператором формальный показатель, выраженный в предикате или оппозицией предикатов, то смещение — чисто семантический оператор — противоречие между формой и содержанием семантического компонента. Так, в пушкинской строке «*Супруг тебе простер торжественную руку*» (А. С. Пушкин) определение лишь по форме является определением, а по содержанию относится к глаголу, то есть служит обстоятельством. Ср.: *Супруг торжественно простер руку*.

Метонимизация есть процесс, аналогичный компрессии. В результате компрессии устраняются компоненты, семантика которых является чисто грамматической или целиком выражается другим предложением текста. Например: *У него было два сына. Один работал инженером*. Но

устраняться могут и компоненты, не выраженные в другом месте текста и вместе с тем обладающие не чисто грамматической семантикой. Тогда мы и говорим о метонимии. Так, в результате метонимизации предложения *Состоялось заседание кафедры* получим *Состоялась кафедра*, где конкретное существительное *кафедра* вбирает в себя смысл действия *заседание* и, не переставая быть конкретным, становится абстрактным. Такое противоречие и служит своеобразным показателем метонимии, ее оператором.

Метонимизация теснейшим образом связана со смещением. При метонимизации устраняется независимый компонент, что влечет за собой соответствующую перестройку предложения. Чтобы предложение оставалось правильным, сохранившийся зависимый компонент «перемещается» в позицию компрессированного и, следовательно, «переодевается» в его грамматическую одежду.

В основе метафоры лежит контаминация двух предложений. Особенность метафоризации определяется типом оператора: используется оператор сравнения, получающий в результирующем предложении семантическое выражение. Рассмотрим контаминацию предложений: *Облака передвигаются по небу. Люди гоняются друг за другом.* Их контаминация с помощью союза как будто дает сложноподчиненное предложение: *Облака передвигаются по небу, как будто люди гоняются друг за другом.* Преобразование такого предложения в простое есть механизм образования метафоры. Он предполагает: 1) совмещение синтаксически тождественных компонентов: (облака — люди, передвигаются — гоняются); 2) устранение лишних компонентов: из двух предикатов остается тот, который семантически богаче. *Гоняются* занимает место *передвигаются*, поскольку *гоняются* включает сему передвижения. Выбор субъекта диктуется связным текстом: так как речь идет об облаках, устраняется *люди*. Оператор также компенсируется. В результате мы имеем: *Облака гоняются друг за другом по небу.*

Метафора предикативна по природе. Поэтому в центре ее находится глагол. Этому, казалось бы, противоречат некоторые факты. Так, носителем метафоры может быть определение, например выделенное прилагательное в предложении: *В углу стояло пузатое ореховое бюро.* Однако определение есть не что иное, как вторичный предикат. Метафора может занимать даже позицию подлежащего, но и в таком случае она деривационно восходит к предикату. Например, предложение: *Этот медведь опять отдал мне ногу!* Если *медведь* здесь метафора, то в памяти участников коммуникации должен сохраниться деривацион-

ный акт приписывания качеств медведя носителю данного действия. Следовательно, в основе приведенного предложения лежит утверждение типа «*Этот человек как медведь*», а его подлежащее — вторичный предикат. Предикативность метафоры, вне зависимости от ее синтаксической формы, обычно обнаруживается в тексте. Ср.: *Горы плавными волнами уходили к юго-западу. Волны, сначала темно-зеленые, вдали окутывались синевой. Волны, сначала темно-зеленые, вдали окутывали синевой.*

Метафоризация — сложнейший когнитивный процесс. Опираясь на контаминацию, он включает в себя не только компрессию, но и конверсию. Например, метафоричность предложения *Он мучился в пламени сомнения* связана с конверсией конструкции. *Сомнения как* (похожи на, напоминают) *пламя*, откуда *пламя сомнений*.

Компактность и необычность обозначения объекта и выражения мысли — вот парадигматические особенности воздействия на декодирующего, которых добивается кодирующий путем использования семантической деривации.

Не остаются без внимания и вопросы, связанные с лексической деривацией, которой подвержена основная единица языка — слово. Слово существенно отличается от предложения в системе языковых механизмов. Если предложение по преимуществу производится, то есть каждый раз создается заново (и к этому сводится его жизнь в языке), то слово в основном воспроизводится в речевой деятельности, хотя каждый раз своеобразно, неповторимо, то есть используется как готовая единица, хранящаяся в памяти. Отсюда, казалось бы, следует вывод, что предложение — единица динамическая (речевая), а слово — единица статическая (языковая).

В действительности же слово также динамическая единица, сущность которой состоит в ее непрерывном функционировании, постоянном видоизменении, обновлении. Однако слово функционирует не так, как предложение. Предложение — компонент текста. Более того, как в капле воды заключены свойства воды вообще (капля — та же вода), так и в предложении — все свойства текста. Предложение есть тот же текст. Иное дело — слово. Оно не имеет свойств текста, хотя в конечном счете текст «составляется» из слов. В этом отношении слова подобны химическим элементам вещества: водород и кислород «составляют» воду, но не обладают ее свойствами.

Чем же характеризуется слово как динамическая единица? Оно противоречиво. С одной стороны, слово — неотъемлемая часть текста, так как текст «строится» из слов, как здание из кирпичей.

С другой стороны, слово не принадлежит тексту, поскольку оно связано сейчас и может быть связано в будущем с определенным множеством текстов. Таким образом, слово принадлежит данному тексту и вместе с тем не принадлежит ему. Этим противоречием и объясняются многие динамические свойства слова. Действительно, слово и конкретно, и абстрактно в одно и то же время. Как элемент текста, это предельно конкретно (в той степени, в которой конкретен данный текст), связано со всеми другими словами текста, которые так или иначе уточняют, ограничивают его значение, делают его метой данного денотата. Но поскольку слово употреблялось в других текстах, где оно выполняло функцию меты, оно связывает данный текст с другими текстами, то есть выражает то общее, что объединяет эти тексты, и потому по необходимости абстрактно.

Слово выражает данную мысль, «разлитую» в данном тексте, и вместе с тем, будучи связанным с огромным числом других мыслей, «разлитых» в тех текстах, в которых оно употреблялось, оно не выражает данной мысли, а лишь намекает на нее. Слово — представитель текста в целом, и поэтому в нем сконцентрировано все содержание текста. Но текст не сводится к слову, оно занимает в нем ограниченное место и является представителем только предложения или даже словосочетания, а значит, содержание слова ограничено содержанием предложения или словосочетания. Можно было бы отметить и другие противоречивые свойства слова, но все они так или иначе есть отражение основного противоречия между его текстовой и внетекстовой природой.

Свойства слова вообще, то есть любого и каждого слова, по-разному проявляются в тех или других классах слов. Очевидно противопоставление по определенным свойствам знаменательных и служебных слов, узуальных и окказиональных слов, лексических и синтаксических дериватов.

Все сказанное помогает нам разобраться в сущности сложнейшего механизма лексической деривации.

Термин «лексическая деривация» может использоваться в широком и узком смысле. В широком смысле лексическая деривация обозначает образование любого слова вне зависимости от того, в какой форме протекает этот процесс. Но образовываться слово может с помощью самых разных механизмов. Возможны аналогия — калькирование с иностранного образца (например, на+реч+ие как *adverbum*), переосмысление слова путем метафоризации или метонимизации (семантическая деривация), слияние самостоятельных слов в одно (так называемый морфолого-синтак-

сический способ словообразования [1. С. 27], компрессия (столовая комната — столовая), образование слова с помощью специальных операторов — формантов.

В узком смысле лексическая деривация — это определенный механизм образования слова. Она осуществляется по строгим правилам с помощью имеющихся в языке формальных средств, так называемых формантов. Собственно словообразование, как обычно употребляется этот термин в русских грамматиках, и есть лексическая деривация в узком смысле слова. Продуктом ее является формально производное слово.

Механизм образования производного слова может быть передан общей формулой деривационного шага:  $A + B = C(AB)$ , где  $A$  и  $B$  — слова,  $C$  — формант, выполнявший роль оператора деривации. Например, *петь* + *ние* = *пение*, *дерево* + *янн* = *деревянный*, *производство* + *енный* = *производственный* и т. п. Словообразование обычно сводят к отношениям между производным и производящим словом. В таком случае решаются две основные проблемы: проблема словообразовательного типа, под которым понимаются отношения между производным и производящим словами, и проблема словообразовательного гнезда, под которым понимаются отношения между последовательностью деривационных шагов. В сущности, речь идет либо о парадигматике словообразовательных отношений (словообразовательный тип), либо о синтагматике (словообразовательное гнездо). Однако в обоих случаях исследуется статика языка, хотя исследуемый материал по природе своей динамичен.

Динамический подход к словообразованию требует изучения не просто текста, а текста в процессе его образования. Это значит, что словообразование нужно рассматривать в коммуникативном аспекте, как некоторый момент языковой коммуникации. Необходимо определить место лексической деривации в общей динамической системе языка, в частности, в системе деривационных механизмов. С этой точки зрения лексическая деривация, как это ни парадоксально, есть синтаксический процесс, то есть процесс, непосредственно связанный с образованием предложения в тексте.

Конечно, нельзя полностью исключить возможность образования слова от слова. Например, ученый, решающий задачу, как назвать открытое им явление, может сознательно поставить перед собой цель образовать новое слово по образцу известных ему слов. Таково калькирование в чистом виде в области научной и технической терминологии. Однако в большинстве случаев говорящие

образуют слова отнюдь не с целью назвать какое-то новое явление. Лексическая деривация, как и любой другой тип деривации, в конечном счете удовлетворяет потребность в построении текста. Текст, как известно, должен быть связанным и вместе с тем компактным. Слово, образуемое при создании текста, выполняет одновременно обе функции — обеспечивает связанность и компактность текста. Как это происходит?

Очевидно, слово служит номинацией, обозначением некоторого денотата или понятия. Между тем номинация на поверхностном уровне текста отнюдь не сводится к слову. Она может быть выражена в самых различных единицах, начиная с морфемы или служебного слова и кончая целым текстом.

Рассматривая слово в динамическом аспекте, то есть в процессе его образования, мы должны подчеркнуть, что оно является вторичной номинацией. Иначе говоря, производному слову должна предшествовать некоторая другая номинация. Именно преобразование последней порождает производное слово. Что представляет собой предшествующая номинация и как она отображается в производном слове? К решению этого вопроса сводится суть проблемы лексической деривации.

Предшествующая номинация — развернутая номинация, и ее преобразование в слово, то есть компактную номинацию, можно расценивать как процесс компрессии. А компрессии подвергается тематическая часть предложения, то есть та, которая соответствует интродуктивному предложению в терминах контаминации. Исходя из особенностей собственно синтаксической деривации, можно более содержательно охарактеризовать лексическую деривацию, как формальное словообразование.

Предшествующая номинация, как совершенно очевидно, организована структурно, то есть она членима, причем ее части находятся в определенном отношении друг к другу. Поскольку эта номинация — по форме предложение, в ней выделяются тематическая и рематическая части. С точки зрения теории номинации обе части могут соответственно квалифицироваться как объект (тема) и его предикат (рема) или класс объектов и его признак.

В структуре производного слова можно обнаружить аналогичные компоненты. В самом деле, слово сеятель имеет две части: *-тель* — отождествляющий компонент, компонент класса деятелей, и *сея* — дифференцирующий компонент, дающий возможность выделить из класса деятелей вообще именно тех, кто сеет, а не тех, что читает, возра-

жает и т. п. В большинстве производных слов мы наблюдаем именно такое соответствие.

Рассмотрим текст: *Он делал куклы. Кукольника любили дети.* Второе предложение — результат контаминации. Его тему составляет производное слово «кукольник», которое расчлняется на *кукол* и *ник*. Первое же предложение — интродуктивное по отношению ко второму — содержит семантически идентичные компоненты. *Он делал + куклы.* С большой вероятностью можно предполагать, что говорящий, образуя слово *кукольник*, проделал следующие операции: 1) поставил тему предшествующего предложения *Он делал* в соответствие суффиксу *-ник*, рему *куклы* — в соответствии основе *кукол*; 2) образовал новое единство на другом, лексическом уровне, в чем-то аналогичном темо-рематическому единству на синтаксическом уровне. К этим двум операциям и сводится в данном случае лексическая деривация.

Разумеется, процесс словообразования выражается на поверхностном уровне текста отнюдь не всегда прямо и непосредственно. Но важно, что когда производное слово действительно образуется в речевой деятельности говорящего, а не используется как готовая, извлеченная из памяти единица, то в предшествующей части текста мы обычно находим компоненты, соответствующие компонентам образуемого слова.

Полагать, что словообразование в целом может быть сведено к компрессии, нельзя. Существует еще одна причина лексической деривации, не связанная с потребностью компрессирования текста. Это причина чисто формальная, чисто лингвистическая. Мы называем ее давлением синтаксической системы языка. Проанализируем пример: *Он великолепно пел. Его великолепное пение потрясло публику.* Факт образования слова здесь налицо. Но компрессия явно отсутствует. Предшествующее предложение *Он великолепно пел* трансформируется в словосочетание его *великолепное пение*, в связи с чем происходит словообразовательная перестройка данного предложения. Очевидно, словообразование в данном случае служит морфолого-синтаксическим целям.

Таким образом, лексическая деривация — сложный процесс. Он включает, с одной стороны, компрессию, с другой — простую транспозицию одних частей речи в другие. Лексическая деривация обслуживает процессы образования предложений (контаминацию). Она представляет собой способ преобразования одного из исходных слов для контаминации в структуре предложения (интродукция).

### Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. — М., 1974.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. — М., 1969.
3. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. / И. А. Бодуэн де Куртенэ. — М., 1963.
4. Голев, Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации / Н. Д. Голев. — Томск, 1989.
5. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. — М., 2000.
6. Кудрявцева, Л. А. Моделирование динамики словарного состава языка / Л. А. Кудрявцева. — Киев, 1993.
7. Курилович, Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая. Очерки по лингвистике / Е. Курилович. — М., 1959.
8. Мурзин, Л. Н. Деривация в синхронном и диахронном аспектах / Л. Н. Мурзин // Деривация и история языка. — Пермь, 1987.
9. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. — Л., 1974.
10. Шкуропацкая, М. Г. Деривационная системность лексики (на материале русского языка): дис. ... д-ра филол. наук / М. Г. Шкуропацкая. — Кемерово, 2004.

### Сведения об авторе

**Хасанов Эльдар Ринатович** — преподаватель, Джизакский государственный педагогический институт им. А. Кадыри. Джизак, Узбекистан; самостоятельный исследователь, Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека. Ташкент, Узбекистан. k\_studentu@mail.ru

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 198—203.*

## ABOUT THE SPECIFICITY OF LEXICAL DERIVATION IN CONTEMPORARY RUSSIAN LANGUAGE

*E.R. Khasanov*

*Jizzakh State Pedagogical Institute named after A. Kadir, Jizzakh, Uzbekistan. k\_studentu@mail.ru*

The article is devoted to the problems of lexical derivation, i.e. in the broad sense — the process of the formation of new words. This process is carried out under strict rules with the help of the formal means available in the language, the so-called formants. In general, lexical derivation on one hand is compression, on the other — a simple transposition of some parts of speech into others. Lexical derivation serves the processes of proposal formation (contamination). It is a way of transforming one of the original words for contamination in the structure of a sentence (introductions).

**Keywords:** *lexical derivation, semantic derivation, word, contamination, introduction, nomination, word formation, compression, transposition, formant.*

### References

1. Апресян Ю.Д. *Leksicheskaya semantika* [Lexical semantics]. Moscow, 1974. (In Russ.).
2. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, 1969. (In Russ.).
3. Baudouin de Courtene I.A. *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu v 3 t.* [The chosen works on general linguistics in 3 vol.]. Moscow, 1963. (In Russ.).
4. Golev N.D. *Dinamicheskiy aspekt leksicheskoy motivatsii* [Dynamic aspect of lexical motivation]. Tomsk, 1989. (In Russ.).
5. Humboldt V. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [The chosen works on linguistics]. Moscow, 2000. (In Russ.).
6. Kudryavtseva L.A. *Modelirovaniye dinamiki slovarnogo sostava yazyka* [Modeling of dynamics of dictionary structure of language]. Kiev, 1993. (In Russ.).
7. Kurilovich Ye. *Derivatsiya leksicheskaya i derivatsiya sintaksicheskaya. Ocherki po lingvistike* [Deriva-

tion lexical and derivation syntactic. Sketches on linguistics]. Moscow, 1959. (In Russ.).

8. Murzin L.N. Derivatsiya v sinkhronnom i diakhronnom aspektakh [A derivation in synchronous and diachronous aspects]. *Derivatsiya i istoriya yazyka* [The Derivation and history of language]. Perm, 1987. (In Russ.).

9. Shcherba L.V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad, 1974. (In Russ.).

10. Shkuropatskaya M.G. *Derivatsionnaya sistemnost' leksiki (na materiale russkogo yazyka)* [Derivational systemacity of lexicon (on Russian language material). Thesis]. Kemerovo, 2004. (In Russ.).

УДК 821.161.1[Некрасов+Современник]  
ББК 83.3(2Рус)

## РЕДАКТОРСКАЯ СТРАТЕГИЯ Н. А. НЕКРАСОВА КОНЦА 1840-х гг. (ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ С ПРОБЛЕМНЫМИ ТЕКСТАМИ)

*Е. И. Чумаченко*

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия*

Рассмотрены требования, которые предъявляла редакция журнала «Современник» конца 1840-х гг. к текстам для журнала. На примере текстов С. И. Астракова, Н. А. Мельгунова и Н. Г. Фролова проанализировано, как редакторы «Современника» работали с неподходящими, по их мнению, текстами. Выявлены причины, по которым такие материалы появлялись в журнале.

**Ключевые слова:** «Современник», редакция журнала, редакторская стратегия, статья, рецензия, фельетон, Н. А. Некрасов, В. Г. Белинский, Т. Н. Грановский, С. И. Астраков, Н. А. Мельгунов, Н. Г. Фролов.

В 1847 г. новая редакция журнала «Современник» во главе с Н. А. Некрасовым столкнулась с рядом трудностей, в том числе с проблемой заполнить журнал: часть текстов невозможно было опубликовать из-за цензурных изъятий и запретов; кроме того, накладывала отпечаток специфика работы в журнале московских авторов, на исключительное сотрудничество которых поначалу рассчитывали редакторы (см., напр.: [2. С. 418—419]). Получилось, что «москвичи» давали тексты и в «Современник», и в «Отечественные записки», — такая ситуация была опасна поддержкой конкурента А. А. Краевского и одновременно уменьшала объем текстов, которые мог бы получать «Современник» [4. С. 93—110]. Все это сказывалось на заполнении журнала, иногда приводило к нехватке материалов. И Некрасову приходилось печатать тексты литераторов, часть из которых не понимала особенностей журнального формата. Мы анализируем рецензии и статьи трех таких авторов (С. И. Астракова, Н. А. Мельгунова и Н. Г. Фролова), чье сотрудничество в «Современнике» ранее не становилось предметом специального исследования. На примере взаимодействия редакции с этими авторами удобно рассмотреть принципы работы редакции «Современника» с проблемными текстами.

Обсуждаемые нами тексты появлялись в отделах «Науки и художества», «Критика и библиография» и «Смесь». Проблему состава этих отделов и эпизод с помещением статей Фролова и постепенным прекращением сотрудничества в журнале Мельгунова обсуждал В. Е. Евгеньев-Максимов [4], однако он рассматривал в основном тематику отделов, не уделял внимания требованиям, предъявляемым редакцией «Современника» к текстам.

Мы рассмотрим аспект, не привлекавший внимание исследователей: какие требования предъявляла редакция к текстам и как редакторы журнала (в основном Некрасов и В. Г. Белинский) справлялись с возникавшими трудностями (необходимостью публиковать неудачные, по их мнению, материалы).

Первый случай касается незначительного превышения формата рецензий, написанных математиком Астраковым и опубликованных в отделе «Критика и библиография». Астраков, друг А. И. Герцена и Н. П. Огарева, был привлечен к работе в «Современнике» учеником ключевого сотрудника журнала Т. Н. Грановского И. К. Бабстом<sup>1</sup>.

Рецензии самого Бабста на книги исторической тематики и учебные пособия по разным языкам Некрасов не критиковал: они были лаконичны, интересно написаны, автор присылал их вовремя. Получая тексты Астракова, Некрасов сталкивается с тем, что новый автор не совсем понимает формат статей «нелитературной» тематики: превышает нужный объем. Об этом Некрасов пишет Бабсту 6 апреля 1848 г.: «Статьи его хороши, но на будущее время потрудитесь тонко заметить ему, что статьи о специальных книгах не всегда могут быть так длинны (для литературного журнала), как его статьи о климате Москвы и о Перевощикове, чему доказательством могут служить <...> другие статьи по специальным предметам, писанные у нас другими авторами. Но это в скобках» [9. С. 108].

<sup>1</sup> В письме от 9 марта 1848 г. Некрасов благодарил Бабста «за трудолюбие в прошлом месяце и за статью г. Астракова» [9. С. 106], а в апреле этого же года благодарил «за прихождение Астракова к работе» [Там же. С. 108].

Упомянутые Некрасовым тексты Астракова занимают 11—12 журнальных страниц<sup>1</sup>. Сравнительно объем рецензий Астракова с текстами других рецензентов в «Современнике» на книги «неспециальной» тематики, мы видим, что в основном такого рода тексты занимают 1—2—5 страниц «Современника» (для сравнения скажем, что в «Отечественных записках» и «Библиотеке для чтения» за январь — апрель 1848 г. рецензии на «неспециальные» темы занимают в среднем по 1—2 страницы), но за 1847—1848 гг. в «Современнике» встречаются и «длинные» рецензии (больше 10 страниц журнала).

К еще одной рецензии Астракова, занимавшей 3 журнальные страницы, Некрасов не придирается<sup>2</sup>, из чего мы можем сделать вывод, что в остальном материалы, присылаемые Астраковым, редакторов в целом устраивали, несмотря на то что были ориентированы скорее на узкую аудиторию специалистов, чем на массового читателя. В рецензии на книгу ученого и популяризатора науки М. Ф. Спасского, по которой последний защитил докторскую диссертацию в Московском университете («О климате Москвы...»), Астраков подробно и обстоятельно (даже слишком) разбирает тему и предмет работы Спасского, описывает споры вокруг заглавия этого труда и его соотношения с содержанием, оговаривает структуру работы. Рецензия на книгу «Предварительный курс астрономии» популяризатора науки, преподавателя Московского университета Д. М. Перевощикова знакомит читателя с целями астрономических наблюдений, способами определения положения небесных тел и т. д.; Астраков подробно рассматривает книгу (критикует Перевощикова за недостаточно подробное описание астрономического оборудования, отсутствие ссылок на некоторые исследования и за неудобное изложение материала, сравнивает с предыдущим изданием этого же труда).

Рассматривая ситуацию с текстами, которые присылал Астраков, мы можем выявить основное требование, которое редакторы предъявляли к помещаемым в журнале рецензиям на книги не-

беллетристического характера: небольшой объем. Добавим, что еще одним весьма желательным свойством таких рецензий было увлекательное изложение материала. Рассмотренные нами тексты Астракова не вызвали проблем у редакторов. Следующие два случая, о которых пойдет речь, были, с точки зрения редакции, неудачными и потребовали принципиальных решений.

Тексты Мельгунова, которые хвалил Герцен, читающий за границей «Современник», вызвали неудовольствие и затруднения у редакторов. Герцен писал 10—12 июня (29—31 мая) 1847 г.: «С особенным удовольствием мы здесь читаем в “Соврем[еннике]” статьи Мельгунова — их очень живой предмет и стремление перенести в печать творящееся около очень хорошо» [3. С. 28—29]. Однако взгляд снаружи не совпадал со взглядом редакторов. В письме В. П. Боткину Белинский обсуждает «московский фельетон» Мельгунова. Если рецензии Астракова немного превышают объем, то статья Мельгунова (от которого ожидали фельетон) была уже гораздо больше и написана в духе диссертации, на что сетует Белинский: «Дело идет о... Мельгунове. Бог послал нам в нем сотрудника... чересчур деятельного и плодovitого. Это с одной стороны хорошо, а с другой вовсе не хорошо. ... Вот пример: вызвался М[ельгунов] писать нам московский фельетон. Получаем: святители! что это! тяжело, скучно! Но на безлюдье и Фома дворянин, на безрыбье и рак рыба... Но вот беда: фельетон снабжен введением, которое вдвое длиннее его и пахнет диссертацией» [2. С. 353—354].

Действительно, в тексте Мельгунова цитаты можно было сократить и заменить пересказом, видно, что Мельгунов не справляется с объемом жанра фельетона и с его структурой. Например, пишет про юбилейный 1847 г. (700-летие Москвы), но при этом начинает очень издали: описывает «ученый спор» о возникновении города и в его рамках спор, связанный с легендами о возникновении Москвы. Фактически Мельгунов делает обзор литературы и истории вопроса, и этот фрагмент текста действительно напоминает введение в диссертацию. Само празднование, описание которого было наиболее интересно читателю, Мельгунов дает очень кратко (перечисляет иллюминированные здания, одно из которых — Московский университет). После этого Мельгунов сразу переходит к самому Московскому университету, пишет о сословном составе студентов, публичных курсах университетских профессоров. Такой выбор материала мог уводить от задачи увлечь и развлечь читателя (как мы помним, предполагалось, что Мельгунов напишет фельетон).

<sup>1</sup> [Астраков С. И.] Предварительный курс астрономии Д. Перевощикова. Изд. второе, испр. М., 1847 // Современник. 1848. № 3. Отд. III. С. 91—104; [Астраков С. И.] О климате Москвы. Критическое исследование М. Спасского. М., 1847 // Современник. 1848. № 4. Отд. III. С. 134—145. [См.: 9. С. 290].

<sup>2</sup> [Астраков С. И.] Теория равновесия тел, погруженных в жидкость. Рассуждение, написанное для получения степени магистра А. Давидовым. М., 1848 // Современник. 1848. № 4. Отд. III. С. 145—147. [См.: 9. С. 290].

Мельгунов подробно пишет о реалиях Московского университета, в том числе о неинтересном, на взгляд самого Мельгунова, курсе лекций профессора И. Я. Зацепина (оговаривается при этом, что не знает, что сказать «о пользе» самих лекций), уделяя мало внимания другим темам, которые могли быть более интересны читателям. В следующем эпизоде Мельгунов дает большие цитаты из разбираемого курса лекций С. П. Шевырева (из 18 журнальных страниц фельетона 9 занято разбором лекций Шевырева), критикует стратегию его лекций и взгляды<sup>1</sup>.

Решение проблемы описано в том же письме Белинского: «Некр[а]с[о]в прибегает ко мне в отчаянии: так-де и так; поместить вместе с фельетоном нельзя никак, а не поместить — значит оскорбить человека, который так усердствует нашему журналу. Что делать? Подумав, я посоветовал отделить введение и напечатать его в науках. Думаю: надо журналу по возможности давать характер журнала русского, а в статье трактуется о вопросе, для нас, русских, близком и интересном; статью нельзя назвать положительно дурною» [2. С. 354].

Мы видим, что текст Мельгунова отличается от других «больших» текстов из отделов «Критика и библиография» и «Смесь» (например, В. А. Милютина, Г. П. Небольсина), а также изначально предназначавшихся для научного отдела текстов (например, Н. Г. Фролова, М. С. Хотинского). Изначально от Мельгунова ожидали фельетон, который предполагали поместить в отдел «Смесь». В результате материал был напечатан в виде двух текстов: «Несколько слов о Москве и Петербурге» (в отделе «Науки и художества») [5] и в первом разделе «Современных заметок» (в отделе «Смесь») [7]<sup>2</sup>. Появление ча-

<sup>1</sup> Возможно, внимание к Шевыреву было обусловлено личными взаимоотношениями Мельгунова с Шевыревым и натурой Мельгунова. Белинский по этому поводу писал: «Н[иколай] Александрович человек умный и образованный, с кропотливым усердием он следит за всем новым, и нет ничего нового, чего бы не принял он к сведению. Но, по своей натуре, он не в состоянии усвоить себе никакого резко определенного, характеристического образа мыслей. Он примиритель; московский Одоевский. Он чуть не плачет, когда у нас при нем Шевырева называют подлецом (я сам был свидетелем этому), и я уверен, что он тоже чуть не плачет, когда Ш[е]в[ы]р[е]в при нем честит меня по-своему. Ему хотелось бы всех нас свести и помирить» [2. С. 353—354].

<sup>2</sup> Мельгунову принадлежит первый раздел заметок (I), в подзаголовке значится: «700-летие Москвы. — Значение Московского университета. — Публичные курсы московских профессоров. — Петербургские и московские славянофилы».

сти материала в научном отделе было обусловлено форматом текста, негодным для фельетона «Смеси». Редакция нашла выход из положения, поместив в одной книжке два текста Мельгунова, однако дальнейшее постоянное сотрудничество Мельгунова могло стать проблемой и с точки зрения неудобных по формату текстов, и в финансовом отношении. Белинский пишет, что платить автору за тексты такого качества невыгодно: «В отношении к таким статьям деньги — вещь важная и сорить их глупо. Такие статьи для журнала — не лишнее дело (если они не длинны и не часто печатаются), когда за них плата — не деньги, а честь напечатания в хорошем журнале. ... Ты видишь, что статья помещена из деликатности. Похвал мы за нее не слышали, а брань уже слышали. И платить деньги из деликатности! Это именно одна из тех статей, которые так и смотрят даровыми и которые журналист бережет на черный день, чтобы заткнуть недостаток хорошей статьи» [Там же].

Помимо всего прочего, Мельгунов не понимал, что его тексты не соответствуют формату фельетона, жаловался всем на Некрасова и Панаева, что «несправедливо с ним поступили» [9. С. 72], раздробив его «Современные заметки» [Там же. С. 73, 270]. Об этом сообщает Некрасов в письме Белинскому, И. С. Тургеневу и П. В. Анненкову, описывая, что москвичи с юмором отнеслись к жалобам Мельгунова. Однако Мельгунов рассчитывал сотрудничать с журналом и дальше. Редакция же находила такое сотрудничество обременительным, но конфликтовать с автором не хотела: во-первых, Мельгунов достаточно тесно был связан с окружением «Современника»; во-вторых, журнал не мог рисковать и совсем разрывая отношения с сотрудником, который готов поставлять тексты. И издатели решили меньше платить Мельгунову: «Вследствие всего этого мы решились несколько расхолодить усердие Николая Александровича к нашему журналу» [2. С. 357]. Как и рассчитывали редакторы, сотрудничество Мельгунова с «Современником» постепенно прекратилось [4. С. 129—164].

Проблема жанра и формата журнального текста встала перед редакцией не один раз. Если в случае с рецензией Астракова Некрасов только намекает на то, что надо бы покороче, а статью Мельгунова сокращают, разбивают и помещают в разных отделах журнала, то с текстами Фролова (близкого человека Грановскому) дело складывается гораздо хуже: его статья не помещается даже в два номера. По этому поводу Белинский 4—8 ноября 1847 г. из Петербурга пишет Боткину: «Вот статьи г. Фролова, особенно о Гумбольдте, — дру-

гое дело. Редакция “Современника” содрогнулась этой статьи, а напечатала ее потому только, что г. Фролов явился в редакцию с толками о Грановском, одном из исключительных сотрудников “Современника”, как о своем друге. Фролов бесспорно человек хороший, но литератор он плохой. Он холоден, сух, пишет сонно, нескладно и варварским языком. Будь его статья для одного № — еще куда ни шло; а то ведь, кажется, №№ на десять пойдет пугать читателей и подписчиков “Современника”. Ужас! Да еще наделал шуму из того, что статью его напечатали сжато, и насилу убедили его в необходимости поправлять слог его статей. А дали ему по 150 с нашего листа, то есть почти по 200 с листа “Отечественных записок”, тогда как, повторяю, было бы во всех отношениях выгоднее ничего не дать, то есть вовсе не печатать статьи» [2. С. 420]. На недостатки стиля Фролова в письме от 7 ноября 1847 г. указывал и покровительствующий ему Грановский: «Твоя статья очень хороша, только тебе нужно будет... одолеть язык, который тебе не всегда покорен» [10. С. 424].

Несмотря на то что Белинский воспринимал ситуацию с Фроловым как катастрофу, Некрасов, вопреки воле Белинского, печатал статьи Фролова и не критиковал его, потому что не хотел портить отношения с Грановским [2. С. 435] и, возможно, и с другими членами круга «Современника», давно знавшими Фролова (Фролов, например, ранее входил в кружок Н. В. Станкевича [6. С. 169]). Фролов писал Грановскому 10 сентября 1847 г.: «И Пан[аев] и Некр[асов] любезны со мной» [Там же. С. 193], Грановский — Фролову: «Издатели “Современника” исполнены признательности за твое содействие в их журнале» [10. С. 423].

Статьи Мельгунова и Фролова не только породили споры между Некрасовым и Белинским по поводу качества печатаемого материала в журнале, а также были невыгодны в финансовом плане, но и нанесли репутационный ущерб: заставили редакцию «Современника» оправдываться и объясняться по поводу стратегии ведения журнала. В 1850 г. редакция «Современника» публично развернуто отвечает на обвинительные выпады «Отечественных записок»:

*Второе обвинение «Отечественных записок» заключается в том, что «Современник» долго тянет некоторые статьи, не оканчивая их в одном году; это делается, по мнению статейки, с тем, чтобы удержать подписчиков на следующий год (?)... Вот слова «Отечественных записок»: «Современнику» попала прекрасная вещь: «Письма об Испании» г. Боткина, и он тянул эту статью три года <...>. Что и говорить, письма г. Бот-*

*кина — прекрасная вещь, но их можно бы поместить в двух номерах 1847 года, и потому такое протяжение их во времени доказывает неуверенность журналиста иметь такое же сочинение... <...>. Возьмите еще пример из того же «Современника»: статья «Гумбольдт и его “Космос”» Н. Г. Фролова, подразделенная на пять частей (в 1847 г. — две статьи, в 1848 г. — две статьи, в 1849 г. — одна статья), печаталась три года, тогда как она могла очень удобно уместиться в двух книжках 1847 года [8. С. 14—15].*

Некрасов отмечает обвинения («Статьи <...> г. Фролова, печатались в “Современнике”... по мере получения их от» автора [8. С. 15]) и указывает на то, что невозможно было поместить обсуждаемые статьи в то количество номеров, о котором говорят «Отечественные записки», что в «Отечественных записках» появляются статьи еще меньше по объему, чем в «Современнике».

Мы видим, что редакция журнала пыталась сохранить хорошую мину при плохой игре: публично статьи Фролова и Белинский, и Некрасов хвалят; например, Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 г.» называет в перечне «замечательных ученых статей» две статьи Фролова про «Космос» [1. С. 354]. В переписке же выясняется, что Белинский был в ужасе от его текстов, а Некрасов печатает Фролова и Мельгунова, так как хочет сохранить хорошие отношения с окружением «Современника» и особенно с Грановским.

Итак, было несколько причин, по которым на страницах «Современника» периодически появлялись, с точки зрения редакции, неудачные, финансово и репутационно невыгодные журналу тексты. Отметим, что интуиция могла подводить Некрасова (так было позже в случае с текстами Чернышевского) и Белинского (тексты Фролова в результате не были проигрышными в глазах читателей, например А. А. Фет пишет, что увлеченно читал «“Космос” Гумбольдта в переводе Фролова» [11. С. 431]). Однако читательская рецепция — предмет для отдельного исследования, в настоящей работе мы ее не касаемся. Стремление печатать в журнале увлекательно и ярко написанные тексты распространялось на все отделы и было важной чертой нового «Современника». Однако это стремление было трудно реализовать в полной мере: редакция вынуждена была учитывать личные связи и взаимоотношения сотрудников. Кроме того, страх остаться без нужного числа постоянных авторов заставлял редакторов принимать материалы, которые их не устраивали (бывали периоды, когда в распоряжении редакции было мало текстов в принципе, и в этом

случае журнал спасали даже неудачные материалы). В такой ситуации разнородный состав редакции, может быть, не столь единой и сплоченной, как

впоследствии при Чернышевском, одновременно и доставлял большие неудобства, и все-таки иногда спасал ситуацию.

### Список литературы

1. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 10 / В. Г. Белинский. — М., 1956.
2. Белинский, В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. Т. 12 / В. Г. Белинский. — М., 1956.
3. Герцен, А. И. Собр. соч. : в 30 т. Т. 23 / А. И. Герцен. — М., 1961.
4. Евгеньев-Максимов, В. Е. «Современник» в 40—50 гг. От Белинского до Чернышевского / В. Е. Евгеньев-Максимов — Л., [1934].
5. Л. [Мельгунов, Н. А.] Несколько слов о Москве и Петербурге / Л. // Современник. — 1847. — № 4. — Отд. II. — С. 63—74.
6. Литературное наследство. Т. 56. В. Г. Белинский. II. — М., 1950.
7. Н. Л-ский [Мельгунов, Н. А., Штрандман, Р. Р. и ?]. Современные заметки / Н. Л-ский // Современник. — 1847. — № 4. — Отд. IV. — С. 159—198.
8. Некрасов, Н. А. Полн. собр. соч. и писем : в 15 т. Т. 13, кн. 1 / Н. А. Некрасов. — СПб., 1997.
9. Некрасов, Н. А. Полн. собр. соч. и писем : в 15 т. Т. 14, кн. 1 / Н. А. Некрасов. — СПб., 1997.
10. Т. Н. Грановский и его переписка. Т. 2. — М., 1897.
11. Фет, А. А. Ранние годы моей жизни / А. А. Фет. — М., 1893.

### Сведения об авторе

**Чумаченко Елизавета Игоревна** — аспирантка кафедры истории русской литературы филологического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Москва, Россия. [chumachenkoelizaveta@yandex.ru](mailto:chumachenkoelizaveta@yandex.ru)

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 204—209.*

## THE ISSUE OF NIKOLAY NEKRASOV'S EDITORIAL STRATEGY IN THE SECOND HALF OF THE 1840s

*Ye.I. Chumachenko*

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. chumachenkoelizaveta@yandex.ru*

The article explores the “*Sovremennik*” editors’ requirements to the magazine’s materials (reviews and articles) of the late 1840s. The goal of the article is to analyse the editors’ strategy for correction of unsuitable (from the editors’ point of view) materials and for interaction with the authors and to find out why these texts were nevertheless published in the “*Sovremennik*”. In accordance with the goal of the work, the following tasks were identified: to analyse texts written by S.I. Astrakov, N.A. Melgunov and N.G. Frolov, to demonstrate how the editors worked on these texts. The style and the format of texts were important for Nekrasov and Belinsky, but working in the situation when censorship was more important, they had to compromise. The paper reveals why the materials, which were unsuitable according to the editors, appeared in the “*Sovremennik*”. The magazine needed a certain quantity of constant authors; editors were afraid to conflict with the valuable *Sovremennik* figures who were connected with the authors. The paper demonstrates that the heterogeneous composition of the “*Sovremennik*” (in contrast with Chernyshevsky’s “*Sovremennik*” circle) brought difficulties to the editors but saved the magazine at the same time.

**Keywords:** “*Sovremennik*”, *editorial board*, *editorial strategy*, *article*, *review*, *feuilleton*, *N.A. Nekrasov*, *V.G. Belinsky*, *T.N. Granovsky*, *S.I. Astrakov*, *N.A. Melgunov*, *N.G. Frolov*.

### References

1. Belinskiy V.G. *Polnoye sobraniye sochineniy v 13 t. T 10* [Complete Works of Belinsky V.G. in 13 vol. Vol. 10]. Moscow, 1956. (In Russ.).
2. Belinskiy V.G. *Polnoye sobraniye sochineniy v 13 t. T 12* [Complete Works of Belinsky V.G. in 13 vol. Vol. 12]. Moscow, 1956. (In Russ.).

3. Gertsen A.I. *Sobraniye sochineniy v 30 t. T. 23* [Complete Works of Gertsen A.I. in 30 vol. Vol. 23]. Moscow, 1961. (In Russ.).
4. Evgen'ev-Maksimov V.Ye. "Sovremennik" v 40—50 gg. *Ot Belinskogo do Chernyshevskogo* ["Sovremennik" of the 40—50s. From Belinsky to Chernyshevsky]. Leningrad, [1934]. (In Russ.).
5. L. [Mel'gunov N.A.]. *Neskol'ko slov o Moskve i Peterburge* [A few words about Moscow and Petersburg]. *Sovremennik* [Sovremennik], 1847, no. 4, pt. II, pp. 63—74. (In Russ.).
6. *Literaturnoye nasledstvo. T. 56. V.G. Belinskiy. II* [Literary Heritage. Vol. 56. V.G. Belinsky. II]. Moscow, 1950. (In Russ.).
7. N. L-sky. [Mel'gunov N.A., Shtrandman R.R. and ?]. *Sovremennye zametki* [Modern notes]. *Sovremennik* [Sovremennik], 1847, no. 4, pt. IV, pp. 159—198. (In Russ.).
8. Nekrasov N.A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 15 t. T. 13, kn. 1* [Complete Works and letters of Nekrasov N.A. in 15 vol. Vol. 13, book 1]. St. Petersburg, 1997. (In Russ.).
9. Nekrasov N.A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 15 t. T. 14, kn. 1* [Complete Works and letters of Nekrasov N.A. in 15 vol. Vol. 14, book 1]. St. Petersburg, 1997. (In Russ.).
10. *T.N. Granovskiy i ego perepiska v 2 t. T. 2* [T.N. Granovsky and his correspondence in 2 vol. Vol. 2]. Moscow, 1897.
11. Fet A.A. *Ranniye gody moey zhizni* [Early years of my life]. Moscow, 1893.

УДК 81.367.633  
ББК 81.000

## СПЕЦИФИКА ВНЕШНЕЙ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ ОМОНИМИИ ПРЕДЛОГОВ В РУССКОМ ОБЩЕЯЗЫКОВОМ ДИСКУРСЕ<sup>1</sup>

*А. А. Ширшикова*

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,  
Екатеринбург, Россия*

Статья посвящена исследованию внешней функционально-грамматической омонимии предлогов в русском общезыковом дискурсе. Приводятся некоторые факты, освещающие дискуссионность и малую степень изученности проблемы омонимии в современном языкознании. Выделяются понятия внешней и внутренней омонимии. Анализируется «живой» материал по внешней функционально-грамматической омонимии производных и первообразных предлогов, извлеченный из Национального корпуса русского языка, что дает возможность выявить специфику омонимии предлогов в русском общезыковом дискурсе.

**Ключевые слова:** *знаменательные и служебные части речи, предлог, первообразные и производные предлоги, внешняя и внутренняя омонимия, предложно-надежная конструкция, корпусная лингвистика.*

Наука о языке существует более трех тысячелетий и с самого момента возникновения находится в постоянном и достаточно интенсивном развитии. С одной стороны, следует отметить, что многие ключевые языковые проблемы, на протяжении длительного времени занимавшие умы ученых, к настоящему моменту могут считаться решенными (или практически решенными). С другой стороны, нельзя оставить без внимания тот факт, что в современной лингвистике по-прежнему существует немало важнейших, основополагающих вопросов, до сих пор не получивших решения и представляющих непростую загадку для ученых. По нашему мнению, одной из наиболее дискуссионных проблем современного языкознания является проблема омонимии, которая, по меткому выражению А. И. Головни, «стара как лингвистика» [8. С. 3].

Цель настоящей статьи заключается в рассмотрении внешней функционально-грамматической омонимии предлогов, а именно того, что представляет собой данное явление и каким образом находит выражение у производных и непроизводных предлогов в русском общезыковом дискурсе.

Анализ научной литературы, посвященной омонимии и связанным с ней вопросам, свидетельствует о том, что, несмотря на длительную историю изучения, проблема омонимии в современной лингвистике является крайне непростой,

многогранной, вызывает значительное количество противоречий в научных кругах и по-прежнему не находит однозначного решения в трудах отечественных и зарубежных лингвистов.

Интерес к рассмотрению омонимии в разные периоды развития лингвистической науки то ослабевал, то разгорался с новой силой. Явление омонимии отмечено в исследованиях многих видных специалистов в области языка, в том числе в работах А. Х. Востокова, Л. В. Щербы, И. А. Бодуэна де Куртенэ, А. А. Шахматова, а также многих других лингвистов, в зарубежной лингвистике — в трудах В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра, Ш. Балли и ряда других ученых.

Важную роль в изучении омонимов и осознании особой значимости явления омонимии сыграло языкознание XX столетия, когда произошла проблематизация омонимии в исследованиях О. С. Ахмановой, В. В. Виноградова, А. И. Смирницкого, Л. В. Малаховского, О. М. Ким, М. В. Филипенко и других лингвистов, в зарубежной науке — в работах Л. Блумфилда, Дж. Лайонза, Ж. Жильерона, К. Брауна и др.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что подавляющее большинство исследований в области омонимии в отечественной и зарубежной лингвистике было направлено на изучение лексических омонимов. Так, например, особый вклад в изучение омонимии внесла в середине XX в. О. С. Ахманова, которая провела систематическое обследование лексики русского языка именно на предмет лексической омонимии [1]. Можно сказать, что исследование лексической омонимии

<sup>1</sup> Работа выполнена в рамках официально признанной научной школы «Типы знаний и их вербализация в языках. Терминология и терминография» (протокол Президиума РАН № 408 от 27.05.2013).

достаточно серьезно продвинулось в современной науке в сравнении с омонимией грамматической.

История изучения грамматической омонимии восходит к трудам Л. А. Булаховского, который стал одним из первых исследователей, обозначивших вопрос о так называемых *грамматических*, или *морфологических* омонимах. Так, Л. А. Булаховский в 1928 г. публикует статью «Из жизни омонимов», посвященную морфологической омонимии [2].

Исследование грамматической омонимии было продолжено академиком В. В. Виноградовым, который публикует цикл работ об омонимах, в том числе статьи «Об омонимии и смежных явлениях» [4], «О грамматической омонимии в современном русском языке» [3] и «Об омонимии в русской лексикографической традиции» [5]. В данных работах В. В. Виноградов говорит об основных проблемах омонимии, разграничивает понятия лексической и грамматической омонимии, а также выделяет десять типов грамматической омонимии и устанавливает критерии ее определения, но делает это применительно к знаменательным частям речи.

Что касается грамматической омонимии служебных частей речи, В. В. Виноградов затрудняется с определением критериев, отмечая при этом, что «одно и то же слово иногда выступает в таких грамматических функциях, которые настолько далеки, что должны быть признаны по существу своему омонимичными» [3. С. 32]. Иначе говоря, они являются «разными словами, а не разными формами и значениями одного слова» [Там же]. В качестве примера грамматической омонимии В. В. Виноградов приводит слово *прямо*, которое может являться наречием (*идти, ехать прямо*) и усилительной частицей (*прямо беда, прямо невозможно*).

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что если грамматическая омонимия знаменательных частей речи на сегодняшний день демонстрирует некоторую степень изученности (хотя данную проблему по-прежнему никак нельзя назвать полностью решенной), то вопрос о грамматической омонимии служебных частей речи в целом и предлога в частности на современном этапе развития лингвистики еще только ставится. Так, А. М. Чепасова отмечает, что из всех типов семантических отношений предлогов «самыми неизученными... являются омонимические. В отличие от омонимов существительных, прилагательных, глаголов, омонимами предлогов грамматики не занимались» [26. С. 8].

Настоящая статья посвящена изучению *функционально-грамматической омонимии* предлогов, при этом под *функцией* вслед за Ю. А. Левицким,

З. И. Комаровой, С. В. Краевым мы понимаем не синтаксическую роль слова как члена предложения, а его роль в речи, в процессе коммуникации, то есть в *дискурсе* [18. С. 16; 13. С. 39].

Основные *положения методологии и методики* нашего исследования представлены в статье «Теоретико-методологические основы изучения функционально-грамматической омонимии первообразных предлогов в русском общезыковом дискурсе» [15].

Обозначим *теоретическую базу* нашего исследования, которая сложилась под влиянием отечественных и зарубежных лингвистов в следующих основополагающих направлениях:

1. Теория частей речи и знаменательности-служебности позволяет признать предлог *словом*, то есть лексико-грамматической единицей языка и ядерной (по принципу градуальности) служебной частью речи [13].

2. В теории формального, коммуникативного и семантического синтаксиса мы придерживаемся *вербоцентрической концепции предложения/высказывания*, а наиболее весомым признаком предлога считаем его *семантико-функциональный признак*.

3. Учение о падеже, словоизменении, склонении, формообразовании, флексиях и словосочетаниях (А. А. Шахматов, В. В. Виноградов, Е. Курилович, А. А. Зализняк, Т. В. Булыгина, С. Д. Кацнельсон, Н. Ю. Шведова, С. А. Крылов, Е. В. Клобуков, Р. О. Якобсон, Ч. Филлмор и др.) позволяет выявить, во-первых, то, что предлог функционирует в условиях двусторонних синтаксических связей: связь справа — имя в падежной форме, связь слева — глагол (в любой форме) или имя (например, *выйти из помещения; свет в окне*); во-вторых, предлог как нельзя более тесно связан с категорией падежа, а также с флексиями, значения которых он дополняет и уточняет. В сочетании с падежом имен существительных предлог образует единую предложно-падежную конструкцию.

4. Падежная, или «ролевая» грамматика, а также теория валентностей (Ч. Филлмор, У. Л. Чейф, Е. Курилович, Д. Хельберг, Р. О. Якобсон, Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац, В. З. Демьянков, Г. А. Золотова, С. Д. Кацнельсон, М. Д. Степанова и др.) позволяют создать методику выявления *актантов* и *сирконстантов* (термины Л. Теньера) для уточнения семантико-функциональных свойств первообразных предлогов.

5. Теория предлога, полисеманτικότητα и синкретизм предлога (А. М. Бабкин, Р. А. Будагов, М. В. Всеволодова, М. В. Ляпон, С. Е. Никитина, Г. Г. Почепцов, Н. Ю. Шведова, Е. И. Шендельс,

Г. А. Тер-Авакян, Е. А. Рейман, Э. Бенвенист, А. Вежбицка, Ч. Филлмор и др.), что рассматривается в рамках *интерпретационной семантики* [17. С. 106].

6. Все обозначенные теории и учения позволяют считать, что *лексико-грамматическое значение предлога* представляет собой сложную иерархическую систему компонентов разного ранга:

- категориальное значение релятивности — *отношение подчинения*; категориальная сема является самой общей, которой подчинены другие семы. Внешним выражением категориальной семы предлогов является сочетаемость предлогов с другими словами: в отличие от полнозначных слов предлоги функционируют в рамках двусторонних синтаксических связей между зависимым компонентом и управляющим словом;
- субкатегориальные значения служат для уточнения категориального значения и передают *объектные, обстоятельственные и определительные* отношения (М. В. Биньковская, В. С. Бондаренко, М. В. Всеволодова, В. Н. Ерхов, А. А. Загнитко, Е. В. Гальченко, З. И. Комарова, С. В. Краев, Л. И. Ушакова и др.);
- групповые и подгрупповые значения являются еще менее общими и служат для уточнения, конкретизации и дифференциации субкатегориальных значений (Т. Е. Черкасова, М. В. Всеволодова, М. В. Биньковская и др.);
- мини-значения и дифференциальные значения (Т. А. Пантелеева).

7. Теория грамматической омонимии знаменательных и служебных слов, в том числе предлогов (Л. В. Булаховский, В. В. Виноградов, О. М. Ким, З. И. Комарова, С. В. Краев, В. В. Морковкин, Т. А. Пантелеева, Л. А. Милованова, А. И. Авдина и др.), позволила выявить проблему внешней и внутренней омонимии предлогов.

Понятия *внешней* и *внутренней* омонимии были впервые представлены З. И. Комаровой в ходе анализа терминов-омонимов внутри одной терминисистемы, с одной стороны, и терминов и омоструктурных общенародных слов — с другой [11. С. 103—104]. В дальнейшем эти понятия использовались З. И. Комаровой и С. В. Краевым для исследования поля предлогов в подязыке информатики [12. С. 75—87].

*Внутренняя* омонимия предлогов существует в рамках функционально-семантического поля предлогов. Так, явление внутренней омонимии мы наблюдаем у предлогов, способных употребляться более чем с одним падежом имени (на-

пример, предлог  $C^1$ , употребляющийся с именем существительным в родительном падеже, предлог  $C^2$ , употребляющийся с именем существительным в винительном падеже, и предлог  $C^3$ , употребляющийся с именем существительным в творительном падеже, являются омонимичными, так как каждый из этих предлогов обладает собственным, непересекающимся кругом значений на групповом и подгрупповом уровне). В настоящей статье мы не рассматриваем данный вид омонимии предлогов.

Под *внешней* омонимией предлогов мы подразумеваем омонимичные сочетания предлогов и других частей речи [13. С. 150].

Настоящая статья посвящена внешней функционально-грамматической омонимии предлогов в русском общезыковом дискурсе.

Отметим, что предлоги по своему составу являются многочисленным, а также очень неоднородным классом слов. В научной и учебной литературе представлены различные классификации предлогов, выделяемые в зависимости от использования тех или иных критериев. В рамках нашего исследования мы опираемся на традиционную классификацию предлогов согласно критерию *происхождения* и подразделяем все предлоги на *первообразные (первичные)* и *непервообразные (производные)*.

*Первообразные* предлоги можно охарактеризовать как «исконные с генетической точки зрения для данного языка» [19. С. 394]; они не имеют словообразовательных связей со знаменательными словами (иначе говоря, не происходят от знаменательных слов и не принимают участия в формировании знаменательных слов). Первообразные предлоги представляют собой «закрытую группу простейших слов элементарной структуры» [16. С. 369; 24. С. 369—370].

Списочный состав первообразных предлогов можно обозначить следующим образом: *без (безо)* — с род. п.; *в (во)* — с вин. и предл. п.; *для* — с род. п.; *до* — с род. п.; *за* — с вин. и тв. п.; *из (изо)* — с род. п.; *к (ко)* — с дат. п.; *кроме* — с род. п.; *меж, между* — с род. и тв. п.; *на* — с вин. и предл. п.; *над (надо)* — с тв. п.; *о (об, обо)* — с вин. и предл. п.; *от (ото)* — с род. п.; *перед (передо)*, *высок.* и *устар. пред (предо)* — с тв. п.; *по* — с дат., вин. и предл. п.; *под (подо)* — с вин. и тв. п.; *при* — с предл. п.; *про* — с вин. п.; *с (со)* — с род., вин. и тв. п.; *сквозь* — с вин. п.; *у* — с род. п.; *через (черезо)* — с вин. п.

К *производным* (полный список которых в современной научной литературе «пока не представлен» [7. С. 18]) относятся предлоги, генетически связанные с производящими словами (знамена-

тельными частями речи). Почти все производные предлоги характеризуются тем, что «имеют мотивационные отношения с наречиями, существительными и деепричастиями» [23. С. 705] и согласно данному критерию подразделяются на три основные группы: *отыменные, наречные и отглагольные* предлоги.

Что касается *отыменных* предлогов, их происхождение и образование отмечено тем, что «именна существительные переходят в предлоги или через посредство наречий, или минуя наречия» [6. С. 558]. Почти все отыменные предлоги сочетаются с родительным падежом имени. Примерами отыменных предлогов являются *вследствие, наподобие, вместо* и др.

*Наречные* предлоги могут быть двух типов в зависимости от класса наречий, от которых данные предлоги берут свое происхождение.

Так, к первому типу можно отнести предлоги, связанные по происхождению с обстоятельственными наречиями. Примерами таких предлогов являются *близ, вдоль, вне, внутри, внутрь, возле, вокруг, впереди, кругом, мимо, напротив, насупротив, около, окрест, поверх, позади, подле, впереди, после, посреди, прежде, против, поперек, сзади, сквозь, среди*. О. М. Ким отмечает, что «почти 90 % отнаречных предлогов — это предлоги пространственного значения» [10. С. 60].

Ко второму типу наречных предлогов относятся предлоги, которые связаны по происхождению с качественными наречиями. Такие предлоги могут сочетаться с родительным (напр., *относительно, касательно*) и дательным падежом (напр., *подобно, сообразно, соразмерно, согласно, соответственно*).

Говоря об *отглагольных* предлогах, можно отметить, что данная категория относительно многочисленна. В состав отглагольных предлогов русского языка переходят формы деепричастий, сохраняя при этом систему глагольного управления. Примерами отглагольных предлогов являются *благодаря, исключая, включая, выключая, не считая* (с род. п.), *спустя, начиная* (кем — чем или с чего, с кого), *кончая* (чем).

Производные предлоги мы дополнительно подразделяем по формальному признаку на *однословные* и *неоднословные* (также называемые *идиоматизированными* предлогами, или *эквивалентами* предлогов) [7. С. 29]. Примерами таких предлогов являются *в рамках, в виде, в качестве, в процессе, при помощи, с помощью, по отношению к*.

Такова общая классификация предлогов, которой мы придерживаемся в рамках нашего исследования. Далее перейдем непосредственно к рассмотрению явления внешней функционально-

грамматической омонимии различных категорий предлогов.

В качестве эмпирической базы исследования мы используем Национальный корпус русского языка [21].

Для начала рассмотрим примеры внешней функционально-грамматической омонимии производных однословных предлогов как наиболее многочисленной категории предлогов.

Пример 1. *И теперь уже два плача, переплетаясь, пронизывали тайгу — не услышать их здесь, **вблизи стойбища**, оставленного людьми и животными, было невозможно* [Александр Григоренко. «Ильгет. Три имени судьбы» («Урал», 2013)].

Пример 2. ***Вблизи** оказывается, что улицы все же есть, но выются-завиваются по горам, как залиvistые мелодии местных песен, как тесное небо между вершин, как длинные лисьи хвосты в греческих именах и названиях* [Дина Рубина. «Медная шкатулка» (сборник, 2015)].

В примере 1 представлена предложно-падежная конструкция «*вблизи* + имя в родительном падеже», где реализуется категориальное значение отношения, субкатегориальное значение «указания на обстоятельственные отношения» и групповое значение «указания на человека, предмет, место и т. п., на близком расстоянии от которого что-либо совершается, кто- или что-либо находится» (локатив). В примере 2 использовано обстоятельственное наречие места *вблизи*. Таким образом, в вышеуказанных примерах мы наблюдаем внешнюю функционально-грамматическую омонимию производного наречного предлога *вблизи* и наречия места *вблизи*, которое выступает в качестве производящего знаменательного слова по отношению к данному предлогу.

Пример 3. *Северная его граница проходила **вдоль** безымянной реки* [Сергей Довлатов. «Виноград» (1990)].

Пример 4. *Весь район был уже прочесан учеными **вдоль и поперек*** [Александр Голяндин. «Охотники за метеоритами» («Знание — сила», 2003)].

В примере 3 мы имеем дело с предложно-падежной конструкцией «*вдоль* + имя в родительном падеже», где реализуется категориальное значение отношения, субкатегориальное значение «указания на обстоятельственные отношения» и групповое значение «указания на предмет, по длине которого направлено или размещено что-либо» (локатив + директив). В примере 4 мы имеем дело с обстоятельственным наречием места *вдоль*. Таким образом, в вышеприведенных примерах представлена внешняя функционально-грамматическая омонимия производного наречного предлога

*вдоль* и наречия *вдоль*, выступающего в качестве производящего знаменательного слова по отношению к данному предлогу.

Пример 5. *В вашей стране благодаря вашей мудрости и великодушию всюду роскошь, довольство и радость!* [Л. А. Чарская. «Король с раскрашенной картинкой» (1912)].

Пример 6. *Я киваю, благодаря за известие. Появившаяся вдали фара паровоза растет, грозя ослепить меня* [Сергей Ястребов. «Лунная соната» (2007)].

В примере 5 представлена предложно-падежная конструкция «*благодаря* + имя в дательном падеже», где реализуется категориальное значение отношения, субкатегориальное значение «указания на обстоятельственные отношения» и групповое значение «указания на человека, предмет, событие и т. п., которые выступают в качестве положительной причины действия, состояния, то есть причины, способствующей осуществлению того, что одобряется говорящим, оценивается им как нечто положительное, нужное, должное» (каузатив). В примере 6 использовано деепричастие несовершенного вида *благодаря*, которое обозначает дополнительный предикативный признак и употребляется с предлогом *за* в сочетании с винительным падежом существительного. Таким образом, в вышеприведенных примерах мы имеем дело с внешней функционально-грамматической омонимией производного отглагольного предлога и деепричастия.

Далее рассмотрим внешнюю функционально-грамматическую омонимию идиоматизированных предлогов, или эквивалентов предлогов.

Пример 7. *Те, кому положено было его принимать — великий князь Николай Николаевич, свита и генералитет, — сами во главе парадного строя отдали честь павшим* [Гелий Земцов. «Часовни в память о героях Русско-Турецкой войны» («Наука и жизнь», 2009)].

Пример 8. *Во главе шел начальник главной гимнастическо-фехтовальной школы полковник Мордовинов, затем олимпийский комитет, далее стройными колоннами участники в разнообразных костюмах* [«Вторая Российская Олимпиада (1914.07.20)». («Петербургский листок», 1914)].

В примере 7 представлена предложно-падежная конструкция «*во главе* + имя в родительном падеже», где реализуется категориальное значение отношения, субкатегориальное значение «указания на обстоятельственные отношения» и групповое значение «указания на совокупность людей, впереди или в первых рядах которых находится, движется кто- или что-либо» (локатив). В примере 8 использовано наречие места *во главе*. Та-

ким образом, в данных примерах мы имеем дело с внешней функционально-грамматической омонимией идиоматизированного предлога и наречия.

Анализ внешней функционально-грамматической омонимии производных предлогов свидетельствует о том, что омонимия присуща большей части производных однословных предлогов (за сравнительно небольшим исключением). Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что данный вид омонимии носит облигаторный характер для поля производных однословных предлогов. Что касается производных идиоматизированных предлогов, исследование показывает, что внешняя функционально-грамматическая омонимия проявляется у данной категории предлогов достаточно редко и носит скорее точечный, единичный характер.

Далее перейдем к рассмотрению внешней функционально-грамматической омонимии первообразных предлогов.

Пример 9. *Кто из нас в детстве не мечтал стать отважным космическим десантником, сломя голову ныряющим на крошечном катере в мрачную атмосферу неизведанной планеты?* [Павел Михненко. «Мусорщик» («Наука и жизнь», 2009)].

Пример 10. — *На, посмотри,* — сказал Роман, протягивая наконец книжку Ваське, когда все ребята уже просмотрели ее [Г. Г. Белых. «Дом веселых нищих» (1930)].

В примере 9 использована предложно-падежная конструкция «*на* + имя в предложном падеже» с синкретичным объектно-пространственным значением «*средства, способа передвижения*» в сочетании с глаголом передвижения *нырять* (медиатив с локативным оттенком). В примере 10 использовано разговорное междометие *на*, которое употребляется «*при обращении к одному лицу, с которым говорящий на ты, и обозначает призыв к собеседнику взять, принять в руки то, что дает, протягивает говорящий (сопровождает жест передачи, вручения)*». Таким образом, в данных примерах мы имеем дело с внешней функционально-грамматической омонимией первообразного предлога и междометия.

Пример 11. *Когда у Шейных или у Фриессе собиравались близкие знакомые, то после обеда обыкновенно играли в покер, так как обе сестры до смешного любили азартные игры* [А. И. Куприн. «Гранатовый браслет» (1911)].

Пример 12. *С глазами, налитыми кровью, Никанор Иванович занес кулаки над головой жены, хрипя: — У, дура проклятая!* [М. А. Булгаков. «Мастер и Маргарита», часть 1 (1929—1940)].

В примере 11 использована предложно-падежная конструкция «*у* + имя в родительном падеже»,

где реализуется категориальное значение отношения, субкатегориальное значение «указания на обстоятельственные отношения» и пространственное подгрупповое значение «обозначения места по имени лица — хозяйина, владельца (в его семье, доме, во владениях)» (локатив посессивный). В примере 12 использовано междометие *у*, обладающее разговорным значением «восклицания, которое выражает укоризну, угрозу, негодование». В данных примерах мы имеем дело с внешней функционально-грамматической омонимией первообразного предлога и междометия.

Исследование омонимии первообразных предлогов свидетельствует о том, что внешняя функционально-грамматическая омонимия не является обязательной для данной категории предлогов (только некоторые первообразные предлоги являются омонимичными другим частям речи).

Исходя из рассмотренных выше примеров, можно сделать важный вывод о том, что омонимия предлогов проявляется лишь на глубинных уровнях семантики (начиная с групповых и под-

групповых значений). Это объясняет тот факт, почему омонимия предлогов до сих пор не была замечена многими учеными, несмотря на длительные и достаточно интенсивные исследования омонимов.

Кроме того, следует еще раз подчеркнуть, что результаты исследования внешней функционально-грамматической омонимии предлогов различаются в зависимости от категории предлогов. Так, омонимия носит обязательный характер для большей части (но не для всех) производных предлогов, что объясняется их исторической связью с производящими словами. У первообразных предлогов внешняя функционально-грамматическая омонимия проявляется единично, то есть носит точечный, «мозаичный» характер. В этой связи мы считаем возможным поддержать гипотезу З. И. Комаровой и С. В. Краева о том, что точечный характер проявления омонимии может быть связан с «зернистой квантовой передачей информации языковыми единицами» [22. С. 207; 13. С. 155].

### Список литературы

1. Ахманова, О. С. Лексико-семантическое варьирование слова и омонимия как предел такого варьирования / О. С. Ахманова // Очерки по общей и русской лексикологии. — М., 2004. — С. 104—233.
2. Булаховский, Л. А. Из жизни омонимов / Л. А. Булаховский // Русская речь. Вып. 3. — М., 1928. — С. 47—60.
3. Виноградов, В. В. О грамматической омонимии в современном русском языке // В. В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. — М., 1975. — С. 13—32.
4. Виноградов, В. В. Об омонимии и смежных явлениях // В. В. Виноградов. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. — М., 1975. — С. 295—312.
5. Виноградов, В. В. Об омонимии в русской лексикографической традиции // В. В. Виноградов. Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М., 1977. — С. 288—295.
6. Виноградов, В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. — М., 2001.
7. Всеволодова, М. В. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога / М. В. Всеволодова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. — 2003. — № 2. — С. 17—59.
8. Головня, А. И. Омонимия как системная категория языка : монография / А. И. Головня. — Минск, 2007.
9. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. — М., 2011.
10. Ким, О. М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке / О. М. Ким. — Ташкент, 1978.
11. Комарова, З. И. Семантические проблемы русской отраслевой терминологии : дис. ... д-ра филол. наук / З. И. Комарова. — Екатеринбург, 1991.
12. Комарова, З. И. Внешняя и внутренняя омонимия предлогов, функционирующих в подъязыке информатики / З. И. Комарова, С. В. Краев // Язык. Система. Личность : сб. науч. ст. — Екатеринбург, 2007. — С. 75—87.
13. Комарова, З. И. Ядерные служебные слова в русском подъязыке информатики: квантитативно-квалитативное исследование / З. И. Комарова, С. В. Краев. — Екатеринбург, 2008.
14. Комарова, З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике / З. И. Комарова. — М., 2017.
15. Комарова, З. И. Теоретико-методологические основы изучения функционально-грамматической омонимии первообразных предлогов в русском общезыковом дискурсе / З. И. Комарова, А. А. Ширшикова // Вестн. Пятигор. гос. ун-та. — 2017. — № 4 (386). — С. 74—77.

16. Краткая русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. — М., 2002.
17. Крейдлин, Г. Е. О лексикографическом описании служебных слов русского языка / Г. Е. Крейдлин, А. К. Поливанова // *Вопр. языкознания*. — 1987. — № 1. — С. 106—120.
18. Левицкий, Ю. А. Основы теории синтаксиса : учеб. пособие по спецкурсу / Ю. А. Левицкий. — М., 2002.
19. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 2002.
20. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / В. В. Морковкин, Н. М. Луцкая, Г. Ф. Богачева [и др.]. — М., 2003.
21. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ruscorpora.ru>. (дата обращения 20.02.2018).
22. Пиотровский, Р. Г. Текст, машина, человек / Р. Г. Пиотровский. — Л., 1975.
23. Русская грамматика. Т. 1 / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. — М., 1980.
24. Русский язык : энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. — М., 2003.
25. Филипенко, М. В. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях : обзор / М. В. Филипенко // *Исследования по семантике предлогов*. — М., 2000. — С. 12—54.
26. Лексические и фразеологические предлоги в современном русском языке : учеб. пособие / А. М. Чепасова, Т. Г. Голощапова, Н. А. Павлова [и др.]. — М., 2007.

### Сведения об авторе

**Ширшикова Анна Александровна** — старший преподаватель кафедры иностранных языков, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, Россия. [symphonie333@yandex.ru](mailto:symphonie333@yandex.ru)

---

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 210—218.*

## SPECIFIC CHARACTER OF EXTERNAL FUNCTIONAL-GRAMMATICAL HOMONYMY OF PREPOSITIONS IN RUSSIAN COMMON LANGUAGE DISCOURSE

*A.A. Shirshikova*

*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,  
Yekaterinburg, Russia. [symphonie333@yandex.ru](mailto:symphonie333@yandex.ru)*

The article is devoted to the phenomenon of external functional-grammatical homonymy of prepositions in Russian common language discourse. It stresses the importance of the problem of homonymy, points out the controversial status and very low level of knowledge that contemporary linguistics has of homonyms. The article also presents some facts from the history of research of homonyms, defines the notions of external and internal homonymy. It gives examples of external functional-grammatical homonymy of derivative and non-derivative prepositions taken from the Russian National Corpus, which provides an opportunity to bring to light the specific character of prepositional homonymy in Russian common language discourse.

**Keywords:** *notional and functional parts of speech, preposition, non-derivative and derivative prepositions, external and internal homonymy, prepositional-case construction, corpus linguistics.*

### References

1. Akhmanova O.S. Leksiko-semanticheskoye var'irovaniye slova i omonimiya kak predel takogo var'irovaniya [Lexico-semantic variation of the word and homonymy as a limit to this variation]. *Ocherki po obshchey i russkoy leksikologii* [Essays on general and Russian lexicology]. Moscow, 2004. Pp. 104—233. (In Russ.).
2. Bulakhovskiy L.A. Iz zhizni omonimov [From the life of homonyms]. *Russkaya rech. Vyp. 3* [Russian speech. Iss. 2]. Moscow, 1928. Pp. 47—60. (In Russ.).

3. Vinogradov V.V. O grammaticheskoy omonimii v sovremennom russkom yazyke [About grammatical homonymy in modern Russian]. *Izbrannyye trudy. Issledovaniya po russkoy grammatike* [Selected works. Studies on Russian grammar]. Moscow, 1975. Pp. 13—32. (In Russ.).
4. Vinogradov V.V. Ob omonimii i smezhnykh yavleniyakh [About homonymy and closely-related phenomena]. *Izbrannyye trudy. Issledovaniya po russkoy grammatike* [Selected works. Studies on Russian grammar]. Moscow, 1975. Pp. 295—312. (In Russ.).
5. Vinogradov V.V. Ob omonimii v russkoy leksikograficheskoy traditsii [About homonymy in the Russian lexicographic tradition]. *Izbrannyye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected works. Lexicology and lexicography]. Moscow, 1977. Pp. 288—295. (In Russ.).
6. Vinogradov V.V. *Russkiy yazyk (Grammaticheskoye ucheniye o slove)* [The Russian language. Grammatical teaching about the word]. Moscow, 2001. (In Russ.).
7. Vsevolodova M.V. K osnovaniyam funktsional'no-kommunikativnoy grammatiki russkogo predloga [Towards the fundamentals of the functional-communicative grammar of the Russian preposition]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*. [Bulletin of Moscow State University. Series 9. Philology], 2003, no. 2, pp. 17—59. (In Russ.).
8. Golovnya A.I. *Omonimiya kak sistemnaya kategoriya yazyka* [Homonymy as a systemic category of language]. Minsk, 2007. (In Russ.).
9. Zolotova G.A. *Sintaksicheskiy slovar': Repertuar elementarnykh yedinit russkogo sintaksisa* [Syntactic Dictionary: Repertoire of elementary units of Russian syntax]. Moscow, 2011. (In Russ.).
10. Kim O.M. *Transpozitsiya na urovne chastey rechi i yavleniye omonimii v sovremennom russkom yazyke* [Transposition on the level of parts of speech and the phenomenon of homonymy in modern Russian]. Tashkent, 1978. (In Russ.).
11. Komarova Z.I. *Semanticheskiye problemy russkoy otraslevoy terminografii* [Semantic problems of Russian sectoral terminography. Thesis]. Yekaterinburg, 1991. (In Russ.).
12. Komarova Z.I., Kraev S.V. Vneshnyaya i vnutrennyaya omonimiya predlogov, funktsioniruyushchikh v pod'yazyke informatiki [External and internal homonymy of prepositions functioning in the sublanguage of information science]. *Yazyk. Sistema. Lichnost'* [Language. System. Personality]. Yekaterinburg, 2007. Pp. 75—87. (In Russ.).
13. Komarova Z.I., Kraev S.V. *Yadernye sluzhebnye slova v russkom pod'yazyke informatiki: kvantitativno-kvalitativnoye issledovaniye* [Core functional words in the Russian sublanguage of information science: quantitative-qualitative research]. Yekaterinburg, 2008. (In Russ.).
14. Komarova Z.I. *Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Methodology, method, technique and technology of linguistic research]. Moscow, 2017. (In Russ.).
15. Komarova Z.I., Shirshikova A.A. Teoretiko-metodologicheskiye osnovy izucheniya funktsional'no-grammaticheskoy omonimii pervoobraznykh predlogov v russkom obshcheyazykovom diskurse [Theoretical and methodological fundamentals of studying functional-grammatical homonymy of non-derivative prepositions in Russian common language discourse]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Pyatigorsk State University], 2017, no. 4 (386), pp. 74—77. (In Russ.).
16. Shvedova N.Yu., Lopatin V.V. (eds.). *Kratkaya russkaya grammatika* [Brief Russian Grammar]. Moscow, 2002. (In Russ.).
17. Kreydlin G.E., Polivanova A.K. O leksikograficheskom opisani sluzhebnykh slov russkogo yazyka [On lexicographic description of Russian functional words]. *Voprosy yazykoznaniiya* [The Issues of Linguistics], 1987, no. 1, pp. 106—120. (In Russ.).
18. Levitskiy Yu.A. *Osnovy teorii sintaksisa* [The fundamentals of the theory of syntax]. Moscow, 2002. (In Russ.).
19. Yartseva V.N. (ed.). *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 2002. (In Russ.).
20. Morkovkin V.V., Lutskeya N.M., Bogacheva G.F. [et al.]. *Ob'yasnitel'nyy slovar' russkogo yazyka: Strukturnye slova: predlogi, soyuzy, chastitsy, mezhdometiya, vvodnye slova, mestoimeniya, chislitel'nye, svyazochnye glagoly* [Explanatory dictionary of the Russian language: Structural words: prepositions, conjunctions, particles, interjections, parenthetical words, pronouns, numerals, linking verbs]. Moscow, 2003. (In Russ.).
21. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>, accessed 20.02.2018. (In Russ.).

22. Piotrovskiy R.G. *Tekst, mashina, chelovek* [Text, machine, human being]. Leningrad, 1975. (In Russ.).
23. Shvedova N.Yu. (ed.). *Russkaya grammatika. T. 1* [Russian Grammar. Vol. 1]. Moscow, 1980. (In Russ.).
24. Karaulov Yu.N. (ed.). *Russkiy yazyk: entsiklopediya* [The Russian Language: Encyclopaedia]. Moscow, 2003. (In Russ.).
25. Filipenko M.V. Problemy opisaniya predlogov v sovremennykh lingvisticheskikh teoriyakh [The problems of description of prepositions in the modern linguistic theories]. *Issledovaniya po semantike predlogov* [Research into the semantics of prepositions]. Moscow, 2000. Pp. 12—54. (In Russ.).
26. Chepasova A.M., Goloshchapova T.G., Pavlova N.A. [et al.]. *Leksicheskiye i frazeologicheskiye predlogi v sovremennom russkom yazyke* [Lexical and phraseological prepositions in modern Russian]. Moscow, 2007. (In Russ.).

---

---

## РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

---

---

*Вестник Челябинского государственного университета.*  
2018. № 6 (416). Филологические науки. Вып. 113. С. 219—223.

### ДЕВЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ»<sup>1</sup>

**Е. А. Юхмина**

*Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия*

Представлен рассказ о конференции, проведенной на факультете лингвистики и перевода Челябинского государственного университета 18—20 апреля 2018 г. Освещаются основные проблемы и направления ее работы, пленарные доклады, мастер-классы.

**Ключевые слова:** обзор конференции, лингвистика, межкультурная коммуникация, когнитивный, прагматический, культурологический аспект.

Вопросы взаимоотношения языка, культуры и общества всегда актуальны. В связи с распространением новейших технологий по всему миру и ускорением информационного обмена происходит глобализация не только экономического, но и лингвокультурологического плана. Восприимчивости к обновленному лингвокультурному коду, как отмечает А. И. Уткин, способствует сегодняшняя непривязанность глобальной культуры «ни к определенному месту, ни к четко ограниченному историческому периоду»<sup>2</sup>. Научная мобильность, взаимопроникновение и взаимообогащение культур, экономическая интеграция, языковые заимствования сегодня как никогда способствуют развитию научной мысли. Ведущие российские и зарубежные ученые заняты поиском инновационных подходов в лингвистике, наблюдают за взаимодействием культур, изучают дискурс как объект междисциплинарного исследования, решают актуальные проблемы перевода, переводоведения и методики преподавания перевода, занимаются теорией и практикой обучения иностранным языкам. Именно эти, наиболее интересные для исследователей вопросы активно обсуждались в рамках IX Международной научной конференции,

*Язык — живая динамическая система, развивающаяся и непрерывная во времени и пространстве.*

**Й. Вахек (1948)**

прошедшей 18—20 апреля 2018 г. на факультете лингвистики и перевода Челябинского государственного университета.

Конференция «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» на протяжении многих лет является платформой для обсуждения самых разнообразных направлений исследований в лингвистике, переводоведении и области высшего образования. Конференция проводится каждые два года на базе факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета. Количество желающих принять участие в конференции увеличивается с каждым годом. В 2018 г. заявки на участие прислали 347 ученых, преподавателей, аспирантов, магистрантов из ведущих вузов России, ближнего (Казахстан) и дальнего (Польша, США, Германия, Бразилия, Китай) зарубежья, 244 из которых представили свои статьи к публикации.

В ходе конференции состоялось три пленарных заседания, работали пять секций, дискуссионные площадки, мастер-классы, круглые столы, публичные лекции, были представлены стендовые доклады. Для желающих в рамках конференции проведены курсы повышения квалификации по направлению: «Психолого-педагогическая подготовка преподавателя вуза».

Торжественное открытие конференции началось с приветственного слова ректора Челябинского государственного университета, доктора психологических наук, профессора Дианы Александровны Циринг и декана факультета лингвистики и перевода

---

<sup>1</sup> Конференция проводилась при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (договор № 18-012-20010/18), фонда перспективных научных исследований ФГБОУ ВО «ЧелГУ», 2018.

<sup>2</sup> Уткин, А. И. Новый мировой порядок (<http://e-libra.su/read/353109-novij-mirovoj-poryadok.html>; дата обращения 23.04.2018).

ЧелГУ доктора филологических наук, профессора Лилии Амириновны Нефедовой (рис. 1).

Первое пленарное заседание было посвящено проблемам эффективной коммуникации в меж-

культурном аспекте, а также вопросам изучения дискурса. Доктор филологических наук, профессор Российского университета дружбы народов (Москва) Татьяна Викторовна Ларина (рис. 2)



Рис. 1. Д. А. Циринг (справа) и Л. А. Нефедова. Приветственное слово



Рис. 2. Выступление Т. В. Лариной

отметила, что для эффективного межкультурного взаимодействия важно знать не только, какое

поведение является вежливым в той или иной культуре, но и иметь представление о том, что считается невежливым. В своем докладе Татьяна Викторовна рассмотрела некоторые теоретические вопросы, касающиеся взаимоотношений вежливости, невежливости и грубости, охарактеризовала типы невежливости на примере английской и русской коммуникативных культур и показала роль контекста в определении (не)вежливости.

Доктор филологических наук, профессор Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского Оксана Сергеевна Иссерс рассмотрела дискурсивные практики в сфере гостиничного бизнеса. Доктор филологических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета (Москва) Евгения Наумовна Басовская осветила тему «Радиодискурс XXI века: утрата стилиевой идентичности?». Евгения Наумовна отметила, что язык радио остается наряду с языком других средств массовой информации важнейшей творческой лабораторией, в которой создаются и отрабатываются новые экспрессивные возможности и постоянно стиму-

лируется развитие русского языка. Завершала первое пленарное заседание доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного педагогического университета Любовь Александровна Козлова с докладом «Модальность речевого акта как манифестация специфики этностиля коммуникации» (рис. 3). Любовь Александровна пришла к выводу, что значительная роль в формировании национального стиля коммуникации принадлежит категории модальности как одной из наиболее антропоцентрических категорий.



*Рис. 3. Л. А. Козлова представляет доклад «Модальность речевого акта как манифестация специфики этностиля коммуникации»*

В первый день работы конференции прошли заседания следующих секций: «Инновационные подходы в лингвистике XXI века», «Языковая картина мира и взаимодействие культур», «Дискурс как объект междисциплинарного исследования», «Актуальные проблемы перевода, переводоведения и методики преподавания перевода», «Теория и практика обучения иностранному языку», на которых был представлен широкий спектр докладов по различным проблемам. Все секционные заседания прошли плодотворно, в творческой дружеской атмосфере. Модераторы секций стимулировали активное обсуждение каждого доклада, все участники с удовольствием подключались к дискуссии, выступали со своими идеями. Молодые ученые, аспиранты, магистранты и студенты получили мощный стимул для развития своих исследовательских работ в дальнейшем.

После завершения работы секций последовал мастер-класс Татьяны Викторовны Лариной «Пуб-

ликации, индексируемые WoS и Scopus: вызов для российских ученых?», который привлек большое количество слушателей. Ведь каждый исследователь желает поделиться результатами своей работы с мировым сообществом, опубликовав их в базе Web of Science / Scopus. На мастер-классе речь шла о том, как правильно оформить публикацию, как ее структурировать, как подобрать название и т. д. Татьяна Викторовна дала много ценных советов начинающим исследователям.

Второе пленарное заседание открыла преподаватель Пермского национального исследовательского политехнического университета доктор филологических наук Людмила Вениаминовна Кушнина с выступлением «Современная эпистема перевода». Людмила Вениаминовна предложила новый подход к анализу процесса перевода, в основу которого положена идея эпистемической ситуации, разрабатываемая Пермской школой функциональной стилистики. Как отметила Людмила Вениаминовна, эпистемологическое освещение перевода позволит представить его системный характер, что приведет к выявлению закономерностей, обуславливающих успешное протекание данного процесса, и что наглядно проиллюстрировано на примере синергетической модели перевода.

Доктор филологических наук, профессор Челябинского государственного университета Татьяна Александровна Воронцова в своем докладе «Квазиагрессия в межличностном общении» рассмотрела речевые ситуации, при которых агрессивное по психологическим и языковым параметрам высказывание не содержит деструктивных намерений по отношению к адресату. Такие речевые акты она рассматривает не как разновидность речевой агрессии, а как квазиагрессию. Следующий докладчик, Рафаэль Торрес Гомес Моррейро (Сан-Паулу, Бразилия), поделился своим опытом обучения иностранным языкам в разных странах. И завершал пленарное заседание преподаватель Сибирского федерального университета (Красноярск) кандидат филологических наук Андрей Александрович Яковлев с выступлением «Что нужно для общей теории языкового сознания?». Андрей Александрович рассмотрел теоретико-методологические предпосылки для создания общей теории языкового сознания.

Во второй день конференции продолжилась работа пяти секций, а также был проведен круглый стол «Тенденции изменения языкового сознания», мастер-класс «Невербальный компонент общения в устном переводческом дискурсе» (Елена Юрьевна Мощанская, кандидат филологических наук, доцент Пермского национального

исследовательского политехнического университета) и состоялись публичные лекции «Социокультурные факторы достижения коммуникативного согласия в речевом жанре уговаривания» (Елена Николаевна Азначева, доктор филологических наук, профессор; Юлия Вахтанговна Мамонова, кандидат филологических наук, доцент Челябинского государственного университета), «Репрезентация феномена миграции в Британском национальном корпусе» (Наталья Николаевна Кашкарова, доктор филологических наук, доцент Южно-Уральского государственного университета), представлены стендовые доклады, работала дискуссионная площадка.

Третье пленарное заседание началось с выступления доктора филологических наук, профессора Челябинского государственного университета Марины Викторовны Загидуллиной на тему «Судьба языка как базового медиума в свете истории коммуникационных технологий». Марина Викторовна выдвигает концепцию «усталости от языка» и «усталости языка», а также — в свете неизбежной смены базового медиума — предлагает свое видение перспектив лингвистики как научной дисциплины. Следующий выступающий — доктор филологических наук, профессор Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета Александра Анатольевна Миронова в своем докладе отметила, что в связи с развитием массового туризма в современной России, изменением туристических направлений, появлением новых явлений и понятий (пакет, чартер, тур, «все включено», «шведский стол», джип-сафари) востребованной оказывается туристическая реклама. Александра Анатольевна рассмотрела языковые особенности туристической рекламы с точки зрения диахронической стилистики. Кандидат филологических наук, доцент Пермского национального исследовательского политехнического университета Елена Юрьевна Мощанская представила доклад на тему «Дискурс медицины

катастроф в межкультурном и переводческом аспекте». Преподаватель Челябинского государственного университета доктор филологических наук Наталья Сергеевна Олизько завершала третье пленарное заседание. Она остановилась на проблеме семиотико-когнитивной трактовки постмодернистского мифа.

В последний день работы конференции были подведены итоги. IX Международная научная конференция стала настоящей инновационной площадкой обмена опытом, поиска нестандартных идей и подходов к решению лингвистических, переводческих и методологических проблем. Она способствовала установлению новых связей в научном мире и, что важно, привлекла внимание молодых ученых, магистрантов, студентов к научно-исследовательской работе. Представители различных научных школ и направлений активно обменивались своими контактными данными для начала совместной работы над новыми проектами.

По результатам работы конференции изданы два сборника материалов. Первый сборник в двух томах<sup>1</sup> опубликован в издательстве Челябинского государственного университета, проиндексированном в базе научного цитирования РИНЦ. Второй сборник вышел в серийном издании *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences* (EpSBS; Европейские труды социальных и поведенческих наук), проиндексированном в базе *Web of Science*. В сборниках освещаются общетеоретические вопросы функциональных и прикладных проблем языкознания, перевода и методики обучения иностранным языкам, рассматриваются способы отражения языковой картины мира в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах.

<sup>1</sup> Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы IX Международ. науч. конф., Челябинск, 18—20 апр. 2018 г. : в 2 т. / отв. ред. Л. А. Нефедова. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2018. — Т. 1. — 247 с.; Т. 2. — 220 с.

### Сведения об авторе

**Елена Александровна Юхмина** — автор-корреспондент, кафедра делового иностранного языка факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. [alen\\_vitamin@mail.ru](mailto:alen_vitamin@mail.ru)

*Bulletin of Chelyabinsk State University.*

2018. No. 6 (416). *Philology Sciences. Iss. 113. Pp. 219—223.*

## **THE 9<sup>th</sup> INTERNATIONAL CONFERENCE: WORD, UTTERANCE, TEXT IN COGNITIVE, PRAGMATIC AND CULTURAL ASPECTS**

***Ye.A. Yukhmina***

*Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. alen\_vitamin@mail.ru*

The present review covers the 9<sup>th</sup> International Conference on Linguistics, a gathering that is held biannually in Chelyabinsk, Russia. The paper highlights the main topics that were the focus of plenary sessions, oral sessions and master-classes.

**Keywords:** *conference summary, linguistics, intercultural communication, cognitive, pragmatic, cultural aspect.*

---

---

## ОБЪЯВЛЕНИЕ О РЕТРАКЦИИ

---

---

2018 г.

**Отзыв из печати статьи А. Ш. Абдуллиной и Е. Э. Латыповой  
«Женские образы в прозе Л. Улицкой» //  
Вестник Челябинского государственного университета. — 2017. —  
№ 3 (399). — Филологические науки. Вып. 105. — С. 7—14**

Статья, опубликованная в научном журнале «Вестник Челябинского государственного университета. (2017. № 3 (399). Филологические науки. Вып. 105. С. 7—14) под названием «Женские образы в прозе Л. Улицкой», авторами которой являются Абдуллина Амина Шакирьяновна и Латыпова Елена Эдуардовна, отзывается из печати по заявлению авторов.

Изъятие (ретракция) публикации обусловлено выявлением дублирующих публикаций «О женском в повести “Сонечка” Л. Улицкой» и «Материнство в ценностной системе романа Л. Е. Улицкой “Медея и ее дети”» в журнале: Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8-1 (74). С. 9—11; № 10-1 (76). С. 33—35.